

**СОВРЕМЕННАЯ
ГЕРМАНИСТИКА
И
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

Выпуск 5

ФЛИНТА

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова»

СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМАНИСТИКА И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Коллективная монография

Выпуск 5

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2023

УДК 811.11; 821.11; 821.13
ББК 83.3(4)6
С56

Рецензенты:

Петренко Александр Демьянович
д.ф.н., профессор, директор Института филологии
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь

Цветкова Марина Владимировна
д.ф.н., профессор департамента литературы
и межкультурной коммуникации
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», Нижний Новгород

**Современная германистика и западноевропейская
С56 литература** (= Modern Germanic Philology and West-European
Literature) : коллективная монография. Вып. 5 / отв. ред.
А. В. Иванов. — Москва : ФЛИНТА, 2023. — 328 с.

ISBN 978-5-9765-5437-5

Монография является пятым выпуском из серии ежегодников «Современная германистика и западноевропейская литература». Серия создана по инициативе диссертационного совета 24.2.344.02 при Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н. А. Добролюбова.

Издание подготовлено коллективом авторов — членами диссертационного совета, а также учеными из различных вузов России, участвующими в деятельности совета, и включает работы, посвященные различным теоретическим аспектам германистики и проблемам западноевропейской литературы.

Адресовано широкому кругу лингвистов и литературоведов, интересующихся вопросами германской и — шире — западноевропейской филологии.

УДК 811.11; 821.11; 821.13
ББК 83.3(4)6

ISBN 978-5-9765-5437-5

© Коллектив авторов, 2023
© НГЛУ, 2023
© Издательство «ФЛИНТА», 2023

Авторский коллектив:

Аверкина С. Н. (гл. 2.1)
Байкова А. В. (гл. 1.1)
Байкова О. В. (гл. 1.1)
Бибер С. (гл. 1.8)
Бухаров В. М. (гл. 1.1)
Валери М. (гл. 1.4)
Васильева М. А. (гл. 1.4)
Голубева К. Г. (гл. 1.4)
Голубева Н. А. (гл. 1.2)
Егорова В. Н. (гл. 1.10)
Иванов А. В. (гл. 1.3)
Иванова Р. А. (гл. 1.3, 1.4)

Карпова О. М. (гл. 1.5)
Кобенко Ю. В. (гл. 1.6)
Королева С. Б. (гл. 1.7)
Крюкова Н. Ф. (гл. 1.1)
Левицкий А. Э. (гл. 1.8)
Логинова А. А. (гл. 2.1)
Малыгин В. Т. (гл. 2.2)
Никонова Ж. В. (гл. 1.9)
Постникова С. В. (гл. 1.10)
Тырыгина В. А. (гл. 1.11)
Юрченкова Е. Ю. (гл. 1.6)

От редакции

Пятый выпуск коллективной монографии, выходящей в серии «Современная германистика и западноевропейская литература», посвящен широкому кругу проблем лингвистики и литературоведения. Авторами этого выпуска традиционно выступили ученые Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, являющиеся членами диссертационного совета 24.2.344.02 по научной специальности 5.9.6. «Языки народов зарубежных стран (германские языки)», а также коллеги из вузов Москвы, Владимира, Иваново, Томска, Твери, Кирова, принимающие участие в работе совета.

В раздел I «Актуальные проблемы современной лингвистики», среди прочего, вошли главы, посвященные различным видам дискурса. Проблематика, связанная с криминалистическим дискурсом, установлением роли и места лингвистической экспертизы в уголовном процессе, методологией ее проведения, раскрывается в главе 1.1. Кинодискурс лег в основу исследований сравнительно-культурологического и социолингвистического характера в главах 1.8 и 1.11. В главе 1.8. рассмотрены образы немцев и австрийцев в кинофильмах конца XX — начала XXI в., установлены и проанализированы существенные изменения в репрезентации и восприятии этих образов. В русле проблем социально-профессиональной дифференциации языка в главе 1.11 на материале американского кинодискурса исследуется профессиональный социолект американских полицейских.

Проблематика функционального и прагматического потенциала языковых единиц затронута в главах 1.6, 1.9 и 1.10. В главе 1.9. на материале современного немецкого языка раскрывается функционально-прагматический потенциал элативов, выраженных существительными и субстантивными словосочетаниями, в то время как в главе 1.10 предметом изучения становятся единицы периферийных сегментов языковой системы и прагматический потенциал, реализуемый этими единицами в лингвокоммуникативном пространстве.

Функциональный подход к анализу языковых явлений лег также в основу исследования, посвященного средствам создания юмора и сатиры в немецком литературном языке (глава 1.6).

Предлагаемый анализ выполнен с опорой на сегментацию (фракционирование) репертуара упомянутых средств в соответствии с решаемой ими экспрессивной задачей.

Глава 1.2 продолжает ряд исследований, затрагивающих вопросы функционирования прецедентных единиц на категориальном уровне, и посвящена изучению семантики прецедентных языковых знаков — концессивов.

В рамках разработки проблем логического синтаксиса в главе 1.3 представлено исследование, в котором решается задача моделирования модусной структуры немецкого сложноподчиненного предложения с различными типами логического предиката, раскрываются понятия модально-диктальной конструкции, лексико-грамматических индексов, их роль в организации сложного предложения.

Глава 1.5 предлагает читателю описание новых тенденций в современной английской терминографии. Объектом изучения выступают терминологические словари и справочники, появившиеся в условиях цифровизации и изменений в научной терминологической парадигме, исследуются проблемы их составления.

В главе 1.7 затронуты вопросы художественного перевода. На материале переводов пушкинских произведений Морисом Бэрингом автор предпринимает попытку проанализировать особенности восприятия писателем-переводчиком творчества переводимого автора с учетом смысловых изменений, которые сам переводчик вплетает в ткань переводимого произведения.

Раздел II монографии включает две главы, посвященные прикладным аспектам современного литературоведения.

В главе 2.1 рассмотрены особенности функционирования мифологемы полета в творчестве Гете и Пушкина. Целью исследования является изучение типологических сходжений в произведениях этих классиков мировой литературы. Сопоставительное изучение их творчества приводит к выводу об универсальном, «надлитературном» характере их текстов.

Объектом культурологического и литературоведческого анализа в главе 2.2. выступает визуальная поэзия, представляющая собой синтез искусств, поскольку визуальный поэтический текст является, по сути, результатом двух видов деятельности:

поэтической (вербальной) и изобразительной (невербальной). Центральное место в исследовании занимает творчество Андрея Вознесенского как одного из известных отечественных поэтов, работавших в этом жанре.

Редакция извещает авторов о том, что пятый выпуск монографии «Современная германистика и западноевропейская литература» завершает эту серию ежегодников. В связи с открытием в 2023 году при Нижегородском государственном лингвистическом университете диссертационного совета 24.2.344.03 по научным специальностям 5.12.3. «Междисциплинарные исследования языка (филологические науки)» и 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)» в 2024 году планируется начать выпуск новой серии ежегодников под названием «Современная лингвистика: междисциплинарные исследования». Редакция приглашает к сотрудничеству и плодотворной совместной работе членов действующих диссертационных советов НГЛУ и коллег из других вузов, участвующих в работе советов.

Раздел I
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

1.1. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК АНАЛИЗ ЯЗЫКА В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Введение

Дискурс, являясь социально-культурным феноменом, важен для понимания общественных отношений и процессов. Он зависит от контекста, а на его содержание и форму влияют культурные и социальные факторы: политические убеждения, гендерные и социальные стереотипы. Необходимо отметить, что понятие дискурса можно трактовать достаточно широко. Обычно под дискурсом понимают коммуникативно-речевую практику обсуждения и доказательства мыслительных моделей о сущем. Дискурсом может являться связный текст, частный случай текста и несколько текстов. Нужно отметить, что дискурс всегда является текстом, но не всякий текст является дискурсом. Сложности в этом вопросе связаны с тем, что в 70-е гг. XX в. текст и дискурс в лингвистике текста отождествлялись (СУЛЕЙМАНОВА 2009).

Под криминалистическим дискурсом понимают область знаний, связанных с изучением преступлений и их последствий, а также с методами и техниками, используемыми для их расследования и предотвращения. Этот дискурс объединяет в себе знания из таких областей как криминалистика, право, социология, психология и другие науки, связанные с изучением преступности (СУХОДОЛОВ & МОСКОВЦЕВ 2019: 181).

Криминалистический дискурс является необходимой частью общесоциального дискурса о преступности, поскольку для общества важно знать профессиональную информацию о преступности. Благодаря криминалистическому дискурсу можно получить лучшее представление о его участниках и их позициях, выявить обсуждаемость данной темы в обществе. Необходимость совершенствования криминалистического дискурса связана с тремя факторами. Во-первых, растет потребность в информации, необходимой для формирования представлений о реальном уровне угроз. Во-вторых, изменяется динамика и структура преступности: могут появиться новые виды преступлений, которые сложно зафиксировать. В-третьих, общество стремится к избавлению от преступности во всех сферах для безопасной жизни. Необходимо

отметить, что идея выделения криминалистического дискурса связана с тем, что необходим детальный, квалифицированный подход к вопросам, связанным с преступностью. Криминология стремится к тому, чтобы предоставлять обществу необходимые знания и регулярную информацию об уголовном праве (ЖАЛИНСКИЙ 2003: 93).

В криминалистическом дискурсе актуальным является разработка требований к предоставлению информации, характеру аргументов и фактам. Динамика дискурса проявляется в том, что участники дискурса должны прийти к некоторому соглашению относительно обсуждаемого предмета (*ibid.*: 13).

Таким образом, в криминалистике, как науке об уголовных делах, целью которых является выявление признаков преступлений, под дискурсом понимаются знания о преступности и их последствиях, а также способы раскрытия преступлений.

1. Лингвистическая экспертиза как часть языковедческого анализа

Лингвистическая экспертиза представляет собой одну из частей анализа, которая направлена на изучение языковых данных с целью выявления их значений и смысловых оттенков, а также на оценку соответствия текста определенным языковым, стилистическим и лингвокультурным нормам (ШАГИЕВА 2020: 124). В связи с расширением использования технических средств фиксации не только письменной, но и устной речи в судебной практике растет потребность в решении задач, связанных с проблематикой речевой деятельности.

Судебная лингвистическая экспертиза — это процессуально регламентированное лингвистическое исследование устных и письменных текстов, которое проводится с целью выявления достоверности или ложности языковых данных и фактов. Заключение, полученное в результате судебной лингвистической экспертизы, можно использовать в качестве доказательства в судебном процессе. Таким образом, ее проведение является важным инструментом в судебной практике. Без надлежащего исследования устных и письменных текстов не удастся полно и всесторонне рассмотреть уголовное дело. Несмотря на то, что назначение лингви-

стической экспертизы не является обязательным в уголовно-процессуальном кодексе, по сложным уголовным делам с несколькими эпизодами такое исследование часто бывает необходимым.

При рассмотрении уголовных дел могут выделяться несколько составов преступлений, где может потребоваться лингвистическая экспертиза. Она может назначаться в тех случаях, когда необходимо определить в тексте наличие клеветы, оскорблений, угроз, экстремизма, мошенничества, нарушения авторских прав, ложных сведений или обмана. При анализе текста на наличие клеветы и оскорблений специалисты изучают текст на предмет наличия в нем негативных оценок, которые могут повлиять на репутацию потерпевшего. Для определения угроз в тексте анализируется контекст и степень риска, связанного с угрозами. При изучении текста на наличие в нем пропаганды ненависти исследователи определяют, содержатся ли в нем призывы к насилию или дискриминации на основе расы, национальности, религии или пола. Когда необходимо определить мошенничество в документах, текст проверяют на подлинность. Для обнаружения нарушения авторских прав необходимо определить, был ли спорный текст скопирован или изменен без разрешения автора. Лингвистическая экспертиза применяется при анализе речей лиц, подозреваемых в уголовных преступлениях. Для этого необходимо обращать внимание на то, какие слова и грамматические конструкции использовал допрашиваемый.

В процессе лингвистической экспертизы проводится анализ состава языковых единиц спорного текста: слов, словосочетаний, фразеологизмов, грамматических форм, морфологических и синтаксических категорий. Устанавливается соответствие языковых единиц, использованных в спорном тексте действующим нормам литературного языка. Определяется мера точности выбора и мотивированности употребления слова, фразеологизма, грамматической формы, синтаксической конструкции в данном контексте.

К объектам лингвистической экспертизы относятся продукты речевой деятельности: устные и письменные тексты, зафиксированные на материальном носителе. Объект лингвистической экспертизы рассматривается как сложная система, состоя-

щая их трех компонентов: материальный носитель, источник информации, передача информации от источника к носителю (Никишин 2020: 82). Предмет лингвистической экспертизы необходимо рассматривать в двух аспектах. С одной стороны, предмет представляет собой речевое поведение говорящего, а с другой — это реакция того, кто воспринимает и понимает продукт речевой деятельности (БРИНЕВ 2009: 51). Целью судебной лингвистической экспертизы является определение истинности или ложности, возможности или невозможности информации, содержащейся в тексте.

При проведении судебной лингвистической экспертизы выполняется множество задач. Среди них обычно выделяют следующие: во-первых, установление смыслового содержания спорного текста; во-вторых, анализ жанровых композиционных, лексических и грамматических особенностей текста; в-третьих, оценка оригинальности, новизны, индивидуальности коммерческих имен и, в-четвертых, интерпретация расследования преступлений в рамках криминалистики (ГАЛЯШИНА 2003: 7).

Лингвистическая экспертиза связана с другими видами судебных экспертиз. Она может быть назначена совместно с компьютерно-технической экспертизой в случаях, когда необходимо исследовать содержание сайта в Интернете, доменные имена, компьютерный сленг, письма в электронной почте. Она может назначаться совместно с автороведческой экспертизой, когда нужно определить автора анонимного или псевдонимного письма или устно озвученного текста, а также для определения плагиата, этимологии новообразованных слов — неологизмов, авторской оригинальности логотипов, товарных знаков и иных фирменных наименований. Она проводится в дополнение к почерковедческой экспертизе, чтобы определить, являются ли автор и исполнитель рукописного текста разными людьми или это один человек. При проведении судебно-технической экспертизы документов также требуется лингвистическая экспертиза, например, для определения достоверности документов. Она проводится в комплексе с судебно-психологической экспертизой в случае, если есть сомнения в том, что в момент созда-

ния документа автор осознавал свои действия и мог ими руководствоваться; с судебно-психиатрической экспертизой, например, когда необходимо установить психическую полноценность автора предсмертной записки при совершении самоубийства, исключить инсценировку и т. д. (ЯРОЩУК 2020: 11).

Таким образом, лингвистическая экспертиза — это анализ, который необходим для исследования устных и письменных текстов с целью установления их аутентичности и соответствия определенным фактам.

2. Методы лингвистической экспертизы по уголовному делу

В зависимости от рассматриваемого объекта (это может быть аудиозапись, письменный текст и креолизованный текст) различают три вида судебной экспертизы: экспертиза звучащей речи, письменного текста и вербально-визуальная экспертиза (ГОРБАТЕНКО & ВАСИЛЕВА 2016: 239).

2.1. Экспертиза звучащей речи

Метод судебной лингвистической экспертизы, в основе которого лежит экспертиза аудиозаписей с целью идентификации голоса, анализа речи на выявление эмоций, определение уровня стресса и т. д. называется экспертизой звучащей речи, куда входит также и фоноскопическая судебная экспертиза (ГАЛЯШИНА 2014: 181).

С ее помощью может быть установлена также следующая информация: какой язык является родным для говорящего; уровень владения языком коммуникации; образование; уровень речевой культуры и социокультурный статус; самооценка; отношение к собеседникам; национальный акцент; диалект. Проводя исследование аудиозаписей, можно определить физические и психические характеристики говорящего: пол, возраст, примерный рост, узнать его социальные характеристики: образованность, интеллект, уровень культуры.

Устойчивость признаков устной речи человека зависит от анатомических и функциональных характеристик его речевого аппарата, типа высшей нервной и мыслительной деятельности, а также от его психики. Факторы, такие как возраст, образование, окружающая среда, знания, социальный и профессиональный ста-

тус, культура, мораль, идеология, религия и другие также оказывают значительное влияние на индивидуальность речи человека.

Предметом экспертизы являются данные фонограмм: в ходе фоноскопической судебной экспертизы специалист анализирует различные аспекты звуков речи, такие как тембр, интонация, дефекты речи, акцент, ритм и другие характеристики. Эксперт должен обладать чувствительным слуховым аппаратом, чтобы точно интерпретировать аудиоданные. Объектом является звуковой источник информации, записанный на материальный носитель. Целью лингвистической экспертизы звучащей речи является выявление индивидуальных особенностей устной речи человека. Для достижения этой цели необходимо учитывать индивидуальные особенности языка, его стабильность и уникальность, а также возможность определения и диагностики определенных элементов и характеристик разговорной речи на аудиозаписи.

В задачи этого вида экспертизы входит определение личности говорящего на основе особенностей голоса и речи, представленных на аудиозаписи. Кроме того, благодаря этой экспертизе можно установить признаки монтажа и других изменений аудиозаписи, которые были осуществлены во время или после записи. Кроме того, с помощью аудиозаписей можно определить условия, обстоятельства, средства и звуковые материалы, а также другие факты, являющиеся доказательствами при раскрытии и расследовании преступлений. Задачи, стоящие перед лингвистической экспертизой устных текстов, сводятся к идентификации и диагностике. Например, идентификационные экспертизы проводят для определения личности человека по голосу и речи. Лингвистические экспертизы диагностического характера включают определение номера набираемого телефона по фонограмме и другие сопутствующие характеристики речевого акта (ТРИФОНОВА 2007: 101).

При проведении лингвистической экспертизы устного теста принято различать субъективный и объективный методы. Примером субъективного метода является слуховой анализ устной речи, который осуществляется специалистом по слуху. Хотя этот вид экспертизы стал вытесняться более современным компьютерным анализом речи, слуховой анализ по-прежнему активно

используется при исследовании аудиозаписей. Кроме того, данные для компьютера отбираются экспертом на основе прослушивания и анализа фонограмм.

Объективным методом являются лингвистические и инструментальные методы. Анализируя устную речь на фонограмме, специалист по фоноскопии сталкивается со сложной системой речевых и неречевых характеристик, которые отражаются в виде единой акустической модели. Для решения задач судебно-фоноскопической экспертизы на всех этапах экспертного исследования используются поэтому лингвистические и инструментальные методы устного анализа (РЫЧКАЛОВА 2007: 89). Суть лингвистического анализа заключается в выявлении в устной речи индивидуальных языковых признаков говорящего, которые способствуют решению криминалистических задач. Инструментальным методом является анализ речи говорящего при помощи специальных приборов, которые оценивают характеристики звуков речи в процессе говорения.

2.2. Экспертиза письменного текста

Лингвистическая экспертиза письменного текста — это процесс анализа и оценки письменных материалов с использованием лингвистических методов и подходов. Он включает анализ различных типов письменных материалов, таких как публикации в газетах и журналах, сценарии, юридически значимые документы (контракты, квитанции, договоры), материалы дела (свидетельские показания, заявления, протоколы), тексты Интернет-сообществ (форумы, блоги, социальные сети), а также анализ различных аспектов текста, например, графические, грамматические, семантические и прагматические характеристики. Для этой цели используются традиционные методы и подходы к тексту, заимствованные из лингвистики.

Предметом анализа являются важные для судебных разбирательств фактические данные об особенностях письменной речи. Объектом данного вида лингвистической экспертизы является письменный текст. В процессе анализа проводится детальное исследование языковых характеристик. Эксперт проводит разбор грамматических, семантических, стилистических и праг-

матических особенностей текста с целью определения его авторства, подлинности, стиля, тона и других лингвистических аспектов. Цель лингвистической экспертизы письменного текста в криминалистике заключается в анализе и интерпретации письменных материалов для получения доказательств, связанных с судебными делами. Задачи лингвистической экспертизы письменного текста могут включать объяснение значения и происхождения слов, фраз, устойчивых фразеологизмов, идиом; интерпретацию основных и дополнительных значений языковых единиц письменной речи; объяснение основных положений текста документа для определения того, какие возможности для понимания этих положений возможны в современном дискурсе; проведение исследования товарных знаков, слоганов, рекламных текстов, на предмет их уникальности; исследование текста (фрагмента) с целью выявления его смысловой направленности, модальности предложений, выразительности и эмоциональности языковых единиц, их формальных и грамматических характеристик и семантики, а также особенностей используемых стилевых приемов.

Необходимость проведения судебно-лингвистической экспертизы чаще всего возникает в судопроизводстве для раскрытия, расследования и предотвращения преступлений, совершенных посредством вербальных действий: клеветы, оскорбления, разжигания межнациональной ненависти и вражды, а также унижения чести и достоинства на основании принадлежности к другой нации, религии или социальной группе. Это может быть также незаконное использование товарных знаков, намеренно ложная реклама, нарушение авторских прав и др. (РОССИЙСКАЯ & ГАЛЯШИНА 2010: 341).

Письменные тексты, в отличие от устных, обладают более устойчивыми и менее случайными чертами авторства. Это связано с тем, что каждый человек обладает уникальным комплексом особенностей использования языка в письменной речи. Эти характеристики могут быть с успехом использованы для идентификации личностных черт человека. В процессе экспертизы письменного текста используются разнообразные методики, та-

кие как морфологический анализ, с помощью которого выявляются сходства и различия типов текстов; синтаксический анализ, выявляющий синтаксические сложности текстов в процессе установления автора; семантический анализ, выявляющий в анализируемом материале наличие оскорблений, угроз, высказываний экстремистского содержания. Особое значение при определении авторства придается лингвостатистическому анализу.

2.3. Вербально-визуальная экспертиза

Вербально-визуальная или экспертиза креолизованного текста — это метод исследования, который сочетает в себе элементы лингвистического и визуального анализа текста. Она применяется при изучении рекламных материалов, документов, а также таких типов текстов, в которых зрительная составляющая играет немаловажную роль в коммуникации (ПЛОТНИКОВ 1989). Особенностью креолизованного текста является то, что на его восприятие влияет сопутствующее ему изображение. Без анализа невербального элемента (изображения) нельзя анализировать вербальный компонент текста (ГРОМОВА 2013: 34).

Экспертиза креолизованных текстов применяется с целью выявления в них признаков экстремизма, религиозной, расовой ненависти, дискриминации. Предметом исследования являются спорные фразы. Объектом экспертизы являются вербальные и невербальные компоненты (БАРАНОВ 2012: 14). Вербальным элементом является текстовая информация, то есть слова, фразы, предложения, а также лингвистические особенности, такие как стиль, грамматика, семантика и контекст. Таким образом, анализируются языковые характеристики текста и их влияние на восприятие и интерпретацию информации. Визуальная составляющая включает графические элементы, такие как изображения, рисунки, диаграммы, таблицы, шрифты, цвета, композиция и другие аспекты, а также анализ визуального оформления, восприятия и влияния этих элементов на интерпретацию и понимание сообщения.

Задачи вербально-визуальной экспертизы направлены на объединение и анализ взаимосвязи между вербальными и визуальными элементами, определение степени близости и плагиата

товарных знаков, когда по набору символов товарные знаки похожи, но имеют разные изображения, выявление наличия в креолизованном тексте экстремистских, террористических лозунгов, призывов к жестоким действиям и разжиганию межнациональной ненависти.

При проведении судебной лингвистической экспертизы используются такие научные методы как метод семантико-синтаксического и лексико-семантического видов анализа, благодаря которому можно определить семантические связи в тексте через синтаксические структуры и лексические элементы; метод компонентного анализа, исследующий составляющие текста и слов; концептуальный анализ, изучающий идею текста, анализ коммуникативной организации текста, представляющий собой актуальное членение текста; пропозициональный анализ, изучающий суть текста; функционально-прагматический анализ, позволяющий выявить иллокутивную функцию высказывания и определить тип речевого акта и т. д. (КОЖЕВНИКОВА & ОСАДЧИЙ 2012: 27).

Кроме перечисленных методов могут применяться различные экспериментальные методы исследования. Например, метод психолингвистического эксперимента (СТЕРНИН & РУДАКОВА 2011: 97); метод социологического опроса носителей языка, то есть сбор данных через интервью и анкетирование; метод фреймового анализа структуры креолизованного текста.

3. Лингвистические признаки выявления ложного высказывания

Язык является одной из форм поведения человека и видом его деятельности, что обуславливает его значимость для криминалистики. Так же как язык тела может рассказать о мыслях людей, слова, которые человек использует, его реакция на определенные лингвистические знаки и построение его речи (о чем он говорит, а что старается опустить) могут свидетельствовать о том, можно ли ему верить. Это связано прежде всего с уровнем стресса, в котором человек находится. В этом состоянии он испытывает трудности в выборе слов и формулировании предложений, использует в речи много «слов-паразитов», клише и повторов, снижается лексическое разнообразие (ЖАБИН 2018: 72). Это связано с тем, что для того, чтобы обмануть, нужно одновременно контролировать

большой объем информации: соотношение правдивых и искаженных фактов, реальных и выдуманных событий, изменение обстановки, реакцию слушателей и многое другое.

Важное значение для анализа имеют понятия маркированного и немаркированного поведения. Различные техники обнаружения лжи, включающие наблюдение за поведением субъекта (его вербальный язык, язык тела или изменения его кровяного давления, частоты пульса и т. д.), основаны на идее, что должна быть возможность сравнить показатели, полученные в ходе допроса, с контрольными данными поведения человека в ситуации без стресса и на этом основании сделать вывод, говорит ли человек правду, или лжет. В этом случае конкретная форма поведения не считается признаком обмана. Она рассматривается как таковая только в том случае, если ее можно отнести к разряду маркированных, т. е. если она заметно отличается от тех форм поведения, когда субъект расслаблен и правдив. Например, почесывание или прикосновение к носу можно считать значимым только тогда, когда субъект говорит об определенном предмете, но в других ситуациях не демонстрирует такого поведения. Даже в этом случае это действие не обязательно является признаком обмана. Нос субъекта в этот момент может действительно чесаться или, возможно, субъект находится в состоянии стресса по какой-то другой причине, не связанной с обманом.

Допросы в полиции обычно начинаются с этапа беседы на нейтральные темы, во время которой допрашиваемый успокаивается. Следователь задает вопросы, отвечая на которые допрашиваемому нет необходимости лгать, например, об имени, возрасте и т. п. Речевое поведение в такой фазе допроса можно определить как немаркированное, то есть это — стиль говорения в относительно спокойном состоянии, поскольку любое «приглашение» в полицию едва ли можно считать стандартной ситуацией. Тем не менее немаркированное речевое поведение позволяет исследователям выявлять отклонения от него и рассматривать эти отклонения как возможные признаки обмана. Среди языковых признаков ложного высказывания можно выделить две группы: лингвистические признаки ложного высказывания с точки зрения слушающего и лингвистические признаки ложного

высказывания с точки зрения говорящего.

3.1. Лингвистические признаки ложного высказывания с точки зрения слушающего

Одним из наиболее показательных признаков маркированного речевого поведения является ненамеренное, случайное использование какой-либо языковой единицы (слова), которое выдает то, что скрывает говорящий, что он на самом деле думает. Такое происходит, когда субъект просто забывает логику ложного сценария, придуманного им, что требует немалых умственных усилий, чтобы поддерживать обман на протяжении длительного периода времени. Кроме того, это может проявляться из-за вмешательства подсознания.

Примером кратковременной потери концентрации может служить использование в рассматриваемом нами материале неверного местоимения.¹ Например, в деле Дэвида Вестерфилда, педофила, осужденного в 2002 г. за похищение и убийство семилетней Даниэль Ван Дам. При допросе в полицейском участке отмечена следующая фраза:

This little place *we* were, *we* were at... was just a small turn-off type place. Это маленькое местечко, в котором *мы* были, *мы* были... оно было всего лишь небольшим захолустным заведением.²

При обосновании своего алиби он утверждал, что совершал поездку в пустыню *один*. Однако в одном из следующих допросов при описании места его остановки он оговорился и использовал вместо местоимения первого лица единственного числа местоимение первого лица множественного числа *we* в качестве подлежащего, рассказывая про свою поездку. Такая несогласованность в ответах является признаком обмана и служит доказательством того, что он был не один в фургоне, и что именно он похитил и убил Даниэль. Позднее ее тело было найдено в той пустыне, про которую рассказывал Вестерфилд. В проанализированном материале отмечено 47 таких случаев.

¹ В качестве материала исследования использованы англоязычные тексты криминалистического характера из электронных газетных ресурсов (The Guardian, USA Today).

² Здесь и далее перевод авторов.

Еще одним примером лжи является использование прошедшего времени по отношению к человеку, о котором говорящий не может знать, что тот мертв (33 примера). Это также служит примером потери концентрации внимания и, соответственно, является признаком обмана.

В 2003 г. Максин Карр была осуждена за сговор со своим молодым человеком, Яном Хантли. Она обеспечила Хантли ложным алиби на ночь, когда тот убил двух десятилетних девочек, Холли Мэри Уэллс и Джессику Эми Чапман (обе девочки были ученицами в классе, в котором Карр была помощником учителя). В 2002 г. спустя две недели поисков девочек, которые считались пропавшими без вести, Карр давала интервью телеканалу Sky News, во время которого она сказала:

Nobody believes that they would ever run away. *They were* very close to all their family. This [a card] is something I'll probably keep for the rest of my life, I think. It's what Holly gave me on the last day of term. She gave me this with a poem on the inside saying "to a special teaching assistant" really, and we'll miss her a lot and we'll see her in the future. And that's the kind of girl *she was*. *She was* just lovely, really lovely. Нам всем сложно поверить в то, что они могли бы сбежать. *Девочки были* очень близки со своими семьями. Это [открытка] то, что я думаю, буду хранить до конца своих дней. Холли подарила мне ее в последний день семестра. На обратной стороне открытки она написала: «дорогому помощнику учителя». Мы будем скучать по ней, но верим, что скоро с ней увидимся. *Она была* такой доброй и милой девочкой.

Карр использовала прошедшее время, когда говорила о девочках, это может указывать на то, что она уже решила для себя, что больше никогда не увидит их. В таких обстоятельствах, когда есть хотя бы небольшой шанс на то, что пропавшие без вести живы, их близким людям, которой и была Карр, по ее словам, трудно начать говорить о них в прошедшем времени. Позднее тела девочек нашли в местной ирригационной канаве, а их одежда была найдена в школе, где работали Максин Карр и Ян Хантли, которых сразу после этого арестовали.

Люди, которые надеются, что увидят своих пропавших без вести родных, будут говорить о них в настоящем времени. Например, семья исчезнувшей в 2007 г. девочки Мэдлин Мак-

кани, отдыхавшей с родителями на одном из курортов в Португалии, до сих пор говорит о своей дочери в настоящем времени. В своем интервью в 2012 г. на передаче «Скавлан» семья Маккан, рассказывая о своей жизни после этой трагедии, сказала:

But until Madeline's back with us, there's always going to be a void and there's a limit, you know, whether it's before you could be, you could have unbridled joy, anything now is always, there's always a tinge, and it's often the family things because Madeline is not there with us. Но пока Мэдлин не вернется к нам, внутри нас пустота и ограничения, знаете, раньше мы могли веселиться, но сейчас все имеет оттенок грусти, потому что Мэдлин сейчас нет с нами.

Это можно отнести к доказательствам того, что родители девочки не причастны к ее исчезновению, как первоначально заявляла португальская полиция, подозревая семью в причастности к исчезновению ребенка.

Подавленные эмоции и чувства могут вырваться наружу и проявиться лингвистически, в виде оговорок. Оговорки — это ошибки в выборе слова или формы слова, а также лингвистические неточности, вызванные неправильным исполнением, а не фактической компетенцией говорящего (УШАКОВ 1996: 749). В контексте обмана оговорки могут охватывать случаи, когда внутренние чувства говорящего, особенно те, которые он пытается скрыть, проявляются наружу и выражаются в языке. Это особенно часто можно наблюдать при использовании говорящими проксимальных (*this, these*) или дистальных (*that, those*) указательных местоимений.

Такие местоимения обычно используются в речи без долгих раздумий, потому что говорящему сложно ими управлять. Указательные местоимения в основном используются для того, чтобы указать физическое расстояние, хотя помимо этого они могут употребляться для обозначения психологической дистанции. Существует естественная тенденция держать вещи, которые не нравятся или которые вызывают страх, на расстоянии, поскольку, находясь вблизи с ними, человек испытывает дискомфорт. Это основной инстинкт, который переносится в язык.

Проксимальные местоимения (*this, these*) указывают на то, что человеку что-то нравится. Дистальные местоимения (*that,*

those) наоборот, указывают на то, что человеку не нравится, чего бы он хотел избежать. В исследованном материале встретилось 28 примеров.

13 августа 2018 г. Шэнн Уоттс и двое ее детей были объявлены пропавшими без вести. На следующий день муж Шэнн Крис появился на двух денверских (Колорадо, США) телеканалах, умоляя о безопасном возвращении его семьи. Однако на самом деле он не проявлял той эмоциональной реакции, которую можно было бы ожидать от человека, чьи близкие пропали без вести и предположительно находятся в опасности. В ходе допроса следователь спросил у Криса о его дочерях Белл и Селесте. Говоря о них, Крис сказал:

Bell and Celeste were the light of my life. I'd do anything for *those girls*. I'd stepped in front of a bullet for further training of *those girls*. Белл и Селеста были светом моей жизни. Я бы сделал все, что угодно, для *тех девочек*. Я бы пошел под пулю ради *тех девочек*.

В этом примере можно наблюдать явное желание мужчины отдалиться от своих дочерей, он не называет их *my daughters*, что обозначало бы его эмоциональную привязанность к детям. Это же подтверждается его другим высказыванием:

You have to trust me that when I tell you that *those two beautiful girls* right here (points at their photo)... I did nothing to them and to my beautiful wife... I did nothing to her. Вы должны поверить мне, когда я говорю вам, что *те прекрасные девочки* (указывает на их фотографию)... Я ничего не сделал *ни им, ни моей прекрасной жене*... Я ничего ей не сделал.

Тот факт, что Крис не называет их имен, а показывает на их фото, создает ощущение, что он говорит о посторонних для него людях. Во время этого интервью он чаще использовал местоимения (*she, they*), чем имена, когда говорил о супруге и детях. На это следует обратить внимание, потому что местоимения, являющиеся функциональными словами, вызывают меньше чувств и воспоминаний, чем имена, которые обозначают конкретных людей (CHRISTIANSEN 2009: 56). Кроме того, Уоттс в интервью неоднократно называл своих дочерей Беллу и Селесту просто *the kids* (дети), это показывает меньшую эмоциональность, чем если бы

он назвал их *my kids, my daughters, my girls* (мои дети, мои дочери, мои девочки).

I mean right now I don't even want to just like throw anything out there, like I hope that she's somewhere safe right now and with *the kids*, but I mean could she have van... could she have just taken off, I don't know, but if someone has her and they're not safe I'll want them back now. Like, that's, that, that's what's in my head is like, if they're safe right now, they're gonna come back, but if they're not safe right now that's the not knowing part, like if they're not safe. Last night I was, I had every light in the house on, I was hoping that I would just get just ran over by *the kids* running in the door and just like barrel rushing me, but it didn't happen and it was just a traumatic night trying to be here. Я имею в виду, что хочу оставить все вещи дома на своих местах, потому я надеюсь, что *она сейчас с детьми*, и они находятся в безопасности. Могла ли она исчезн... могла ли она просто уйти, я не знаю. Но если они находятся в заложниках, я хочу, чтобы их сейчас же освободили. То есть, если с ними все в порядке, то они вернутся домой, но если они сейчас находятся в опасности, то мы не знаем, смогут ли они вернуться. Прошлой ночью я включил свет во всем доме, надеясь, что вот-вот и *дети* забегут в дом и бросятся ко мне в объятия, но этого не произошло. Эта ночь была очень тяжелой для меня.

Особенно большой интерес представляет использование мужчиной нейтрального определенного артикля *the*, который не подразумевает никаких отношений к объекту, в отличие от притяжательных местоимений. Владение — это сложное когнитивное понятие, которое также подразумевает сильную связь между владельцем и предметом, которым он владеет, что абсолютно соответствует нормальным отношениям между родителем и маленьким ребенком. В течение всего семиминутного интервью Уоттс использует притяжательное местоимение *my* только четыре раза: *my head, my kids, my life, my life*, и все примерно в одном и том же минутном отрезке. Это позволяет заподозрить, что нарисованная им картина заботливого семьянина, обеспокоенного местонахождением своей жены и дочерей, основана на обмане.

Спорным моментом является еще один аспект определенного артикля *the*, который используется в английском языке. Как

и во многих других языках, он технически является указательным местоимением (произошел от местоимения *that* 'то'), но при этом обозначает не пространственное расстояние как таковое, а абстрактное качество определенности. В этом случае имеется в виду, является ли информация легко идентифицируемой, то есть понятной или уже знакомой (CORNISH 1999: 87), что можно было бы назвать когнитивной близостью, в отличие от когнитивной дистанции, которая обычно обозначается неопределенным определителем, таким как артикль *a*.

В результате печально известной судебной ошибки 1952 г., 19-летний Дерек Бентли приговорен к казни за участие в убийстве полицейского Сидни Майлза (которое он не совершал) во время неудавшейся кражи со взломом. Суд признал свою ошибку только в 1998 г. Полицейский был убит Крисом Крейгом, сообщником Бентли. Когда Бентли было 15 лет, его умственный возраст был как у ребенка в возрасте 10 лет, а навыки чтения — как у шестилетнего. Он был легкой мишенью для прокуратуры, полиции и других представителей власти, которые хотели снизить молодежную преступность. Наказание Бентли должно было послужить примером для молодых преступников. Сейчас считается, что признание Бентли было написано для него полицией, которая фактически подставила его. Кроме прочего, его фраза: «*I did not know he was going to use the gun.* Я не знал, что он собирается использовать *эту пистолет*» способствовала вынесению обвинительного приговора. Выдвинутое в 1952 г. обвинение и последовавшая за ним апелляция доказали, что Бентли знал об оружии, которое использовал Крейг (т. е. это была известная информация). Если бы это было не так, то Бентли мог бы ответить: «*I did not know that he had a gun.* Я не знал, что у него было *какое-либо оружие*». Из этого были сделаны выводы, что Бентли был соучастником Крейга не только в грабеже, но и в убийстве. В ходе повторного разбирательства 1997 г. с Бентли сняли обвинения. Было установлено, что Бентли, хотя и был сообщником Крейга в попытке ограбления, мог не знать о том, что его друг был вооружен. То, что такое значение придавалось одному слову, пусть даже самому распространенному в английском языке, было оспорено во время первого судебного разбирательства. Защита не

оспаривала версию полиции, но утверждала, что Бентли узнал о существовании пистолета только после выстрела, поэтому он знал о нем во время дачи показаний, таким образом, фраза «use the gun» («использовать этот пистолет») не является неуместной. Сравните: «I did not know that he was going to use the gun. Я не знал, что он собирался использовать этот пистолет (который был у Крейга, как я сейчас знаю)» и «I did not know he was going to use the gun. Я не знал, что он собирался использовать этот пистолет (который был у Крейга, как я тогда знал)». В первоначальном рассмотрении дела, которое длилось всего три дня, такие тонкости были проигнорированы, и присяжным потребовалось всего 75 минут, чтобы признать обоих подсудимых виновными.

В качестве примера оформления ложных высказываний можно указать на использование сокращений. Например, Крис Уоттс говорил об измене: «*I have never cheated on my wife.* Я никогда не изменял своей жене» вместо haven't.

С одной стороны, полная форма I have является излишним акцентом (лжец, желая, чтобы ему поверили, делает больший упор на полную форму, чем человек, который говорит правду), но с другой, использование полной формы вместо краткой заключается в том, что на подсознательном уровне это увеличивает психологическую дистанцию (хотя бы на микросекунду) между человеком и действием, которое он хочет отдалить от себя. Несмотря на то, что сокращения — это часть естественной речи, они требуют дополнительной языковой обработки. Вполне вероятно, что их использование в состоянии стресса нарушается. Всего обнаружено 20 таких примеров.

Оговорки в речи лжецов можно заметить при использовании модальных наречий, которые говорят о возможности, обязательности действий. Они передают отношение говорящего к тому, о чем он говорит, в частности, показывают степень уверенности говорящего в сообщаемых фактах (обнаружено 10 примеров).

Такое произошло, например, в деле Яна Хантли (о нем говорилось выше). Два дня спустя после убийства Холли Мэри Уэллс и Джессики Эми Чапман он поехал в Гримсби за своей девушкой Максин Энн Карр. На обратном пути пара подобрала попутчика,

который, услышав, что они живут в Соэме, затронул тему недавнего исчезновения двух девочек. Этот свидетель давал показания против Хантли. Из многих странностей в поведении пары, он запомнил, что мужчина говорил об их исчезновении:

Until last night when a woman, appeared on TV who had *supposedly* seen them, he was the last person to see them alive. До прошлой ночи, когда по телевизору показали женщину, которая, *предположительно*, видела их, он был последним, кто видел девочек живыми.

Наречие *supposedly* используется в случае, когда говорящий мало верит в то, о чем он говорит. Из-за этого появляется вопрос: почему у Хантли такие большие сомнения по поводу того, кто видел девочек живыми прошлой ночью. Это стало явным доказательством, что он причастен к делу.

Таким образом, при рассмотрении лингвистических признаков ложного высказывания с точки зрения слушающего изучается маркированное языковое поведение. Такое происходит при кратковременной потере концентрации и при попытке подавить эмоции и чувства. Примером кратковременной потери концен-

трации служит неверное использование местоимений (26%), использование прошедшего времени вместо настоящего в рассказе про пропавшего человека, в случае, когда говорящий не должен знать, что пропавший мертв (18%). Когда человек хочет подавить эмоции и чувства, в его речи встречаются оговорки. Это проявляется в местоимениях. Использование местоимений *that/those* вместо *this/these* (15%), неиспользование имен пропавших без вести людей (12%) и притяжательного местоимения *my* (12%) говорит о желании говорящего эмоционально отдалиться от объекта, о котором он говорит. Случаи, когда человек не использует сокращения в своей речи (11%) могут говорить как о желании убедить слушающих, так и об увеличении психологической дистанции до объекта. Это связано с тем, что сокращения требуют дополнительной языковой обработки и их сложнее использовать при стрессе. Обман проявляется также в использовании модальных наречий, возможности, обязательности и акценте действия, показывая таким образом отношение говорящего к обсуждаемым фактам (6%).

3.2. Лингвистические признаки ложного высказывания с точки зрения говорящего

Иной способ лингвистического анализа, который может помочь в выявлении обмана, заключается в том, чтобы наблюдать за тем, о чем люди стараются не говорить. Психически здоровому человеку лгать труднее, чем говорить правду, и в большинстве случаев он старается избежать откровенной лжи. Это означает, что случаи прямой лжи относительно редки. Виновные в преступлении стараются сменить тему и таким образом уйти от вопроса (выявлены 31 пример).

Например, в 2002 г. Скотт Петерсен, имевший внебрачную связь, убил свою беременную жену Лачи в Модесто (Калифорния). Во время телеинтервью он столкнулся с подозрениями в причастности к ее исчезновению и дал следующий ответ:

I n t e r v i e w e r : So, you had nothing to do with this? I mean, people are having questions now.

Ж у р н а л и с т : Значит, вы не имеете к этому никакого отношения? Я имею в виду, что у людей появляются вопросы.

P e t e r s o n : The focus is on her. Let's keep her picture out there.

Let's keep the tip line, the description out there.

П и т е р с о н : Сейчас мы говорим о ней. Давайте оставим ее фотографию там. Продолжим тему без лишних описаний.

Петерсон полностью игнорирует обвинение, тем самым избегая необходимости говорить о невиновности. Вместо этого он предлагает продолжить разговор о его жене.

Уйти от вопроса говорящий может с помощью ответа вопросом на вопрос (26 примеров). Кроме того, когда человек отвечает вопросом на вопрос, это позволяет ему получить дополнительное время, чтобы обдумать ситуацию. Так, например, в 1992 г. в Сайренчестере (Глостершир, Англия) 35-летний бизнесмен Николас Кей убил свою жену Ронду. Он выбросил ее тело в местное озеро и сказал, что Ронда ушла от него. Потребовалось несколько лет, чтобы признать его виновным. Это было связано с тем, что останки Ронды так и не были найдены. На пресс-конференции Кей обращался к своей жене, эмоционально умолял ее связаться с ним или, по крайней мере, сообщить ему и их двоим детям, что она в безопасности.

С согласия полиции, которая уже подозревала Кея, журналист задал ему провокационный вопрос:

Ж о у р н а л и с т : Mr Kay, have you killed your wife?

Ж у р н а л и с т : Мистер Кей, вы убили свою жену?

К а у : [long pause] What do you think?

К е й : [долгая пауза] Как вы думаете?

Ж о у р н а л и с т : Just answer the question.

Ж у р н а л и с т : Просто ответьте на вопрос.

К а у : [no pause] No, I have not killed [unint]./

К е й : [без паузы] Нет, я не убивал [неразборчиво].

Помимо ухода от использования сокращения («I haven't killed»), что обычно ассоциируется с преувеличением внимания и обманом, в этом диалоге примечательно то, что заметно, как Кей застигнут врасплох и не отвечает прямо на вопрос. Вместо этого он возражает собственным вопросом, вызывающим и почти саркастическим по тону: «What do you think? Как вы думаете?». Технически это не отрицание, а скорее отклонение вопроса. Несмотря на то, что Кея вынудили ответить на вопрос, он произносит ответ таким образом, что кажется, что просто безразлично

повторяет только что услышанные слова. Кроме того, его голос обрывается в конце, как будто он буквально скрывал слова «killed my wife / убил свою жену»: «Have you killed your wife? — No, I have not killed [my wife]. Вы убили свою жену? — Нет, я не убивал [свою жену]». Большинство людей ответили бы на этот вопрос простым «да» или «нет» и не повторяли бы весь вопрос в такой неестественной форме. Таким образом, на этом примере также можно заметить, что виновный в преступлении человек вместо короткого ответа да/нет дает слишком развернутый ответ. Невинный же человек обычно не испытывает чувства вины, раскаяния или стыда, и поэтому он не уклоняется от ответа.

Использование пассивного залога (25 примеров), обобщений (24), опущение местоимения первого лица (21) или замена его обобщениями, например, местоимением you, фразой you know являются признаком того, что виновные лица скрывают свои действия. Так проявляется их желание, сознательно или подсознательно снять с себя ответственность за свои действия.

Пример использования пассивного залога можно наблюдать в следующем уголовном деле. В США, в штате Флорида, 47-летний Майкл Уильямс в 2022 г. был признан виновным в убийстве своей жены Марши Эбэнкс-Уильямс и ее сына Роберта Адамса. Желая уменьшить плату за электричество, Майкл повесил на электрощит замок и снимал его, чтобы включать электричество в доме только тогда, когда считал это нужным. Однако Марша и Роберт сняли этот замок и включили электричество в доме. Это привело к конфликту между супругами, в результате которого Марша и Роберт были убиты. После вынесения приговора Уильямс, желая уменьшить свой срок, сказал в свою защиту, что это был несчастный случай:

I picked up the gun to clean it. Moved it to the left hand to get the cleaning rod. The trigger was bumped by something. The gun went off, my wife was hit. Я взял пистолет, чтобы почистить его. Переложил его в левую руку, чтобы достать чистящий стержень. На спусковой крючок что-то нажало. Пистолет выстрелил, и мою жену ранило.

Он признается, что чистил пистолет, но стрельба представлена как нечто, в чем он не принимал непосредственного участия и, следовательно, не несет за это ответственности.

You know, *people* just fall out of love, and... that's where I was. Вы знаете, у *людей* любовь просто проходит, и... так случилось со мной.

Крис Уоттс использует общее слово *people* вместо местоимения I, чтобы оправдать себя и дистанцироваться от своих действий. Кроме того, здесь же он использовал обобщающую фразу *you know*, убеждая собеседника, что об этом факте всем известно.

В следующем примере Крис Уоттс опускает местоимение первого лица перед *walked* и, что более показательно, любое упоминание о своей жене и двух дочерях которое должно быть подлежащим для глагола *vanished*:

And Nicole (a friend of his wife) called me when she was at the door and that's when I came home and then *walked* in the house and nothing, just *vanished*, nothing was here. — И Николь (подруга его жены) позвонила мне, когда уже стояла у двери нашего дома, и только после этого звонка я пришел домой и *вошел* внутрь, но там ничего не было, просто *исчезло*, совсем ничего не было.

Это может свидетельствовать об отсутствии угрызений совести и о возможности заранее обдуманного плана. Кроме того, в этом примере он говорит «*nothing was here*» («ничего здесь не было»), то есть он употребляет неопределенное местоимение *nothing* (ничто), которое обычно используется для обозначения предметов, а не людей (ср. *nobody* / по one 'никто') для обозначения своей собственной семьи, и из-за этого появляется ощущение, что он обезчеловечивает жену и детей.

Другим примером того, что Крис пытается снять с себя ответственность, служит использование местоимений *you*, *your* вместо I, *my*:

I mean, *you* can't take the kids into the fact because the love *you* have for *your* kids is going to be like exponential. I mean, it'll no matter what that would never die because those are *your* kids. That'll never die. Between *you* and *your* wife the love that you have for each other from start to finish right when *you* started to whatever *your* relationship ends like something when *you're* in that type of relationship *you're* with somebody that long something happens... — Я имею в виду, что любовь, которую *вы* испытываете к *своим* детям, является безусловной. Я имею в виду, что несмотря ни на что, такая любовь не исчезнет, потому что это *ваши* дети. Такая любовь никогда не пройдет. Но другое

дело, когда мы говорим про *вашу* с женой любовь, которую *вы* испытываете с самого начала отношений. Такая любовь может пройти, ведь когда *вы* находитесь в таких отношениях, что-то может случиться...

Как можно видеть, не сумев напрямую связать себя с действием с помощью местоимения первого лица, Крис говорит только о том, что люди в целом склонны делать и чувствовать. Общее местоимение *you* здесь функционирует как способ защитить себя. Уоттс пытается избежать того, чтобы быть слишком конкретным или категоричным, и того, о чем можно позже пожалеть, если окажется, что сказанное им неточно. Замена предлогов является одним из самых значимых показателей лингвистического обмана, поскольку местоимения выбираются интуитивно.

Виновные люди при допросах часто используют размытые фразы (20 примеров). Слова, цель которых заключается в том, чтобы сделать высказывание более или менее нечеткими называются хеджированием. Такие слова можно разделить на несколько групп: фразы, выражающие неуверенность говорящего: *I think, I believe, I guess, maybe, perhaps, probably, possibly, sort of*. Фразы, с помощью которых говорящий пытается убедить: *really, true, regular, typical, technically, strictly speaking, for sure*. Сюда же можно отнести клятвы и заверения: *I swear, a matter of honor, the word of an officer, God is my witness, you can check*.

Предложения, содержащие такие слова, становятся длиннее. По этой причине более короткие предложения вызывают больше доверия, чем длинные. Однако, когда люди обеспокоены какой-то проблемой, то есть находятся в состоянии стресса, они склонны говорить предложениями, которые либо значительно длиннее, либо короче, чем обычно. Поэтому исследователи должны обращать особое внимание не только на предложения, длина которых значительно отличается от средней продолжительности высказывания испытуемого, но и на его эмоциональное состояние.

Например, при допросе, когда Крису Уотсу задали простой вопрос, он ответил следующее:

I mean, if that's what you like, we can keep talking. Okay? — Я имею в виду, что если Вы хотите, то мы можем продолжить наш разговор. Хорошо?

Вместо короткого ответа *да/нет*, он отвечает очень развернуто. Фраза «I mean» является примером хеджирования: так, он пытается уйти от ответа. Выражение «if that's what you like» выражает вежливость. Однако невиновный человек не был бы вежливым, когда ему выдвинули бы такое обвинение. Крис был вежливым со следователем, поскольку ему было важно знать мнение следователя о нем. Это можно увидеть на следующем примере:

I don't know what your opinion is, but you have to realize that those beautiful girls and my beautiful wife... I had nothing to do with the disappearance. Я не знаю, что Вы думаете, но Вы должны понимать, что эти прекрасные девочки и моя прекрасная жена... Я не имею никакого отношения к их исчезновению.

Невиновный человек беспокоится не о том, что о нем думают другие, а о своих пропавших без вести родных.

Длинные высказывания в большинстве случаев могут быть связаны с тем, что допрашиваемый хочет подстраховаться. Более короткие, напротив, могут быть результатом того, что говорящий хочет ввести слушающего в заблуждение, поскольку, чувствуя себя в затруднительном положении, он решает говорить как можно меньше, чтобы снизить риск обвинения в свой адрес. Преимущества хеджирования для того, кто пытается ввести в заблуждение, очевидны, как следует из придуманного примера: «I left at 8 o'clock. Я вышел из дома в восемь часов» легче опровергнуть, чем «I suppose I may have left some time around eightish but I'm not sure. Я думаю, что я мог выйти из дома около восьми, но я не уверен». Таким образом, хеджирование может быть индикатором обмана.

Приведенный ниже пример взят из интервью со Стюартом Хейзеллом, который в 2012 г. убил двенадцатилетнюю девочку Тию. Доказательства указывают на тот факт, что Хейзелл был влюблен в Тию. В телепрограмме «Britain's Darkest Taboos» (серия 3, эпизод 2, 2016 г.) доктор Кери Никсон, судебный психолог, предполагает, что Хейзелл мог убить Тию после того, как она отвергла его сексуальные домогательства и пригрозила рассказать об этом.

В приводимом отрывке, где выступают Хейзелл и дядя Тии Дэвид Шарп, курсивом выделены все случаи хеджирования:

Stuart Hazel: I was getting a *bit* concerned *well* Tia was meant to be home at six, we were getting a *bit* concerned *about* seven. Do you

know what I mean? We was looking out the door at the front er *think* it was *about quarter past seven half seven or something like that* where I'd mentioned to Chris earlier on in the day because Chris come home at half past two erm er *just about the fair* so what we'd done we got in in the car and went down to the funfair where Tia I *thought she might* have snuck out or *something* snuck off to the funfair saying she was going *wherever* or *whatever* er we went down to the funfair erm *was it* Orpington *wasn't it*.

С т ю а р т Х а з е л л : Я начинал *немного* волноваться, ну, Тия должна была быть дома в шесть, мы немного забеспокоились, когда было уже семь. Понимаете, о чем я? Мы осмотрели двор, *думаю*, было уже *около четверти* восьмого или *около того*. Я упомянул Крис, которая вернулась домой в половине третьего, э-э, это было как раз то время, когда начиналась ярмарка, поэтому мы сели в машину и поехали на туда, куда Тия, *как я думал, возможно*, сбегала, сказав, что она идет *куда-то* или *что-то еще*, и мы поехали на ярмарку. Эм, это был Орпингтон, *не так ли?*

D a v i d S h a r p : e r n o

Д э в и д Ш а р п : ээ нет

S t u a r t H a z e l l : i t e r m

С т ю а р т Х э й з е л л : э т о ...

D a v i d S h a r p : A s h b u r t o n

Д э в и д Ш а р п : А ш б е р т о н .

S t u a r t H a z e l l : A s h b u r t o n

С т ю а р т Х э й з е л л : А ш б е р т о н

D a v i d S h a r p : A s h b u r t o n P a r k .

Д э в и д Ш а р п : П а р к А ш б е р т о н .

На первый взгляд в словах Хейзелла много информации. Однако при детальном рассмотрении можно заметить, что большинство деталей являются лишь приблизительными и размытыми из-за хеджирования. Это позволяет ему при необходимости отказаться потом от того, что он говорит, не слишком теряя при этом доверие. Глагол *to mention* 'упоминать' — интересный пример подстраховки, поскольку он имеет меньшую силу, чем *to say* 'говорить', что обычно подразумевает намеренное сообщение кому-либо чего-то. Напротив, если что-то только упоминается, то это информация, которая обычно дается мимоходом, вскользь. Если бы бабушка Тии Крис, о которой идет речь, возразила ему, Хейзелл мог бы сказать, что, просто не уделяя этому должного внимания.

В частности, Хейзелл высказывает смутное предположение, что Тия, возможно, отправилась на близлежащую ярмарку; возможно, он намеренно не уточняет точное местоположение (парк Орпингтон и Ашбертон два совершенно разных района, которые находятся более чем в десяти километрах друг от друга). Если полиция решит провести расследование, то это может их отвлечь.

До этого дела Хейзелл уже был судим, то есть он имел опыт участия в допросах в качестве обвиняемого. В свете этого примечательно, что в своем описании предполагаемого ухода Тии из дома он, напротив, очень конкретен, и здесь полностью отсутствуют элементы хеджирования:

She said good-bye. I said make sure you're back at 6. Yeah Yeah Yeah. And that was it and then the door closed and she walks out <...> I don't take precise times and things like that. But when she walked out that door, I know damn well it was 10 past 12 according to my clock because as I was hovering up the dog mess by m-my kitchen. I look up and I've got a great big clock in front of me on a cooker, which says 12:10. Она попрощалась. Я сказал ей вернуться домой к шести. Да, да, да. И все, а потом дверь закрылась, и она вышла <...> Я обычно не обращаю внимание на точное время. Но когда она вышла за эту дверь, я чертовски хорошо помню, что было десять минут двенадцатого, судя по моим часам, потому что, когда я убирал за собакой на м-моей кухне, я поднял голову и посмотрел на огромные часы меня на плите. Они показывали 12:10.

Причина такого ответа заключается в том, что Хейзелл, хотя и не является криминальным гением, обладает достаточными знаниями закоренелого преступника о тонкостях расследования преступлений для того, чтобы суметь отвлечь внимание от себя и попытаться оставить улики, указывающие на некоторые альтернативные сценарии. Однако то, что он запомнил точное время, когда ушла Тия, также вызвало много подозрений. Позднее он уточнил, что не он был последним свидетелем, который видел Тию, чтобы отвести от себя подозрения, ибо к человеку, который видел жертву последним, относятся как к главному подозреваемому.

I know deep down in my heart that Tia walked out of my house she walked out of there and I know damn well because she was seen walking down the path I know she made that track down to that way what happened after that is I don't know I just I and I wasn't the last person

to see her because the last person to see her was the one walking down the pathway. Я уверен, что Тия вышла из моего дома, она вышла оттуда, и я чертовски уверен в этом, потому что видели, как она шла по дорожке, я знаю, что она проделала этот путь до того места, но что произошло после этого, я не знаю. Я не был был не последним, кто видел ее, потому что последним, кто ее видел, был тот, кто шел по той же дорожке.

Еще один распространенный способ определения обмана связан с объемом высказывания (17 примеров). Каждое высказывание имеет повествовательный баланс, который состоит из трех частей: пролога (20-25% от повествования), критического события (40-60%) и последствия (25-35%). Считается, что человек, который говорит правду, будет подробно описывать различные части повествования в соответствии с их значимостью. В случае, если одна часть высказывания намного короче, чем ожидалось, то важная информация могла быть опущена, а если одна часть высказывания является намного длиннее, чем ожидалось, она может содержать ложную информацию.

Просмотрев интервью Хейзелла, можно определить, что критическим событием был уход Тии из дома в 12:10. Это та часть его истории, которую он больше всего хочет преподнести людям как правду, которую не следует подвергать сомнению. В приведенном ниже длинном отрывке, который вырезан из гораздо более длинного фрагмента можно увидеть, как эта информация встроена в гораздо более подробное описание событий, происходивших до (пролог) и после (последствия). Некритические события характеризуются обилием подробностей по большей части не относящихся к делу вопросам. Например, работа по дому, которую он выполнял, что Тия ела на завтрак, его недовольство Тией из-за того, что она не знала, как правильно зарядить свой телефон и т. п. Вероятно, эти подробности в рассказе были основаны на реальных событиях, которые происходили в другие дни, поскольку считается, что он убил Тию за ночь до описываемого дня:

She come downstairs, she sat down er sat down here right there in the chair where Dave where you are now Dave er I'm sitting there watching telly, she picked up er your mum's DS up played the DS for a little while I said we're gonna have some breakfast so I made her some toast and she had the toast and then she wanted a sausage roll because she's always

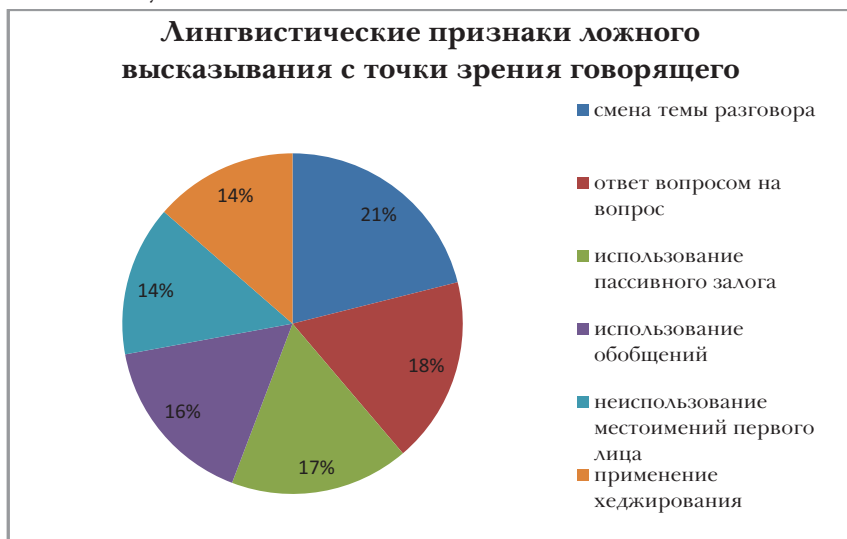
eating sausage rolls er basically then she was sitting there she doesn't take her washing up out so I took her washing up out erm just started doing like a bit of washing up in the kitchen, she was in there, she was telling me what she was doing but I weren't really logging it into my head, I didn't do you know what I mean then I was I was washing up wiped the sides down er just had the hoovering I was doing the hoovering there but what it was started off sweeping up in there but we have a rug. I can't sweep the rug so I had to Hoover the rug because it's got it's like really fluffy so I've hoovered the rug I've hoovered all the way out to the front door literally the kitchen the hallway I've got out there then I've come back and had a cigarette er this time Tia er I've gone upstairs I've got the washing sorry I've done the hallway there I've gone upstairs done the washing made sure there's no washing upstairs made the bed opened the curtains er come back downstairs er by then Tia's going upstairs to get changed er she was still mumbling away er I can't remember what she was bloody on about to be honest with you...er... excuse my language, erm well basically er I was in the kitchen then finished off all that then I come back in here finished off my hoovering in the front room and the hallway got to there when I got the dog's bed I had to shake the dog's beds out erm as I was hoovering then *she walks out she walked past me from the front room to go out and she walked out the front door.* That's all I know and she left her bloody phone on charge because I told her to sit there and leave her phone on charge I didn't mean leave it on charge because what Tia doing she plays the BB thing but then she uses it as it's charging so there's no charge going through to it so when I said to her just leave leave your phone on charge it means leave the phone on charge not use it let it charge up a bit so you can actually take it with you or whatever because she's been responsible to go to Croydon before she's been responsible to go on trains and buses and trams and everything before on her own not so much trains but her trams and buses she's done it all on her own and it was just an everyday thing you know just that one time you want to bloody listen to her and you just don't. Она спустилась вниз, села... села прямо здесь, в кресле, где Дэйв, где ты сейчас сидишь, я сидел там и смотрел телек, она взяла игровую консоль твоей мамы, поиграла немного в нее, я сказал, что мы будем сейчас завтракать. Я сделал ей тост, и она съела его, а потом она захотела сосиску в тесте, потому что она всегда их ест. Она не убрала посуду, поэтому мы вместе пошли на кухню, эмм, она вымыла тарелку, потом она сидела там, пока я убирался. Она рассказывала мне, что она делала, но я, честно говоря, не вслушивался в

это. Я мыл посуду, пылесосил и подметал наш ковер. Я не смог подмести его, потому что он очень пушистый, поэтому мне пришлось пропылесосить его. Я пропылесосил все до входной двери: буквально кухня и коридор. Потом я вышел, ну, и потом быстро вернулся и выкурил сигарету э на этот раз Тия... э э я поднялся наверх, мне нужно было постирать, я вымыл в коридоре, постирал, убедился, что нет стирки наверху, заправил кровать, раздвинул шторы, вернулся вниз. К тому времени Тия пошла наверх переодеваться, она все еще что-то бормотала, я не могу вспомнить, что она, черт возьми, собиралась быть честным с тобой, извините за мой язык, эм, ну в общем-то, я был на кухне, закончил все дела, потом я вернулся сюда, закончил пылесосить в передней комнате и коридор. Я пошел убираться у собаки, вытряхнул собачью кровать, а потом *Тия вышла, прошла мимо меня из передней комнаты, и вышла через парадную дверь*. Это все, что я знаю, и она оставила свой чертов телефон на зарядке, потому что я сказал ей сесть и поставить телефон на зарядку, но я не имел в виду оставить его на зарядке. Обычно Тия играет в консоль, пока телефон заряжается, поэтому я сказал ей, просто оставить телефон на зарядке, что означало, что телефону нужно зарядиться, не нужно пользоваться им, пока он на зарядке. Но его нужно было взять с собой, если она хотела поехать в Кройдон. Она самостоятельно ездила на поездах, автобусах, и трамваях, это было просто обычным делом. Почему же я тогда не послушал ее разговоры...

Можно заметить, что Хейзел относительно быстро рассказал о том, как Тия вышла из дома (выделено курсивом), почти не общая никаких подробностей и рассматривая это как данность: нечто, не требующее дальнейших объяснений. Он вполне мог испытывать искреннее раскаяние и через два дня после начала судебного разбирательства изменил свое заявление о признании вины, чтобы, по его словам, избавить семью от дальнейших страданий. Правда это или нет, но на подсознательном уровне ему, возможно, было больно вспоминать, что Тия на самом деле не выходила из дома, и что она никогда не вернется.

Обилие информации призвано решить несколько задач. Во-первых, детали отвлекают внимание от критического события. Во-вторых, их подробное описание делает Хейзелла похожим на свидетеля, добровольно предлагающего информацию (ни один

из элементов рассказа, что особенно важно, не может быть использован для разгадки тайны исчезновения Тии). В-третьих, образ, который он рисует о себе как о любящем опекуне и прилежном домохозяине, представляет его как хорошего человека, который вряд ли причинит вред двенадцатилетней девочке. Наконец, с учетом наших целей, мы обнаруживаем здесь больше доказательств хитрости Хейзелла: среди множества не относящихся к делу подробностей, приведенных выше, несколько раз встречается упоминание о том, что Тия ушла без телефона. Он понимает, что полиции проще всего отследить ее перемещения через мобильный телефон, и ему нужно достоверно объяснить следователям, почему она сейчас «вне сети».

Итак, лингвистические признаки ложного высказывания с точки зрения говорящего выражаются в том, что человек старается не говорить о чем-то. Это проявляется, например, в том, что человек меняет тему разговора (21%) или отвечает вопросом на вопрос (18%), уклоняясь от ответа на заданный вопрос. Винавный человек старается использовать пассивный залог (17%), обобщения (16%) и меньше использовать местоимение первого лица (14%), таким образом, он хочет снять ответственность за

свои действия, отдалиться от обсуждаемого события. Допрашиваемый часто пытается сделать свои показания неясными и неточными (14%). В этом ему помогает использование различных слов, цель которых заключается в том, чтобы сделать смысл высказывания размытым, непонятным (хеджирование). Из этого можно сделать вывод, что по длине высказывания можно оценить степень правдивости высказывания говорящего. Кроме того, нарушение повествовательного баланса является явным признаком того, что говорящий хочет скрыть какой-либо факт.

4. Заключение

Таким образом, лингвистический анализ, являясь важным инструментом в криминалистике, определяется как необходимое средство изучения текста. При проведении лингвистического анализа используются следующие методы анализа: семантико-стилистический; лингвостилистический; сопоставительно-стилистический методы; вероятностно-статистические приемы анализа.

Криминалистическая экспертиза является важной областью использования лингвистического анализа. Она применяется для исследования устных и письменных текстов с целью выявления правдивых и ложных фактов в рассматриваемых текстах. Заключение судебной лингвистической экспертизы могут быть использованы в качестве доказательства при рассмотрении уголовных дел.

Методы лингвистической экспертизы по уголовному делу зависят от вида экспертизы: это может быть экспертиза звучащей речи, экспертиза письменного текста и вербально-визуальная экспертиза. Экспертиза звучащей речи — это метод лингвистической экспертизы, анализирующий звучащую речь. При анализе записей используются субъективные, объективные и инструментальные методы. Лингвистическая экспертиза письменного текста — это исследование письменных материалов с помощью лингвистических методов и подходов. При проведении экспертизы используют следующие методы: морфологический анализ, синтаксический анализ, семантический анализ. Вербально-визуальная экспертиза — это исследование лексических и визуальных элементов текста. При проведении данного вида экспертизы используют научные и экспериментальные методы.

В настоящей главе рассмотрены примеры преимущественно на материале письменных стенограмм допросов на английском языке. В связи с развитием технологий анализа устной речи представляется перспективным исследование аудиозаписей аналогичных материалов в сопоставлении на различных языках.

© Байкова О. В., Крюкова Н. Ф., Бухаров В. М., Байкова А. В.

1.2. КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ЗНАКА: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ КАТЕГОРИИ КОНЦЕССИВНОСТИ)

1. Введение

В настоящем исследовании продолжено рассмотрение прецедентных единиц на категориальном уровне, предпринятое ранее в данной серии коллективной монографии (ГОЛУБЕВА 2019). Языкознание XXI века отличается повышенным интересом к категориальному устройству языка и его интерпретативному потенциалу (КУБРЯКОВА 2004; БОНДАРКО 2006; НИКОНОВА 2006; БОЛДЫРЕВ 2010; БОЛДЫРЕВ 2011; БЕЗУКЛАДОВА 2015; БЕСЕДИНА 2017; БЕРЗИНА 2023; ГОЛУБЕВА 2023; БОРИСЕНКО 2023). Отдельный научный интерес представляют при этом проблемы вторичной языковой категоризации, имеющие выход на вторичное моделирование картины мира и ее восприятие с привлечением лингвокреативного потенциала (ВЕРБИЦКАЯ 2000; ЕЛИНА 2012; ГРИШАЕВА 2020; КИОСЕ 2023; СИЛКИНА & ГУДКОВА 2023; ВИКУЛОВА & РЯНСКАЯ 2023).

Не теряет силы при этом научный поиск знака с лингвокультурологических и когнитивно-дискурсивных позиций (АСТАФУРОВА & ОЛЯНИЧ 2008; СУЛИМОВ 2011; ДИВЬЯК 2015; КАРАСИК 2019; КАРАСИК 2022; ТУРБИНА 2023).

Областью нашего исследования является прецедентный знак. Как продукт прецедентного мышления, существующего не на догмах и общих законах постижения языкового знания, а на прецеденте, как это понимается в (FORRESTER 1996), сущность прецедентного знака «предположена уже заранее» (ХАЙДЕГГЕР 2006: 35-39). Сегодня сфера прецедентности в ее номенклатурном формате стремительно расширяется и реализует когнитивную категорию прецедентности как интерпретирующую категорию общего типа (ГОЛУБЕВА 2022).

Когнитивной доминантой главы является акцент на диахронии конкретной семантической категории, реализуемой прецедентными языковыми знаками — концессивами. Термин *диахрония* понимается при этом в широком смысле, не только в срезе конечного продукта давно прошедших исторических изменений *off-*

line (диахрония I), но и как множество случаев «индивидуального адаптивного поведения в режиме реального времени в ходе повседневной коммуникации» (ГивОН 2015: 89). Такая трактовка диахронии позволяет рассмотреть случаи употребления концессивов в немецком языке в режиме *on-line* (диахрония II), которые уже сегодня закрепляются и в будущем перейдут в систему языка, то есть для них языковая норма сегодня является уже диахронией.

Концессивность, по образному определению, представляет собой «интерпретативный тупик» («interpretatorische Sackgasse») (E. Breindl). Специфика этой семантики является объектом исследования не одного поколения отечественных и зарубежных лингвистов на материале разных языков (В. Ю. Апресян, Г. П. Берзина, О. В. Евстафиади, Е. В. Золинова, Е. В. Зуева, О. А. Лаврова, Е. Н. Мишина, Е. В. Плотникова, Е. В. Урысон, И. К. Харитонов, В. С. Храковский; E. Baschewa, H. Blühdorn, U. Braube, E. Breindl, E. Couper-Kuhlen, C. Di Meola, E. König, B. Kortmann, R. Pasch, U. Patzke, E. Rudolph, S. A. Thompson, U.-H. Wassner).

В сплетке обозначенных выше ракурсов научного интереса к языковому знаку *новизна* представленного исследования заключается в том, что на примере категории концессивности в ее развитии оно служит обоснованию онтологической природы прецедентного знака в параметрах классической структуры языкового знака — семантики, синтактики и прагматики (СТЕПАНОВ 2001).

Гипотезой исследования следует считать допущение о том, что знаковая прецедентность концессивов детерминруется их грамматикализацией и композициональностью их семантики. *Материалом* исследования являются лексикографические статьи с концессивами немецкого языка и дискурсивные высказывания.

Цель настоящей главы заключается в описании становления концессивной семантики и, соответственно, языковых средств и форм ее реализации как производных языковых сущностей. В ходе развернутого анализа раскрывается когнитивно-семиотический механизм вторичной категоризации человеческого опыта взаимодействия с миром. Вместе с тем автор намеревается показать, насколько обусловлено исторически употребление концессивных знаков письменной-языковой предвзятостью лингвистики как знаковой системы категоризации деятельностного опыта и

неразрывно связанной с ней дискурсивной ситуацией.

Для анализа прецедентных единиц автором используется комплекс специальных и лингвистических методов: сравнительно-сопоставительный метод, методы прецедента, прецедентного моделирования, реконструкции когнитивных структур, объяснительного и динамического описания, трансформационный метод, концептуально-дефиниционный метод и др.

2. Концессивы как языковые прецедентные знаки

2.1. Общая характеристика концессивов

К *концессивам* мы относим слова и выражения с уступительной семантикой. В их число входят как *коннекторы*, которые должны удовлетворять, как следует из их дефиниции, определенным логико-семантическим и грамматическим критериям (PASCH & al. 2003), так и *не-коннекторы* — *коннективы*, все слова со связующей функцией (PATZKE 1999).

Все эксплицитные языковые средства для реализации концессивного отношения могут функционировать не только в рамках словосочетания (*klein, aber ohh*), соединять предложения друг с другом (*Selbst wenn die Sonne scheint, ist die Straße nass*), но и на уровне отдельного предложения (*Bleibe, wie es wolle*). Поступая их как языковые прецедентные знаки, мы должны показать их морфологически и семантически сложными языковыми единицами, маркерами вторичных отношений в языке на уровне диахронии.

Уступительность с семантической, грамматической или лексической точки зрения пориста и многослойна. Как результат языковой деривации она указывает на неаддитивность смысла. Уже при первом прочтении концессивов можно заметить, что к их морфологическим составляющим относятся темпоральные, указательные, модальные, отрицательные и др. элементы. Так, *trotzdem* состоит из предлога *trotz* и указательного местоимения *dem* (*das* — в дат. п.), *dabei* — из наречия *da* и предлога *bei*. Причастие II легко угадывается в коннекторах *geschwiegen* и *ungeachtet dessen / dessen ungeachtet* с указательным местоимением и др.

В языке есть «маленькие слова с большим значением» (Н. К. Рябцева), к которым в большинстве своем следует отнести

концессивы. Их структура может быть настолько сильно лексикализована, что они употребляются в переносном значении, напр., *Auf ihm wirkt nichts.* — Ему хоть бы что. *Er versteht sich auf alles.* — Он работник хоть куда. *Es ist zum Heulen.* — Хоть волком вой. *Zum Bersten!* — Хоть лопни! Следы этого языкового процесса можно увидеть также на «уступительном императиве», который десемантизируется, в структурах *Schlag mich tot!* (Хоть убей!) *Mach (du), was du willst ...* (как ни крути) и др.

В концессивах кроется великая сила языкового закона солидарности лексического и грамматического, согласно которому функционально однородные компоненты притягиваются друг к другу, создавая, таким образом, равнозначное языковое окружение. Другими словами, синтагмы образуются из языковых элементов с одинаковой дистрибуцией. Этим достигается стремление к единству и монолитности номинативной единицы, напр., *trotz alledem, wie dem auch sei* и др.

Как и любой аналитической форме, концессивам присуща особая композиционная совместимость конstituентов, которая гарантирует их очевидную неразложимость и идиоматичность, вследствие чего возникает новая форма с одной и той же функцией и единым значением. При этом обнаруживается заметное ослабление их семантико-синтаксической связи с исходной формой. Из-за утраты ими категориальных грамматических признаков проявляется их неспособность к синтаксическому распространению.

Грамматическое значение для большинства концессивов немецкого языка определяется по лексическому значению их семантически ведущих конstituентов (ядерных слов). Ими являются синсемантические представители разных частей речи с «поблекшим» лексическим значением. Это существительные: *Bedingung, Ding, Fall, Tat, Tatsache, Trotz, Zeit, Wahrheit* в лексемах *allerdings, jedenfalls, in der Tat, ungeachtet der Tatsache, dass; trotzdem, zur gleichen Zeit, in Wahrheit*; глаголы: *achten, geschweigen, machen, schaden, sehen, tun, wahren* в лексемах *dessen ungeachtet, dessen unbeschadet, abgesehen davon, geschweige denn, geschwiegen, während dessen dass*; наречия: *bloß, gleich, hin ... her, immer, wiederum, wohl* в лексемах *bloß dass, wenngleich, immerhin, hinwiederum, hin oder*

her, wiewohl; союзы, предлоги и частицы: denn, doch, ob, schon, trotz, wenn, wobei в лексемах trotzdem, obschon, obzwar, wenn ... zwar, wenn auch, wenn doch nur; wenn schon, denn schon.

В отдельном пояснении нуждается частотный структурный элемент wenn, который функционирует и как самостоятельный союз, выражающий условие. В структуру concessива wenn интегрируется с семантикой «нерелевантное блокирующее условие» (Irrelevanzkonditional) (KÖNIG 1994: 86; PASCH & al. 2003: 265). Как выше замечено, «кучкование» наблюдается среди языковых элементов с равными дистрибутивными возможностями. «Скользящими» элементами вокруг wenn являются функционально идентичные языковые элементы, модифицирующие значение условия, переводящие его в concessивное значение: сочинительный союз und; модальные частицы auch, selbst, sogar, schon; модальное выражение durch ein Wunder (каким-то чудом). Ср.: wenn (...) auch, auch wenn (...), aber; außer wenn; selbst wenn; sogar wenn; wenn sogar auch (durch ein Wunder); wenn (auch nur) doch, wenn nur, wenn doch nur, wenschon (wenn ... schon), wenngleich, wenn sogar auch; wennzwar, wenn (...), dafür; als wenn (...) oder.

Ограниченное число пословных обозначений для выражения уступительных значений в немецком языке, а также стремление к большему числу комбинационных возможностей для нюансирования этих значений вызвали к жизни образование местоименных структур типа hin oder her, auch nur, nichtsdestotrotz. Они употребительны в сфере разговорной речи, придают ей самобытность и колорит. Они функционируют как «автоматизированные» и «полуавтоматизированные синтагмы» (понятие О. И. Москальской) прономинального типа, который прослеживается и в синхронии, и в диахронии.

2.2. Концессивы в ракурсе диахронии I (off-line)

На данном этапе для выявления признака языковой прецедентности необходимым должно стать вычленение граммем concessивов, степень их взаимодействия с другими функторами, на базе переосмысления которых произошло становление их производной семантики. Для этого автором проанализировано в диахроническом аспекте около 100 concessивов. Concessивные структуры имеют разную морфологическую природу. Простыми

словоформами являются конститутенты *wohl*, *wo*, *ob*, *bloß*; затемненную форму сравнительной степени наречия имеет *aber* от *ab* (*weg*, *fort*, *ab*). Из синтагм возникли композиты *gleichwohl*, *sowieso*, *wennzwar*, *jedoch*, *dennoch*, *immerhin*, *hinwiederum*. Среди них есть композиционно-осложненные образования *doch* (ahd. *doh*, got. *doh*, сложено из союза *oder* + *und*) и *nur* (ahd. *niväri* = *nicht wäre*); девербальные образования: *ungeachtet dessen* (*achten*), *dessen unbeschadet* (*beschaden*), *abgesehen davon* (*absehen*), *geschweige denn* (*geschweigen*); деноминальные компоненты: *trotzdem*, *nichtsdestotrotz*, *währenddessen*, *indessen*, *allerdings*. Многие другие являются наречиями (местоименными наречиями): *wenigstens*, *mindestens* (в современном немецком языке форма суперлатива от *wenig*), *freilich*, *schließlich*, *dafür*, *hingegen*, *dabei*, *wobei*. Среди concessivов имеются раздельнооформленные, но семантически спаянные грамматикализованные структуры, которые выделяются в предложении как функциональное единство. Они синтаксически гипостазировались, морфологически интегрировались и могут иметь как дистантную, так и контактную внутреннюю диспозицию, напр., *es sei denn*, *wie dem auch sei*, *zwar ... aber*, *wenn ... dafür*, *wie auch immer*; *sei es ...*, *sei es*; *hin oder her*; *hin ... her*.

Приведенный выше анализ данных этимологических словарей (GRIMM J. & GRIMM W. 1936; PAUL & al. 2002 (=1935); KLUGE 1975 (=1883); WAHRIG 1997) показывает историческую преемственность прономинальных и темпоральных компонентов в структуре современных concessivов немецкого языка и не оставляет сомнения в их знаковом прецедентном характере.

Анализ concessivов в диахронии I вместе с тем должен выявить синтаксические дивергенции в процессе становления их частеречного статуса. Рассмотрим предполагаемые грамматические преобразования на прототипических concessivах *ungeachtet* и *trotzdem*. Языковой материал для описания процесса грамматикализации мы заимствовали из (GRIMM J. & GRIMM W. 1936: 615-621).

Concessiv *ungeachtet* появляется уже в свн. как причастие II в адъективной функции, а иногда как наречие, напр.,

(1) *ungeachtet* ging dem hufschlag nach.

- (2) es werden auf diesem wege *ungeachtet* schätze sich in ungeglaubte verwandeln.

В качестве причастия II на этом этапе *ungeachtet* встречается в трех синтаксических позициях:

- «абсолютный» партицип (*ungeachtet von kabita ratione*);
 - «абсолютный» партицип с вин. п. (*solche hindernis alle ungeachtet*);
 - «абсолютный» партицип с зависимым предложением:
- (3) er musste ... Maximilian ... lassen des spiels walten, *ungeachtet*, ob Julius mehr gelt ... hatte;
- (4) *ungeachtet*, wie gut oder wie schlimm der verstand an sich selbst getroffen wird.

Употребление *ungeachtet* допускает также некоторые падежные варианты, напр., с родительным падежом и является естественным и частотным преемником предшествующей конструкции глагола *achten*. При этом исходной синтаксической позицией по-прежнему остается «абсолютный» партицип, а также аккумулятивная функция партиципа, напр.,

- (5) *ungeachtet* des selbigen (ihres mannes) ... ist sie standthäftig ... blieben.

При этом родительный падеж функционирует как в препозиции, так и в постпозиции к партиципу:

- (6) Gallus, welcher *ungeachtet* seiner geringen ankunft, von ihm zum verwalter über Egypten gemacht ist worden.
- (7) Judas nicht zweifelte, Christus würde seines verrathens *ungeachtet* den Juden wohl entwischen.
- (8) alles bestrebens *ungeachtet* war sie nicht vermögend.
- (9) nun aber solches *ungeachtet* hat Deutschland unruhig gemacht.

Следующий этап развития ведет к образованию concessивной частицы *desungeachtet* или *dessenungeachtet* — сегодняшнему союзному наречию. Оно возникает на базе существовавших в изобилии на тот момент свободных и гипостазированных сочетаний, в которых компонентом слова становится демонстратив:

- (10) *ungeachtet dessen* schlugen sie sie ihm das ab.
- (11) demnach bleibt es *dessen ungeachtet* eine ... schwere arbeit.

Затянувшееся употребление *ungeachtet* с дательным падежом закрепило в этой позиции сначала местоимение, а позже и

свободные лексемы. В этой комбинации с *ungeachtet* к этому времени повторяется синтаксическая, а также семантическая валентность других местоименных образований такого же типа, таких как *demnach*, *demgemäss*, *demzufolge*, *trotz*, например,

(12) aber *diesem ungeachtet* giengen allerley streitte in Pommern für Migrälius.

В этой синтаксической позиции встречаются другие кумулятивно-прономинальные образования того времени, например, *diesem allem ungeachtet*, *allem diesen ungeachtet*, *ohneachtet allen meinen bitten*. Эти «*ungeachtet*»-структуры с дательным падежом и не менее часто с родительным постепенно зарекомендовали себя как маркеры канцелярского стиля, но представляют интерес в сравнительно-историческом плане, поскольку такие языковые аналогии просматриваются и в русском языке (ВИНОГРАДОВ 1941: 717).

Чисто союзное употребление *ungeachtet* восходит к «абсолютному» причастию, которое вступает в синтаксическую связь с зависимым предложением. Диахронические выкладки показывают, что свою союзную функцию этот concessiv получает лишь в сочетании с местоимением *dass*, например,

(13) so fing sie (die wache) an, sich meiner zu bemächtigen, und *ungeachtet*, *dasz* ich ihr den patriotischen eifer erzählte, mich in arrest zu führen.

Однако более поздние языковые свидетельства явно указывают на исчезновение местоименной части *dessen* (*des*) при союзном употреблении, что и сегодня не является редкостью:

(14) A. erklärte sich, *ungeachtet* er die absicht des F. merkte, ... für die monarchie.

(15) so erscheint mir auch, *ungeachtet* ich es täglich sehe, das verhältnis zwischen einem vater und einem erwachsenen sohn um so neuer, unbedränglicher.

Широкая сфера употребления *ungeachtet* создает благоприятную языковую среду для всякого рода отклонений в функции и значении, что в конечном итоге приводит его к синонимическому варианту адвербиальных *trotzdem* и *abgesehen von*, например,

(16) dann eilte er und richtete den befehl der herzogin bei der schaffnerin, die ihm das haar strich und *ungeachtet nichts* anbot, ...

(17) ich ... getraue mir, *des erfolges ungeachtet*, zu beweisen, *dasz* ich recht hatte.

Проследим далее на базе исторических языковых источников этапы грамматикализации в диахронии I коннектора *trotzdem* (GRIMM J. & GRIMM W. 1936: 690). Этимологический анализ позволяет предположить, что аффриката в конце слова *trotz* указывает на девербативный характер существительного, которое структурировало императивное предложение «*trotz sei geboten*», или проще, «*trotz sei*». Эти словоформы существовали вплоть до XVII в., превратившись в междометие *trotz* с вариантами *trutz*, *tratz*, которые имели хождение в смысле надменного выкрика, вызывающего врага на поединок в борьбе (*предлагаю сразиться*):

(18) *si sprach: trutz si allen vürsten, daz keiner kome darin.*

(19) *truz und traz! und hebt sich dieser keiner dar....*

Здесь можно выделить четыре семантические линии:

— угроза:

(20) *trutz, tod! komm her, ich förcht dich nit.*

(21) *trutz, komm und thu ein schnitt.*

— предостережение:

(22) *trutz, thue mir etwas tange me, si viv es Schöns — Leder.*

— заверение, клятва:

(23) *die frauen lesen die federlin ab und trutz! nit ein stöblin muss an iren cleidern sein.*

— проклятие:

(24) *trutz allen, so ferrn sie sich nicht bessern.*

Уже в этот период для *trotz* отмечается тенденция необычной для междометия функции предварять релятивное придаточное предложение пословными комбинациями *trutz (einem) der*, *trutz wer* и др.:

(25) *ja, truz, wer tar küssen mich?*

(26) *von natur sind wir stoltz, und trutz der uns zeihen wölte.*

Параллельно с указанными грамматикализированными структурами возникает сочетание междометия с союзным предложением в формах *trutz daz* и *wehe wenn*:

(27) *trutz, daz dir min herze niemer einen wank gewiche er muoz iemer (mer) in rechter stæt bi dir bestan.*

(28) *trutz und traz, daz ieman zihe eins ritters und eins burgers sun daz si lesterlichen tuon.*

Все выделенные выше лексические значения *trotz* объединяются общей семантической стратегией следующей за междометием пропозиции, а именно, содержащимся в ней отрицательным смыслом. Так «утверждается» компонент негации в concessивной семантике. Ср. также:

- (29) *trotz* aber nit allein dem Treger und Murner, ja allen englen und teufflen, das sie immer beweisen, das unser predig ... anders sei, dann das einzig gewisz wort gottes.
- (30) *trutz* joch allen crêatûren, daz si deme menschen joch nimmer nicht geschaden mugen, der sich gote gelâzen hât.

Но уже в XVI в. из *trotz* в функции междометия развивается его предложное употребление. Этот онтологический след прослеживается до XIX в. в пунктуации:

- (31) fürsten und herrn müssen von in reden lassen, *trutz* irer macht, daz si es wehren, schöne weise klugreden.
- (32) die kunst bleibt wol in ewigkeit *trotz* neidhart, miszgunst, krieg und streit.

Хотя предложное употребление *trotz* уже сформировалось, но даже в XVII в. оно оставалось относительно редким с управлением в дательном падеже, что сегодня встречается в исключительных случаях. В этой категориальной функции оно имело два значения:

— противоречие:

- (33) wer sich auf gott verlâszt, der glaubt auch, *trotz* der schweren zeit! des künftigen glückes möglichkeit.
- (34) dennoch musz sie (die schrift), *trotz allen* kunstrichtern, ein traum sein.

— сравнение:

- (35) so kon ich men roszl rundi (tüchtig) flechten *trutz einem* under allen bauernknechten.
- (36) ~ *trutznachtigal* wird das büchlein genand, weil es *trutz allen* nachtigalen süsz und lieblich singet.

Сравнение, передаваемое *trotz*, имело два значения: ‘так же, как’ и ‘лучше / больше, чем’. В этих значениях и с такой диатезой падежа предлог *trotz* функционировал уже в XVI в. и еще в XX в. встречался довольно часто в верхненемецких диалектах.

В середине XVIII в. обозначилось употребление предлога *trotz* с родительным падежом, который сегодня был почти полностью вытеснен дательным.

(37) *trotz der bete voll eis lächelt der rosenstraus. trutz seines gewissens, trutz seiner pflicht.*

Наречие *trotzdem* образовалось сравнительно недавно. Его семантика отсылает к чему-либо предыдущему, что противоречит настоящему. Позже возникло наречие *troztallemdem*, выражающее «абсолютное» противоречие:

(38) *es ist mir troztallemdem leichter geworden.*

Следующий шаг в грамматикализации *troztallemdem* связан с его переходом из наречия *troztallemdem* (*dasz*) в категорию союзов *troztallemdem* *dasz* и просто *troztallemdem*, указывающих на впереди стоящее союзное предложение:

(39) *troztallemdem dasz der Christus so tiefschneidendeswehthum daraus prophezeit ...*

(40) *troztallemdem dasz ich mir wahrhaftig nichtsabgehen ... liesz.*

На этом этапе развития союза можно увидеть след синтеза прономинального элемента *dem* с предлогом *troztallemdem*. Этот процесс оформляется их слитным написанием. Развитие союза продолжается до утверждения привычной формы *troztallemdem* или же менее употребительной формы *troztallemdem dasz* и совсем редко встречающейся формы *troztallemdem*:

(41) *Napoleon muszte den ort beschieszen, troztallemdem dasz er ein eigenes haus darin hat.*

(42) *troztallemdem dies mein freund ist, so ist...*

2.3. Концессивы в ракурсе диахронии II (on-line)

Поверхностная морфологическая структура и семантика концессивов в режиме off-line, напомним, системы языка, позволяет однозначно определить их производный (прецедентный) характер на уровне знака. Свидетельством тому являются их эксплицитные прономинальные компоненты: -all, da-, -dem, dessen (des), die, es, gleich(-), jeder, meinet-, nichts, selbst, so, was, wer. Они представлены в лексемах *troztallemdem*, *dabei*, *wie dem auch sei*, *währenddessen*, *indes*, *zu der (zur) gleichen Zeit*, *zugleich*, *sei es, jedenfalls*, *meinetwegen*, *nichtsdestotrotz*, *nichtsdestoweniger*, *nichtsdestominder*, *selbst wenn*, *sowieso*, *was auch*, *wer auch*.

Из анализа строевых элементов концессивов в диахронии I можно заметить, что среди них имеются «одиночки» (*Einzelgänger*), в терминологии Р. Паш. Их семантика содержит

прономинальность одновременно имплицитно (и) и эксплицитно (э): desto = des (э) + to (i) < des da; sowieso = so (э) + wie (i) < wer + so (э); wenngleich = wenn (i) < wer + gleich (э); selbst wenn = selbst (э) + wenn (i) < wer.

Сегодня concessives немецкого языка относятся к шести различным классам слов: предлоги — trotz, ungeachtet, unbeschadet; адвербиальные союзы — trotzdem, dennoch, dafür, sowieso; подчинительные союзы — obwohl, wiewohl, auch wenn, dafür dass; постпозитивные подчинительные союзы — wobei, bloß dass; сочинительные союзы — aber, ob ... oder, wo ... doch; частицы — doch, sei es, aber:

(43) *Dafür, dass* sie schon so alt, sieht sie noch sehr jugendlich aus (PASCH & al. 2003: 703). (подчинительный союз)

(44) Was passiert, ist ungewiss. *Nichtsdestominder* zeigten sich die Politiker nach der Sitzung optimistisch (ibid.: 717). (наречие)

Грамматика concessives структур простирается от частиц до фразеологических предложений. Ср.: Keine Widerrede! Doch; es sei denn; wie dem auch sei; koste es, was es wolle; sei dem, wie es wolle; komme, wie es wolle; wie du es auch drehst; was auch immer du sagen magst.

В ракурсе диахронии II следует так же, как и в ракурсе диахронии I, говорить о грамматикализации concessives. Но она должна проявиться в реальном дискурсе в их семантических и структурно-грамматических признаках в результате десемантизации структурных компонентов и, как результат, их частичного преобразования, что обусловлено в том числе их позиционной подвижностью. Роль concessives в организации структуры немецкого предложения детально описана в (ЗУЕВА 2021).

В лингвистической традиции прономинальные элементы у concessives рассматриваются как «дисфункциональные», «функционально ослабленные» (MÉTRICH 2001: 29). Десемантизация прономинальной части усиливается у последних присоединением к ним союзных слов dass, ob, wie, was, фиксирующих подчинительную связь в предложении. Анафорически / катафорически функционирующие прономинальные элементы dessen, dem, davon, hiervon еще сохраняют свою форму как «держатели» валентного места предлога, но семантически они «побледили» и при

случае готовы исчезнуть из поверхностной структуры concessiva, сигнализируя тем самым об участии в процессе превращения местоименного наречия в подчинительный союз.

Выше мы наблюдали, как из предлога *ungeachtet* вследствие затухания его синтаксической валентности образовался адвербиальный коннектор *ungeachtet dessen*. Из него, в свою очередь, на современном этапе путем присоединения формального аргумента *dass*, то есть расширения синтаксической валентности в виде придаточного предложения, возник подчинительный союз *ungeachtet dessen dass*, хотя он имеет пока нерегулярное хождение в языке:

(45) ...*Hiervon abgesehen und ungeachtet dessen, dass einem eventuell schutz-zweckwidrigen Verhalten der öffentlich-rechtlichen Glückspielunternehmen im Rahmen der...*¹

Процесс грамматикализации concessivов лежит на пути дефокусирования семантики одних конstituентов и высвечивания семантики других. Можно предположить, что это связано не в последнюю очередь с тем, что *ungeachtet*, сохраняя рефлекс девербатива, стремится восстановить прямую синтаксическую связь именно с подчинительным союзом *dass* (*that*), который, по П. Дину, является, центральным элементом синтаксической структуры и когнитивной доминантой синтаксического концепта ОТНОШЕНИЕ. Этот когнитивный механизм объясняет подобное структурно-семантическое изменение и у других concessivов:

(46) ...*Mal abgesehen davon, dass ich die ganze Idee mit dem 24-h Cache ohnehin nicht besonders gut finde: Mit welchem Recht muss ich mich bei der Anmeldung...*²

Этот процесс очевиден в серии нижеследующих примеров современной коммуникации:

(47) *Das italienische Unternehmen hat mit einem grossen Krach geendet. De Martino ist von der Regierung desavouiert und abberufen worden. Es wird gesagt, er habe ein Ultimatum ausgegeben, trotzdem er schon Gegenbefehl gehabt habe.*³

¹ www.linksandlaw.com/decisions-131-gluecksspiellink.htm-30k.

² www.geocache-forum.de/geosaching-navicache-gps/1176.html-51k.

³ <http://www.china1900.info/erlebnisse/heyking711.html>.

- (48) Meine beiden Eltern sind (*trotzdem dass sie Franken sind!*) total karnevalsbegeistert.⁴
- (49) Aufgrund der geringen Größe und seiner Position auf dem Bildschirm können Sie diese Befehle bereits verwenden, *während* Sie noch an Ihren Dateien arbeiten.⁵
- (50) Dies war der Beginn einer umfangreichen Reihe von Partituren, die er für Wien schrieb, *während dessen* er seine Verbindung zu dem Ballettkomponisten Joseph Starzer belebte und seine Freundschaft zum Hofkomponisten Giuseppe Bonno vertiefte, den er seit 1752 kannte.⁶
- (51) Untersucht man das Gehirn, *während dessen dass* Musik gespielt oder gehört wird, dann sieht man eine verstärkte Zusammenarbeit der beiden Gehirnhälften, Aktivierung von diversen Sprachzentren und der Bereiche, die für Emotionen zuständig sind.⁷
- (52) Er war geschoren worden, *ungeachtet* seine Verurteilung noch nicht rechtskräftig war (DUDEN 2005: 398).
- (53) ...jeder nachfolgender Nutzer, der diesen Bericht liest, *ungeachtet, ob* dieser über eine Lizenz verfügt oder nicht, erklärt sein Einverständnis, dass er sich...⁸
- (54) ...Aussage niemals, irgend ein Zeichen für einen stattfindenden Kampf und die Präsenz der UCK im Dorf gesehen zu haben, *ungeachtet dessen dass* dort eine der...⁹

У concessивов адвербиальной природы положение форического элемента может варьировать, напр., *unbeschadet / ungeachtet dessen* или же *dessen unbeschadet / ungeachtet*; *abgesehen davon* или *davon abgesehen*. В свете конверсных отношений это явление называется «пермутацией» с меной коммуникативных ролей. Вместе с тем такая подвижность форического элемента вообще приводит к его исчезновению в структуре concessива, как в (52).

Анафорический / катафорический комплемент, который заполняет инкорпорированное валентное место предлога, служит

⁴ <http://www.nubert-forum.de/archiv/t-Der%20-%3B%FCber%20Fasching%20Aufreg-%3B%20-%20Thread!-8914.html>.

⁵ <http://office.microsoft.com/de-de/assistance/HP052741971031.aspx>.

⁶ <http://magazin.klassik.com/magazines/template.zfm?SEITE=1&ST-ART=&AID=522>.

⁷ <http://mitglied.lycos.de/Tierinformation/tmmusikmedizin.html>.

⁸ http://www.konsum.ch/pdf/Essgewohnheiten_EU_2002.pdf.

⁹ <http://www.free-slobo.de/news/fasb003.htm>.

маркером когнитивной проекции, обозначенной concessivом. Обычно это отношение реализуют прономинальные элементы *dessen* и *dem*. Но дискурсивные примеры показывают, что наметилась тенденция к изменению структуры и семантики компонента, см., напр., (45), а также:

(55) ...der französischen Regierung nützlich, *ungeachtet davon*, dass die Privatisierung und Abbau des Sozialstaates in Frankreichselbst fortgesetzt wird.¹⁰

Индикатором десемантизации формальных компонентов concessива является также их слитное написание с ядерным элементом структуры, дублирование компонента, а иногда даже изменение падежной парадигмы, напр.,

(56) *Trotzdem des enormen Andrangs* in den letzten Jahren bleiben sich die Veranstalter treu: Ruhe, Gelassenheit, keine marktschreierischen Anbieter, keine Lautsprecheransagen und ein angemessenes, musikalisches Begleitprogramm mit irischer Folklore, Jazz und traditioneller Musik aus der Region.¹¹

(57) *Währenddessen des Tests* wurden von den Probanden die zwei physiologischen Parameter Herzfrequenz und Hautwiderstand gemessen.¹²

К явным признакам грамматикализации concessивов следует отнести их «синтаксическую выделенность». Этот термин («syntaktisch hervorgehobene Konnektoren») представлен в (ORTNER 1983). В нашем случае эта позиция подчеркивает дискурсивно-предложенческий статус concessива, его статус дискурсивной частицы. Ее можно проследить на союзе *trotzdem*:

(58) ...*Trotzdem*, eine solche Respektlosigkeit hätte es früher nie gegeben.

(59) ...*Trotzdem*: es ist schon seltsam, wie schnell die Bundesregierung das Thema ad acta legte nach dem Motto: Nur eine tote Steuer ist eine gute Steuer (MARILLIER 2001: 191).

Синтаксическая функция concessива *trotzdem* в приведенных примерах вторична. Она обусловлена коммуникацией, где дискурсивная роль накладывается на первичную синтаксическую функцию союза. *Trotzdem* выдвинут в фиксированное предполье, в нем сфокусирована рема всего предложения. Кроме того, как

¹⁰ <http://www.radioafrika.net/pEc040924.html>.

¹¹ <http://www.sh-tourist.de/veransta/kunstmar/kunmark1.htm>.

¹² <http://www.soepad.fh.bildortmund.de/diederichs/uniffim/pdfs/jungetc.pdf>.

все союзы в целом, *trotzdem* связывает так называемую «präexistierte Proposition» (MARSCHALL 2001: 93), т. е. существовавшую ранее пропозицию, с актуальной пропозицией, для которой этот союз является ремой. Как замечено в (EROMS 2001: 47), подобные языковые элементы являются «не только предложениями-комментариями, но и дискурсоразвивающими выражениями, которые показывают динамический, агирующий и реагирующий характер коммуникации в монологических текстах».

Подробнее следует остановиться на следующих случаях:

(60) ...*Trotzdem*. Manchmal vom Regal der Wand hole ich meinen Schopenhauer, einen „Kerker voller Trauer“ hat er dieses Sein genannt.¹³

(61) ...*Trotzdem!* Die Menschen sind unvernünftig, irrational und egoistisch. Liebe diese Menschen trotzdem, wenn du Gutes tust.¹⁴

В рассматриваемых примерах *trotzdem* выполняет функцию грамматикализованного сигнального слова-предложения, которое упреждает ожидаемое следствие. В этих примерах референциальные линии концессива *trotzdem* сливаются, поэтому он реализует сразу две когнитивные (дейктические) проекции. При осуществлении когнитивной операции «перспективизация» он предвосхищает «неожиданное» и играет тем самым катафорическую роль. Одновременно он выполняет анафорическую роль, соединяя предыдущую пропозицию с последующей. Концессив профилирует когнитивный контекст обсуждаемой сущности на контрасте «фон» — «фигура», как и в примере ниже:

(62) ...Es stimmt *trotzdem*. Es darf nur nicht wissen, dass wir es wissen (MÉTRICH 2001: 328).

Далее следует отметить особый когнитивный профиль концессива *dafür* (зато), через который Наблюдатель выражает всегда реванширующее преимущество в суждении о какой-либо данности. Этот концессив, как мы видим, актуализирует когнитивную операцию «перспективизация», в ходе чего реализуется отношение между сущностями «на основе динамики силы». На службу этой когнитивной операции поставлена его постпозитивная по

¹³ www.unix-ag.uni-kl.de/~kasperek/Rilke/Trotzdem.html.

¹⁴ www.inessontag.de-pagelD_1391132.html.

отношению к предшествующей пропозиции синтаксическая позиция, что наблюдается довольно редко у concessivов в немецком языке в целом, разве что у *wobei* (притом, что), например,

(63) Auch die Zahl der Gartenrotschwänze ist zurückgegangen. *Dafür* sieht man mehr Kleiber in dieser Gegend (PASCH & al. 2003: 703).

Классификация синтаксических ролей concessivов и позиций их прономинальных конститuentов представляет также интерес с точки зрения сочетаемости concessivов друг с другом в рамках координативной связи, которая ведет к кумуляции уступительного значения в предложении, например,

(64) ...ungeachtet dessen und trotz der Schläge, die ihm das Leben versetzte, war es stets ein...¹⁵

С позиций когнитивной лингвистики предпринят концептуальный анализ «уступки», в ходе которого был смоделирован прототип взаимо- и/или противодействия логических составляющих в семантике concessivных коннекторов, которую можно интерпретировать как «отношение на основе динамики силы» — «силы/противосилы».

3. Выводы

На примере категории concessivности мы рассмотрели прецедентность в когнитивно-семиотическом аспекте. Анализ concessivов как языковых знаков в двух диахронических срезах — *off-line* и *on-line* — показал, что их прецедентность детерминруется их грамматикализацией и композициональностью их семантики. Грамматикализация concessivов в диахронии I и диахронии II обнаруживает себя через процесс разрушения их семантической и структурно-грамматической целостности. Прототипическая грамматикализация concessivов проявляется в двух тенденциях — в редукции, которая, с одной стороны, сопровождается десемантизацией их структурных компонентов, а с другой — их структурно-семантическим расширением и/или изменением. Все чаще можно видеть, как в современном немецком языке у подчинительных союзов выпадают их формальные семантические аргументы *dass* и *dessen* в лексемах *trotzdem*, *ungeachtet dessen*, *indessen* и *während dessen*. Вследствие этого они становятся

¹⁵ <http://www.jeanleon.com/deu/figura.html>.

омонимичны предложениям. Современный этап состояния немецкого языка свидетельствует об изменении прономинальных компонентов concessivов и превращении последних в дискурсивные частицы.

Было показано, что грамматикализацию коннекторов в диахронии I и диахронии II обуславливают следующие факторы: морфологический — морфологическая композициональность, экспансия, редукция; семантический — десемантизация структурирующих элементов, которая влияет на синтаксическую дистрибуцию; прагматический — синтаксическая подвижность коннектора в структуре предложения; когнитивный — профилирование семантических и синтаксических компонентов в отношении «фигура» — «фон» и другие когнитивные механизмы. Эти факторы указывают на их производный частеречный характер, а также на их способность к транспозиции — обратимости их форм (предлог, наречие, союз) для выражения определенного грамматического значения. Процесс грамматикализации concessivов отражает тенденцию «естественного грамматического развития языка» как универсального языкового процесса.

Предпринятый анализ показал, что грамматикализация concessivов заключается в их поэтапном частеречном перерождении, обусловленном спецификой грамматического контекста и семантики их составляющих. Таким образом, в исторической перспективе concessivы продемонстрировали композициональный, производный и, следовательно, прецедентный характер не только плана выражения, но и плана содержания.

Научно-дидактический аспект главы представлен обзором имеющихся в отечественной и зарубежной германистике исследований concessивной семантики и языковых средств ее выражения в рамках обозначенных временных срезов и в разных методологических векторах, свидетельствующих об эволюции concessивного вербального знака.

© Голубева Н. А.

1.3. МОДЕЛИРОВАНИЕ МОДУСНОЙ СТРУКТУРЫ В НЕМЕЦКОМ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

1. Роль лексико-грамматических индексов в формировании структурной и семантической организации сложноподчиненного предложения

Расчленение сложноподчиненного предложения (далее — СПП) на две составляющие — модус и диктум — облегчает изучение структуры предложения, логических и тематических взаимосвязей между этими составляющими, инвентаря языковых единиц, участвующих в механизме порождения речи.

Семантико-синтаксическая структура СПП обладает рядом функциональных и семантических признаков, манифестацию которых обеспечивает набор эксплицитных и имплицитных средств.

Одним из важнейших имплицитно выраженных компонентов предложения является *интонация*. Она представляется наиболее совершенным и универсальным средством построения предложения как цельной структуры, а также выступает в качестве формального критерия, позволяющего вычленить предложение из речевого потока (В. Delbrück, Z. Harris, H. Glinz и др.).

Из совокупности интонационных средств (паузы, темп, ритм, мелодия, ударение) к наиболее существенным следует отнести паузацию, а также мелодию, понимаемую как понижение или повышение голосового тона. Именно мелодия играет основную роль в членении предложения на синтагмы и является средством, способствующим различению предложений по цели высказывания (ЗИНДЕР & СТРОЕВА 1957: 50).

Интонация позволяет говорить о завершенности/незавершенности сложного предложения. Каждое такое предложение образует ритмико-мелодическое единство. Любая последующая часть соединяется с предшествующей посредством прогрессивной мелодии, что свидетельствует о намерении говорящего продолжить высказывание.

Помимо интонационных существует ряд иных имплицитных средств, не имеющих самостоятельного языкового выражения, но при этом актуализируемых в рамках лексико-семантических оппозиций и через контекст.

К *эксплицитным* средствам относятся структурно-семантические компоненты, при помощи которых возникают синтаксические связи между частями СПП. Экспликация, как известно, реализует тенденцию естественных языков к открытому словесному выражению семантических компонентов (НЕЛЮБИН 2003: 255). Средства экспликации имеют преимущественно синсемантический (идентифицирующий, коррелятивный) характер и называются в литературе по-разному: «лексические и грамматические индикаторы» (И. Р. Гальперин, Н. Д. Арутюнова, Ф. Шмидт, И. Энгель), «лексико-грамматические индексы» (Е. В. Гулыга, Н. Д. Натанзон, О. И. Москальская), «акцентуаторы» (И. И. Суцеский).

Лексико-грамматические индексы (ЛГИ) представляют собой синсемантические эксплицитные средства, участвующие самым непосредственным образом в механизме порождения высказывания и функционирующие в структурной схеме предложения в качестве опорных слов (ГУЛЫГА 1971: 29).

ЛГИ — в широком смысле — инструменты языка, либо указывающие непосредственно на «объекты», либо отсылающие к другим синсемантическим элементам, выступающим как в предыдущем, так и последующем контексте (*ibid.*: 70).

С опорой на теорию «индексалов» в логическом анализе языка и концепцию Е. В. Гулыга представляется возможным расширить понятие *индекса* в языке. Под ЛГИ в современном немецком языке следует понимать такие *инструменты (конституенты) языка, посредством которых с учетом их лексико-семантического наполнения формируется семантико-синтаксическая структура языка, являющаяся, в свою очередь, рефлексом логико-понятийного содержания.*

Как структурный компонент ЛГИ участвует в *механизме предсказания*, сущность которого состоит в том, что на основе ЛГИ на незавершенных участках семантико-синтаксическая структура достраивается в соответствии со значением, коммуникативной значимостью ЛГИ, его местоположением в логической цепи.

В отличие от других служебных слов и коррелятивов ЛГИ обладают своеобразием грамматического значения и способностью к отдельному коммуникативному употреблению, так что собственно модус может функционировать как цельный ЛГИ. Неза-

вершенность модуса определяется тем, что внутренняя организация предиката включает такой логико-семантический компонент, который сам по себе является признаком открытости модуса, формирующего ЛГИ, и требует продолжения и распространения в соответствии с присущими ему логико-смысловыми потребностями.

Анализ синтаксической и семантической структуры предложения, его составляющих является, по сути, попыткой исследовать процессы понимания и производства речи и, следовательно, пролить свет на процессы порождения смыслов, так или иначе отражающих реалии объективной действительности.

2. Результаты исследования

2.1. Структурная организация лексико-грамматических индексов в модусе

Структурная организация ЛГИ в модусе представлена в виде совокупности взаимодействующих языковых единиц. При инвентаризации ЛГИ, участвующих в структурной организации модуса, важную роль играют следующие *критерии*:

1) соотнесенность модусной структуры с логическим предикатом, который служит основой для классификации модусных структур. Логико-семантический предикат обладает обобщенным значением, вытекающим из семантики ЛГИ, заполняющих каждый тип предиката, что свидетельствует об относительной автономности ЛГИ, участвующих в организации модусной структуры;

2) структурная завершенность/незавершенность модуса. Незавершенность модуса определяется входением в его структуру компонентов ЛГИ, которые обладают потенциальной синтаксической валентностью и требуют для реализации этой валентности обязательного присутствия или зависимого слова, или придаточного предложения (далее — ПП). Незавершенность модусной структуры обусловлена также наличием такого компонента ЛГИ, который является в главном предложении (далее — ГП) субститутом замещенной посредством ПП синтаксической позиции.

Для языка характерно стремление к употреблению более детализированного, более четкого и надежного обозначения внеязыкового референта. К примеру, высказывание *Die Schüler schreiben* отражает факт реальной действительности в речевом акте. Модус в таких предложениях присутствует *имплицитно*,

иными словами, он тождествен самому речевому акту (AUSTIN 1962). В то же время для большинства европейских языков характерна нейтрально-экспрессивная форма выражения, языковой реализацией которой является *модально-диктальная конструкция*. В ней модус носит *эксплицитный* характер. Модально-диктальная расчлененность высказывания в его грамматической форме (предложении) позволяет отличать эксплицитно и имплицитно выраженный модус. В структуре эксплицитного модуса с помощью ЛГИ представлено оценочное значение, входящее в категорию субъективной модальности, и коммуникативное намерение говорящего. Эксплицитный модус всегда порождается диалогом — внутренним или внешним, поэтому конструкции «модус-пропозиция» свойственна внутренняя диалогичность (АРУТЮНОВА 1999: 409).

Эксплицитно выраженный модус может иметь различную структуру: *полную, свернутую и усеченную*. Структура модуса обусловлена типом логического предиката, поскольку именно он содержит в себе макет будущего предложения. Стержнем любого предиката являются глаголы, которые благодаря своей разнообразной семантике конституируют различные типы логических предикатов, одновременно выступая в качестве ЛГИ в модусной структуре. С одной стороны, глаголам свойственна детерминация грамматических категорий лица, числа, временных форм и т. д. С другой — в синтаксическом узусе глагол как носитель валентности открывает вокруг себя позиции, заполняемые актантами. Для модусной структуры в целом характерно тяготение к формам свернутой и усеченной предикации, в связи с чем представляется затруднительным рассматривать структуру модуса с четырех- и пятивалентными глаголами. Вряд ли правомерно относить к ЛГИ многовалентные глаголы, поскольку уже в ГП они реализуют все свои семантико-синтаксические функции, так что ГП приобретает вид как синтаксически, так и семантически завершенной конструкции. Задача же модуса и входящих в его структуру ЛГИ состоит «в переносе тяжести на постулируемое говорящим отношение содержания высказывания к действительности» (АРУТЮНОВА 1988: 106).

За исходную форму семантико-синтаксической структуры ГП принимается его *полносоставная* форма, включающая подде-

жащее и сказуемое и в ряде случаев факультативные члены предложения, например,

Es ist sehr wichtig für mich, wenn er jetzt kommt.

Ich verspreche Ihnen, daß die ganze Gruppe morgen um 6 Uhr unbedingt hier ist.

Развернутая структура объясняется стремлением эмитента сделать эксплицитным тип иллокутивной силы, которой обладает высказывание.

Для *свернутой* структуры характерно отсутствие аргументов *актант-адресат*, что связано с условиями и целями коммуникативного акта. В этом случае на первом месте оказывается модально-оценочный фактор, выражающий субъективную оценку высказывания.

Angst, daß mein Mann in Haft kommt (Spiegel 1996).

Wichtig ist, wie ich mich in solcher Situation verhalten sollte (ibid.).

ЛГИ относятся к элементам, конституирующим образец абстрагированной схемы языковой действительности, на которой основываются антиципация и логическая последовательность кодирования информации. Поступаемая информация облекается в синтаксическую модель, которая организуется в соответствии с правилами языка, и в результате возникает акт коммуникации.

Под синтаксической *моделью* понимается схема построения предложения, содержащая структурный минимум, необходимый для конструирования данных синтаксических единиц. В качестве *вариантов модели* рассматриваются ее модификации, связанные с расширением или сужением структуры, изменением порядка следования элементов. Данные варианты являются регулярными реализациями модели в речи (ШВЕДОВА 1969; МОСКАЛЬСКАЯ 1981).

Основным *назначением* модели является описание состояния объектов, поэтому для исследования структуры модуса важным представляется функционирование ЛГИ. Поскольку в основе описания структурных схем должен лежать не любой отличительный, а «существенно отличительный признак» (ГОРСКИЙ 1961: 120), то именно ЛГИ обладают совокупностью дифференциальных признаков, с учетом которых вычленяется модель предложения, являющего собой «образец» или «эталон», типичный для данного языка.

ЛГИ отличаются друг от друга наличием в своем составе различных по качеству и количеству компонентов, которые выступают в описании моделей модусной структуры и обозначаются в нашем исследовании следующими символами:

N_{a1} — актант, выраженный одушевленным или неодушевленным именем существительным (местоимением);

N_{a3} — актант (объект воздействия), выраженный одушевленным именем существительным, обозначающим лицо, на которое направлено действие, или лицо, в пользу или в ущерб которому совершается действие;

N_{a4} — актант, выраженный неодушевленным именем существительным, обозначающий предмет умственного, психического или физического воздействия, действия, состояния или интеллектуального, физического или психического отношения;

V_{fin} — спрягаемая форма глагола;

$V_{fin/pass}$ — спрягаемая форма глагола в пассивном залоге;

V_{cop} — связочный глагол;

V_{inf} — неопределенная форма глагола;

P — предикативная часть составного именного сказуемого, понимаемого в самом широком смысле (*prædicamentum*).

Приведенные выше сокращения и символы использованы при описании моделей модусной структуры.

2.2. Моделирование модусной структуры

2.2.1. Структура модуса с бытийным типом логического предиката

Этому типу модусного предиката свойственна логическая самостоятельность. Логической формулой его выражения является $(x)P(x)$, где x — индекс существования или бытийности.

Модус с ЛГИ бытийного типа представляет собой структурный стержень всего СПП, и его синтаксическая структура может быть реализована в следующих моделях:

(1.1) $Es + V_{exist} + [M_{log}]$

Es ist, als wäre unser Treffen zum letzten Mal (Deutsche Tribüne, 14.05.1991).

Постоянным конституентом этой модели является грамматическая частица *es*, обладающая важной структурообразующей

функцией. *Es* выступает в качестве подлежащего, конституирующего процесс, выраженный сказуемым.

Сказуемое, актуализирующее ЛГИ в модусной структуре бытийного типа, выражается в основном *одновалентными глаголами*, которые в современной грамматике рассматриваются как полусвязочные, поскольку они представляют собой гибрид полнозначного глагола и глагола-связки (ВИНОГРАДОВ 1975: 475). В такой модели эти синтаксически несамостоятельные глаголы выступают как полнозначные, образуя вместе с подлежащим *es* цельный с точки зрения структуры ЛГИ:

Es schien, ich habe niemals in meinem Leben so geliebt, wie ich damals Rosa liebte (HESSE 1988: 217).¹

У других глаголов, считающихся полнозначными и употребляемых в предложениях, начинающихся с *es*, ослабляется их основное лексическое значение, вследствие чего при соответствующем синтаксическом оформлении они могут выполнять функцию полусвязочных глаголов:

Es trifft sich, daß die ersten Hoffnungen auf eine weniger rasch ansteigende Bevölkerungszahl ausgemacht werden (Deutsche Tribüne, 16.11.1991).

Es begab sich, daß große Teile des Hans-Alberts-Platzes unter Kontrolle der Truppen gebracht wurden (Deutsche Tribüne, 21.12.91).

При свертывании СПП в простое предложение такой модус может подвергнуться элиминированию, ср.:

Es geschah, daß jener erfahrene Genosse verhaftet wurde.
Jener erfahrene Genosse wurde verhaftet.

Модель может быть расширена за счет включения в ее состав логических модификаторов, которые могут быть выражены модальными наречиями со значением усиления, уточнения, качества, свойства, действия.

Bisher schien es *so*, als ob der Doppelsprung der Europäischen Gemeinschaft in die Wirtschafts- und Währungsunion ... sorgfältig geschieden werden könne (Deutsche Tribüne, 6.05.1991).

Es geschah *immer wieder*, daß Betrunkene Auto fahren (BIELER 1981: 77).

¹ Цит. по: Hesse, Hermann. (1988) *Steppenwolf*. Frankfurt/Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag.

Упомянутые глаголы выступают в такой модели как полнозначные, т. е. выражают экзистенциональность. В случае их употребления с ЛГИ оценки (предикативной частью составного именного сказуемого) они представляют собой связочные глаголы и могут быть отнесены к предикату оценки, который амбивалентен предикату бытийного типа.

В качестве логических модификаторов могут также выступать детерминаторы места и времени:

Es geschah damals, als ich sie zum ersten Mal sah (Deutsche Tribüne, 18.07.1991).

В структурном и семантическом плане эти ЛГИ могут реализовываться также в *локальном* и *темпоральном* подтипах логического предиката, поскольку экзистенциональность нередко связывается с местом и временем действия.

$$(1.2) N_{a1} + V_{exist}$$

Wir leben, um ihn zu fürchten und dann wieder zu leben (HESSE 1988: 130).

С синтаксической точки зрения ЛГИ в этой модели эксплицируется глаголами, не имеющими, по сути, кроме субъектной валентности других обязательных валентностей. Однако, появление ПП здесь продиктовано необходимостью уточнить качество экзистенциональности.

К экзистенциональности относят также категорию обладания (ГАК 1965; АЛИСОВА 1971; LYONS 1973; СЕЛИВЕРСТОВА 1990), поскольку «иметь» есть ни что иное как инвертированное «быть» (БЕНВЕНИСТ 1974: 211 и след.). ЛГИ со значением обладания презентуются в модели:

$$(1.3) N_{a1} + V_{hab} + N_{a4}$$

В модели глагол требует наличия двух обязательных актантов.

Haben Sie die Güte, Ihre Arbeit zu Ende zu führen? (HESSE 1988: 202).
Sie haben Recht: Ich habe stets den Tod gefürchtet und bekämpft (HESSE 1988: 107).

Модель 1.3 актуализируется *двухвалентными* глаголами, требующими реализации правой и левой валентностей.

2.2.2. Структура модуса с акциональным типом логического предиката

На логическом уровне этот тип предиката выражается формулой $P(x)$ и $P(x; y)$. ЛГИ, актуализирующие этот тип, обозначают действие. По мнению А.М. Пешковского, оттенок действия присущ всем без исключения глагольным единицам, представляющим собой компонент ЛГИ акционального типа, хотя этот оттенок действия не всегда уловим (ПЕШКОВСКИЙ 1956: 75-80). В качестве ЛГИ в этом подтипе выступают глагольные лексемы, обозначающие способ действия как таковой. ЛГИ глагольного типа, для которых выражение действия признается вторичным, а выражение значения локативности, темпоральности или перцептивности и т. д. — основным, являются предметом исследования в рамках других подтипов предиката (например, локального, перцептивного подтипа предиката, подтипа оценки).

Первой моделью модусной структуры акционального типа является модель, конституирующая минимальную синтаксическую единицу $N + V_{fin}$:

$$(2.1) N_{al} + V_{agent}$$

Sie nickte, als verstünde sie mich (HESSE 1988: 95).

В этой модели в качестве основного составного компонента выступают ЛГИ, представленные *одновалентными* с синтаксической точки зрения глаголами, которые вместе с подлежащим делают модель структурно завершенной, поскольку в данной структуре полностью реализуется предикативный знак (КУКУШКИНА 1995: 89-90). Однако модусу оказывается свойственной информативная недостаточность, ибо эти ЛГИ являются содержательно неодновалентными. ГП с такого рода ЛГИ сохраняет имплицитно тенденцию к дополнению. Многие из этих ЛГИ в соответствии со своей логико-семантической валентностью нуждаются в расширении своего информационного потенциала, что приводит к появлению различных грамматических форм распространения, в т. ч. и посредством ПП.

В состав ЛГИ могут входить различные *логические модификаторы*, которые усиливают взаимосвязь между ГП и ПП:

Er wartete (solange), bis sie zurückkam.

Die Sonne scheint (so), als wäre der Frühling schon da.

$$(2.2) N_{a1} + V_{agent} + N_{a3}/N_{a4} + M_{log}$$

Для завершения СПП в целом ЛГИ акционального типа недостаточно реализовать только свою левую валентность. Предикат в модусе должен иметь свое продолжение как в синтаксическом, так и семантическом планах, поскольку структурная схема предложения, под которой понимается «минимум предложения» (МОСКАЛЬСКАЯ 1981: 26), находит свое выражение в модели «подлежащее + сказуемое + комплементарная часть».

Эту модель эксплицируют ЛГИ, которые включают *двухвалентные* глаголы, имеющие наряду с субъектной одну обязательную объектную валентность.

Die Kunst hilft den Menschen, Milieu und Umgebung besser zu verstehen (Spiegel 1994).

Mein Herz hat einen Sprung gemacht, wie wenn ein Flugzeug plötzlich absacht (KAUFMANN 1973: 351).

Das Radio verbreitet die Nachricht, ein Krieg sei ausgebrochen (BIELER 1981: 148).

Эта модель нашла широкое распространение в современном немецком языке в связи с тем, что в качестве цельного ЛГИ выступают так называемые «аналитические конструкции» (Streckformen), состоящие из функционального глагола и абстрактного существительного с предлогом или без такового.

Der Mann machte den Eindruck, als komme er aus einer fremden Welt (HESSE 1988: 39).

Die Polizei trifft verschiedene Maßnahmen, um so etwas in der Zukunft zu verhindern (BIELER 1981: 138).

Гораздо реже встречаются более объемные по составу модели, в которых функционируют трех-, четырех- и пятивалентные глаголы, делающие модусную структуру не только синтаксически, но и семантически завершенной. Многместные модели реализуются только в том случае, если в их составе актуализируются ЛГИ, свидетельствующие об информационной недостаточности. Эти ЛГИ приобретают в акте коммуникации доминирующее значение. К облигаторным компонентам в многовалентных моделях относятся ЛГИ, включающие модальные наречия типа *so, zu, gern, erst* и т. д., неопределенные и отрицательные местоимения *etwas,*

nichts, kein и т. д., синсемантические по своему характеру и выполняющие анафорическую и коррелятивную функции.

Man braucht *keine* Zeitungen zu lesen, um das zu wissen (HESSE 1988: 130).

Акциональный тип логического предиката представлен в большинстве случаев одно- и двухвалентной моделями, в составе которых функционируют ЛГИ, свидетельствующие о структурной завершенности модуса в целом, но требующие своего дальнейшего развития в семантическом аспекте. Многместные модели, которые включают в свой состав большое количество актантов, являются семантически и синтаксически законченными. Поэтому данная модель может представлять интерес только при наличии ЛГИ, требующего структурной и семантической оформленности.

2.2.3. Структура модуса с делиберативным типом логического предиката

Этот тип логического предиката обслуживает коммуникативный акт. В его основе лежит логическая формула $P(x; y)$.

Полная модель находит свое выражение в следующем виде:

$$(3.1) N_{a1} + V_{del} + N_{a3} + N_{a4}$$

В данной модели эксплицируются облигаторные актанты, которые помогают реализовывать ЛГИ, выступающие в модусе, содержащем делиберативный тип логического предиката.

$$N_{a1} \quad N_{a3} \quad N_{a4} \quad V_{del}$$

Ich will dir heute etwas sagen, was ich schon lange weiß (HESSE 1988: 163).

$$N_{a1} \quad N_{a4} \quad N_{a3} \quad V_{del}$$

Steppenwolf konnte es ihr nicht versprechen, weil sich sein Leben stark verändert hatte (HESSE 1988: 79).

В состав этой модели входят *поливалентные* глаголы. Возможны варианты, в которых в соответствии с коммуникативной интенцией, целями и задачами говорящего, а также с условиями речевой ситуации присутствует только один из отмеченных выше актантов N_{a3} или N_{a4} . В этом случае модель может иметь вид:

$$(3.1a) N_{a1} + V_{del} + N_{a3}/N_{a4}$$

$$N_{a4}$$

Der Bundespräsident befürwortet *eine Initiative*, den Minderheitenschutz im Grundgesetz zu verankern (Deutsche Tribüne, 11.11.1991).

N_{a3}

Du hast *mir* gesagt, daß du nur dir nichts Besseres wünschst, als Befehle von mir zu behalten (HESSE 1988: 118).

N_{a3}

Das zeigt *uns*, wie wichtig es ist, den Schülern bewußt zu machen, was sie noch nicht wissen (DaF 1991, 3: 196).

Модель может включать также ЛГИ, выраженные местоименными наречиями и другими так называемыми коррелятами, выступающими в роли субститутов структурной незавершенности модуса и выполняющими важную структурообразующую функцию, образуя с ПП неразрывное смысловое единство. Одним из важнейших признаков такого ЛГИ является его *предиктабельность*, т. е. коррелят указывает на незаконченность модуса, и в этом случае он структурно важен и для ГП, и для ПП, поскольку обе эти части объединяются в единое целое посредством этого коррелята (КРЕЛЕНШТЕЙН 1963: 14; КУКУШКИНА 1977: 121).

Wir sprachen *darüber*, daß die Tante ein wenig zur Frömmigkeit neigt (HESSE 1988: 114).

Daraus kann man schließen, daß Wörter sowohl mit hohem, als auch mit niedrigem Häufigkeitsgrad phonetisch-semantische Relationen aufweisen (DaF 1991, 3: 12).

Das Problem besteht *darin*, diese Mittel an die richtige Stelle kommen zu lassen (Deutsche Tribüne, 18.12.1991).

Die Rede ist *davon*, daß unsere Partner ihre ehrgeizigen Pläne jetzt für alle Zeiten aufgeben müssen (Spiegel 1995).

При сплошной выборке выявлено большое количество микротекстов (36,6%), в которых ввиду утраты ими коммуникативной значимости отсутствовали оба правых актанта. Модель при этом получает форму чистого предикативного знака: $N + V_{fin}$ и может быть модифицирована следующим образом:

(3.1.b) $N_{a1} + V_{del}$

Er fragte, ob ich keinen Wein trinken wolle (HESSE 1988: 37).

Ich merkte, daß ich ihn aus einer Art von Traumzustand geweckt hatte (HESSE 1988: 31).

Die Untersuchung zeigt, daß die Komponentenanalyse mit ihrer statischen Aufbereitung geeignet ist, phonetisch-semantische Relationen im Wortanlaut zu erforschen (DaF 1991, 3: 212).

Umfragen machten klar, daß 95% der Türken irgendwann in ihre Heimat zurückkehren wollten (Deutsche Tribüne, 15.07.1991).

В некоторых случаях модель может включать в свой состав ЛГИ модального или предикативного свойства, являющихся факультативными распространителями этой модели и имеющих наиболее важное значение для акта коммуникации.

Sie sprach so voll schweren Ernstes, so unter hohem Druck der Seele, daß ich nicht ganz mitkam, um sie zu beruhigen... (HESSE 1988: 120).

Ihre Tante sagte mir einmal, daß sie Gymnasium absolviert haben und bei ihnen ein guter Grieche war (Deutschland 1995, 3).

Модель деликативного типа также может принимать следующую форму:

(3.2) Es + V_{del} + Korrelat

Такая модель признается предикативной с точки зрения структуры, поскольку для нее характерна структурная завершенность. В синтаксическом смысле эта модель полностью образует цельный ЛГИ, неразрывное единство, конкретизирующее содержание и служащее началом всей логемы.

Es geht nicht darum, ob wir internationale Verantwortung wahrnehmen, sondern wie wir das tun (Deutschland 1991, 3).

Für die Union wird es deshalb jetzt darauf ankommen, den Bürgern wieder das Bild einer Partei zu bieten (Deutsche Tribüne, 6.08.1991).

Es handelt sich darum, daß die staatlich angestellten Lehrer und Erzieher fast ohne Arbeit bleiben (Deutsche Tribüne, 4.12.1991).

В модели es выступает как грамматический субъект, имеющий структурную и семантическую релевантность. Вместе с тем основой ее функционирования является *verbum finitum*, организующий ЛГИ. Эта глагольная лексема фактически оказывается на первом месте (АДМОНИ 1955: 112). ЛГИ представляет собой структурный стержень всего СПП, но в то же время он не имеет семантической ценности и указывает на необходимость появления ПП.

Наблюдения за современным состоянием немецкого языка показывают на возможность исключения es из модели и замещения его в начальной позиции логическим модификатором:

Weiter gilt, daß diese DIN-Normen für alle Betriebe im Osten und Westen Deutschlands seit dem Vereinigungsdatum obligatorisch sein müssen (Deutsche Tribüne, 18.11.1991).

Aber *da* stellte sich heraus, daß die Tante ihm die Erfüllung seines Wunsches schon zugesagt hatte (HESSE 1988: 40).

Daraus folgt, daß wir diese Erscheinungen auf ihre Grundsätze zurückführen (Deutschland 1994, 3).

Daran fällt auf, daß die Opposition zwischen anaphorischer und kataphorischer Bezugsrichtung bei Normalgliedern ein untergeordnetes Kriterium ist (DaF 1991, 4: 222).

Модель 3.2 реализуется через посредство безличных глаголов, встречающихся в оборотах типа *es handelt sich um*, *es heißt*, *es stellt sich heraus*, *es liegt an* и т. д.

В немецком языке имеет место явление сжатого оформления синтаксических структур, обладающих большим объемом информации, и, как следствие этого, появление и распространение пассивных конструкций в делиберативном предикате. Противопоставление форм активного и пассивного залогов позволяет различным образом расставить логические ударения, выдвинуть на первый план одни компоненты высказывания и вывести на задний план другие.

Для немецкого языка характерно использование пассивных конструкций в делиберативном типе логического предиката, поскольку «пассив — это способ устранения субъекта» (SCHWARTZ 1973). Наличие пассива выявляет его основное отличие от актива, состоящее в том, что в пассивных конструкциях агенс как бы «погашен», и место субъекта занимает аффицирующий или эффицирующийся объект.

(3.3) $N_{al} + V_{del/pass}$ или $[Es] + V_{del/pass} + N_{al}$

Das Schicksal des Patienten wird *davon* bestimmt, wie groß der Tumor zum Zeitpunkt der Diagnose ist (Deutsche Tribüne, 16.03.1991).

Hiermit ist auch *der Untersuchungsgegenstand* angedeutet, der aus folgenden Gründen gewählt wird (DaF 1991, 3: 211).

Как показывает исследование, в таких моделях нередко присутствуют ЛГИ, включающие также коррелятивные слова, указывающие на необходимость дальнейшего продолжения мысли.

Предикату делиберативного типа свойственна модель, представляющая собой пассивную конструкцию, в которой отсутствует как агенс, так и пациенс, а в качестве субъекта выступает грамматическая частица *es*. *Es* опускается в случае замены его в начале предложения другим факультативным компонентом

уточняющего или поясняющего характера.

(3.4) [Es] + V_{del/pass}

Es soll hier unbestritten sein, daß Hungernde in der Sahelzone nicht mit Hungernden in der Sowjetunion verrechnet werden können (Deutsche Tribüne, 19.01.1991).

Es wurde versprochen, daß er nie Parteisoldat gewesen sei (Deutsche Tribüne, 15.01.1991).

Hier muß gesagt werden, daß es falsch ist, wenn nur ein Mensch Selbstmörder nennt, welche sich wirklich umbringen (HESSE 1988: 52).

Es wurde versucht, diesen Geschehenstyp für unseren Zweck weiterzuentwickeln (DaF 1991, 4: 196).

Häufig wird übersehen, daß die ehemalige DDR nicht in allen Umweltfragen schlecht war (Deutsche Tribüne, 11.12.1991).

Es wird zurückgestützt werden müssen, wenn sich die Wohnungs- und Verkehrssituation drüben schnell verbessern soll (Deutsche Tribüne, 12.09.1991).

В качестве гомогенной структуры пассивного образования выступает форма с ЛГИ модального свойства:

(3.5) [Es] + V_{mod} + V_{del}

Es ist zu bemerken, daß die Industrie in Rußland fast alle Arbeiter verloren hat (Deutsche Tribüne, 18.09.1991).

Immer ist zu berücksichtigen, daß der Text eine Sinnheit von Inhaltsseite und sprachlicher Ausdrucksseite darstellt (DaF 1991, 4: 236).

Es sei zu verdanken, daß der kleine Friedhof noch erhalten sei (Deutsche Tribüne, 28.02.1991).

Es ist nicht zu vermeiden, wenn man jeweils bestimmte Merkmale besonders deutlich hervorheben will (DaF 1991, 4: 200).

Модусная структура с такого рода ЛГИ более независима в плане выражения и характерна для публицистического и научно-публицистического стиля. Подобные конструкции в немецком языке эквивалентны русским выражениям *следует сказать*, *необходимо подчеркнуть*, *нужно отметить*.

В составе ЛГИ, индексирующих эту модель, могут выступать поливалентные глаголы, которые потеряли в семантико-синтаксическом плане свои актанты и стали *моновалентными*.

ЛГИ, функционирующие в модусе, в основе которого лежит делиберативный подтип логического предиката, реализуются в моделях, представляющихся структурно завершёнными. В таких

моделях могут реализовываться различные актанты, но при этом минимум модели составляет «чистый предикативный знак». Важную роль в организации моделей играют корреляты, которые могут выступать в качестве отдельных ЛГИ (модель 3.1а) и составлять единое целое с другими компонентами модели (модель 3.2).

Для делиберативного типа актуальным является употребление в моделях как активного, так и пассивного залога. Использование пассивных конструкций позволяет производить различного рода моделирование, что приводит к увеличению количества структурно-семантических моделей и формированию текстуральной когерентности.

2.2.4. Структура модуса с перцептивным типом логического предиката

Существо названного предиката концептуально выражает логическая формула $P(x; y)$. Этой формуле соответствует структура, которая в *полносоставном* варианте выглядит так:

$$(4.1) N_{a1} + V_{per} + N_{a4}$$

$$N_{a1} \quad V_{per} \quad N_{a4}$$

Ich sehe andererseits eine solche Entwicklung folgenderweise: angesichts unserer demographischen Entwicklung wird die Gewinnung des Nachwuchses für die betriebliche Ausbildung erschwert (Deutsche Tribüne, 22.11.1991).

$$N_{a1} \quad V_{per} \quad N_{a4}$$

Ich begehre ja nichts anders als zu büßen, den Kopf unters Beil zu legen und mich strafen und vernichten zu lassen (HESSE 1988: 233).

В некоторых случаях место правого актанта может замещаться компонентом ЛГИ — *коррелятом*, предсказывающим облигаторное появление диктумной части:

$$N_{a4}$$

Ich zweifle nicht daran, daß sie zum größten Teil Dichtung sind (HESSE 1988: 8).

$$N_{a4}$$

Den Aufsatz hatte *Hermine* gelesen und *hatte daraus erfahren*, daß Harry Haller ein vaterlandsloser Geselle sei (HESSE 1988: 128).

Модель эксплицируется ЛГИ, представленными *двухвалентными* глаголами, у которых правый актант обнаруживает факуль-

тативный характер, в связи с чем наиболее частотной синтаксической структурой в модусе, как показывает исследование, является минимальная по составу модель, представляющая собой чистый предикативный знак:

$$(4.2) N_{a1} + V_{\text{per}} + [M_{\text{log}}]$$

Die Menschen begreifen nicht, daß sich die Situation mehr nicht verändert (Deutschland 1994, 3).

Ich beschloß, mich zu kostümieren (HESSE 1988: 161).

Du aber willst nicht wissen, wie ich heiße (HESSE 1988: 102).

Solche Meldungen stumpfen ab, wenn sie zu schnell aufeinander folgen (Deutsche Tribüne, 01.02.1991).

Die Theater im Osten befürchten, daß nun auch alle „rübermachen“ zu uns (Deutsche Tribüne, 04.12.1991).

Модель может также включать в свой состав логические модификаторы, позволяющие усилить модально-оценочную сему:

Von Tanzen hatte ich *so viel* gelernt, daß es mir nun möglich schien, den Ball mitzumachen (HESSE 1988: 161).

Mit Sorge sehen wir, daß von der Entwicklung in der Welt nur 822 Millionen Menschen profitieren (Deutschland 1994, 3).

Модель может представлять собой структурно-семантическую модификацию, в которой ЛГИ включает глагол в пассивном залоге:

$$(4.3) N_{a1} + V_{\text{per/pass}} \text{ или } [Es] + V_{\text{per/pass}} + N_{a1}$$

Модель учитывает появление аффицирующего или эффицирующего объекта:

Schon viele *Menschen* sollen gesehen worden sein, welche viel vom Hund oder Fuchs, vom Fisch oder von Schlange in sich hatten (HESSE 1988: 47).

„*Weiß*“ wird dann wahrgenommen, wenn alle Farbsinneszellen gleichermaßen erregt werden (Deutsche Tribüne, 22.04.1991).

Следующую модель представляет структура, характеризующаяся как демии-агентивная, поскольку в ней отсутствует четко выраженный грамматический субъект. Однако, такая модель сохраняет свою агентивную направленность при адекватном значении сказуемого: реальный носитель действия скрывается в предикате:

$$(4.4) [Es] + V_{\text{per}} + N_{a3}$$

Dann *fiel mir ein*, daß es ja Herr von Goethe sei (HESSE 1988: 104).

Es hat mir gut gefallen, daß man mich in dieser Menschenmenge bemerkt hat (Deutsche Tribüne, 06.05.1991).

Es wundert mich sehr, daß solche Dinge im weiten Kreis seiner Partei unterbleiben (Deutsche Tribüne, 18.02.1991).

Es ärgert mich, daß sie gewöhnen hat (Deutsche Tribüne, 03.04.1991).

Ihnen kam zugute, daß vielen Politikern das Gewissen schlug (Deutsche Tribüne, 28.05.1991).

Модель 4.4 эксплицируется *двухвалентными* глаголами.

ЛГИ в этом типе логического предиката актуализируются в структурно завершённой модели, которая, как правило, представлена минимальной синтаксической формулой $N + V_{\text{finitum}}$. Вместе с тем, поскольку к ЛГИ перцептивного типа относятся поливалентные глаголы, в зависимости от условий коммуникативного акта у них могут актуализироваться правые актаны, или модель может дополнительно включать логические модификаторы.

2.2.5. Структура модуса с предикатом оценки

Логический предикат оценки задается формулой $P(x)$. Синтаксическая модель содержит субъект, имеющий, скорее, формальный, нежели содержательный характер. Этим субъектом в модели выступает грамматическая частица *es*.

Наличие связочных глаголов рассматривается здесь как проявление информативной недостаточности. Поэтому в данном типе логического предиката большое распространение получили обороты *es gibt*, *es hat*, *es bedarf* и т. д., подготавливающие появление ремы.

Глагол-связка и предикативная часть составляют *предикамент* (WEINRICH 1976: 189). Принимаемый в исследовании данный термин трактуется в самом широком смысле. Под ним понимается предикативная часть, которая может быть выражена любой частью речи — существительным, прилагательным, причастием, числительным, инфинитивной формой глагола. Именно предикамент выступает основным составным компонентом синтаксической модели и представляет собой ЛГИ, служащий целям семантической и структурной завершенности.

Модель выглядит следующим образом:

(5.1) $Es + V_{\text{cop}} + P$

Es ist kein Glück, um darum zu sterben (HESSE 1988: 163).

Es gibt wirtschaftliche Gründe: von Bakterien Produziertes kostet noch einige Pfennige pro Kilogramm mehr als herkömmliches (Deutsche Tribüne, 15.09.1991).

Es ist eine Tatsache, daß solche Verfahren nur einen Teil der Schüler „ansprechen“ (DaF 1991, 4: 202).

Es ist gut, daß die Verfassungsdiskussion in Berlin parlamentarisch begonnen hat (Deutsche Tribüne, 18.10.1991).

Es hat keinen Sinn, irgendetwas Menschliches zu denken, zu sagen, zu schreiben (HESSE 1988: 129).

Наличие *es* в начальной позиции позволяет эмитенту получить выигрыш во времени для того, чтобы тщательно сформулировать свое высказывание. Помимо этого, следует учитывать, что *es* вызывает инверсию, вследствие чего весь информативный корпус находится в постглагольной позиции, создавая тем самым обстановку напряженного ожидания («Spannbogen») (BOOST 1955: 43) и побуждая реципиента к более концентрированному восприятию речи.

В этой структуре *es* стоит в экспозитивном падеже, отличном от номинатива (БЮЛЕР 1993: 337) и выступает как формант настоящего подлежащего, так как, будучи лишенной лексического значения и являясь анафорическим повторением предикамента, эта частица не вступает в связь с другими членами предложения. Подлежащее же сохраняет свои черты — независимость формы (именительный падеж) и подчинение себе формы сказуемого (по способу согласования) (АКУЛОВА 1971: 38). В такой позиции *es* выступает как «местоблюститель» («Platzhalter») (HELBIG & BUSCHA 1974) или как «вводный элемент» («präladierendes „es“») (WOLPERT 1974: 9). Данный грамматический формант представляет собой, по всей видимости, универсальный показатель, обладающий возможностью стоять в абсолютной начальной позиции и открывать предложение, являясь «единственным эксплицитным элементом, служащим предвосхищению речи» (ENGEL 1982: 223), ориентируя реципиента на определенный алгоритм восприятия текста. *Es* выступает в качестве «первичного сигнала» («Präsignal») или «побудительного фактора» («Appellfaktor») (GROSSE 1968). Таким образом, грамматический формант *es* демонстрирует в этой модели идиосинкретический характер: он занимает начальную позицию и указывает на наличие предикамента.

Es ist wichtig, daß die SU nicht mehr über die erforderlichen Devisen verfüge, um die Importrechnungen zu bezahlen (Deutsche Tribüne, 04.03.1991).

Важную роль в формировании синтаксической структуры играет связочный глагол, который членит высказывание на составляющие; соединяя, он разделяет, а разделяя, властвует. Если связка подчинена модусу, то в ее подчинении находится весь модальный комплекс (АРУТЮНОВА 1988: 152). Как безударная опорная часть ЛГИ, он является грамматически управляющим.

Предикамент, выраженный различными частями речи, образует с грамматическим формантом *es* и глаголом-связкой цельный ЛГИ, составляющий синтаксическую модель. С синтаксической точки зрения, части речи, выступающие в роли предикамента, представляют собой *моновалентные* лексемы. Именно они являются основным компонентом в составе ЛГИ, требующим дальнейшей «достройки» предложения.

Es wäre schön, wenn eine Durchmischung geschafft würde (Deutschland 1994, 3).

Es ist denn die Möglichkeit, daß er so viel Geld verdient (BIELER 1981: 503).

Прилагательные и наречия, входящие в состав моновалентных ЛГИ, могут принимать *компаративную форму*, вследствие чего возникает следующая модель:

(5.1a) $Es + V_{\text{cop}} + Adj_{\text{comp}}/Adv_{\text{comp}}$

Es ist viel schlimmer, daß bestimmte Tendenzen von Ausländerfeindlichkeit nicht rechtsradikal, sondern arrogant und nationalistisch sind (Deutschland 1994, 3).

Es wäre besser, wenn es keinen Gulfkrieg gegeben hätte (Deutsche Tribüne, 07.08.1991).

Модель 5.2 имеет следующую синтаксическую структуру:

(5.2) $Es + V_{\text{cop}} + N_{\text{аз}} + P$

Структурной особенностью этой модели является наличие актанта — носителя некоторого качества/свойства. Включение в модель данного актанта вызвано необходимостью подчеркнуть важность выполнения действия определенным субъектом.

Es ist für mich eine große Frage, ob sie bei uns bleibt (Deutschland 1994, 3).

Es ist leider eine Gewohnheit, ein Laster von mir, mich für den möglichst krassen Ausdruck zu entscheiden, was übrigens Goethe in seinen guten Stunden auch getan hat (HESSE 1988: 91).

Es ist ihnen bekannt, daß der Mensch aus einer Menge von Seelen, aus sehr vielen Ichs besteht (HESSE 1988: 109).

Es wäre klug von mir, dir das nicht zu sagen (HESSE 1988: 121).

Es wird für die CDU schwer werden, das Stück Glaubwürdigkeit zurückzugewinnen (Deutsche Tribüne, 01.06.1991).

Следующей моделью является:

$$(5.3) N_{a1} + V_{cop}$$

Конечная позиция глагола-связки в модусной структуре делает такую конструкцию открытой. Синсемантический связочный глагол требует в такого рода конструкции заполнения правой валентности, поэтому ЛГИ в этой структуре нуждаются в дальнейшем раскрытии содержания в диктуме. Такие предложения соответствуют концепции «внешней предикации», т. е. интерпретируют предикативность как отношение между высказыванием и действительностью (АРУТЮНОВА 1988: 181).

Das Wichtigste ist, daß die Rückwärtsentwicklung, der Abbau der industriellen Produktion und der Beschäftigung zu einem Ende kommt (Deutsche Tribüne, 15.05.1991).

Das Vertackte dabei ist, daß die neue Situation in Europa zu einer solchen Haltung förmlich einlädt (Deutsche Tribüne, 01.03.1991).

Charakteristisch für diesen Typ ist, daß bei der Versetzung des Adverbialsatzes ins Vorfeld das Es im Mittelfeld des Satzes beibehalten bleibt (DaF 1991, 4: 217).

Eine weitere Erklärungsmöglichkeit ist, daß die Linkshändigkeit das Symptom einer — vielleicht — erblich bedingten Veranlagung sein könnte (Deutsche Tribüne, 28.10.1991).

Aber mein letzter Gedanke war, hier bei den Toten zu bleiben (Deutschland 1995, 3).

Модели 5.2 и 5.3 эксплицируются *двухвалентными* единицами.

Большая часть ЛГИ, реализующих предикат оценки, появляется в предложениях, выстраиваемых по логической формуле $P(x)$, поскольку моновалентные ЛГИ манифестируют эксплицитные индикаторы оценки пропозиционального отношения. Гораздо менее употребительными являются ЛГИ в предложениях,

построенных по формулам $P(x; y)$ и $P(x; y; z)$, так как в них квалифицируются отношения между носителем качества/свойства и объектами реальной действительности. В состав поливалентных ЛГИ входят элементы модально-оценочного свойства, устанавливающие такого рода отношения.

2.2.6. Структура модуса с предикатом состояния

Логической формулой отражения положения вещей является $P(x)$. Современный немецкий язык располагает широкими возможностями передачи состояния субъекта. Многообразие обнаруживаемых в речи синтаксических моделей может быть выражено несколькими вариантами. Полная модель включает полностью реализованные синтаксические валентностные потенции ЛГИ, выраженных глагольными лексемами:

$$(6.1) N_{a1} + V_{stat} + N_{a4}$$

Sie *fühlte eine Genugtuung*, daß der Alte nicht recht behalten hatte (Deutsche Tribüne, 15.03.1991).

Sie *hatte keine Lust*, mit mir zu gehen (BIELER 1981: 124).

Viele ihrer Bekannten *regten sich darüber auf*, daß sie einen Mann von anderer Konfession heiraten wollte (Deutschland 1994, 3).

Полносоставность модели обусловлена сигнификативной ситуацией, в которой находит выражение отношение «субъект — состояние». У ЛГИ прослеживается тяготение к *двухчленной* структуре. Это объясняется тем, что ЛГИ, актуализирующий предикат состояния, относится к словам с «относительным» лексическим значением, «неполнота» их семантики создает благоприятные условия для дальнейшей конкретизации, последующего раскрытия ГП. Поэтому репрезентантами правой валентности глагола являются *nomina abstracta* со значением аффекта и корреляты.

$$(6.2) N_{a1} + V_{stat} + N_{a3}$$

В этой модели место подлежащего также может замещаться источником проявления состояния, в котором находится человек. При этом субъект, испытывающий данное состояние, находится в *деми-агентивной* позиции.

Die Nachricht versetzte *ihn* in Angst, so daß er sich lange Zeit nicht zusammenehmen konnte (Deutsche Tribüne, 15.03.1991).

Die Angst des Kindes rührte *ihn*, dem Kleinen zu helfen (BIELER 1981: 117).

$$(6.3) N_{al} + V_{stat} + [M_{log}]$$

Эта модель представляет собой «усеченный» вариант полносоставной модели. Такой вид модели связан с тем, что причина состояния субъекта или следствие его состояния указаны в ПП. Таким образом, эта модель манифестирует минимальную синтаксическую структуру $N + V_{finitum}$.

Ich freue mich, wenn Ihnen das Buch etwas nutzen kann (BIELER 1981: 106).

Ich fühle, daß er mich haßt (BIELER 1981: 72).

Модели 6.1, 6.2, 6.3 эксплицируются *поливалентными* глаголами.

Широко распространенной моделью для выражения физического и психоэмоционального состояния является модель с предикаментом:

$$(6.4) N_{al} + V_{cop} + P$$

Er war bereit, die schwere Aufgabe der Partei zu erfüllen (Deutsche Tribüne, 06.12.1991).

Auch *war ich nicht sicher*, ob man mich nicht aus Versehen, statt bei Goethe, bei Matthisson angemeldet habe (HESSE 1988: 104).

Эта модель может расширяться за счет включения в нее логических модификаторов меры и образа действия, уточняющих степень выражаемых чувств, или коррелятов:

Sie war *ganz kalt*, wenn die Mutter sie gegriffen hat (Deutsche Tribüne, 08.06.1991).

Er war *meistens sehr* unglücklich, dies zu machen (HESSE 1988: 49).

Mit Bewußtsein verachtete er den Bourgeois und war stolz *darauf*, keiner zu sein (HESSE 1988: 57).

Модель может быть верифицирована в случае, когда субъект выступает в роли *деми-агенса*:

$$(6.4a) [Es] + V_{cop} + N_{a3} + P$$

Aber dem Selbstmörder ist es eigentümlich, daß er stets außerordentlich exponiert und gefährdet vorkommt (HESSE 1988: 53).

Модели 6.4 и 6.4a актуализируются посредством ЛГИ, которые в совокупности содержат связочный глагол и предикамент, выражающий физическое и психоэмоциональное состояние субъекта.

Предикат состояния по своим семантико-синтаксическим характеристикам во многих случаях коррелирует с перцептивным типом логического предиката. Структурной особенностью предиката состояния является употребление в составе ЛГИ не только глагольных единиц, но и именных частей речи, выступающих в структуре модуса в качестве предикатива.

2.2.7. Структура модуса с локативным предикатом

Локативный предикат базируется на логической формуле $P(x; y)$. ЛГИ локативной семантики устанавливают местоположение субъекта в пространстве, поэтому ЛГИ, помимо своей обязательной связи с субъектом, также, как правило, предопределяют наличие локального или временного модификаторов. Эти модификаторы являются реализаторами валентностных потенциалов ЛГИ локативного свойства, в связи с чем модель выглядит так:

$$(7.1) N_{al} + V_{loc} + [M_{log}]$$

Правая валентность реализуется актантом, обозначающим локус, или логическими модификаторами места, которые прецизируют место или направленность действия. Временные модификаторы выступают в этой модели гораздо реже; они встречаются там, где необходимо уточнить время или способ действия.

Ich geriet in eine Gegend, wo ich noch nie war (Deutsche Tribüne, 04.10.1991).

Die Truppen befanden sich dort, wo sie von ihrem Imperator gelassen wurden (Deutschland 1994, 1).

Horst erschien nach einigen Monaten vergeblichen Wartens, als schon alle jegliche Hoffnungen aufgegeben haben (Mann, 81).

Эта модель эксплицируется *двухвалентными* глаголами и с точки зрения синтаксиса представляет собой законченную структуру. При этом логические модификаторы, несущие основную коммуникативную нагрузку, входят в состав ЛГИ, поскольку им оказывается свойственной смысловая незавершенность.

Модель может подвергаться редукции, так что в своем конечном виде она будет представлять собой чистый предикативный знак, напр.: *Ich komme, woher ihr auch kommt*.

Модус с входящими в его структуру ЛГИ локативного типа устанавливает *виды движения* — направленное (ориентированное) движение от исходного пункта к цели и ненаправленное (не-

ориентированное) движение — местопребывание субъекта в определенной точке пространства.

2.2.8. Структура модуса с темпоральным предикатом

Концепт темпорального предиката отражен в логических формулах $P(x; y)$ и $P(x)$. Модусная структура с таким типом логического предиката детерминирует отношения между объектами реального мира в пространстве и во временной соотнесенности.

Модель имеет вид:

$$(8.1) N_{al} + V_{temp} + N_{a3} / M_{log}$$

Zwei Stunden währte diesmal der Alarm, so das ich mich verspätet habe (Spiegel 1995).

Der Regen dauerte so lange, als wolle er die ganze Erde überschwemmen (Deutschland 1993, 2).

Модель эксплицируется *двухвалентными* глаголами. Правая обязательная валентностная позиция глагольной лексемы актуализируется темпоративом, который может быть выражен обстоятельством времени.

$$(8.2) [Es] + V_{temp} + N_{al}$$

Es blieben fünf Minuten, bis endlich der Schlußpiff ertönte (Deutsche Tribüne, 06.12.1991).

Bald beginnt die Zeit, wenn es Frühling wird (Spiegel 1995).

В этой модели субъект перенесен в постглагольную часть, а место иницирующего antecedenta замещается или грамматическим формантом *es*, или темпоральным детерминатором.

ЛГИ в модусе с темпоральным предикатом обозначают некоторый временной отрезок протекания действия, которое может обладать различной степенью длительности.

2.2.9/10. Структура модуса с идентифицирующим и классифицирующим предикатами

Немаловажную роль в структуре модуса играют идентифицирующий и классифицирующий предикаты. Оба эти предиката задаются логической формулой $P(x)$. Их противопоставление основывается на специфике функционирования ЛГИ в модусе с тем или иным подтипом, обуславливающей логические отношения между двумя аргументами — antecedентом и субститутом в модусе. Объединяющим фактором для этих предикатов является

актуализация ЛГИ, схожих между собой по своим синтаксическим и семантическим признакам.

Данную модусную структуру иллюстрирует модель:

$$(9.1) N_{a1} + V_{cop} + N_{a1}$$

Die Sache ist die, daß uns für das Vorhaben zu wenig Zeit bleibt (ДЕВКИН 1994)².

Abschied war es, Herbst war es, Schicksal war es, wonach die Sommerrose so reif und voll geduftet hatte (HESSE 1988: 180).

В качестве изоморфных структурных элементов грамматическому форманту *es* сопоставлены указательные местоимения *das* и *dies(es)*. Эти компоненты имеют обобщающий характер, но, одновременно с этим, у них ярко выражена левая направленность, т. е. они не только замещают предшествующие данному высказыванию события, но и стимулируют дальнейшее развитие мысли, которая раскрывается далее в диктуме.

Dies war die Aufgabe, die Schwierigkeiten des heutigen Tages zu überwinden (Deutsche Tribüne, 03.07.1991).

В синтаксическом смысле в основе принципа построения этой модели лежит синтаксическая сочетаемость существительных, которые могут быть *одновалентными* и *поливалентными* (HELBIG 1976).

Оба идентификатора могут перераспределяться в модусной структуре. Распределение компонентов ЛГИ зависит от степени их коммуникативной значимости; иначе говоря, коммуникативно более весомые элементы располагаются в конце высказывания, но сохраняется возможность их эмфатического выделения в начальной позиции.

Классифицирующий предикат реализуется в аналогичной модели; при этом важным дифференцирующим структурно-семантическим признаком является включение в структуру *неопределенного артикля*, характеризующего субъект как подвид, часть класса:

Steppenwolf blieb ein Tier, als lebe er einsam in der ganzen Welt (HESSE 1988: 219).

So war sein ganzes Leben ein Beispiel dafür, daß ohne Liebe zu sich selbst unmöglich ist (HESSE 1988: 20).

² Цит. по: Девкин В. Д. Немецко-русский словарь немецкой разговорной лексики. М.: Русский язык, 1994.

Классифицирующий предикат «связывает классификацию с характеристикой или точкой зрения говорящего» (BRINKMANN 1971: 571).

2.2.11. Элементарие (*Setzung*)

Как показывает исследование, модус может реализовываться в различных моделях. Выше были описаны модели, представляющие собой либо чистый предикативный знак $N + V_{fin}$, репрезентированный минимальной синтаксической структурой, либо структуру, в которой реализованы как левая, так и правая валентностные потенции ЛГИ, выраженных глагольными лексемами.

Модально-диктальная конструкция может также включать в свой состав модус, структура которого представлена одночленной моделью. В состав этой модели входит предикамент:

(11.1) P

Ausgleichende Gerechtigkeit, daß dieses von Stasi-Seilschaften noch nach der Wende hartnäckig verteidigte Domizil nun als Begegnungsstätte für eine deutsche Wiedervereinigung ausgewählt wurde (Deutsche Tribüne, 05.06.1991).

Herrlich, daß er im Traum zu mir gekommen war (HESSE 1988: 112).

Möglich, daß Harry eines Tages vor diese letzte Möglichkeit geführt wird (HESSE 1988: 63).

Mit der *Hoffnung*, daß die Zuschauer neben spannenden Spielen auch Pose bejubeln können (Deutsche Tribüne, 05.03.1991).

Nicht auszuschließen, daß der berühmten Bospors Brücke einmal ein ähnliches Schicksal zuteil wird, wie der Oakland Bay Bridge (Deutsche Tribüne, 18.11.1991).

Такая одночленная структура возникает с появлением наряду с двухчленными предложениями односоставных предложений. Одночленные предложения репрезентируют минимальное высказывание и выступают как ЛГИ, служащие предпосылкой к продолжению речевого акта (ИВАНОВА 2014).

Предпринятое исследование позволяет говорить о развитии в немецком языке тенденции к короткому предложению, что свидетельствует об экономии языковых средств. Тем самым признается, что «иногда все ГП настолько редуцируется, что от него остается только одно слово» (АДМОНИ 1955: 223).

Сокращенные предложения отстоят от полных несколько дальше, чем части или фрагменты предложения, но они вместе настолько близки им — и не только по содержанию, но и по форме, так как в их основе лежит обычная форма предложения, — что, по сути дела, их можно считать подлинными предложениями, имеющими, однако, неполную и незавершенную форму (RIES 1931: 185).

Ряд грамматистов называют предложения, строящиеся по данной модели, «эллиптическими» [ГУЛЫГА & НАТАНЗОН 1966]. Стоит, на наш взгляд, согласиться с мнением К. Баумгертнера, который считает, что

особые явления экономии средств разговорной речи не подлежат систематизации, и что грамматическое понятие «эллипс» не кажется более удовлетворительным (BAUMGÄRTNER 1957: 86).

Таким образом, односоставная структура модуса выступает в качестве цельного ЛГИ, функционирующего в виде *элементатива* или *элементарного предикамента* («*Setzung*»), под которым подразумевается усеченная до одного структурного компонента форма предложения, требующая после себя дальнейшего раскрытия содержания высказывания (LESKA 1965: 460).

И эллипс, и элементатив представляют собой не полностью законченное предложение. Различие между ними состоит в том, что эллипс функционирует в разговорной речи как редуцированный ответ (WEISS 1975: 31), в то время как элементатив является свернутым предикативным ядром и без дальнейшего раскрытия представляет трудность для восприятия. Элементатив следует рассматривать в качестве конституента прогрессивной языковой экономии, благодаря чему инципиент может быстрее локализовать свое высказывание, не рискуя быть непонятым.

Модус может расширяться за счет появления в ЛГИ коррелята. На долю коррелятов выпадает своеобразная специализированная функция, реализующаяся в том, что ЛГИ, в состав которого входят корреляты, объединяет части высказывания в единый смысловой комплекс.

Die Gründe *dafür*, daß das Hamburger Literaturhaus jedoch auch mit einem wenigen eingängigen Begriff von Literatur und Öffentlichkeit Erfolg und sich nicht hinter seinem Berliner Vorbild zu verstecken braucht (Deutsche Tribüne, 06.02.1991).

Angst davor, daß die Bundeswehr in dem Krieg um Kuwait mit hineingezogen werden könnte (Deutsche Tribüne, 21.12.1991).

Элементатив воспринимается как неполная, грамматически незавершенная конструкция, вместе с тем характеризующаяся семантической незаконченностью и, таким образом, сохраняющая свою диктальную валентность.

3. Выводы

Немецкое СПП обладает логической дискретностью, находящей свое выражение в модально-диктальной конструкции. Такого рода дискретность накладывает отпечаток на формирование всего высказывания. Диктум, реализуемый, как правило, в виде ПП, содержит логему, которой свойственны самостоятельность содержания и внутренняя цельность суждения, в то время как модус, актуализируемый в ГП, обладает формальной и смысловой синсемантией, проявляющейся в том, что ГП в отрыве от ПП оказывается незавершенным и утрачивает смысл при опущении ПП. Логическая природа модуса проявляется в его сопоставлении тому или иному типу логического предиката, который конституирует все СПП с точки зрения формальной логики.

Семантико-синтаксическая структура СПП обладает функциональными и семантическими признаками, реализуемыми благодаря ряду имплицитных и эксплицитных средств. К эксплицитным средствам могут быть отнесены ЛГИ, понимаемые как инструменты языка, посредством которых с учетом их лексико-семантического наполнения формируется семантико-синтаксическая структура языка, являющаяся, в свою очередь, рефлексом логико-понятийного содержания.

ЛГИ способны выступать в качестве модельных компонентов, которые репрезентируют синтаксическую модель модусной структуры с тем или иным типом логического предиката. Анализ синтаксических моделей показывает, что модус может иметь различную структуру, реализуемую посредством ЛГИ. Исследование позволяет выявить 11 базовых моделей с соответствующими типами логического предиката.

Наиболее частотными синтаксическими моделями модусной структуры являются двусоставные модели $E_s + V_{fin}$ и $N + V_{fin}$, ха-

рактизирующиеся в сравнении с другими большей широтой функционирования.

Наряду со сложными моделями структура модуса может выстраиваться на базе односоставной модели — элементарива (Setzung), который представляет собой цельный ЛГИ, отличающийся структурной и семантической незавершенностью и поэтому сохраняющий свою диктальную валентность.

© Иванова Р. А., Иванов А. В.

1.4. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЯЗЫКА-ПОСРЕДНИКА ПРИ ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

1. Введение

В последние десятилетия происходит укрепление России на международной арене и, следовательно, отмечается повышение рейтинга российских вузов на мировом рынке образовательных услуг. Увеличивается число высших учебных заведений, сотрудничающих с зарубежными вузами и принимающих иностранных студентов на основе программ обмена для прохождения краткосрочных курсов и получения первого и последующего высшего образования. Кроме того, иностранные граждане приезжают в Россию для получения работы и вида на жительство (ЯНУШ 2014; ЧИНАЕВА 2017; ЦВЫК 2018).

Стоит отметить, что на современном этапе развития методологии преподавания иностранных языков актуальной становится трактовка иноязычной коммуникации как межкультурной (ОБЕРЕМКО 2014; ДМИТРИЕВА & ОБЕРЕМКО 2020). Создание условий для развития поликультурного диалога становится неотъемлемой частью профессионально-ориентированной иноязычной подготовки (КОНЯХИНА & ЯКОВЛЕВА 2021). В условиях развития поликультурной образовательной среды понятие языкового посредничества (медиации) становится ключевым элементом в контексте преподавания иностранных языков. Следовательно, перед преподавателем-русистом стоит вопрос использования медиации на уроках русского языка как иностранного (АНГЕЛ & ВОЛКОВА 2020).

Рассмотрим определения понятия языкового посредничества в методике преподавания иностранных языков.

В соответствии с подходом, принятым в «Общеввропейской шкале уровней владения иностранным языком» (CEFR), под медиацией понимается посредничество, обеспечивающее коммуникативное взаимодействие двух и более коммуникантов, непосредственное общение между которыми невозможно в силу каких-либо обстоятельств. Медиация выделяется как отдельная

форма речевой деятельности наряду с рецепцией, продукцией и интеракцией и понимается шире, чем просто взаимодействие, так как предполагает модификацию стимульного текста, его адаптацию в соответствии с потребностями получателя информации (PICCARDO 2018). О. Ю. Ланкина (2018) отмечает, что медиация включает речевые действия продуктивного и интерактивного характера.

В приложении к CEFR понятие медиации было впервые упомянуто в 2001 г., где медиация приравнивалась к переводу (CEFR 2001). Однако в новом документе 2018 г. содержание понятия «медиация» было расширено: детализирован список медиативных действий и стратегий, а также уточнена шкала, позволяющая проводить оценку медиации как вида речевой деятельности. Было установлено, что медиация не тождественна переводу, так как предполагает относительную самостоятельность медиатора, от которого может потребоваться создание нового текста на базе исходного в зависимости от коммуникативной ситуации. В отличие от профессионального перевода, нацеленного на максимальную эквивалентность источника и целевого текста, межъязыковая медиация направлена на такую подачу информации, которая была бы контекстуально оптимальной и значимой (HOWELL 2017).

Медиация может предполагать как сжатие информации, так и ее расширение за счет предоставления фоновых (экстралингвистических) сведений, необходимых для успешной коммуникации, и является комплексным умением, включающим рецептивные и продуктивные языковые навыки, а также навыки межличностного общения и межкультурного диалога (ВАН 2019).

На основе проанализированных определений мы можем сделать вывод, что медиация — это процесс адаптации получаемой медиатором информации в ходе межкультурной коммуникации с целью создания благоприятных условий для общения и снятия различных трудностей. К возникающим трудностям во время общения между представителями разных культур можно отнести не только языковой, но и культурный барьер, различия в культурном коде и культурных нормах (ПЛЕХАНОВА 2021).

Таким образом, можно предположить, что преподаватель русского языка как иностранного, используя язык-посредник в

полиязыковой группе, также является медиатором, что представляется нам особенно важным на начальном этапе обучения русскому языку. Смена социокультурного окружения, нарушение привычных коммуникативных связей, недостаточное владение русским языком, отличие форм и методов обучения в российском высшем учебном заведении от форм и методов обучения в высшей школе их родной страны и, наконец, употребление носителями языка лексических единиц или устойчивых выражений с национально-культурным компонентом семантики — все перечисленные внешние факторы приводят к неизбежному культурному шоку (СИТНОВА 2011; КРОТОВА 2013). Избежать культурного шока может помочь применение языка-посредника.

В поддержку нашего мнения отметим, что в современных научных работах по РКИ встречается достаточное количество положительных высказываний о применении языка-посредника во время занятий (АДАШКЕВИЧ & КИСЛИК 2016; ФИЛЬЦОВА 2017). Некоторые исследователи также заявляли, что язык-посредник играет важную роль на уроках русского языка как иностранного (ЩЕРБА 1974; МИТРОФАНОВА & КОСТОМАРОВ 1990).

Среди функций, которые язык-посредник выполняет на занятиях по русскому языку как иностранному, выделяют функции учебного общения, семантизации лексического материала, формирование потенциального словаря, предотвращение ошибок в употреблении лексики за счет сопоставления объема значений. Язык-посредник может также служить в качестве иллюстрации использования лексико-грамматических явлений, материала для сопоставительного анализа с самостоятельным выведением языкового правила; быть основой для заданий по учебному переводу как средству обучающего контроля; а также содействовать адаптации студентов и создавать благоприятный психологический климат (ВЕРЕЩАГИН & КОСТОМАРОВ 1980; SCHUMANN 1998; BROWN 2006; КАЗИМИРОВА 2017; ВАН 2019).

2. Характеристика материалов и методов исследования

Среди студентов Подготовительного факультета Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова был проведен эксперимент-анкетирование,

цель которого заключалась в выявлении степени востребованности языка-посредника при изучении русского языка как иностранного.

Основными задачами анкетирования являлись:

— определение содержательных аспектов аудиторного занятия, для которых применение языка-посредника оценивается респондентами как желательное;

— определение сфер внеаудиторного общения, в которых применение языка-посредника оценивается респондентами как желательное;

— оценка роли английского языка в качестве языка-посредника при обучении русскому языку;

— прогнозирование возможности использования других (кроме английского языка) иностранных языков в качестве языка-посредника;

— изучение представлений студентов о том, насколько полезен язык-посредник при изучении русского языка;

— определение относительного количества студентов, положительно оценивающих применение преподавателем языка-посредника на занятиях по русскому языку как иностранному.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Студентам через интернет-форму были заданы вопросы, приведенные ниже с предложенными вариантами ответов.

Список вопросов эксперимента-анкетирования:

Вопрос 1. Напишите свой возраст. Write down your age.

Вопрос 2. Какой иностранный язык Вы знаете (кроме русского языка)? What foreign language do you know (apart from Russian)?

Вопрос 3. Ваш профиль обучения на подготовительном факультете: Your educational profile at the Preparatory Faculty:

Вариант ответа 1: гуманитарный (Humanities);

Вариант ответа 2: инженерно-технический (Engineering-technical);

Вариант ответа 3: медико-биологический (Biomedical).

Вопрос 4. Сколько лет Вы изучаете русский язык? How long have you been studying Russian?

Вариант ответа 1: 0-1год;

Вариант ответа 2: 2-3 года;

Вариант ответа 3: 4-5 лет;

Вариант ответа 4: более 5 лет.

Вопрос 5. Какой у Вас сейчас уровень владения русским языком? How do you assess your level of proficiency in Russian?

Вариант ответа 1: Элементарный уровень A1 (Beginner);

Вариант ответа 2: Базовый уровень A2 (Elementary);

Вариант ответа 3: Первый сертификационный уровень B1 (Intermediate).

Вопрос 6. Когда преподаватель использует другой иностранный язык (язык-посредник) на занятиях по русскому языку? In what situations does a Russian language teacher use another foreign language (mediator language) in class?

Вариант ответа 1: Когда он объясняет новую грамматику (When explaining new grammar rules of the Russian language);

Вариант ответа 2: Когда он объясняет новые слова (When explaining new Russian words);

Вариант ответа 3: Когда он рассказывает о культуре и истории России (When talking about cultural and historical traditions of Russia);

Вариант ответа 4: Когда он рассказывает об университете, его истории и традициях (When talking about LUNN, its traditions and history);

Вариант ответа 5: Когда он говорит о расписании занятий, номере аудитории (When talking about the timetable, its changes, number of classroom etc.);

Вариант ответа 6: Он не использует иностранный язык на занятиях (The teacher doesn't use foreign language in class).

Вопрос 7. Вы хотите, чтобы преподаватель говорил на языке-посреднике (иностранном языке, который Вы знаете), когда он объясняет новую грамматику/новые слова на занятиях по русскому языку? Would you like the teacher to speak a foreign language that you know (a mediator language) when he explains new grammar/new words of the Russian language?

Вариант ответа 1: Это помогает мне понять тему / материал лучше (It helps me understand the topic/material better);

Вариант ответа 2: Это помогает мне привыкнуть к жизни и

учебе в России (It helps me to get used to the new conditions of life and study in Russia);

Вариант ответа 3: Это улучшает эмоциональную атмосферу на занятиях (It improves the emotional atmosphere in class);

Вариант ответа 4: Это мешает мне изучать русский язык (It hinders my progress in Russian).

Вопрос 8. Когда иностранный язык (язык-посредник) нужен в НГЛУ? Когда он будет полезным? In what areas do you consider the use of a foreign language (mediator language) useful at LUNN?

Вариант ответа 1: Когда преподаватель объясняет новые слова / новую грамматику (When explaining new grammar rules and new words);

Вариант ответа 2: На занятиях, когда преподаватель говорит, как нужно делать задание (In class when explaining how to do an exercise);

Вариант ответа 3: Во время экскурсий и других внеаудиторных мероприятий (On excursions and other out-of-class activities);

Вариант ответа 4: Когда мне нужна внеучебная информация (информация об общежитии, магазинах, автобусных остановках и др.) (When I need extracurricular information about dormitories, shops, transport etc.);

Вариант ответа 5: Язык-посредник не нужен / Using a mediator language is not useful.

Вопрос 9. Английский язык полезен, когда Вы изучаете русский язык? Do you find English useful as a mediator language when learning Russian?

Вариант ответа 1: Да / Yes;

Вариант ответа 2: Нет / No.

Вопрос 10. Какой другой иностранный язык кроме английского можно использовать на занятиях? What other foreign language (except English) do you consider possible to use as a mediator language? Напишите этот язык / Write down the language:

Сведения об участниках эксперимента-анкетирования

В опросе приняли участие 35 респондентов, обучавшихся на Подготовительном факультете для иностранных граждан НГЛУ в 2022/2023 гг.

Обсуждение результатов эксперимента-анкетирования

Вопросы анкеты 1-5 были направлены на уточнение специфики контингента обучающихся. Так, было определено, что самая многочисленная возрастная группа слушателей репрезентировала категорию от 20 до 29 лет (16 респондентов, 46%). 13 респондентов отнесли себя к категории 18-19 лет (37%) и только 6 участников опроса представляли категорию от 32 до 42 лет (17%). В опросе участвовали студенты, обучающиеся по программам медико-биологического профиля (15 респондентов, 42.9%), гуманитарного профиля (15 респондентов, 40%) и инженерно-технического профиля (6 респондентов, 17.1%).

Было также выявлено, что большинство участников опроса имеют непродолжительный опыт изучения русского языка. Так, 31 респондент (88.6%) на момент опроса изучали русский язык не более года. 3 участника (8.6%) изучали русский язык не более 3 лет и только 1 участник (2.9%) заявил, что изучает русский язык более 5 лет. На момент опроса 20 участников (55.6%) субъективно оценивали свой уровень как базовый (A2). 12 респондентов заявили о владении русским языком на элементарном уровне (A1). 4 участника оценили свое владение русским языком на первом сертификационном уровне (B1).

Относительно владения иностранным языком, кроме русского, было установлено, что самым распространенным языком оказался английский, владение которым подтвердили 25 участников опроса (72.5%). 5 респондентов (14.5%) заявили о владении французским языком в качестве иностранного. 2 респондента (5.8%) отметили испанский, по одному участнику опроса (2.9%) выбрали арабский и турецкий. 1 респондент (2.95%) отметил, что никакими иностранными языками, кроме русского, не владеет.

Отвечая на вопрос 6 «Когда преподаватель фактически использует иностранный язык (язык-посредник) на занятиях по русскому языку?», как самый распространенный ответ респонденты выбрали вариант «Когда он объясняет новые слова (When explaining new Russian words)» (41.9%).

30.6% испытуемых выбрали вариант «Когда он объясняет новую грамматику (When explaining new grammar rules of the Russian language)».

Третий по значимости ответ был «Он не использует иностранный язык на занятиях (The teacher doesn't use foreign language in class)» (11.3 %).

Таблица 1. Коммуникативные ситуации фактического применения языка-посредника

Коммуникативные ситуации фактического применения языка-посредника на занятиях по русскому языку как иностранному	Количество ответов (%)
Когда он объясняет новые слова (When explaining new Russian words)	41.9
Когда он объясняет новую грамматику (When explaining new grammar rules of the Russian language)	30.6
Он не использует иностранный язык на занятиях (The teacher doesn't use foreign language in class)	11.3
Когда он говорит о расписании занятий, номере аудитории (When talking about the timetable, its changes, number of classroom etc.)	8.1
Когда он рассказывает о культуре и истории России (When talking about cultural and historical traditions of Russia)	4.8
Когда он рассказывает об университете, его истории и традициях (When talking about LUNN, its traditions and history)	3.2

Результаты, полученные при ответе на вопрос о коммуникативных ситуациях фактического применения языка-посредника приведены в Табл. 1. Ответ предполагал как одиночный, так и множественный выбор из предложенных вариантов (допускалось использовать несколько вариантов).

Большее количество ответов (88.6%) указывают на то, что язык посредник фактически используется при обучении русскому как иностранному, причем большинство ответов относится к использованию языка-посредника при введении новых языковых аспектов занятия (лексика и грамматика) — 72.5%. 11.3% анкетированных ответили, что язык-посредник не применяется на занятиях.

Вопросы 7-8 были направлены на определение отношения респондентов к использованию языка-посредника на занятиях по русскому языку как иностранному.

Отвечая на вопрос, хотят ли они, чтобы преподаватель говорил на языке-посреднике, когда он объясняет новую грамматику / новые слова на занятиях по русскому языку, респонденты часто дают положительные ответы (49 ответов, 90.8%). 5 ответов (9.3%) выражают отрицательную оценку такой практике (Табл. 2.1).

Таблица 2.1. Оценка респондентами применения языка-посредника

Вопрос 7. Вы хотите, чтобы преподаватель говорил на языке-посреднике (иностранном языке, который Вы знаете), когда он объясняет новую грамматику/новые слова на занятиях по русскому языку?	Количество ответов
Это помогает мне понять тему / материал лучше	28 (51.9%)
Это помогает мне привыкнуть к жизни и учебе в России	12 (22.2%)
Это улучшает эмоциональную атмосферу на занятиях	9 (16.7%)
Это мешает мне изучать русский язык	5 (9.3%)

Отвечая на вопрос, «Когда иностранный язык (язык-посредник) нужен в университете? Когда он будет полезен?», 89.2% респондентов оценивают использование языка-посредника как нужное, с преимущественным акцентом на языковые аспекты (лексика и грамматика, 50%). 7.1% опрошенных считают, что язык-посредник не нужен (Табл. 2.2.).

Таблица 2.2. Оценка респондентами применения языка-посредника

Когда иностранный язык (язык-посредник) нужен в университете? Когда он будет полезным? In what areas do you consider the use of a foreign language (mediator language) useful at LUNN?	Количество ответов (%)
Когда преподаватель объясняет новые слова/новую грамматику (When explaining new grammar rules and new words)	50.0
На занятиях, когда преподаватель говорит, как нужно делать задание (In class when explaining how to do an exercise)	21.4

1.4. Методологические основы применения языка-посредника...

Во время экскурсий и других внеаудиторных мероприятий (On excursions and other out-of-class activities)	10.7
Когда мне нужна внеучебная информация (информация об общежитии, магазинах, автобусных остановках и др.) (When I need extracurricular information about dormitories, shops, transport etc)	10.7
Язык-посредник не нужен / Using a mediator language is not useful	7.1

Данные, полученные при анализе ответов на Вопрос 9 «Английский язык полезен, когда Вы изучаете русский язык?», подтверждают положительную оценку слушателей применения языка-посредника. Так, 29 опрошенных (82.9%) отвечают утвердительно на заданный вопрос. 6 респондентов (17.1%) не считают английский язык возможным для применения в качестве языка-посредника.

Вопрос 10 «Какой другой иностранный язык можно использовать на занятиях в качестве языка-посредника?» имел формат свободного ответа. Суммированные данные приведены в Табл. 3.

Таблица 3. Предложенный респондентами список языков, которые могли бы выполнять роль посредника (кроме английского языка)

Вопрос 10. Какой другой иностранный язык можно использовать на занятиях в качестве языка-посредника?	Количество ответов
арабский язык	10 (29%)
испанский язык	8 (23.2)
французский язык	7 (20.3%)
русский язык	2 (5.8%)
немецкий язык	2 (5.8%)

На основании полученных данных возможно заключить, что кроме английского потенциально востребованными языками-посредниками при изучении русского языка как иностранного могут стать арабский, испанский и французский языки. В

Табл. 3, однако, не отражены некоторые ответы участников: 2 респондента (5.8%), не точно поняв суть вопроса, указали английский язык; 5 респондентов (14.5%) дали ответ, что язык-посредник на занятиях не нужен.

4. Заключение

Обобщение итогов анкетирования позволяет сделать вывод о том, что участники анкетирования положительно оценивают использование языка-посредника на занятиях по русскому языку как иностранному. Предпочтение отдается английскому языку, хотя некоторые другие иностранные языки (арабский, испанский, французский) также рассматриваются в качестве приемлемых средств медиации. Респонденты указывают на то, что в рамках аудиторных занятий наиболее востребованными сферами применения языка-посредника является новый лексический и грамматический материал. С другой стороны, использование языка-посредника признается полезным и для передачи внеучебной информации, использования во время внеаудиторных мероприятий.

Применение языка-посредника на занятиях по иностранному языку позволяет повысить эффективность учебного процесса, так как экономит аудиторное время, облегчает усвоение нового материала, помогает избежать недопонимания, повышает мотивацию и облегчает процесс адаптации студентов. Уместное применение контактирующих языков, сравнение и сопоставление языковых систем в процессе овладения русским языком создает условия для развития поликультурной образовательной среды, создания оптимальных условий полилингвального образования.

© Иванова Р. А., Голубева К. Г., Валери М., Васильева М. А.

1.5. СОВРЕМЕННАЯ КАРТИНА АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОГРАФИИ

1. Введение

Словари для специальных целей (англ. language-for-specific-purposes dictionaries — LSP dictionaries) занимают значительную часть в английской лексикографии. Они включают все типы справочников, регистрирующих и обрабатывающих определенные слои английской лексики. Так, словари сленга объединяют справочники, посвященные лексикографической разработке английского сленга, словари диалектизм — диалектные слова, словари словосочетаний рассматривают словосочетания в английском языке, словари языка писателей — описывают язык и стиль английских писателей. Репертуар специальных словарей в английской лексикографии чрезвычайно велик, благодаря накопленному опыту и традициям составления различного рода глоссариев, конкордансов, толковых и частотных словарей. Имеющая долгую историю формирования, развития и богатую современную картину многообразных типов специальных справочников, английская лексикография постоянно добавляет новые типы словарей, среди которых видное место занимают терминологические справочники (далее — ТС), которые фиксируют и описывают термины из различных предметных областей: математики, физики, биологии, лингвистики, электротехники, медицины, автомобилестроения, химии, физики, механики и многие другие.

С развитием промышленности и возникновением инновационных технологий меняется и портрет терминологических словарей (BERGENHOLTZ & TARP 1995). Так, сегодня в английской терминографии стремительно развиваются словари компьютерных терминов, цифровой медицины и экономики, логистики, климата, туризма, нефтепереработки и т. п. Появляются ТС тех областей, которые ранее не имели специальных справочников, а сегодня востребованы различными группами пользователей, включая специалистов и переводчиков. В первую очередь это — ТС английских терминов фэшн-индустрии и моды, косметологии и ароматерапии,

пластической хирургии и т. д., например, *Fashion dictionary*,¹ *A Consumer's Dictionary of Cosmetic Ingredients* (WINTER 2009), которые создаются как самими специалистами, так и пользователями, что вполне отвечает новым тенденциям развития английской лексикографии — *волонтерской* и *партнерской*. В связи с этим необходимо отметить, что в цифровую эпоху изменяется и современная английская научная лексикографическая парадигма, которая отражается и в англоязычной терминографии, и прежде всего, в формировании новых типов словарей, а также изменении параметров построения их мега-, макро- и микроструктуры (КАРПОВА 2022b: 6-12).

Англоязычные ТС нового поколения отличаются различным форматом (печатным, электронным, комбинированным) и объемом; репертуаром источников (печатных и корпусных); конкретным адресатом (целевыми группами пользователей, объединяющими студентов, преподавателей, специалистов, переводчиков и др.); четкими критериями отбора терминов в словник; инновационными способами лексикографической обработки входных единиц и другими важными параметрами (ТЕММЕРМАН 2000). Свои предпочтения современные пользователи при выборе конкретного типа англоязычного ТС в основном отдают онлайн-справочникам, которые прочно вошли в практику современной английской лексикографии и терминографии (КАРПОВА 2021: 208-229).

Цифровые ТС английских терминов предоставляют быструю и полную лингвистическую и экстралингвистическую справку, а нередко и мультимедийную информацию о заглавных словах, снабжая читателей многими дополнительными материалами (видео, аудио, визуальными, графическими и т. д.). Эти инновационные составляющие мега- и микроструктуры новых англоязычных ТС пользуются большим спросом у всех групп пользователей во всех странах (ТНЕО & ГОУВС 2020: 29-56). Рассмотрим эти проблемы более подробно.

2. Общие и частные проблемы терминографии

Терминологическая лексикография или терминография, характеризуется таким важным аспектом как *язык*, благодаря кото-

¹ <https://wwd.com/fashion-dictionary>.

рому ТС можно разделить на одноязычные, двуязычные и многоязычные справочники. Языковая ориентация словаря мотивирует выбор языка описания реалий, количество их языков. При этом составителями таких словарей могут быть профессиональные лексикографы и сами специалисты, которые остро нуждаются в новых справочниках, отражающих новые термины, обозначающие новые понятия, которые появились в последнее время. Подобное сотрудничество дало название новой отрасли английской лексикографии, которая называется *партнерской* (*collaborative* или *partners' lexicography*) и заменило собой необходимую для любого ТС профессиональную экспертизу, когда профессионал в той или иной области знания выступает экспертом при подборе и включении соответствующего термина в словарь.

Принимая во внимание тот факт, что в современном мире место языка междисциплинарного профессионального общения занял английский язык, задача терминографов главным образом сводится к созданию различных типов двуязычных англо-русских словарей. Эти справочники нового тысячелетия нацелены прежде всего на интеграцию стран с различными темпами развития в разных научных и технологических отраслях деятельности. Вследствие естественного неравномерного развития многих стран на передний план выходит проблема информационного обмена между государствами, ставшими лидерами в определенных областях науки и технологии, и странами, испытывающими дефицит информации в этих сферах (АВЕРБУХ & КАРПОВА 2009).

Так, среди двуязычных словарей (англо-русских и русско-английских) сегодня можно выделить такие востребованные пользователями предметные области как:

- LSP политики и международных отношений;
- LSP бизнеса;
- LSP финансов;
- LSP экономики;
- LSP массовых коммуникаций, паблик рилейшнз и рекламы;
- LSP социальной работы, психологии, социологии и иммиграционной политики;
- LSP юриспруденции;
- LSP информатики и новых информационных технологий;

- LSP науки и техники (авиации, автомобилестроения, машиностроения, строительства и инженерных специальностей, электроники, энергетики, военного и морского дела);

- LSP текстильного дела;

- LSP медицины;

- LSP математики;

- LSP естественных наук (биологии, ботаники, географии, геологии, добычи нефти и газа, физики, химии, экологии);

- LSP зоологии;

- LSP архитектуры, искусства, музыки, которые ранее по различным причинам не привлекали внимания составителей.

Однако в последнее время в английской терминографии выделились и другие предметные области, которые необходимы пользователям. Это — туризм, электронная торговля, бизнес, банковское дело и многие другие. Следует также отметить, что этот процесс сопровождается внедрением новых терминов, а иногда и целых терминосистем в профессиональный язык специалистов. Так, в ряде случаев заимствовались не только отдельные термины (PR-officer, PR-agency и т. д.), но и целые терминосистемы, как, например, новые информационные технологии, рынок ценных бумаг, бизнес, логистика, менеджмент, маркетинг и другие, требующие подробного описания в ТС.

Неравномерное, а иногда и несколько импульсивное развитие различных отраслей экономики привели к тому, что некоторые новые, ставшие модными области деятельности оказались терминографически лучше обеспеченными, чем фундаментальные инженерные отрасли: авиастроение, машиностроение, химия, строительство, нефтепереработка и т. д. Ориентация на ранее разработанные в этих областях словари уже не удовлетворяет сегодняшним требованиям. Вот почему английская терминография XXI в. включает не только и не столько словари LSP *модных* сфер деятельности, но и новые справочники терминов технических наук.

С точки зрения основного назначения в составе ТС выделяются переводные, учебные, справочные (прежде всего толковые) и информационные, к которым можно отнести тезаурусы, рубрики и классификаторы. Отметим, что с развитием корпусной

лексикографии в терминографии наметилась тенденция к созданию (наряду с печатными) онлайн-словарей, широко востребованных пользователями в мировом пространстве. Такая ситуация вполне понятна в век стремительного развития информационных технологий. В качестве примера приведем ряд Интернет-справочников, включая ТС электронной торговли: *eCommerce Dictionary*² и широко используемые ТС компьютерных терминов: *FOLDOC — Computing Dictionary*.³

Важным параметром методической установки словаря является его *объем*. Если в общей английской лексикографии выделяют большие (*multivolume*) (более 100 тысяч единиц), средние (*concise*) (40 тысяч единиц) и малые (*pocket, gem*) (около 10 тысяч единиц) словари, то в терминографии тематическим ТС с оптимальным объемом можно считать словарь, имеющий около 1 тысячи единиц описания, а в терминологических стандартах — 200-800 единиц.

К авторской установке следует отнести и *критерии отбора единиц номинации*, претендующих на вхождение в словарь, среди которых рассматривают:

- проблемы выбора источников для отбора терминов в словник ТС;
- критерии членения специальных текстов с целью выделения из них единиц специальной номинации;
- отграничение терминов от нетерминов;
- отграничение терминов данной области деятельности от терминов смежных областей (*мигрирующая терминология*), а также общенаучных и общетехнических терминов и терминов от номенклатурных единиц и т. д.

Сюда же относятся принципы включения в словарь определенных частей речи, аббревиатур, имен собственных, установления предельной длины терминологических словосочетаний и других критериев включения единиц специальной номинации в словарь (ТАБАНАКОВА 2006: 158-165).

² <https://www.estoremedia.com/ecommerce-dictionary>.

³ <http://foldoc.org>.

Существующие английские ТС отличаются отчасти способом подачи материала и уровнем нормативности. Эти проблемы подробно описаны в работах отечественных ученых, выделяющих основные положения терминографии. Наиболее важными из них признаны исследования основоположника Горьковской терминологической школы Б. Н. Головина о лингвистических основах учения о терминах (ГОЛОВИН & КОБРИН 1987), представителя Московской лингвистической школы С. В. Гринева-Гриневича (ГРИНЕВ-ГРИНЕВИЧ 2021), а также многочисленные исследования на материале терминов русского, английского и других языков в сфере фиксации и функционирования С. Д. Шелова, Л. В. Манерко, В. М. Лейчика, Л. М. Алексеевой (АВЕРБУХ & КАРПОВА 2009).

Необходимо отметить, что область информационно-технологических услуг, продуцирующая словари, стандарты и другие печатные и электронные терминографические справочные ресурсы, как и любая другая сфера услуг, должна ориентироваться на востребованность и сбыт своей продукции. Вот почему важное место среди качественных ориентиров словаря занимает *адресат*, т. е. потенциальный потребитель данного вида ТС, его образовательный ценз, уровень профессионализма (ориентация на квалифицированных специалистов или дилетантов, только знакомящихся с данной областью) и т. д. Безусловно, основным пользователем ТС является переводчик, занятый переводом специальных текстов из различных предметных областей. Однако не менее важной целевой группой пользователей сегодня являются и студенты, изучающие определенную терминологию как будущие профессионалы.

Необходимо отметить еще одну новую тенденцию в английской терминографии XXI в. Это появление энциклопедических словарей, требующих прежде всего объяснения новых понятий. Такая тенденция наблюдается в LSP как в новых предметных, так и классических областях, претерпевших изменения в современных экономических условиях. Здесь присутствуют комментарии и прикнижные глоссарии, а также даются различного рода историко-справочные данные, биографии ученых, связанных с терминологической деятельностью, и т. д. Новые энциклопедии привлекают пользователя большей информативностью, наличием профессио-

нально выполненных графических и мультимедийных иллюстраций. Создаваемые в печатной и электронной форме англоязычные и двуязычные терминологические англоязычные энциклопедии постоянно переиздаются и пополняются новыми данными.

Учитывая стремление современных пользователей получать необходимую информацию в одном томе, авторы многих толково-энциклопедических ТС английского языка фиксируют в макроструктуре имена собственные и реалии из английской и других культур. Это главным образом касается топонимов и личных имен собственных из различных областей знания, которые получают в словарях полное толково-энциклопедическое описание, как, например, в авторитетной исторической энциклопедии *The Wordsworth Dictionary of English History* (ПАНИУТИНА 2022: 67-76).

3. Логико-понятийная схема как основа ТС

В 90-е гг. XX в. в монографии *Основы научно-технической лексикографии* видный отечественный ученый А. С. Герд впервые выдвинул идею создания логико-понятийной схемы (в дальнейшем — ЛПС) как базы ТС (ГЕРД 1986), которая прочно вошла в практику мировой терминографии и широко используется при проектировании ТС различных типов (КУДАШЕВ 2007). Благодаря моделированию ЛПС появилась возможность точного описания терминологии любой предметной области, имплементация научного подхода к изучению специальных текстов, а также разработка авторских моделей ТС.

ЛПС представляет собой концептуальную систему знаний об объекте, представленную в том или ином вербальном или графическом виде. В такой системе выявлены не только все понятия об объектах, но и отношения между ними. В конечном счете, логико-понятийный анализ имеет целью вскрыть всю иерархию понятий, связанных с тем или иным объектом, причем сама суть моделирования состоит в построении идеального структурного, функционального и структурно-функционального аналога, под которым понимается некоторая формальная система, выведенная логическим путем (КАРПОВА & ЩЕРБАКОВА 2005). Такой анализ предполагает предварительное разбиение всего множества понятий любой отрасли знания на понятийные классы и подклассы с последующим моделированием терминосистемы.

Необходимо подчеркнуть, что моделирование ЛПС любой специальности позволяет отобразить комплексные понятийные взаимосвязи между терминами в системе и проникнуть в логику самой отрасли знания, поскольку построение логико-понятийных моделей предметной области предусматривает вскрытие всех типов системных связей между понятиями. При моделировании ЛПС специальности разрабатывается четкая сетка тех понятий, терминология которых подлежит унификации. Подобная сетка представляет собой заранее заданную семантическую модель данной системы терминов. Сложность и количество уровней ЛПС полностью зависит от типа будущего ТС и его места в типологии существующих справочников. Причем хронологические рамки изучения любой терминологии прежде всего зависят от типа будущей модели и адресата ТС.

Следующий важный этап построения ЛПС связан с проблемой выбора источников, которые в первую очередь обеспечивают надежность и авторитетность любого ТС. К его основным источникам относятся монографии, учебники, статьи, патенты и т. д. Важное место занимают и существующие ТС данной предметной области, причем в век цифровых технологий видную роль среди источников ТС играют онлайн справочные проекты, а также электронные корпуса, которые созданы для терминологии определенных отраслей знания. Второй важный момент включает экспертную оценку источников и ЛПС определенной области знания. Необходимость экспертной оценки диктуется задачей адекватного моделирования специальных знаний, междисциплинарным характером системного изучения терминологии и необходимостью осуществления коллективного исследования (Герд 1986: 4-6).

Представление ЛПС в многомерном пространстве становится возможным только при условии полного и всестороннего анализа всех существующих понятий и характеристик в системе терминологического явления. Более того, для создания определенной формальной многомерной ЛПС, необходимо провести множество дополнительных эмпирических исследований ЛПС, которые базируются на терминологических фактах и сведениях

по выбранной терминосистеме (МАНИК 2912: 75-80). При наличии ЛПС специальности также можно применять методы по выделению терминов, разработанные отечественными учеными и применяемые в диссертационных исследованиях наших аспирантов. Примерами ЛПС различных специальностей могут служить ЛПС англоязычных терминов глобального потепления, проведенное в магистерской диссертации К. В. Никольской (НИКОЛЬСКАЯ 2023), а также ЛПС английской терминологии нефтепереработки, предложенная в (РАБОТАЛОВА 2023: 70-79).

4. Современные англоязычные терминографические проекты

4.1. Одноязычные и двуязычные ТС

Начало нового тысячелетия ознаменовалось выходом в свет большого количества одноязычных ТС различных предметных областей, которые стали активно публиковать авторитетные английские издательства Oxford, Cambridge, Longman. Среди наиболее востребованных ТС, выдержавших многочисленные издания, назовем ТС английских медицинских, бизнес и компьютерных терминов: *Concise Medical Dictionary* (LAW & MARTIN 2010), *Longman Business English Dictionary* (2007), *Oxford Business English Dictionary* (PARKINSON 2006), *A Dictionary of Computing* (DAINTITH & WRIGHT 2016), *Cambridge Business English dictionary* (COMBLEY 2011).

Интересно отметить, что все упомянутые выше одноязычные словари английского подъязыка бизнеса имеют одинаковую мегаструктуру, включающую такие вводные разделы как: Pronunciation Table, Acknowledgements, Explanatory Notes, Guide to the Dictionary, Dictionary, Business Resources section, Grammar Codes, Labels. Словник содержит не только узкоспециальную лексику, но и множество английских терминов из различных смежных дисциплин. Это: бухгалтерские термины (above the line, cash account, company accounts, email account, exceptional, marketing expense, fixed expense, audit failure); страховые термины (accident insurance, block insurance, blanket insurance, encash, mutual insurance company), терминологическую лексику банковского дела (client account, acceptance bank, credit appraisal), а также названия торговых марок и аббревиатуры, которые нередко вызывают трудности в понимании у пользователей.

Словари LSP бизнеса отличает прерывный словарь, который предлагает необходимые с точки зрения составителей образцы письменной деловой коммуникации (writing letters and emails) и другие полезные материалы (software applications, financial statements, management measures), необходимые пользователю словаря. Словари отличает информативная микроструктура, имеющая все основные информационные элементы: производительные и грамматические пометы, дефиницию, графическую иллюстрацию и некоторые другие.

Наряду с английскими издательствами публикацией ТС занялось известное европейское издательство Elsevier. Только за первые десять лет XXI в. издательство выпустило в свет десятки (!) англоязычных ТС, регистрирующих англоязычные термины как технических, так и гуманитарных наук. Среди них отметим наиболее известные у международного пользователя ТС: *Elsevier's Dictionary of Environment*, *Elsevier's Dictionary of Chemistry*, *Elsevier's Dictionary of Sociology*, *Elsevier's Textile Dictionary* и другие, которые включали и обрабатывали как классические, так и новые термины. В эпоху глобализации эти справочники выполняли функцию межкультурного научного общения, завоевав внимание и одобрение переводчиков, специалистов и представителей других целевых групп пользователей. В цифровую эпоху и британские, и европейские издательства представили цифровые аналоги (dictionary twins or counterparts) этих ТС, таким образом сделав их более доступными для международного пользователя.

Однако время требовало и создания двуязычных англо-русских ТС нового поколения, многие из которых создали наши российские лексикографы и терминографы (AVERBOUKH & KARPOVA 2008: 204-210). В связи с этим отметим, что отечественные ученые внесли значительный вклад не только в теорию терминоведения и терминографии, но и в разработку принципов построения новых одноязычных (англоязычных) и двуязычных англо-русских словарей различных отраслей знания. Такое внимание отечественных исследователей к терминоведению и терминографии не случайно и объясняется прежде всего интенсивным развитием новых предметных областей и необходимостью снабдить пользователей ТС новыми английскими терминами. Эта скрупулезная

работа проделана российскими аспирантами и докторантами, которые разработали модели новых англоязычных ТС в своих диссертационных исследованиях. Достаточно назвать лишь некоторые из них, выполненные в различных российских университетах. Например, *Репрезентация профессионального знания в текстах сферы нанотехнологии* (ВАСИЛЕНКО 2021), *Терминологическая база данных как трансферная модель технического знания* (ФЕДЮЧЕНКО 2021), посвященные изучению терминосистем и их терминографического представления в англоязычных ТС различных типов.

Значительная часть исследований, посвященных изучению способов регистрации английских терминов и их описания в печатных и онлайн-ТС, представлена в диссертациях аспирантов Ивановской лексикографической школы, в которых проведен всесторонний анализ авторитетных англоязычных ТС и предложены авторские модели словарей английских терминов различных предметных областей: архитектуры, фондового рынка, банковского дела, связей с общественностью, социальной работы, политики и т. д. Их востребованность у различных групп пользователей объясняется и тем положительным фактом, что аспиранты включили в свои диссертации списки наиболее авторитетных печатных и онлайн-словарей определенных специальностей, которые являются полезным руководством для читателя при выборе ТС для определенных целей. Назовем ряд таких работ, к которым сейчас часто обращаются исследователи и практики, защищенных в Ивановском государственном университете и Московском государственном педагогическом университете:

- *Лингвостилистический анализ английской терминологии фондового рынка* (БУРМИСТРОВА 2001);
- *Английская терминология социальной работы и ее лексикографическое описание* (ПЕТРАШОВА 2006);
- *Предметная область «Связи с общественностью» в терминографическом аспекте* (ЩЕРБАКОВА 2005).

Отметим также, что в 2020 г. в Нижегородском государственном лингвистическом университете была защищена докторская диссертация по английским общественно-политическим терминам *Англоязычная политическая лексикография: формирование, развитие, современное состояние* (МАНИК 2020), кандидатские

исследования *Терминосистема атомной энергетики и ее отражение в специализированных справочниках (на материале английского языка)* (ФРОЛОВ 2019) и *Англоязычный кинодискурс в лексикографическом отражении* (ШАМОВА 2022). Успешные защиты диссертаций свидетельствуют о тесных научных и творческих связях между Ивановским ГУ и НГЛУ им. Н. А. Добролюбова.

4.2. Учебные ТС английского языка

Как указывалось выше, в число англоязычных ТС входит группа учебных словарей, нацеленных на обработку и репрезентацию терминов определенных отраслей знания, которые студенты осваивают в рамках своих будущих специальностей. Среди таких учебных ТС есть те, которые разработаны в диссертационных исследованиях, например, *Микроструктура учебного англо-русского словаря терминологии экологического права Канады* (ТРИФОНОВ 2017) для студентов юридических факультетов, а также ТС терминов нефтепереработки для студентов нефтегазовых вузов (КАРПОВА & РАБОТАЛОВА 2019: 286-293). Как правило, созданию таких ТС предшествует подробный лексикографический анализ существующих ТС данной отрасли, который проводится по таким параметрам как формат, объем, источники, адресат словаря, а также критерии отбора входных единиц в словарь и лексикографическая обработка заглавных слов. После анализа ТС, обязательно проводится анкетирование студентов, которое включает до 30 вопросов по оценке существующих англоязычных ТС и предпочтениях студентов по выбору ТС для конкретных целей (чтения специальных текстов, перевода англоязычных терминов на родной язык, написания рефератов, подготовки устных выступлений на конференциях и т. д.). Результаты лексикографического анализа авторитетных ТС и анкетирования студентов создают базу для нового учебного ТС определенной области знания.

Следует подчеркнуть, что среди наиболее частых запросов и требований студентов к ТС английского языка, высказанных в ходе социологических опросов, указываются такие предложения респондентов как включение в микроструктуру планируемых ТС орфоэпической пометы (в печатных ТС) и аудио воспроизведения произношения слов (в онлайн-справочниках). На втором и тре-

тьем местах в запросах студентов необходимо отметить такие информационные категории как графические иллюстрации терминов, а по возможности и мультимедийные характеристики процессов, аппаратов и механизмов, которые включены в предметные области, обязательное введение в микроструктуру ТС иллюстративных (вербальных) примеров использования их в английских текстах. С развитием межкультурных связей и профессионального общения эти информационные категории ТС представляются пользователям особенно актуальными.

Предложенные авторами диссертационных исследований модели новых терминологических словарей относятся и к описанию терминов гуманитарных наук, которые также привлекают внимание ученых. В связи с этим необходимо упомянуть докторскую диссертацию *Кросскультурный терминологический словарь нового типа (на материале английских и русских терминов лингводидактики)* (ЛОВЦЕВИЧ 2010), в которой разработана авторская концепция принципов построения ТС нового типа, нацеленного на решение проблем межкультурной профессиональной коммуникации. Составителю словаря удалось всесторонне показать социокультурную специфику англоязычных терминов гуманитарных наук и выдвинуть новые способы лексикографической разработки терминов на основе лингвистического знания с позиций теории межкультурной коммуникации. Такой подход к формированию словника и состава словарных статей ТС, безусловно, определяет цель и назначение авторского словаря нового типа и открывает новые возможности для отражения не только реалий английского языка, но и культуры. Необходимо отметить что разработанная Г. Н. Ловцевич модель кросскультурного терминологического словаря фактически расширяет рамки лексикографии до так называемой *referense science*, что вполне отвечает сложившейся в современной лексикографии ситуации, когда в различных национальных лексикографиях появляются комбинированные типы словарей, сочетающие характеристики различных лексикографических форм и имеющих междисциплинарный характер. Отметим, что наличие большого разнообразия англоязычных ТС привело к формированию и развитию самостоятельных направлений в современной английской терминографии. Это —

юридическая (ИКОННИКОВА & ЦВЕРКУН 2021), политическая (МАНИК 2020), туристическая терминография (ШИЛОВА 2019: 60-63) и другие самостоятельные группы справочников, имеющие в своем распоряжении более десяти печатных и электронных лингвистических и энциклопедических ТС. Их сосуществование обеспечивает пользователей правом выбора словарей для конкретных исследовательских и практических целей (ПАНЮТИНА 2021: 191-125).

4.3. Англоязычные терминологические банки данных

На рубеже XX—XXI вв. среди указанных направлений в английской терминографии выделились новая разновидность справочных терминологических ресурсов — терминологические банки данных (ТБД). Так появились большие по объему цифровые базы данных терминов, которые сегодня обслуживают новейшие направления терминологической деятельности. Они появились в связи с интенсивным ростом научных, технических, экономических и других терминов и невозможностью вручную обрабатывать огромные объемы терминологической информации. Поскольку ТБД сочетают в себе качества лексикографии и терминологии, их также можно причислить к области LSP-лексикографии. ТБД — это электронная оболочка данных, разбитых на узко специализированные области и ориентированных на определенные целевые группы пользователей, обладающих различными интересами, знаниями и образовательным цензом. Их главная особенность — это открытый словарь, позволяющий постоянно добавлять термины, что делает их особенно привлекательными для любого пользователя.

Являясь многоязычными системами, ТБД дают возможность выбрать необходимый язык-основу и язык перевода, которые сохраняются на протяжении всей работы с данными. Эта особенность сближает их с многоязычными словарями, однако, в отличие от них, ТБД позволяют изменить заданные опции на любом этапе работы. Так, авторитетный европейский ТБД *TermPlus*⁴ включает семь языков: английский, немецкий, французский, дат-

⁴ http://www.termplus.dk/uk_about_us.html.

ский, испанский, итальянский и русский. В словарной статье дается информация о принадлежности термина к определенной предметной области, его последнем редактировании и об авторе словарной статьи. В отличие от микроструктуры обычного ТС, ТБД обладает набором перекрестных ссылок, предоставляющих детальное описание понятия, необходимое опытной и профессиональной группе пользователей (терминологам, переводчикам, преподавателям, ученым, лингвистам и т. п.).

Следует отметить удобное расположение материала и оптимальную маршрутизацию информационного поиска в ТБД, что позволяет вывести на экран как единичный термин, так и систему концептов, исключая информацию, не соответствующую запросам пользователя. Также возможен вариант выдачи списка терминов из любой отрасли знания. Список концептов и эквивалент на языке перевода структурирован в алфавитном порядке и разбит на страницы. Количество входных единиц (по желанию работающего с ТБД исследователя) варьирует от одного до ста. Например, так подаются англоязычные и русские экономические термины: *event marketing* — маркетинг отдельного события, *field research* — отраслевое исследование, *external marketing* — международный маркетинг, *growth stage* — темп роста, *innovative marketing* — новаторский маркетинг, *introduction stage* — этап выведения на рынок и т. д. Подобным образом можно получить и пары английских терминов из других языков, например, немецкого, датского и др.: *event marketing* (англ.), *Eventmarketing* (нем.). Такая стратегия информационного поиска значительно экономит время при получении запрашиваемой справки и повышает ценность информации. Если не ограничивать рамки поиска, он осуществляется во всех информационных категориях, имеющих отношение к искомому термину.

С развитием информационных технологий и их эффективным применением в лексикографии и терминографии (особенно с развитием корпусной лексикографии) стали создаваться и регулярно пополняться не только общие языковые корпуса (*Bank of English*, *British National Corpus*), но и специальные терминологические корпуса различных предметных областей (BOWKER 2010: 155-168), основанные на ТБД. Эти базы данных стали основой для составления

новых типов ТС, среди которых англоязычные преобладают и широко используются во всем мире. Как показывают опросы пользователей, наиболее востребованными в настоящее время являются корпуса *EcoLexicon*⁵ и *Open Biomedical Corpora*,⁶ которые построены на материале новейших англоязычных терминов экологии и биомедицины (FUERTES-OLIVERA & BERGENHOLTZ 2011).

По их подобию сегодня создаются и параллельные корпуса терминов других отраслей знания. В том числе, русскоязычные и англоязычные корпуса текстов спортивной тематики, которые обеспечивают возможность выявления различных языковых явлений, включая специфику терминов, обслуживающих область спорта (БОБЫРЕВА 2022). Обращение к широкому спектру жанров спортивного дискурса, позволяет раскрыть многообразие функционирующих в нем типов англоязычных единиц, обеспечивая безусловную актуальность исследования спортивного дискурса, его стилей и жанров и лексикографической обработки единиц специального спортивного языка.

4.4. Англоязычные цифровые терминографические проекты

В период пандемии стали повсеместно создаваться терминографические цифровые проекты, которые включали и обрабатывали лексику из ковидной сферы (КАРПОВА 2022а: 289-295). Это самый известный международный проект *COVID-19 Multilanguage Hub*⁷ с глоссарием английских терминов пандемии, регистрирующий базовые термины ковидной эпохи: coronavirus, disinfect, epicentre, face mask, personal protective equipment, respiratory, self-isolation, vaccination, lockdown (неологизм 2021 г.), to unlockdown (неологизм 2022 г.), которые организованы как в алфавитном, так и тематическом порядке. Проект постоянно пополняется новыми терминами и широко используется как специалистами, так и обычными пользователями.

В это же время появились волонтерские проекты англоязычных ТС, фиксирующих термины дистанционного обучения, поскольку из-за пандемии большинство учебных заведений в мире

⁵ <http://ecolexicon.ugr.es/en/index.htm>.

⁶ <https://github.com/openbiocorpora>.

⁷ <https://languages.oup.com/covid-19-language-resources>.

перешло на удаленное обучение, которое потребовало перестройки принципов обучения и вызвало к необходимости появления новых международных англоязычных терминов. Одним из наиболее авторитетных можно назвать цифровой проект *Glossary of Online Learning Terms*.⁸ Глоссарий включает базовые термины дистанционного обучения: distance education, interactive multimedia, online learning, video conference, virtual classroom и т. д. Каждая входная единица подробно описывается:

SYNCHRONOUS LEARNING: When learners participate in an online learning course simultaneously in different locations, it is known as synchronous learning. Synchronous learning allows learners to interact with the instructor and other participants. This is done through software that creates a virtual classroom.

Глоссарий имеет открытый словник и постоянно пополняется терминами, которые присылают сами пользователи. Данный цифровой проект имеет в своем распоряжении не только глоссарий, но и отзывы пользователей о новых понятиях и терминах, которые ранее не использовались, а в настоящее время составили основу международного дистанционного обучения в мире.

Не менее актуальной в мире стала проблема глобального потепления, что потребовало создания многочисленных печатных и цифровых ТС этой предметной области. Среди них следует упомянуть авторитетный словарь в Интернете *Global Change Glossary*,⁹ а также англоязычный проект *Global Change Glossary*,¹⁰ включающий базовые англоязычные термины глобального потепления: mitigation, global warming, climate change, greenhouse gases, greenhouse effect, human displacement и др. Это направление интенсивно изучается на различных уровнях, а терминология широко востребована в различных странах (НИКОЛЬСКАЯ 2023).

В последнее время, принимая во внимание ярко выраженный антропоцентрический характер современной лексикографии (которая ставит на передний план запросы пользователя),

⁸ <https://thelearningcoach.com/resources/online-learning-glossary-of-terms>.

⁹ <https://www.climatedictionary.com>.

¹⁰ <https://www.globalchange.gov/climate-change/glossary>.

создаются, на первый взгляд, необычные любительские пользовательские проекты, которые нельзя игнорировать, поскольку они нацелены прежде всего на молодежную аудиторию. Назовем лишь несколько особенно популярных терминологических справочных ресурсов: термины, аббревиатуры и жаргон робототехников и разработчиков/эксплуатантов летающих беспилотников,¹¹ игровые термины, аббревиатуры, жаргон и сленг онлайн игр,¹² словарь геймера.¹³ При этом следует подчеркнуть, что поскольку большинство русских терминов заимствуется из английской терминологии, словарная статья включает и английские эквиваленты терминов, например,

Агро (сокращение от англ. *aggression* ‘враждебность’) — характеристика противников в играх, которая определяет, кого они будут атаковать. В ММО, например, множество игроков при ударе по монстру увеличивают у последнего показатель агро. Какой игрок генерирует больше всего агро, того монстр и бьет;

Ад — 1) англ. *add* (добавлять) — противник, присоединяющийся к бою. Когда одинокий босс взывает помощников из ниоткуда, их называют ады; 2) непосредственно *ад (hell)* — место, где в котлах варятся грешники. В игровой индустрии часто используется как название уровня сложности.

Такие волонтерские терминографические проекты стали весьма популярными и выставляются на многих носителях, включая мобильные телефоны (FERRET & DOLLINGER 2021: 66-91). Среди них есть справочные ресурсы не только англоязычных терминов, но и глоссарии, отражающие современный английский язык хайпа; лексику, описывающую лингвистический ландшафт города (названия ресторанов, кафе, гостиниц, клубов, стадионов); другие группы лексики, которые традиционно не входили в круг обозрения лексикографов и терминографов.

4.5. Писательские ТС

И, наконец, характеризуя современную английскую терминографическую картину, нельзя оставить без внимания еще одну

¹¹ <http://robotrends.ru/robotrends/terminy>.

¹² <https://mmoglobus.ru/igrovye-terminy-abbreviatury-zhargon-i-sleng-onlayn-igr>.

¹³ <https://irongamers.ru/slovar-gejmera.html>.

солидную группу справочников — ТС языка писателя, представленные двадцатью томами словарей, регистрирующих терминологию, которая встречается в произведениях великого английского драматурга. Шекспир как профессиональная языковая личность признан специалистом в девятнадцати отраслях знания, а использованные в произведениях терминологические единицы играют в его творчестве особую роль, раскрывая эстетические значения терминов в художественных произведениях.

Начиная с 2004 г., публикацией ТС языка Шекспира, занимается авторитетное издательство Arden Shakespeare Dictionaries, которое представило современному международному читателю такие уникальные писательские ТС как

- *Shakespeare's Military Language* (2004), включающий военные термины шекспировской эпохи (admiral, Almain, cannoneer, captain, chevalier, cornet, bilbo, gallery, galleass, pistol);

- *Music in Shakespeare* (2014), в котором собраны все музыкальные термины, встречающиеся в сочинениях драматурга: музыкальные инструменты, произведения, музыканты и их действия (harp, harmony, melody, musician, strike, sound, song);

- *Shakespeare and Visual Culture* (2016), где зарегистрирована искусствоведческая терминологическая лексика (art, colours, vision, portrait, picture, portrait, landscape);

- *Shakespeare and National Identity* (2017), куда вошла терминологическая лексика современной Шекспиру Англии (kingdom, country, nation, realm, state, land);

- *Shakespeare and Domestic Life* (2018), регистрирующий и обрабатывающий термины, которые относятся к домашнему укладу Елизаветинской эпохи (ale, amber, apron, beer, bell, blanket, basket, bolt, bonnet, brother, butler, canary, cards);

- *Shakespeare's Medical Language* (2014).

Сюда можно отнести многие другие ТС, включающие термины других предметных областей, которые встречаются на страницах произведений Шекспира: ботаники, театра, религии, философии, юриспруденции и т. д. (КАРПОВА 2020: 241-254).

Важная особенность микроструктуры шекспировских ТС заключается в том, что, во-первых, все термины в словнике снабжены цитатами из произведений Шекспира с точным указанием

их адреса в авторском тексте; во-вторых, в словарные статьи введены специальные пометы *first in Shakespeare*, *Shakespeare unique use*, которые показывают уникальное индивидуально-авторское значение термина в шекспировском произведении. Эта серия писательских ТС является уникальной и положила начало созданию подобных справочников в других национальных лексикографиях.

5. Заключение

Современная англоязычная терминография обладает обширным репертуаром справочников различных типов, объемов и форматов. Имея богатый исторический опыт создания ТС, английская терминография включает одноязычные, двуязычные и многоязычные ТС, среди которых англо-русские ТС занимают ведущее место, благодаря фундаментальным исследованиям ведущих российских терминоведов и терминографов. Новые ТС регистрируют и обрабатывают англоязычную терминологию фундаментальных, естественных и гуманитарных наук, которые в последнее время включают наряду с базовыми и новые термины.

Адресатом англоязычных ТС являются переводчики и специалисты, студенты и преподаватели, которые нередко участвуют в создании цифровых терминографических проектов наряду с профессиональными лексикографами. Таким образом осуществляется необходимая для ТС экспертиза, а также создается ЛПС предметной области, подбора источников для словаря и вырабатываются критерии отбора терминологической лексики в словник.

В эпоху цифровизации и изменения научной терминографической парадигмы изменяются традиционные типы ТС, а также способы регистрации и обработки терминов в микроструктуре ТС, в которую вводятся новые информационные категории, включая орфоэпические пометы, мультимедийные, графические и вербальные характеристики, иллюстрирующие процессы и явления, связанные с определенными терминосистемами.

Использование специальных англоязычных электронных корпусов и достижений новых информационных технологий при создании ТС нового поколения позволяет говорить о перспективе дальнейшего развития англоязычной терминографии. Сегодня она выходит за рамки обычной лексикографии и в связи с

постоянным расширением межкультурных профессиональных контактов привносит в ТС культурологический аспект и экстралингвистический материал. Солидный исторический опыт английской лексикографии дает возможность надеяться на долгое сосуществование печатных ТС, их цифровых аналогов, а также онлайн-справочников различных типов, которые широко востребованы международными пользователями и занимают ведущее место в современной лексикографии.

© Карпова О. М.

1.6. СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЮМОРА И САТИРЫ В НЕМЕЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ: ФРАКЦИОННЫЙ ПОДХОД

1. Введение

Анализ функционирования языка по-прежнему остается одной из наиболее сложных задач лингвистики. Уверенность лингвиста, рожденная описанием, структурированием и классифицированием элементов языковой системы и выраженная в теоретических построениях и методологиях, неизбежно наталкивается на поведение системы в речи и во многом предстает теоретическим конструктом, допущением или описанием потенциального развития событий, носящего частный характер. Еще больше усложняет задачу описания функции системы языка выбор в качестве объекта исследования вербальных проявлений психических процессов человека. Здесь лингвистика пытается взять на себя до сих пор окончательно не решенную психологией и антропологией задачу, а именно, сформулировать ответы на вопросы об эволюции, обусловленности и значимости эксплицируемых в речи эмоций, пусть даже и выстраивая выводы на основе вербальных проявлений последних. Вполне очевидно, что три базовые функции языка — коммуникативная, номинативная и экспрессивная — динамично реализуются через огромное множество выразительных средств, одним из которых выступает вербальный юмор. Будучи формой проявления юмора вообще, он разделяет с ним сущностные характеристики: универсальная радостная эмоция и необходимый продукт эволюции человека как биологического вида, юмор выполняет важную социальную задачу и используется в разнообразных ситуациях человеческой деятельности. Таким образом, основания лингвистического изучения юмора кроются в самой природе этого явления, в первичности его возникновения по отношению к языку и в той неоспоримой роли, которую он естественным образом играет в реализации базовых функций языковой системы.

Выразительные возможности языка являются необходимым условием его существования и одновременно областью столкно-

вения уникального и универсального — лингвистических категорий, образующих основу языковой диалектики. Извечное состязание языков за более точный и лаконичный способ выражения порождает такой феномен как заимствование, который в свою очередь выступает катализатором неологизации и архаизации языковых ресурсов. Перевод как крупный эксперимент по естественному сопоставлению языковых элементов, каким его предлагает видеть В. Н. Комиссаров (1990: 3), по сути, лишь выявляет разницу между словарными инвентарями и способами речевого комбинирования, прокладывая мосты между самобытными структурами языковых систем и сокращая их онтогенетические разрывы. Любой пользователь языка принимает участие в коллективном и преимущественно стихийном отборе выразительных средств, повышающем шансы того или иного языка на сохранение коммуникативной пригодности, а мастера слова оттачивают полученные грани языковой выразительности посредством собственного, индивидуального отбора средств.

Имплицитно выразительные, или функциональные, репертуары языков изучались многими дисциплинами языкознания, в том числе в лоне таких частноязыковедческих отраслей как германистика; эксплицитное же изучение требует, с одной стороны, уточнения фактических границ и задач дисциплины, в контексте которой оно будет поставлено на постоянную основу, и, с другой стороны, обязательного смещения акцентов с постструктуралистской догматики, лишь имитирующей антропологический уклон без учета данных самой антропологии, на аппаратные возможности собственно лингвистических дисциплин (особенно макродисциплинарного характера), на практике доказавших свою валидность. На данный момент лучшими аппаратными возможностями для этого, на наш взгляд, обладает стилистика во многом благодаря своему почтенному возрасту и продолжению традиций риторики.

Реализация языком выразительной функции, которая значительно старше его самого, порождает структуры, лишь отдаленно напоминающие лексико-семантические поля, однако на самом деле представляющие собой инвентари выразительных средств,

объединяемые зачастую, как и словарные элементы, по ономаσιологическому (тематическому) признаку. Данное свойство языка никоим образом не имманентно, а является следствием обращения пользователей с накопленным языковым опытом, и в этом кроется главный проблемный потенциал для изучения выразительных возможностей языка, из которого постструктуралисты безосновательно черпают «новизну» для своих конъюнктурных изысканий. Разница состоит в том, что элементы словарного состава образуют исходный материал для речевой комбинаторики, а полученные выразительные средства — ее продукты. Это допускает незамысловатый вывод о существовании в любом живом языке двух составов: словарного и функционального. Помимо того, что данное познание, когерентное сосюррианской дихотомии *langue vs. parole*, вносит ясность в двойственное, т. е. системно-функциональное, устройство любого живого языка, оно также позволяет понять, что его функциональная природа отнюдь не идентична его структурной (механической) составляющей. Это означает, что при рассмотрении языка (а не говорящего на нем, что сделало бы такое рассмотрение предельно субъективным) как коллективного (объективного) явления, функциональная (производственная) часть должна рассматриваться с учетом, но обязательно сепаратно от его элементарной (системной) части.

Итак, образующиеся в функциональном репертуаре группы выразительных средств не идентичны словарным элементам, но могут быть ими ограничены; ср.: однословное выражение в немецком литературном языке *Ratte* (разг. ‘воришка, похититель’). Группировка таких средств по ономаσιологическому признаку обречена на провал, а значит не может осуществляться при помощи лексикологических процедур, что долгое время считалось нормой. Значительных успехов в сегментации функционального репертуара добились советская и западноевропейская ветви лингвистики, стоящие на платформе структурного языкознания, выступившего своего рода защитным клапаном от распространенной сегодня фаллибилистической интерпретации множеств выразительных средств как «категорий», в том числе «когнитивных». Результатом коллективного поиска стал фракционный по-

ход (лат. *frangere* 'дробить, разделять'), опирающийся на сегментацию репертуара по решаемой теме или иными средствами экспрессивной задаче (ULLMANN 1964: 219). Одним из полученных в ходе фракционирования сегментов выступают средства создания юмора и сатиры. Здесь сегментация производится в том числе на основании существенного дифференциального признака, который в междисциплинарном поле обозначается «разрывом мыслительного шаблона» (нем. *Schemadissonanz*) или «обострением противоречия между формой и содержанием объекта комического» (КОБЕНКО 2023: 87). М. А. Кулинич отмечает в связи с этим, что юмор дает возможность выйти за рамки линейного, строго логического мышления и позволяет увидеть диалектические противоречия в рассматриваемом объекте, создать его объемную картину во взаимосвязи с другими объектами окружающей действительности (Кулинич 2004: 231). Следует отметить, что поиск указанного дифференциального основания осуществлялся параллельно с закладкой лингвистического фундамента теории комического. Если психология за все время изучения юмора в различных областях выработала множество теорий и научных подходов к его анализу, то лингвистика долгое время оставалась в этом вопросе на вторых ролях, снабжая ее лишь необходимым исследовательским инструментарием. С филологических позиций изучением юмора традиционно занимались литературоведение и классическая риторика, опиравшиеся в своих работах на методы стилистического анализа текста и знания о способах и правилах речевого комбинирования. Лингвистике отводилась лишь частная задача описания и классификации выразительных средств создания юмора.

Во второй половине XX в. благодаря успехам структурной семантики языка лингвистике впервые удастся добиться перевеса в свою сторону. В 1960-х гг. А.-Ж. Греймас постулирует шутку как вербальный текст, состоящий из двух обязательных элементов — рассказа-представления и диалога, каждый из которых обозначается автором как изотопия (смысловой компонент). Данные элементы развертываются линейно: представление как первая изотопия «подготавливает событие»; диалог как вторая изотопия «представляет собой прием драматизации происходящего и разрушает

его единство, неожиданно противопоставляя первой изотопии вторую» (ГРЕЙМАС 2004: 101). Объединение изотопий и разрешение смыслового несоответствия происходит посредством внешне возникающего связующего термина, позже названного последователями Греймаса «дизъюнктором» (MORIN 1966: 102-119). Нормальное, линейное, развертывание текста прерывается этим аномальным дизъюнктивным элементом, что побуждает реципиента переосмыслить воспринятое содержание и одновременно приносит ему «духовное» удовольствие (ГРЕЙМАС 2004: 101). Для Греймаса остроумная беседа характеризуется одновременным использованием нескольких параллельных и последовательных изотопий, а связующий термин-дизъюнктор претендует, таким образом, на роль критерия различия (дифференциального основания) юмористических и неюмористических текстов и практического инструмента их лингвистического анализа. Впоследствии представления Греймаса о семантике юмора были упорядочены и получили название «модель изотопии-дизъюнкции» (isotopy-disjunction model) (ATTARDO 1994: 62-85).

Рассуждения Греймаса стали основополагающими для формулирования собственно лингвистического подхода к теории юмора, которая не ограничивалась бы только описанием языковых средств создания комического, но была бы призвана объяснить, как и почему осуществляется их отбор, а также то, как они воспринимаются реципиентом юмористического текста. Возведение фундамента собственной лингвистической теории юмора принадлежит В. Раскину: в своей работе *Semantic mechanisms of humor* он закрепляет за лингвистикой право самостоятельного изучения юмора, указывая, что полноценная лингвистическая теория комического не должна и не может выводиться ни из одной психологической теории (даже будучи совместимой с ними), но имеет собственные задачи, послышки и терминологический аппарат (RASKIN 1985: 40-41). Раскин формулирует семантическую теорию юмора на основе сценария (script-based semantic theory of humor), выдвигая на передний план исследовательского интереса семантику и прагматику комического текста, а не средства выражения юмора и его разновидности. Сценарий (script) определяется автором как набор структурно упорядоченных единиц

знания (structured chunks of information) об окружающем мире (RASKIN 2017: 110). В качестве причины юмора указывается неуместность одной ситуации на фоне другой, что проявляется в вербальном противопоставлении двух сценариев, т. е. фактически в разрыве мыслительного шаблона, о котором шла речь выше. Для такого разрыва Раскин приводит список некоторых базовых оппонирующих сценариев: «реальное vs. вымышленное», «норма vs. отклонение», «возможное vs. невозможное», «жизнь vs. смерть», «добро vs. зло» и т. п. (ibid.: 112). Исходя из допущения, что верно выстроенный семантический анализ позволяет установить в тексте наличие юмора естественным образом (т. е. аналогично тому, как шутку распознает и понимает человек), и гипотезы, что текст шутки должен быть полностью или частично совместим с двумя противоположными сценариями, цель теории была определена как выявление универсального языкового алгоритма функционирования шутки. Дальнейшее развитие теории сценариев происходило в направлении уточнения и укрупнения сформулированным Раскиным теоретических положений. Новый толчок развития дала онтологическая семантика, которая позволила апробировать и верифицировать положения теории средствами компьютерной лингвистики.

Через шесть лет после публикации теории сценариев С. Аттардо, опираясь на работы Раскина и в соавторстве с ним, формулирует теорию, которая впоследствии становится общепризнанной и до настоящего времени остается ведущей в лингвистических исследованиях юмора. В статье 1991 г. *Script theory revis(it)ed: Joke similarity and joke representation model* авторы обозначают ее как общую теорию вербального юмора (general theory of verbal humor), намекая уже в названии на ее универсальную применимость и сугубо лингвистическую методологию, а также на то, что объектом исследования выступают вербальные проявления юмора в тексте (ATTARDO & RASKIN 1991: 293-347). В 1993 г. совместно со швейцарским психологом В. Рухом авторы проводят последовательную эмпирическую верификацию теории (RUCH & al. 1993: 123-136), а в 2001 г. Аттардо с учетом накопленных данных публикует монографию *Humorous texts: A semantic and pragmatic*

analysis, в которой не только упрочивает лингвистические основания и описывает методологию изучения юмора, но и, среди прочего, анализирует нарративную структуру различных юмористических текстов (от устных выступлений до классических художественных текстов) (ATTARDO 2001).

Исходя из позиции авторов, общая теория вербального юмора была обязана соблюсти принцип фальсификации К. Поппера (ATTARDO & RASKIN 2017: 52), согласно которому любая теория только тогда может быть признана научной, если ее можно опровергнуть в ходе какого-либо эксперимента, даже если таковой не был реализован, а также устранить два недостатка теории сценариев Раскина: во-первых, доказать, что оппонирование сценариев является причиной и словесного (*verbal*) (неоднозначность языкового выражения), и ситуативного (*referential*) (неоднозначность ситуации) юмора, и, во-вторых, высветить отношение структурного сходства (тождества) между различными типами шуток (ATTARDO 2017a: 127). В качестве матрицы критериев были предложены шесть иерархически организованных источников знания (*knowledge resources*): язык (*language, LA*), нарративная стратегия (*narrative strategy, NS*), объект насмешки (*target, TA*), ситуация (*situation, SI*), логический механизм (*logical mechanism, LM*) и оппозиция сценариев (*script opposition, SO*) (Attardo 2001: 22-28). Такой подход позволяет не только создать типологию юмористических текстов (ATTARDO 2017a: 134), но и дать лингвистике рабочий метод описания организационной природы и механизма развертывания шуток.

Теория Аттардо считается на сегодняшний день ключевой в области исследования юмора, и ссылаться на нее принято не только в лингвистике (ATTARDO 2017b), но также в психологии (MARTIN 2006: 89-92) и компьютерных науках (PETTA & al. 2011: 609-636). На протяжении более трех десятилетий она подвергалась проверке на самом разном языковом материале и видах юмора в контексте различных отраслей теоретической и прикладной лингвистики. В 2020 г. автор дополнил ее разделами, посвященными восприятию и порождению юмора, юмору в литературе и переводе, роли и применению юмора при усвоении языка (ATTARDO 2020).

Тем не менее отход от психологии у последователей Греймаса строился по рикошетному принципу, результатом чего стало обоснование не собственно лингвистической теории в духе Раскина, а новой теории юмора от противного — *contradictio in contrarium*. Доказательством того, что фундамент предложенной теории лишен лингвистической направленности, выступает то обстоятельство, что исследователи используют ее аппарат для обоснования других психологических теорий, например, теории концептуальной интеграции (*blending theory*) Ж. Фоконье и М. Тернера (MASLO 2019: 231-253) или теории релевантности (*relevance theory*) Д. Спербера и Д. Уилсон (YUS 2017: 189-203). Несмотря на вклад в разработку лингвистического подхода к изучению комического, школа Греймаса последовательно отказывалась от его системно-функционального основания, чем и вывела его за рамки лингвистики. Главным недостатком теории Аттардо выступает отсутствие теоретического разграничения юмора как явления и сатиры как жанра. Подчеркнем, что предложенный им ракурс уже сам по себе исключает функциональное структурирование текстовых массивов, отобранных в соответствии с решаемой экспрессивной задачей, т. е. сугубо лингвистическую постановку вопроса.

Еще до появления теории Аттардо этот ее недостаток был успешно устранен германским языкознанием и в первую очередь советской структурной лингвистикой, следовавшей строгим языковедческим курсом и предполагавшей в изучении юмора и сатиры решение сугубо лингвистических задач, а именно: описание выразительного инвентаря и его структурирование в функциональном репертуаре языка; ср.: (RIESEL 1959: 201-208; БРАНДЕС 1983: 4-7). Решить данные задачи в лингвистическом ключе германскому языкознанию удалось в тесном содружестве с литературоведением (HORN 1988: 205), выдержав традиционный стилистический уклон (SOWINSKI 1991: 199; SANDIG 2006: 52). Так, У. Йап изучает иронию как самостоятельное выразительное средство с точки зрения его многозначности и многообразия, укладывая выводы в строгую лингвистическую канву рассуждений (JAPP 2021: 38). Как можно видеть, фракционный подход тождественен лингвистической ориентации изучения средств создания юмора и сатиры, как и прочих сегментов функционального репертуара языка.

2. Методология и материал исследования

Суть фракционного подхода — сегментация функционального репертуара конкретного языка с целью определения симптоматики отдельного его элемента (выразительного средства). В сущности, данный подход реализует переход от системы как структурно упорядоченного множества элементов к их репертуарному назначению (функции), т. е. ролям в речи. Фракционирование предполагает не просто выделение и классификацию (инвентаризацию) выразительных средств как минимальных единиц функционального репертуара, но описание схем и способов речевой комбинаторики, их варьирование в живой речи и функциональную трансформацию. *Методологию работы* в рамках имплементируемого фракционного подхода образует корпус общенаучных и лингвистических методов. К первым относятся парные приемы логики (синтез vs. анализ, абстрагирование vs. обобщение, индукция vs. дедукция) и методы познания (наблюдение, описание, интерпретация), ко вторым — метод оппозиций, служащий противопоставлению различных структурных величин и составляющих функционального репертуара, и функциональный метод, позволяющий выделять принципы и приемы создания выразительных средств в инвентаре немецкого литературного языка.

Материал исследования отобран из первичных и вторичных источников. В качестве первичных использованы образцы синхронной немецкой литературной речи, зафиксированные авторами настоящей работы за период с 2014 г. по настоящее время. Вторичные источники представлены двумя видами литературы: жанровой и справочной. К жанровой относится коллекция комических текстов Г. Йонаса,¹ к справочной — словники ведущих словарей немецкого литературного языка *Duden Universalwörterbuch* (2019) и *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* (DWDS).²

3. Результаты исследования

Первым и важнейшим шагом процедуры фракционирования является разделение структурных элементов функционального репертуара как неравнозначных величин, которые не могут

¹ www.gregor-jonas.de.

² <https://www.dwds.de>.

быть объявлены типологическими, поскольку типы (таксоны) характеризуются равноправием в отличие от меронимов и холонимов, соотносящихся друг с другом как часть и целое. Так, в структуре функционального репертуара, выступающего холонимом, т. е. верхней величиной уровневой иерархии, различают по нисходящей стиль, подстиль, жанр, окраску / регистр и выразительное средство как минимальную величину (мероним) (КОБЕНКО 2023: 34). Исходя из этого, становится очевидной необходимость разграничения комических текстов и выразительных средств создания комического, что, однако, не всегда представляется возможным в силу совпадения границ коротких текстов (нем. Kurztex-te) и линейной структуры средств, которые в них реализуются; ср.: анекдот про послевоенный Берлин, в основе которого лежит игра слов: *Das Nachkriegsberlin ist die Stadt der Warenhäuser. Hier war 'n Haus, und da war 'n Haus.* Родственными явлениями можно признать однословные шутки, размывающие границы жанра и выразительного средства, к примеру, *Brennholzverleih.*

Все комические тексты объединяются в макрожанр сатиры (лат. *satura* → *satira* ‘фруктовая (пестрая) смесь’), преследующий задачу высмеивания отдельных лиц, явлений и процессов посредством юмора (лат. (*h*)umor ‘жидкость’), т. е. изображения денотата или его характеристик в проигрышном (нелепом) виде при сохранении серьезности самой формы изложения или же при смене ее на сочувствие (КОБЕНКО 2023: 87). Комическими (греч. *κωμικός* ‘смешной’) тексты делает раскрытие противоречий путем гротескного усиления эмпирического контраста между ними. Следует отметить, что термин «комический» нередко используется исследователями в качестве собирательного для жанров и выразительных средств; ср.: (Кулинич 2004: 16).

Сатирические жанры многообразны и коренятся в античном прошлом. Их типичными представителями выступают эпитаграмма, бурлеск, фарс, комедия и т. д. (КНОСНЕ 1982: 4), однако наиболее массовым является анекдот, или шутка (нем. *Witz*), как комическая разновидность побасенки, с поджанрами а) скабрёзной шутки (нем. *Zote*), б) анти-шутки (нем. *Antiwitz*), в) шуточного вопроса (нем. *Scherzfrage*), г) каламбура (нем. *Kalauer, Flachwitz, Plattwitz*) и д) запутывающей шутки (нем. *Verwechslungswitz*), ср.:

- (a) Gott schuf den Mann. Den Rest erledigte sein Azubi.
(b) Was ist grün und trägt ein Kopftuch? — Eine Gürkin.
(в) Warum ist die Banane krumm? — Weil niemand nach Afrika zog und sie geradebog.
(г) Wie heißt das Reh mit Vornamen? — Kartoffelpü.
(д) „Was sind Sie von Beruf?“ — „Zauberkünstler.“ — „Zauberkünstler?“ — „Ja, ich zersägte Mädchen.“ — „Haben Sie auch Geschwister?“ — „Ja, zwei Halbschwestern...“

Помимо этого, отдельными языковедами выделяется насмешка (нем. Spott) как самостоятельный жанр, отличающийся от сатирических тем, что превращает объект критики в жертву (BUSCH-LAUER 2009: 1728). Зачастую носителями немецкого языка насмешка выдается за шутку, однако в отличие от последней имеет упрощенную жанровую структуру в форме обвинения или упрека, оттененного юмором. В классической шутке реализуется следующая жанровая структура: 1) вступление (нем.-лат. das Exordium), 2) завязка (нем.-лат. die Exposition), 3) усложнение (нем.-лат. die Complicatio), 4) пуанта / развязка (нем.-фр. die Pointe ‘острие’) (EULER 1991: 30), ср.:

- 1) *das Exordium*: Ein Mann zu Besuch bei einem Psychiater...
2) *die Exposition*: Mann: „Was sind eigentlich die Aufnahmebedingungen in ihrer Psychiatrie?“
3) *die Complicatio*: Psychiater: „Nun, wir füllen eine Badewanne mit Wasser und stellen dann einen Löffel, eine Tasse und Eimer zur Verfügung. Dann sagen wir demjenigen, er soll die Badewanne leeren. Mann: „Ah, verstehe. Ein normaler Mensch würde den Eimer nehmen...“
4) *die Pointe*: Psychiater: „Nein, ein Normaler würde den Stöpsel ziehen... Möchten sie Ihr Zimmer mit oder ohne Balkon?“

Тематическая палитра жанра шутки является наиболее разветвленной в функциональном репертуаре немецкого литературного языка и включает более 40 категорий (нем. Witzkategorien), например, Blondinenwitze (анекдоты про блондинок), Mantafahrer (анекдоты про водителей автомобилей марки «Opel Manta»), Fritzen (анекдоты про маленького Фрица = Вовочку), Radio Eriwan (анекдоты про Радио Ереван), ср.:

Frage an Radio Eriwan: „Ist die Rückkehr vom Mond wirklich so schwierig?“ Radio Eriwan antwortet: „Im Prinzip nein. Technisch ist

das Problem gelöst, aber wie sollen wir unsere Kosmonauten zur Rückkehr zwingen?“

Поскольку шутка является разновидностью жанрового репертуара обиходно-разговорного стиля, она наследует такие его особенности как оmissia артиклей, инициальная позиция *verbum finitum*, динамическое повествование и использование средств создания юмора. Последние распадаются на две большие группы: 1) ситуативные и 2) собственные средства; ср.: (RIESEL 1959: 209).

1. Ситуативные средства заимствуются для создания комического из инвентарей других групп выразительных средств, а их использование всегда обусловлено контекстом. Смех как реакция адресата на употребление тех или иных выражений в значительной степени зависит от прагматики отдельной коммуникативной ситуации, установок партнеров по коммуникации, их речевого опыта и коммуникативных ожиданий. Так, обиходное клише *junges Gemüse* ‘молодежь’, произнесенное пожилыми лицами в присутствии молодых людей, может стать ситуативным триггером смеха. Спектр средств такого рода весьма обширен: это могут быть выражения с различными типами ограничений (ср.: архаизм *Wechselbalg* фолькл. ‘подкидываш’ в функции анахронизма — ‘дублер’), средства звукового инструментирования (ср.: диерезы *Kapazät* вместо *Kapazität* и *Atombe* вместо *Atombombe*) или непривычно звучащие слова (*Kokolores*, *Mumpitz*, *Larifari* ‘чушь, вздор’, *Zislaweng* в сочетании *mit einem Zislaweng* — ‘каким-то макарон’). Однако чаще всего ситуативными средствами выступают перифразы (*Treibstoff für Büronetzwerke* вместо *Kaffee*), эпитеты (*Mann der großen Scheine*) и фразео-паремиологические единицы (*im Suppenkoma liegen* ‘переест’, *ohne Mampf kein Kampf* ‘война войной, а обед по расписанию’, *er hat bloß zwei Interessen: erstens — schlafen, zweitens — essen* ‘поспали — можно и поесть, поели — можно и поспать’). В обиходной речи достаточно популярны однословные перифразы на основе различных видов иносказания, например, *Kriegsbemalung* (вместо *Makeup*), *Nasenfahrrad* (вместо *Brille*), *Lausrechen* (вместо *Kamm*). К перифразам примыкают метаплазмы и композиционные преобразования, стоящие на

службе параномазии, ср.: Lebensmittelverschwendung (вместо Lebensmittelverwendung), verschlimmbessern ‘улучшить из кулька в рогожку, испортить улучшением’, warum heißt es „ein Zimmer auf-räumen“ und nicht „einen Raum aufzimmern?“ Смежными явлениями с ними выступают псевдоконверсивы, нарушающие действующие нормы для решения экспрессивных задач коммуникации, например, zwischen — zwasch — gezwuschen (три формы предлога zwischen, представляемого сильным глаголом, спрягаемым по третьему ряду аблаута), noch und nöcher ‘очень много / многие’; образование сравнительной степени наречия noch, как у немецких имен прилагательных, служит гиперболизации высказывания).

Частым источником ситуативного юмора в условиях инвазивного заимствования лексического материала англо-американского происхождения является практика юмористического онемечивания английских апеллятивов и онимов, ср.: Schief-Inspektor (вместо chief inspector), Mänädscha (вместо manager), Meikel (вместо Michael). Вопреки бытующему мнению о репертуарной принадлежности иронии, данное выразительное средство обслуживает инвентарь средств описания и выделения (умаления) признака; ср.: (КОБЕНКО 2023: 71), поскольку описывает зачастую негативное явление путем выделения противоположного (положительного) признака, выдавая его лишь при помощи интонации, и, следовательно, относится к ситуативным средствам создания комического, ср.: durch Abwesenheit glänzen ‘блистать отсутствием’; Arbeitsbeschaffungsmaßnahme досл. ‘мера по обеспечению занятости’, ирон. ‘способ занять кого-либо чем-либо, при этом сама выполняемая работа может не иметь никакого смысла’); du, Blitzmerker! ‘Ну ты и тугодум!’

2. Собственные средства создания юмора и сатиры представлены тремя группами явлений: а) игрой слов, б) нелогичными соединениями и в) стилистическими парадоксами.

А. Игрой слов обозначается прием комического обыгрывания различных форм или значений слов в одном контексте, при этом комбинации форм слов обозначаются адноминацией (нем. Wortwitz): ich habe in Moskau liebe Genossen — ich habe in Moskau Liebe genossen, der Gefangene floh — der gefangene Floh, hier kann man

Weise reden hören — hier kann man weise Reden hören), а комбинации значений слов — двойным смыслом (нем. Doppelsinn): der Fünfsternekoch kocht vor Wut, Schauma pflegt die Haare bis zu den Spitzen. Нередко проводниками игры слов становятся такие парадигматические отношения внутри словарного состава немецкого литературного языка как полисемия и омонимия, ср.: Arme haben Arme, Arme haben Beine, Beine haben keine Arme, arme Beine! Метаплазмы отличаются от прецедентов игры слов отсутствующей или слабой нормативной закреплённостью, граничащей с окказиональной практикой, ср. метаплазм Übelsetzer (вместо Übersetzer: шутливое обозначение неопытного переводчика). Выделяют множество подвидов игры слов, однако наиболее частотными являются: 1) палиндром, 2) анноминация, 3) мондегрин, 4) каламбур и 5) шарада.

I. Палиндромом (греч. πάλινδρομος ‘бегущий назад’) называется выразительное средство, одинаково читающееся вперед и назад, например, Reittier ‘животное для верховой езды’, Gnutötung ‘умерщвление антилопы гну’, eil, Amalie! ‘поспеши, Амалия!’, Erika feuert nur untreue Fakire ‘Эрика увольняет лишь неверных факиров’.

II. Анноминация (лат. anpminatio ‘подобословие’), или паронимазия (греч. παρα- ‘смежное’ и ὀνομάζω ‘называть’), представляет собой такую игру слов, которая основана на формальной (фонологической) схожести сопоставляемых слов, ср.: die östlich von Dresden gelegenen Gemeinde *Ottendorf-Okrilla*, welche im Volksmund auch *Mottendorf-Godzilla* genannt wird. Отличие анноминации от адноминации заключается в том, что экспрессивные прецеденты второй существуют непарно, а их обнаружение в речи носит случайный характер, в то время как анноминация — явление сугубо эрратологического толка, что и объясняет ее включение в арсенал средств создания юмора и сатиры. Чтобы избежать в речи ошибок, становящихся предметом комического, немцы создают целые словарные ряды паронимов (Rezension — Rezession, Urzeit — Uhrzeit, enteist — enteisent и т. д.), а в отдельных случаях прибегают к сатирическим анноминативным побасенкам, предупреждающим эрративные практики; ср.:

Wussten sie schon, dass wenn von *Walzwerken* und *Waldzwerger* die Rede ist, es zu Irritationen beim Hörer führt, da es phonetisch nicht

ganz leicht ist zu unterscheiden, ob es sich um *Walzwerke* oder *Waldzwerge* handelt. Gott sei Dank, ist es aber relativ selten, dass ein *Waldzweig* ein *Walzwerk* besucht oder *Walzwerke* in der Umgebung der *Waldzwerge* erbaut werden. Wenn allerdings *Waldzweig* ein *Walzwerk* baut, handelt es sich demzufolge um ein *Waldzweigwalzwerk*. Wenn dieser dann auch noch darin arbeitet, ist es dann offensichtlich ein *Walzwerk-waldzweig*.

III. Мондегрин (англ. mondegreen, нем. Verhörer), или ослушка, т. е. неверно разложенное на слух словосочетание; ср. популярную ослушку *den Schnitzelwagen вместо den Schritt zu wagen в композиции «Santa Maria», исполняемой эстрадным певцом Роландом Кайзером.

IV. Каламбур (фр. calembour(g) — французское название города Калау в федеральной земле Бранденбург) является частным случаем двойного смысла, сформулированным в виде загадки или паремии, например, egal wie dicht du bist, Goethe war Dichter. В основе каламбура лежит столкновение двух различных по семантике слов, сближаемых с целью получения комического эффекта.

V. Шарада (фр. charade ‘легкое общение’) представляет собой разновидность загадки, в которой слова разделяются на слоги, приобретающие самостоятельное значение; ср.: was hat ein Bein und kann nicht gehen? — Nase (Nasen-Bein ‘переносица’); wie lang ist eine Elle? — Ellenlang (‘очень длинный’, досл. ‘длиной в локоть’).

Б. Нелогичными называются соединения семантически неоднородных словарных элементов. В этой подгруппе различают: 1) силлепс, 2) оксюморон, 3) ложный атрибут, 4) шлагзац и 5) гистерон-протерон.

I. Под силлепсом (греч. οβλήσις ‘захват’) понимают использование различных по содержанию слов в качестве однородных членов предложения, например, «Die Stadt Göttingen, berühmt durch ihre *Würste* und *Universität*...» (Н. Heine). В классической риторике данному средству соответствует фигура *adjunctio*. Силлепс нередко выдают за зевгму, которая является грамматическим средством и разновидностью эллипсиса, поскольку называет *verbum finitum* для различных конструкций один раз. Порождаемый при этом юмористический эффект позволяет рассматривать зевгму как ситуативное средство создания юмора и

сатиры, ср.: «Man führt das Kind und Protokoll...» (H. Hippel), er warf einen Blick in die Zeitung und die Zigarettenkippe in den Aschenbecher.

II. Оксюморон (греч. ὀξύμωρον ‘остроумно-глупый’, лат. *contradictio in adjecto* ‘противоречие в дополнении’) называется сочетание семантически взаимоисключающих слов, например: Hassliebe (‘любовь-ненависть’), Mädchenmannschaft (‘команда девочек’), die Schweizer Politik gilt im Volksmund als „zum Gähnen spannend“ (‘швейцарская политика считается в народе «до зевоты увлекательной»’).

III. Ложный атрибут (нем. Falschkoppelung) — это, как правило, образный эпитет, в основе которого лежит нелогичное укрупнение объема определяемого понятия, т. е. расширение класса объектов, содержащих выделяемый признак; ср.: motorisierte Wilderer (‘браконьеры на мотоциклах’), ein möblierter Herr (устар. ‘съемщик мебелированной комнаты’). Ложный атрибут ошибочно смешивают с солецизмом (греч. σολοκισμός ‘свойственный диалекту греческой колонии Соли’), под которым понимается неверная связь элементов высказывания, в том числе фразеологическая; ср.: eine studierte Kauffrau (‘дипломированная работница торговли’; ошибочным здесь является использование пассивного причастия совершенного вида в значении ‘обучавшаяся’), Beinamputierter auf freiem Fuß (‘безногий в бегах’). Как и в случае с зевгмой, солецизм является лишь ситуативным средством создания юмора и сатиры.

IV. Шлагзац (нем. Schlagsatz) представляет собой высказывание, логически опровергающее предшествующие рассуждения, например, «Die Stadt ist schön und gefällt einem am besten, wenn man sie mit dem Rücken ansieht» (H. Heine).

V. Гистерон-протерон (греч. ὕστερον πρότερον ‘позже раньше’) является инверсией логической последовательности описываемых событий, в результате чего более поздние происшествия выдаются за предшествующие; ср.: «Ihr Mann ist tot und lässt Sie grüßen...» (J.-W. Goethe).

VI. Стилистическим парадоксом (греч. παράδοξος ‘неимоверный’) признается высказывание, представляющееся вначале бес-

смысленным, но при более внимательном рассмотрении — истинным. Его разновидностями являются 1) стилистический разрыв и 2) пародия.

I. Стилистический разрыв (нем. *Stilbruch*) подразумевает неожиданный «скачок» оттенка экспрессивно-семантической окраски на два и более порядка или резкую смену функционально-стилистической разновидности, например, *Die junge Generation hat keinen Bock auf Arbeit. In der Kasse der Schulverwaltung herrscht gähnende Leere* (сопряжение разговорного и высокого регистров).

II. Пародией (греч. *παρῳδία* ‘подпевание’) в узком смысле называется выразительное средство, полученное в результате переосмысления или переразложения оригинального; ср.: пародированные паремии *Vorwärtsgang ist aller Laster Anfang* (вместо *Müßiggang ist aller Laster Anfang*), *Vorsicht ist die Mutter der Porzellankiste / Porzellanprothese* (вместо *Vorsicht ist die Mutter der Weisheit*). Отдельного упоминания заслуживают так называемые веллеризмы (нем. *Sagwörter, Wellerismen* — по фамилии Сэмюэля Уэллера, литературного героя *Посмертных записок Пиквикского клуба* Ч. Диккенса), представляющие собой шутивно-просторечные добавления к известной паремии слов автора, начинающихся глаголом *sagen*; ср.: „*Was sich liebt, das neckt sich!*“ — *sagte die Katze und fraß die Maus*.

4. Заключение

Имплементация фракционного подхода позволяет изучить языковое содержание такого явления как юмор на основе текстов сатирических жанров, ведущим среди которых в функциональном инвентаре литературного немецкого языка выступает жанр шутки. Юмор не является достоянием одного лишь общо-разговорного стиля, однако выступает его репертуарным *locus*, своего рода *Nährboden* (‘питательной почвой’), что легко отслеживается по наследуемым качественным признакам данной функционально-стилистической разновидности указанного литературного языка. Психологический уклон исследований юмора в речи видится большей частью пережитком младограмматизма, порождающим конфликт объективистского и индивидуалист-

ского начал. Понимание того, что язык как объективное и коллективное, отделившееся от головы говорящего благодаря изобретению письменной речи и литературных норм, противопоставлен речи, т. е. субъективному и индивидуальному, позволяет признать индивидуалистский ракурс в меньшей степени лингвистическим и в большей степени психологическим, а значит не оправдывающим использование термина «язык».

Таким образом, подлинно языковое изучение юмора должно строиться путем преодоления частных пользовательских установок порождения речи и исходить из того, что функциональный репертуар языка и его структурные элементы — объективно существующие явления. Авторы работы не претендуют на холистичность предлагаемой типологии, а понимают ее, скорее, как экземплификацию теории изучения юмора, которая может быть снабжена атрибутом «лингвистическая». Опыт германского языкознания представляется здесь путеводным и новаторским.

© Кобенко Ю. В., Юрченкова Е. Ю.

1.7. ДИАЛОГИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА: ПУШКИН В ИНТЕРПРЕТАЦИИ МОРИСА БЭРИНГА

1. Диалогические контексты восприятия Морисом Бэрингом творчества Пушкина

Диалогические контексты художественного перевода — процессы биографического, психологического, социального, культурно-исторического, эстетического характера, которые участвуют в формировании общего отношения переводчика к автору, произведения которого он переводит, а также позиции переводчика по отношению к конкретному художественному тексту. Диалогические контексты формируют систему, целостность которой определяется целостностью личности переводчика: его сознание объединяет все упомянутые выше процессы в формах внутреннего их освоения. С точки зрения возможности описания этой системы случай обращения Мориса Бэринга к творчеству А. С. Пушкина, предшествующий переводу английским писателем пушкинского *Пророка*, исключителен. Зафиксированность результатов этого обращения, возможность сопоставления фактов биографии писателя с его высказываниями относительно творчества Пушкина, его переводом и многими другими контекстами позволяют проанализировать многочисленные взаимодополняющие диалогические контексты, которые определяют как сам факт художественного перевода, так и его специфические черты.

Бэринг — английский дипломат, журналист, поэт, писатель, переводчик — был одним из первых и наиболее последовательных русофилов в Англии первой половины XX в. Знакомство Бэринга с Россией началось в 1904 г., когда он, будучи секретарем английского посольства, познакомился с семьей графа Бенкендорфа, а затем, очарованный общением с русскими аристократами, приехал в их имение в селе Сосновка Тамбовской области. Эта встреча с Россией, русскими крестьянами, русской жизнью произвела на него столь огромное впечатление, что в 1905 г. он становится корреспондентом лондонской газеты «Морнинг пост» («Morning Post») в России и остается в этом статусе до 1912 г. За эти годы он не только становится свидетелем русско-японской

войны и революции 1905 г., но и глубоко осваивает русский язык, общается с самыми разными людьми, проникается подлинной любовью к русскому человеку, начинает высоко ценить не только творчество Тургенева, Достоевского, Толстого, но и Пушкина.

О русской литературе Бэринг написал две разные по своим задачам и принципам составления книги: *Вехи русской литературы* (*Landmarks in Russian Literature*, 1910) и *Очерк истории русской литературы* (*An Outline of Russian Literature*, 1914). В первой о Пушкине сказано совсем немного и с позиции весьма определенной, если не сказать специфической: это не литературная критика и не литературоведение, но культурология в ее «этнофилософском» варианте. Это попытка увидеть в произведениях Пушкина те общие особенности русской культуры, русского менталитета, о которых Бэринг очень подробно рассуждает в книгах, опубликованных несколько позже — *Русский народ* (*The Russian People*, 1911) и *Истоки России* (*The Mainsprings of Russia*, 1914).

В *Вехах...* для общей логики размышлений автора значимо утверждение о том, что «русская поэзия <...> имеет твердое основание в здравом смысле» («Russian poetry <...> is based on and saturated with sound common sense») (BARING 1912: 25) и что в этом своем качестве она расходится с особенностями поэзии немецкой, английской и французской. В качестве ярчайшего примера Бэринг указывает на «величайшего русского поэта» («the greatest Russian poet») Пушкина (*ibid.*): в отличие от Шелли или Мюссе, Пушкин не возводит башни отвлеченных размышлений и не адресует своему читателю революционно-мятежные призывы («no Russian Romantic poet would have ever tried to reach the dim pinnacles of Shelley's speculative cities, and no Russian Romantic poet would have uttered a wild cry of revolt such as Musset's "Rolla"»), но «извлекает поэзию из обыденности» («extract poetry from the daily life») и находит для нее «сбалансированную до совершенства» форму («perfectly balanced; this sense of balance and proportion blent with a rooted common sense») (*ibid.*: 26).

Это обобщение относительно особенностей русской поэзии в целом и творчества Пушкина в частности в точке «здравый смысл» смыкается с его наблюдениями над характером русского человека, изложенными как в *Истоках России*, так и в *Русском*

народе. В первой из этих книг Бэринг указывает на здравый смысл (common sense), жизнерадостность и чувство юмора (cheerfulness; good humour) как на основные черты характера русского крестьянина (BARING 1914: 60). Во второй отмечает, что свойственный русскому крестьянину здравый смысл, проявляемый в смекалке (shrewdness) и практическом чутье (practical sense), является лишь формой общего «духа позитивизма и реализма» («spirit of positivism and realism»), который характерен для русского народа (BARING 1911: 53). И, как в *Вехах...*, указывает на поэзию Пушкина (а также Лермонтова) как на яркое воплощение этого духа: творчество «наиболее романтических русских поэтов» («the most Romantic poets of Russia»), по его наблюдению, совсем не похоже на поэзию Шелли, Байрона, Гюго и Мюссе, но в чертах простоты, естественности, близости к факту и природе сближается, скорее, с поэтикой Теккерея и Стендаля (ibid.: 54).

В то же время в книге *Русский народ*, посвященной известному писателю Г. Честертону (с которым Бэринга объединяет не только многолетняя дружба, но и католическая вера, а также сходство литературных и философских интересов), имя Пушкина возникает в одном ряду с именами Суворова и Петра Первого в связи с иным предположением: что русские способны «творить чудеса», преодолевая все возможные препятствия и пределы («... he will recognize no obstacles and no limits. He will accomplish miracles») (ibid.: 49), поскольку в русском народе вообще (и в русских гениях в особенности) есть удивительная черта «экстраординарной» одаренности энергией («extra flip of energy») (ibid.).

Подступаясь к решению оригинальной задачи — «обрисовать просто и коротко, насколько это возможно, главные черты русской почвы и расы» («to sketch as simply and as briefly as possible the main features of the Russian soil and race») (ibid.: x), Бэринг в этой книге возвращается к ключевым утверждениям: что русские являются преимущественно «славянами», следовательно, как и европейцы, «арийцами», «индо-европейцами» (противостоящими Востоку и покоряющими Восток) (ibid.: 35-36); что история и культура России доказывает правдивость парадокса «слабейший является сильнейшим» (подразумевая способность велико-

россов «одерживать победу» («triumphing over all his rivals»), «покорять» пространства («conquered <...> the country»), «формировать ядро» империи («forming the kernel of a new empire») (ibid.: 34); и что, наконец, «человечность» («humane») сочетается в русском человеке со «стоицизмом» («stoicism»), «яростной энергией» («fierce energy»), «адаптивностью» («all-round adaptability»), реализмом, и в то же время с «распущенностью» («laxity»), чрезмерностью в моделях поведения («extravagance of conduct»), «недостатком индивидуальности» («lack of individuality») и «страхом перед ответственностью» («fear of responsibility») (ibid.: 40, 54, 55).

Адаптивность, пластичность наряду с реалистичной ясностью, а также с пропорциональностью и сбалансированностью Бэринг перечисляет в ряду основных характеристик пушкинского творчества в *Вехах...* (BARING 1912: 27). Этот взгляд на сущность пушкинского гения в связи с особенностями русской поэзии и русского менталитета в целом отстаивается и в *Очерке истории русской литературы*. В относительно подробном рассказе Бэринга о пушкинском творчестве, изложенном на 45 страницах его второй и последней книги о русской литературе, центральными становятся тезисы об особом реализме и пропорциональности его творчества, о способности адаптировать к русской почве произведения самых разных европейских авторов, по-своему пересоздавая их. В этой книге повторяются тезисы о русском поэте, которые уже были сформулированы в предыдущих работах Бэринга. В то же время к ним добавляется еще одно, и весьма существенное, утверждение: о необыкновенной поэтической одаренности Пушкина.

Обобщая свой рассказ о творческой биографии русского поэта, Бэринг утверждает величие пушкинского творчества, акцентируя его универсальность и при этом особенность его существенных характеристик — непреходящую ценность для мировой культуры и близость английскому читателю. Этот восторженно-панегирический фрагмент столь выделен интонациями преклонения перед объектом рассказа (а также своеобразием попытки сопоставления пушкинской поэтики с поэтикой Джона Донна), что уместно процитировать его подробнее:

Главная черта его гения — универсальность. Кажется, не было ничего, что бы он не мог понять и воспринять. <...> Он был великим художником; его стиль отличается точностью, пластичностью и ясностью <...>. Его образы <...> конкретны и прозрачны, как описание, в котором Донн говорит о женщине, чья

“...чистая и яркая кровь

Озаряла ее лицо, и работала в нем так отчетливо,

Что легко было решить, что ее тело мыслит само”.¹

<...> Ему была дарована божественная легкость и внерациональная спонтанность [творчества].

The chief characteristic of his genius is its universality. There appeared to be nothing he could not understand nor assimilate. <...> He was a great artist; his style is perspicuous, plastic, and pure <...>. His concrete images are <...> transparent, like Donne’s description of the woman whose

“...pure and eloquent blood

Spoke in her face, and so distinctly wrought,

That you might almost think her body thought.”

<...> He was gifted with divine ease and unpremeditated spontaneity (BARING 1915: 96-97).

Стремление увидеть в Пушкине не «чужого» гения, но гения мировой литературы, гения отчасти «своего», близкого автору и самой своей одаренностью, и значимыми чертами своего дара, выделяет эту книгу Бэринга в ряду и его трудов, и работ других авторов о русской литературе, которые начинают публиковаться

¹ Перевод здесь и далее мой — С. К. Ср.: этот же стихотворный фрагмент в переводе А. А. Франковского:

...Чиста, красноречива кровь

Ее ланит — ты скажешь, плоть сама

Согрета в ней дыханием ума.

Бэринг цитирует здесь одни из самых известных строчек Джона Донна из стихотворения *Вторая годовщина* (*The Second Anniversary of The Progress of the Soul*). Их судьба в истории английской поэзии выделена особой — можно сказать, легендарной — знаковостью, так как они были воспроизведены Г. Филдингом в описании Софьи Вестерн — героини романа *История Тома Джонса, найденца* (*The History of Tom Jones, a Foundling*).

в это время в Европе. Появление этого утверждения и этой позиции, как представляется, тесно связано с факторами как литературного, так и нелитературного характера, значимыми для разносторонней рецепции Бэрингом творчества Пушкина. К литературным факторам относится в первую очередь то, что Бэринг мыслит самого себя писателем, поэтом, драматургом, «a man of letters», и поэтому его с особенной силой поражает размах пушкинского таланта, впечатляют и покоряют выделяемые в качестве ключевых черты пушкинского творчества.

Что касается нелитературных фактов, значимым в этом отношении является тот контекст восприятия Бэрингом русского народа, который я попыталась очертить выше на основе его собственных высказываний. Пушкин воспринимается Бэрингом как «свой» поэт не в последнюю очередь в связи с тем, что русский народ для него не «чужой», но отчасти «свой»: ощущаемый как родственный и по своим «расовым» и культурно-историческим признакам, и по некоторым национальным чертам (таким как здравый смысл, одаренность энергией, христианское милосердие). Особо значим в этом отношении богатый личный опыт погружения Бэринга в русскую культуру на самых разных уровнях: его книги открывают такие грани этого погружения как прекрасное знание русского языка, русской литературы и истории;² общение с русскими крестьянами и солдатами, наблюдение за их жизнью и поведением в кризисных ситуациях; тесное знакомство с русскими интеллектуалами-современниками.³

² В своих книгах о России Бэринг, в частности, ссылается на труды по русской истории В. О. Ключевского и С. М. Соловьева. В *Очерке истории русской литературы* обнаруживает высокий уровень знаний в соответствующей области, начиная, по крайней мере, с творчества и биографии Н. М. Карамзина и В. А. Жуковского.

³ В своих воспоминаниях Бэринг упоминает фамилии некоторых своих близких (и не очень) русских знакомых: Бенкендорфов, фон Коц, Мамонова, Назаренко, Станиславского... В основном же он говорит о представителях русской «интеллигенции», акцентируя это слово курсивным написанием (*Intelligentsia*). О Бэринге и его любви к России со знанием дела пишет, в частности, Нина Берберова в одной из своих

В то же время Бэринг, принявший в 1909 г. католичество в результате долгих размышлений и сосредоточенных духовных поисков, не мог не воспринимать Россию, русскую литературу и, в частности, творчество Пушкина сквозь призму своих религиозных взглядов. Об этом красноречиво свидетельствует его размышление в *Истоках России* о том, что «русский крестьянин — мистик», что его религия «происходит не из книг или учений», но из «опыта» («The Russian peasant is a mystic. His religion does not come to him through books or study or spiritual sciences, but it is the outcome of his experience» [BARING 1914: 47]); что мистичность его взглядов подобна мистичности ранних христиан и что именно поэтому когда-то «вся Европа и особенно англичане» «смотрели на религию так, как русские крестьяне смотрят и теперь» («once the whole of Europe, and especially the English, looked on religion as the Russian peasants do now» [ibid.: 57]); что автор любит «в русских людях» не что-то «варварское», но нечто «вечное, универсальное, великое» — «любовь к людям» и «веру в Бога» («...what I love and admire in the Russian people is nothing barbaric, picturesque, or exotic, but something universal, eternal, great — namely, their love of Man and their faith in God» [ibid.: 322]). В связи со своими духовными воззрениями Бэринг не в последнюю очередь в Пушкине ценит, помимо великого дара, «искреннюю, благородную и открытую душу» («His soul was sincere, noble, and open»), а также зрелость гражданской гуманности («if he was worldly, he was human; he was a citizen as well as a child of the world») (BARING 1915: 97). Эти черты во многом отвечают католическим представлениям о добродетельном человеке.

Религиозное мировоззрение — та почва, на которой произрастает особое отношение английского писателя к Достоевскому. Влияние русского писателя на английского, равно как и общее религиозное, христианское основание этого влияния, ошутимо в

книг-мемуаров (БЕРБЕРОВА 1991: 5). В работе современного российского историка, научного сотрудника Института всеобщей истории РАН А. В. Володько отмечается, что «Бэринг приобрел много знакомых среди российской элиты и в либеральных политических кругах» (Володько 2018: 166).

цитированном выше суждении Бэринга о том «вечном» и «универсальном», что проявляется в русском народе. В книге своих воспоминаний Бэринг говорит о прочтенных в Манчжурии романах *Идиот* и *Братья Карамазовы* в терминах религиозного опыта: «...эти две книги были откровением» («...these two books were a revelation») (BARING 1922: 293). На страницах других его книг встречаются отсылки к философско-публицистическим суждениям Достоевского о русском народе и русских писателях: их многочисленность и функция (в Достоевском Бэринг явно ищет опору на авторитетное мнение и воспринимает русского писателя как несомненный авторитет) свидетельствуют о том, что в русском писателе Бэринг видит не только гениального писателя, но и пророка-«тайновидца».

Не случайным представляется в этом контексте тот факт, что рассуждения Бэринга о Пушкине и русском народе и в *Истоках*, и в *Очерке* опираются на известные тезисы *Пушкинской речи* Достоевского: о том, что повсюду у русского поэта «слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь» (ДОСТОЕВСКИЙ 1995: 435) (ср. у Бэринга: «And Dostoevsky, in writing about Pushkin, says that one of this poet's chief claims to greatness is that he recognized the intrinsic quality of self-respect in the Russian people» [BARING 1914: 41-42]), а также о том, что Пушкин воплощает в себе ту «способность всемирной отзывчивости», которая является «главнейшей способностью нашей национальности» и которую он «разделяет с народом нашим» (ДОСТОЕВСКИЙ 1995: 436) (ср. у Бэринга: «And it is just this all-embracing humanity — Dostoevsky calls him *πανάνθρωπος* — this capacity for understanding everything and everybody, which makes him so profoundly Russian» [BARING 1915: 96]).

Влияние Достоевского на суждения Бэринга о Пушкине явно проглядывает и во фрагменте, посвященном образу Татьяны Лариной. Вслед за Достоевским Бэринг утверждает, что Татьяна — «тип всего лучшего, что есть в русской женщине; иными словами, всего лучшего, что есть в России» («She is the type of all that is best in the Russian woman; that is to say, of all that is best

in Russia» [ibid.: 76]). Более того, как и Достоевский,⁴ Бэринг говорит о высшей явленности (превосходящей все последующие попытки) этого типа в образе пушкинской героини:

Turgenev, with all his magic, and Tolstoy, with all his command over the colours of life, never created a truer, more radiant, and more typically Russian woman (ibid.: 75-76).

Ни Тургенев, со всем его волшебным мастерством, ни Толстой, со всем его умением изображать жизнь, не создали более правдивого, более сияющего, более типичного [образа] русской женщины.

И развивает эту мысль, вновь апеллируя к религиозному (католическому) коду и включая то, что сейчас мы называем «жертвенным типом» героинь Достоевского, в «длинную галерею [образов] русских женщин, которые были даны нам Тургеневым, Толстым и Достоевским и которые представляют собой наиболее ценное сокровище русской литературы, поскольку в них воплощен венец славы русской культуры»:

She is the first of that long gallery of Russian women which Turgenev, Tolstoy, and Dostoyevsky have given us, and which are the most precious jewels of Russian literature, because they reflect the crowning glory of Russian life [ibid.: 76].

В свете вопроса о влиянии Достоевского на суждения Бэринга следует особо подчеркнуть, что концепция творчества Пушкина в восприятии Бэринга не сводится к переложению «чужих» мыслей. Она, как мы увидели выше, вполне закончена, логична и во многом индивидуальна.⁵ Кроме того, она базируется на

⁴ Ср. у Достоевского: «Это положительный тип, а не отрицательный, это тип положительной красоты, это апофеоза русской женщины <...>. Можно даже сказать, что такой красоты положительный тип русской женщины почти уже и не повторялся в нашей художественной литературе — кроме разве образа Лизы в «Дворянском гнезде» Тургенева. <...> Отметив тип русского скитальца, рядом с ним поставив тип положительной и бесспорной красоты в лице русской женщины, <...> Пушкин, <...> провел пред нами в других произведениях <...> целый ряд положительно прекрасных русских типов, найдя их в народе русском» (ДОСТОЕВСКИЙ 1995: 430-434).

⁵ Это, конечно, не означает отсутствия фактических ошибок и неточных или поверхностных литературоведческих комментариев. Так,

четких представлениях автора об адресности его книг и о «горизонте читательских ожиданий»: выше это было отмечено в связи с ассоциацией Пушкин — Джон Донн. Прием сопоставления русского явления со «своим» или «своими», — прием, который призван приблизить в читательском восприятии русскую культуру, русского человека к миру культуры западноевропейской, британской, — прослеживается и в рассуждениях об образе Татьяны. Здесь он воплощается через сопоставление Татьяны с целым рядом ярких женских образов в творчестве английских писателей:

Tatiana is as real as any of Miss Austen's heroines; as alive as Fielding's Sophia Western, and as charming as any of George Meredith's women; as sensible as Portia, as resolute as Juliet (ibid.: 75).

Татьяна так же реалистична, как героини мисс Остин; столь же очаровательна, как женщины в романах Мередита; так же разумна, как Порция и так же решительна, как Джульетта; кроме того, она обладает таким же живым характером, как София Вестерн у Филдинга.

Ориентация на «горизонт читательских ожиданий» подсказывает Бэрингу не только прием сопоставления, но и стратегию отрицания-замещения, призванную вытеснить стереотип о подражательности творчества Пушкина, заменить его представлением о его адаптивной самобытности. Действительно, размышления английского писателя о Пушкине пронизаны мыслью о том, что русский поэт не подражает, но пересоздает, заимствуя художественные средства у поэтов разных эпох и культур для того, чтобы сказать что-то свое, русское и пушкинское. Влияние Шекспира на Пушкина Бэринг справедливо соотносит с трагедией *Борис Годунов*, обнаруживая в ней не столько «шекспировское разнообразие», сколько шекспировскую «высоту правдивого воображения» («heights of imaginative truth») (ibid.: 70) и отрицая

няя Пушкина названа у Бэринга «Анной Родионовной»; об исключении Пушкиным девятой главы из состава *Евгения Онегина* сказано, что причиной была ее незначимость для поэмы; *Граф Нулин* и *Домик в Коломне* в книге никак не увязаны с «комическими поэмами» Байрона; о *Полтаве* утверждается, что ее главный герой — Мазепа, но при этом поэма представляет собой «эпос о Петре Первом»; об *Анджело* говорится только, что это переложение «Меры за меру» Шекспира и т. п.

при этом драматическое мастерство русского поэта. Отношения Пушкина с поэзией Байрона Бэринг подробно описывает и на материале «южных поэм», и *Евгения Онегина*, и (очень схематично) *Полтавы*, но не затрагивает этой темы ни в отношении «шутливых поэм», ни применительно к *Каменному гостю*. В обобщении же своих наблюдений по этому вопросу он прибегает к излюбленному приему сопоставления «русского» с «английским» и отталкиваясь от устоявшегося у английского, европейского интеллектуала представления о вторичности пушкинской поэзии:

In speaking of the influence of Byron over Pushkin it is necessary to discriminate. Byron helped Pushkin to discover himself; Byron revealed to him his own powers, showed him the way out of the French garden <...> to fresh woods and pastures new. <...> Pushkin is never imitative of Byron; but Byron <...> did for him what Chapman's Homer did for Keats (ibid.: 62-63).

Говоря о влиянии Байрона на Пушкина, необходимо провести разграничительную линию. Байрон помог Пушкину открыть самого себя; Байрон дал ему возможность ощутить собственные силы, показал ему путь из французского сада <...> в темные леса и свежие луга. <...> Пушкин никогда не имитирует Байрона; но Байрон <...> сделал для него то же, что Гомер Чапмена для Китса.

Наконец, «горизонту читательских ожиданий» соответствует прием актуализации музыкальных знаний и симпатий современного Бэрингу английского интеллектуала: автор не пренебрегает возможностью каждый раз, когда для этого есть основание, говорить о воплощении пушкинских произведений в музыке русских композиторов, которая в это время начинает пользоваться большой популярностью в Европе. Так, он отмечает создание на основе пушкинских текстов опер Римского-Корсакова *Моцарт и Сальери* (р. 81) и Рахманинова *Скупой рыцарь* (р. 81), опер Чайковского *Евгений Онегин* и *Пиковая дама* (р. 83).

2. Диалогические контексты отношений Бэринга с пушкинским *Пророком*

Католический контекст творчества Бэринга с особой силой сказывается в том необыкновенном внимании, которое он уделяет стихотворению Пушкина *Пророк*. Для английского писа-

теля-католика, ищущего не только духовной Правды, но и духовного Откровения, очевидно, что это «величайшее» из всех пушкинских лирических стихотворений, что оно — та «вершина, которой Пушкин достиг лишь однажды» («a height to which Pushkin only attained once») и что в нем, его величии и грандиозной гармонии его звучания и образов удивительным образом воплощается и мильтоновский дух, и экспрессивность Данте («It is Miltonic in conception and Dantesque in expression») (ibid.: 88). Более того, Бэринг находит уместным процитировать всего *Пророка* целиком — в своем собственном прозаическом переложении. Переложение *Пророка* фактически завершает собой рассказ о пушкинском творчестве, поскольку далее следует немногословное описание «катастрофы» («catastrophe») 1837 г. и обобщающие тезисы о значении и особенностях творчества Пушкина. В этой заключительной части Бэринг сравнивает мудрое отношение Пушкина к обществу и государству со спокойной мудростью Гете и тем самым подступает к тезису об «универсальности» пушкинского гения, а затем, цитируя Вл. Соловьева, говорит о двух ипостасях великого русского поэта: Пушкин — и «вдохновенный жрец Аполлона», и «легкомысленнейший из всех фривольных детей этого мира» («the inspired priest of Apollo, and the most frivolous of all the frivolous children of the world» [ibid.: 94]). Утверждая, что в зрелый период творчества в Пушкине преобладал первый — «вдохновенный жрец», Бэринг исподволь выводит свое размышление о *Пророке* на новый уровень: теперь уже не только оценки величия образов, гармонии звуков и глубины идейного замысла поэмы, но соотнесения всех этих составляющих с вопросом о подлинном, в основе своей духовно-пророческом призвании большого поэта. В подтексте этого осмысления снова обнаруживаются духовные поиски Бэринга-писателя и Бэринга-католика: его не могло не привлечь и обращение Пушкина к ветхозаветному источнику (Видению пророка Исайи), и перевод вопроса о «пророчестве» поэта в христианскую плоскость (КОРОЛЕВА 2019). Свообразно предопределяют духовные ориентиры Бэринга и следующий шаг в освоении английским писателем лирической вершины пушкинского творчества: его поэтический перевод *Пророка*.

Он был осуществлен Бэрингом не сразу, но по прошествии длительного времени и опубликован в его последней книге *У Вас есть вещи, которые необходимо задекларировать? Записная книжка с комментариями (Have You Anything to Declare? A Notebook with Commentaries, 1936)* (BARING 2000). Разрыв в более чем двадцать лет между первым публичным высказыванием о пушкинском *Пророке* и его поэтическим переводом указывает на необычайную значимость этого произведения для Бэринга.⁶ Более того, этот внешний «разрыв» предполагает длящийся десятилетиями внутренний диалог английского писателя с русским гением о том, как нужно понимать «пророческое» предназначение поэта.

Подступаясь к описанию этого диалога, уместно вспомнить, что и в русской, и в английской литературе образ поэта-пророка восходит к общему (античному) истоку (ГАСПАРОВ 1985: 328) и с разной степенью интенсивности и в различных вариациях воспроизводится в них все Новое и Новейшее время; для Бэринга-писателя и поэта это тема традиционно близкая и понятная. Более того, в связи с явственно обозначившимся в западной культуре рубежа XIX — XX вв. стремлением выйти за пределы рационального познания, обрести целостность эмоционально-чувственного и телесно-духовного бытия тема поэта-пророка в европейской, американской литературе приобретает особую актуальность. Об этом свидетельствует, в частности, необыкновенная

⁶ Кроме *Пророка*, Бэринг перевел и другие лирические стихотворения Пушкина, в числе которых *Я пережил свои желанья...*, *Элегия*, *Отцы пустынноики и жены непорочны...*, *Воспоминание*. Как видим, многие из них затрагивают темы телесной смерти и бессмертия души, сложной и противоречивой внутренней жизни, и целебного дара молитвы и покаяния. Можно предположить, что Бэринг последовательно выбирал для перевода те пушкинские стихотворения, которые были созвучны его собственным духовным поискам, его религиозным взглядам на человека. В 1931 г. он опубликовал свои переводы из лирики Пушкина в частной типографии тиражом в 50 экземпляров (*Poems from Pushkin, translated by M. Baring*). Но только один его «пушкинский» перевод — перевод *Пророка* — вошел в содержание его последней книги.

популярность книги из 26 стихотворений в прозе американско-ливанского писателя и художника К. Гибрана *Пророк* (*The Prophet*, 1923) (которая, по замыслу автора, должна была «исцелить мир»).⁷

Таким образом, диалог Бэринга с Пушкиным о поэте-пророке отвечал не только внутренним запросам английского писателя и переводчика, но и запросам «внешним» — острому интересу к теме поэзии как *профочества* в западной культуре эпохи модернизма. Этот живой и многослойный диалог дал свои плоды в той одновременно точной и своеобразной версии пушкинского *Пророка*, которую Бэринг предложил вниманию читателей в 1936 г.

Установка переводчика на внутреннюю (смысловую) и внешнюю (в поэтической форме) точность в воссоздании исходного текста — обусловленная, как мы понимаем, не только его переводческими принципами, но и позицией преклонения перед совершенством пушкинского произведения, и убежденностью в глубокой правдивости созданного русским поэтом образа — реализуется многоаспектно. Бэринг сохраняет форму рифмованного четырехстопного ямба и отчасти пушкинскую схему рифмовки; сложное соотношение архаической, книжной и нейтральной лексики (зачастую находя соответствие пушкинским лексическим архаизмам в английских архаических морфологических формах); анафорический полисиндетон и простой, упорядоченный синтаксис; ветхозаветные образы и новозаветный пафос мучительного духовно-физического преображения человека. Так же, разумеется, как и общий сюжет о глубоко личном внутреннем пути поэта, взлывавшего правды и желающего посвятить свой дар служению истине, и об ответном избранничестве Поэта Господом для высокого и трудного служения: приобщения народа гласу Божьему через свою поэзию. И все же эта версия *Пророка* расставляет свои смысловые акценты, восходящие не к исходному тексту, но к религиозному мировоззрению переводчика.

⁷ См. о книге и ее авторе: (SHEEN 2006; MITCHELL 2023). Примечательно, что 1898 г. в американских «толстых» журналах «The Swanee Review» и «The Biblical World» публикуют сразу две статьи на тему поэта-пророка: (GUTHRIE 1898; POLLARD 1898).

3. Художественный перевод в аспекте смысловой структуры текста (*Пророк Пушкина в переводе Бэринга*)

Пушкинское стихотворение начинается с описания ситуации духовного перепутья, то есть стремления и одновременно сомнения. Это архетипическая ситуация вопроса-выбора, на онтологическую глубину которой поэт только намекает. Явление «шестикрылого серафима», очевидно, становится ответом Господа поэту, и в этом смысле призывание героя к служению есть призывание христианское, в известном смысле синергичное, а не ветхозаветное. На лексическом уровне идея синергичности — сотрудничества, со-направленности действий человека и Господа, человека и вышних сил (одна из центральных идей православного богословия)⁸ — выражена в повторе анафорического союза «и». Графически она подчеркнута тире, одновременно разделяющим и соединяющим две первые и две вторые строки, а вместе с ними и ситуации запроса и ответа, действия человека и ответного действия серафима. На уровне грамматическом идея синергичности отвечает параллелизм субъектов «я» и «серафим», возвратных глаголов «влачился» (о поэте) и «явился» (об ангеле). В евангельском ключе осуществлен в тексте Пушкина и перенос действия (по сравнению с опорным ветхозаветным текстом) из плоскости духовного видения в плоскость духовно-физической реальности.⁹

В переводе Бэринга¹⁰ тонкий пушкинский символизм «духовной жажды» замещается символизмом с более определенными — религиозными, христианскими — очертаниями: в первой строке говорится об «изнемогающей душе, жаждущей [Божьей] благодати» («fainting soul athirst for Grace»). При этом, сохраняя общехристианский поворот ситуации запроса-ответа как ситуации воззвания ко Господу на перепутье окончания прежнего и преддверия нового, как получения чудесного ответа на этот призыв, Бэринг рисует свой образ взаимодействия с горним миром.

⁸ Об этом см., в частности, в (ХОРУЖИЙ 2002).

⁹ Стихотворение Пушкина цитируется по изданию (ПУШКИН 1959).

¹⁰ Перевод Бэринга цитируется по изданию (BARING 2000).

Вместо пушкинского образа полноты взаимонаправленной, синергичной активности человека и ангела, в котором физически действуют и духовно воспринимают друг друга два субъекта, Бэринг рисует образ такого взаимодействия, в котором в качестве субъекта действия и восприятия доминирует человек, серафим же выделен духовно — способностью «сиять» («blaze»). Грамматический субъект во второй и четвертой строках перевода — «я» (I); соответственно, из двух глаголов, обозначающих в первых четырех строках действие, оба соотносятся именно с ним; серафим же предстает не субъектом, но объектом восприятия поэта: «*I wandered in a desert place*», «*I saw a sixfold Seraph blaze*». Наконец, из перевода уходит тире как графическое обозначение синергичности взаимодействия двух субъектов.

В переводе центральной части пушкинского *Пророка* Бэринг очень точен и в сохранении ветхозаветной образности, и в ее переосмыслении внутри пушкинского сюжета о мучительном духовно-физическом преображении поэта. Так, строкам, исполненным наивысшего напряжения

И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул,

соответствуют не менее драматичные строки, столь же связанные с пророчеством Исайи, как и пушкинский текст:

And with his sword my breast he cleft,
My quaking heart thereout he reft,
And in the yawning of my breast
A coal of living fire he pressed.

Здесь Бэринг, как видим, не сохраняет ни чередование мужских и женских рифм, ни схему рифмовки, ни анафорический полисиндетон. Однако вся символика мучительного замещения человеческого иным, приобщенным миру горнему, даруемым Господом, передана точно. И прежде всего — центральный образ «угля, пылающего огнем» («a coal of living fire»), в котором отсылка к ветхозаветной Книге Пророка Исайи (в разных английских версиях это — «a live coal» / «a burning coal» / «a glowing coal») сов-

мещена с аллюзией на литургические тексты и само литургическое действо.

Заключительные же четыре строки пушкинского *Пророка* в прочтении Бэринга кардинально расходятся не столько в форме, сколько в содержании с исходным текстом, причем до такой степени, что пересоздают всю концепцию пушкинского образа поэта-пророка. Стихотворение Пушкина оканчивается словами Господа, адресованными преобразованному поэту и точно определяющими его пророческое служение:

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполни волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

Поэт, прошедший мучительное духовное и телесное преобразование в ответ на свой внутренний призыв, в результате этого преобразования обретший обостренные телесные и духовные чувства и способность «исполниться» Божьей «волей», призван к служению своим «глаголом», т. е. своим поэтическим даром. «Огненная» символика в Библии шире обличительной. Столь же расширительно следует понимать и призвание поэта-пророка: это призвание к служению словом, приобщенным Истине, доходящим до сердца, выжигающим самой своей божественной природой нечистоту в нем и раздувающим огонь божественной любви: иными словами, призыв Господа «Глаголом жги сердца людей» подразумевает не просто пророческий дар, но дар художественного слова, что особенно очевидно в контексте поэтической полемики Пушкина с «пророками» Ф. Н. Глинки, В. Г. Кюхельбекера и Н. М. Языкова.¹¹

Отношения между Божьей волей и поэтическим «глаголом», обозначенные в финале пушкинского текста — особый вариант синергийных, взаимонаправленных действий человека и мира горнего. Внутренне они удивительно точно «рифмуются» с ситуацией синергийного взаимодействия человека и серафима в начальных строках «Пророка». Таким образом, синергийность

¹¹ Об этом см., в частности, в (МОСКВИН 2016; АРТАМОНОВА & КАРПЕНКО 2014; СЛИНИНА 1977).

отношений человека (жаждущего преображения в начале и преображенного в финале) с горним миром является смысловой рамкой текста.

Заключительные строки перевода Бэринга значительно упрощают пушкинскую концепцию поэта-пророка: они замещают отношения синергийного взаимодействия между «глаголом» поэта и «волей» Господа отношениями повеления — исполнения. Вместо же образа человека, творящего *свое* поэтическое слово с опорой на дарованную Господом способность знать, воспринимать и транслировать Вышнюю волю, в них создан образ человека-сосуда, человека-инструмента в руках Божиих:

Arise, and let My voice be heard,
Charged with My will go forth and span
The land and sea, and let My word
Lay waste with fire the heart of man.

В формальном плане основное изменение касается присутствия местоимения «мой» (соотносящегося с Господом): однократному его употреблению в исходном тексте соответствует три случая использования в переводе: Господь в версии Бэринга говорит поэту не только о Своей воле («My will»), которая должна «охватить землю и море» («the land and sea»), но и Своим голосе («My voice»), который должен быть всем «слышен» («be heard»), и о Своем слове («My word»), которое должно «предавать огню сердца людей» («Lay waste with fire the heart of man»). Поэт у Бэринга, проходя все «пушкинские» стадии мучительного преображения, в конечном итоге перестает быть поэтом, но становится пророком, несущим людям Волю и Слово Господа. При этом «синергийная» смысловая рамка, столь значимая для стихотворения Пушкина, замещается смысловой рамкой субъектного доминирования, или субъект-объектных отношений, исключающих возможность подлинного диалога.

Находя неравнозначное соответствие *пушкинскому образу синергийной диалогичности* в отношениях между поэтом и Господом, поэтом и посланником Божьим — серафимом в *своем образе субъектного доминирования (субъект-объектных отношений)*, Бэринг в соответствии со своими духовными ориентирами и религиозными убеждениями «переписывает» православный код пушкинского

текста, заменяя его на католический. Иными словами, он замечает православное в своей глубине решение Пушкиным вопроса о сущности служения поэта-пророка решением по своей направленности католическим.

4. Заключение

Восприятие Морисом Бэрингом творчества Пушкина, как видим, фундируется самыми разными «встречными течениями»: это и русофилия самого Бэринга, и русофилия как распространенное умонастроение в среде западноевропейских интеллектуалов; это интерес эпохи к теме пророческого призвания поэта и общее устремление от рационального мышления к мистическому опыту; это стереотипные представления о подражательности пушкинского творчества (распространенные в среде западноевропейских интеллектуалов) и преклонение перед поразительным поэтическим даром, способность оценить его масштабы с позиции собственных поэтических и писательских возможностей; это и согласие с авторитетным мнением Достоевского о Пушкине, и самостоятельное «открытие» в творчестве русского поэта национальных черт; это способность глубоко читать Пушкина по-русски и близость эстетических установок Бэринга-поэта и Бэринга-писателя к тем качествам, которые он последовательно обнаруживает в пушкинском зрелом творчестве. Наконец, это интенсивные духовные поиски самого Бэринга, результатом которых стало принятие им католичества в 1909 г.: они во многом обусловили особый интерес английского писателя к пушкинскому *Пророку*; именно с особенностями католического мировоззрения связаны значимые изменения смысловой структуры текста, которые Бэринг привнес в свой перевод.

© Королева С. Б.

1.8. НЕМЦЫ И АВСТРИЙЦЫ В КИНОДИСКУРСЕ: СТЕРЕОТИПЫ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ*

1. Введение

Немцы и австрийцы — две нации, которые имеют длительную общую историю, общий язык и близкие культуры. Они также являются соседями и имеют похожий уклад жизни. Некоторые исследователи и вовсе оспаривают наличие австрийской нации, считая, что она абстрактна и это лишь следствие желанья австрийцев дифференцироваться от немцев (FELLNER 1988). Однако существует и ряд различий между ними. Многие исследователи приводят аргументы, подчеркивающие различия между австрийцами и немцами (ТРОШИНА 2015; АММОН 1995; НЕЕР 1981). Нами рассмотрены образы немцев и австрийцев в кинофильмах конца XX — начала XXI в. и проанализированы изменения в подаче этих образов, произошедшие в данном временном интервале.

В качестве материала использовались многосерийные фильмы «Die Piefke Saga» и «SOKO Wien». «Die Piefke-Saga» — культовый, многосерийный сатирический фильм совместного австро-германского производства, снятый в 1990/1993 гг. В нем с юмористических позиций подаются отношения между немцами и австрийцами, в частности, отношения между немецкими туристами и жителями Тироля, популярного среди немцев места для отпуска.

Телесериал «SOKO Wien» — детектив совместного австро-германского производства, который транслируется на ведущих каналах Австрии и Германии с 2005 г. по сей день. Этот сериал был выбран по причине того, что его главными героями являются следователи, немец и австриец, которые вдвоем расследуют криминальные дела и порой сталкиваются со сложностями, возникающими на основе отличий в менталитетах. Анализ вышеупомянутых материалов позволяет сделать выводы касательно того, насколько выражены негативные предубеждения немцев и австрийцев относительно друг друга, а также о том, изменилось

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

ли восприятие немцами австрийцев и наоборот.

Цель исследования — выявить и сопоставить персонажи австрийцев и немцев сквозь призму восприятия друг друга в кинематографическом дискурсе конца XX — начала XXI в.

Для достижения поставленной цели служат следующие задачи: раскрыть образы персонажей австрийцев и немцев в проанализированных кинофильмах; выявить исторические причины, лежащие в основе современного восприятия этими этносами друг друга. Для решения поставленных задач использовались следующие методы: прагмасемантический, коммуникативный, сравнительно-культурологический и дискурс-анализ, сопоставительный метод языковых данных.

2. Результаты исследования

2.1. Взаимное восприятие немцев и австрийцев в современном кинематографе

В качестве материала для исследования были выбраны следующие многосерийные фильмы: «Die Piefke-Saga» и «SOKO Wien» (известен также как «SOKO Donau»). При выборе основным критерием было наличие немецкого и австрийского у главных персонажей. Важную роль также играло время выпуска фильма с тем, чтобы можно было сравнить изображение немцев и австрийцев в кинофильмах разных лет. Значительной особенностью двух выбранных многосерийных фильмов является то, что оба были результатом совместного австро-немецкого производства. Этот аспект важен, поскольку в таком случае фильм предназначен для аудитории как Австрии, так и Германии, и при изображении национальных особенностей главных героев нет перекоса с целью представить австрийца или немца менее привлекательным в сравнении с представителем другой страны. Так, «Die Piefke-Saga» был произведен в результате сотрудничества NDR (Norddeutscher Rundfunk) и ORF (Österreichische Rundfunk), а «SOKO Donau» при сотрудничестве ORF (Österreichische Rundfunk) и ZDF (Zweites Deutsches Fernsehen). Кроме этого, важным аспектом при выборе был размер аудитории фильмов. Вышеперечисленные каналы, участвовавшие в создании рассмотренных фильмов и транслировавшие их, входят в число каналов с

наибольшей долей рынка в Германии и Австрии, что обеспечивает широкую аудиторию.

Сериал «Die Piefke-Saga» — телевизионный фильм, состоящий из частей. Первые три части были сняты в 1990 г., четвертая — в 1993 г. В фильме сатирически освещаются отношения между немцами и австрийцами. В фильме можно выделить три основные проблемы. Первая — это сложности межкультурной коммуникации между немцами и австрийцами. Вторая проблема связана со стремлением туристов к природе, идеей о родине и аутентичности. Третья проблема — массовый туризм и его влияние на людей и природу, особенно в аспекте вреда для окружающей среды. В исследовании рассмотрена проблема межкультурной коммуникации между немцами и австрийцами.

Действие сериала происходит в австрийской земле Тироль. Главными героями фильма, с одной стороны, является семья Заттман (Sattmann). Это семья берлинского предпринимателя, приехавшая на летний отдых в австрийскую землю Тироль в вымышленный городок Лананберг. С другой стороны, большая роль отведена семье, владеющей гостиницей, в которой остановилась семья Заттман. Таким образом, данный фильм перекликается с популярными австрийскими фильмами 1950 — 1960 гг., сюжет которых основывался на богатых немцах, приезжающих в Австрию на отдых. Авторы с сарказмом показывают, как немецких туристов, так и местных жителей. Согласно сценарию фильма, австрийцы недолюбливают немецких туристов, но вынуждены терпеть их присутствие и изображать гостеприимство, так как немецкие туристы являются основной статьей дохода этого региона. В связи с этим фильм вызвал бурные дискуссии с обеих сторон. Сейчас фильм стал культовым. В нем предпринимается попытка раскрыть суть этнофолизма «Piefke», используемого по отношению к немцам, и понять причины такого отношения к немцам. Важно отметить, что высмеиваемые черты австрийцев и немцев в сериале доведены до крайностей.

Криминальный сериал «SOKO Wien» («SOKO Donau») впервые вышел на экраны 20 сентября 2005 г. на канале ORF. Новые серии продолжают выходить и сейчас. Сюжет основан на деятельности венской судоходной полиции, расследующей преступления,

совершенные на Дунае. Местом действия сериала преимущественно является Вена и окрестности. Главными героями являются два следователя, работающие в паре. Один из них австриец, другой — немец. Фильм позволяет наблюдать за тем, как немец и австриец взаимодействуют и какой у каждого из них подход к работе. В силу большого объема материала в сериале анализируются не все сезоны и серии. Для анализа были выборочно взяты серии, выпущенные между 2006 и 2017 гг. Именно в этом промежутке времени в сериале в главных ролях были анализируемые персонажи. Они были выбраны из-за того, что были центром сериала наиболее продолжительное время и оказались наиболее узнаваемыми. Сериал выпускается уже более 15 лет и является одним из известнейших криминальных сериалов на австрийском телевидении. По сравнению с «Die Piefke-Saga» герои изображены более естественно.

Важно отметить, что для понимания сатиры и юмора в исследуемых фильмах, зрителю необходимы знания в таких областях как история и культура народов Австрии и Германии. Стереотипы и предубеждения немцев и австрийцев в кинофильмах не показаны напрямую.

Ключевые персонажи оцениваются по следующим параметрам: внешность, особенности поведения, речь и самоидентификация. Рассмотрена реакция аудитории на изображение героев.

2.2. Немцы и австрийцы как персонажи в кинематографическом дискурсе

2.2.1. Персонаж-немец в кинематографе в конце XX — начале XXI вв.

Для анализа персонажа-немца были выбраны Карл Фридрих Заттман (Karl Friedrich Sattmann) из сериала «Die Piefke-Saga» и Карл Рибарски (Carl Ribarski) из сериала «SOKO Wien».

Заттман является воплощением всех стереотипных качеств, которые австрийцы приписывают немцам. Он педантичен, амбициозен и богат. Рибарски имеет звание майора и работает с напарником-австрийцем.

2.2.1.1. Внешность

Заттман — мужчина около 50 лет, высокого роста и крепкого телосложения. У него темные волосы, однако на его макушке появляется лысина. Его лицо гладко выбрито. Герой использует очки-

половинки для чтения, но не носит их в повседневной жизни. В фильме у Заттмана два образа: деловой и тот, которым он пользуется на отдыхе. В одной из сцен, когда он звонит Вексельбергеру, он одет в строгий черный костюм. На нем выглаженная рубашка и галстук, на носу очки. Если учесть, что в остальных сценах персонаж в очках не нуждается, можно сделать вывод, что в этой сцене очки-половинки должны подчеркнуть его высокий статус.

На отдыхе в Австрии у него иной гардероб: он носит традиционный австрийский костюм. На нем белая рубашка, традиционный галстук, так называемый «Trachtenband», а также традиционные штаны из кожи в три-четверти длины на кожаных подтяжках, так называемые «Lederhose», и гетры. Иногда он носит кожаную куртку, которая является частью австрийского или баварского национального костюма. Аксессуар, неизменно присутствующий у персонажа, — наручные часы. Контраст между одеждой деловой и предназначенной для отдыха подчеркивает четкое разделение между работой и отдыхом. Примечательно, что персонаж носит именно австрийский национальный костюм.

Рибарски — мужчина высокого роста и спортивного телосложения. Ему около 40 лет, его волосы уже подернуты сединой. Этот образ в разных сезонах отличается. В более ранних сезонах, как, например, в сезоне 4, он носит длинные волосы до плеч, а также усы в форме подковы. В сочетании с тщательно выглаженными темными рубашками и коричневой кожаной курткой он напоминает байкера. В более поздних сезонах его образ несколько меняется: его волосы стрижены короче, аккуратно уложены, усы аккуратно выбриты. Персонаж носит тщательно выглаженные рубашки темных оттенков, верхние две пуговицы расстегнуты. Нередко Рибарски аккуратно подворачивает рукава. Его рубашка обычно заправлена в брюки с ремнем. В качестве верхней одежды он использует черную кожаную куртку. Важную роль в его одежде играют аксессуары: он всегда носит часы, цепочку на шее, солнцезащитные очки, выглядит ухоженно и аккуратно.

2.2.1.2. Особенности поведения

Заттман, как уже упоминалось, представляет собой воплощенный стереотипный образ немца. Он состоятельный предпри-

ниматель, который каждый год приезжает со своей семьей на летний отдых в Тироль. Семья живет на своей вилле в Берлине и приезжает в Тироль на двух мерседесах со своей овчаркой.

Заттман типичный немецкий турист, который ведет себя выскомерно. У него двойное имя, которое он всегда произносит полностью, чем подчеркивает немецкое стремление к точности и порядку. Это находит отражение в том, как четко Заттман разделяет работу и личную жизнь. Он считает себя незаменимым для жителей Тироля. Когда в первой серии фильма «Der Skandal» он читает статью, озаглавленную *Wer braucht die Piefkes* («Кому нужны Пифке»), то чувствует себя оскорбленным вместе со своим отцом, реагирует гордо и надменно: «Sie brauchen die Piefkes! Sie! Sie! Und Sie auch!» («Вам нужны Пифке! Вам! Вам! и Вам тоже!») (MITTERER 2009: 37). Возмущенные, они врываются в мэрию и жалуются на статью, также упоминая телепередачу, оскорбившую их в прошлом:

Ich habe jetzt die Nase richtig voll, Herr Bürgermeister! Man hat uns schon in dieser Fuchsberger-Sendung beleidigt, wie Sie wissen! Trotzdem sind wir wiedergekommen! Und jetzt das! Das ist ihr Dank! Wir reisen natürlich auf der Stelle ab! Мы сыты по горло, г-н мэр! Передача Фуксбергера уже была оскорбительной, как Вы понимаете! Тем не менее, мы приехали снова! А теперь еще и это! Это все Ваша заслуга! Мы сейчас же уезжаем! (ibid.: 38).

Они прекрасно осознают, что являются важным источником дохода для местных жителей и не стесняются пользоваться этим положением, при любом недовольстве угрожая уехать. Фраза «Wir reisen ab!» становится одной из ключевых в сериале. Впоследствии семейство Заттман действительно покидает гостиницу и переезжает в другое местечко (также в Тироле). Оскорбленное семейство Заттман провоцирует скандал из-за ситуации со статьей. Они собирают всех немцев на главной площади и призывают их уехать в знак протеста.

Во второй части фильма «Die Animation» отражена целеустремленность и амбициозность Заттмана. По сюжету он записывается на пешие походы к вершине горы и собирает печати в специальном паспорте, свидетельствующие о подъеме на пик. Персонаж ужасно возмущен, когда видит, что другие туристы

ставят эти печати не только в свои «паспорта», но и в другие, считая, что они делают это за деньги. Он конфискует эти паспорта и возмущается такой несправедливости.

Заттман : Das ist ungeheuerlich! Eine Frechheit! Wir plagen uns ab, um die Wandernadel zu erringen und da gibt's Leute, die sich die Stempel einfach erkaufen! Это возмутительно! Какая наглость! Мы тут мучаемся чтобы получить эти печати, а кто-то просто покупает их!

Молодой турист : Das geht doch Sie nichts an! Это Вас не касается!

Заттман : Und ob mich das was angeht! Ich werde die Pässe beim Verkehrsverband abgeben! Еще как касается! Я передам эти паспорта транспортному союзу! (ibid: 112).

Заттман может позволить себе купить за деньги все, но возмущается, что и другие могут позволить себе то же самое. С одной стороны, в нем говорит чувство справедливости, с другой — ощущение собственной исключительности и вера во власть денег.

Рибарски, герой сериала «SOKO Wien», родился в Дортмунде. Еще в молодом возрасте он начал свою карьеру в полиции, прежде служил в Косово, но после трагических событий, во время которых он потерял свою напарницу, он был направлен на службу в Вену на неопределенный срок. Этот персонаж отличается прямоотой, несгибаемостью и приверженностью своему делу: он полицейский по убеждению, который ответственно относится к своей работе и умеет смотреть правде в глаза. Персонаж наблюдателен и имеет сильную волю. Он вынослив, беспристрастен и даже строг. Важно отметить его чувство справедливости. Этого героя можно описать как честолюбивого и азартного. В качестве примера можно привести ситуацию, когда он вместе с коллегой вскрывает отмычкой дверь подозреваемого, засекая время, чтобы выяснить, кто умеет это делать быстрее. Рибарски трудолюбив, всегда выполняет работу тщательно и предоставляет начальству развернутые отчеты о проделанной работе. Во многом благодаря этим качествам он быстро поднялся по служебной лестнице и получил звание майора.

2.2.1.3. Речь

Персонажи-немцы в «Die Piefke-Saga» и «SOKO Wien» говорят на Hochdeutsch, литературном немецком языке. Они не ис-

пользуют австрицизмы и не «проглатывают» гласные и окончания. У австрийцев не возникает сложностей, связанных с пониманием речи немцев, однако по особенностям речи они сразу понимают, что разговаривают именно с немцем. Так, Рибарски использует немецкое слово *gucken*, в то время как окружающие его австрийцы используют типичное для австрийского варианта немецкого языка *schauen* 'смотреть'.

2.2.1.4. Самоидентификация

Самоидентификация наиболее четко проявляется на примере семьи Заттман в «Die Piefke-Saga». Статья, в которой немцев пренебрежительно называют «Пифке», до глубины души оскорбляет их, что приводит к скандалу. Заттман патриотичен и чувствует себя представителем и защитником чести своих сограждан в Тироле. Это проявляется в том, как он призывает всех немцев уехать в знак протеста против вышеупомянутой статьи. Кроме этого, Заттман идентифицирует себя как жителя Берлина. В одной из сцен второй серии, когда он знакомится с австрийкой во время восхождения на вершину горы, на вопрос о происхождении он называет город Берлин.

Рибарски родом из земли Северный Рейн-Вестфалия. Он много путешествовал и был открыт новому. Это могло быть причиной того, что ему удалось найти общий язык с австрийским коллективом. Он не придает большого значения национальности и ценит людей за их личные качества.

2.2.1.5. Восприятие персонажа-немца австрийцами

В сериале «Die Piefke-Saga» отношение австрийцев к немцам высмеивается. Сцена, когда фотограф делает снимок для газеты с вышеупомянутой статьей, показывает, что австрийцы считают немцев грубоватыми. Фотограф просит натурщика, изображающего немца, сделать глупое лицо для большего сходства. Любовь к немцам в фильмах не отличается искренностью. Франц Вексельбергер, с одной стороны, уверяет Заттмана: «Wir Tiroler, Herr Sattmann, lieben unsere deutschen Gäste!» («Мы тиролец, господин Заттман, любим наших немецких гостей»). В то же время в гневе он восклицает: «Scheiß-Piefke! Und sowas muaß ma a Leben lang aushol'n!» («Чертовы Пифке! И это приходится терпеть всю жизнь!») (MITTERER 2009: 90). Немцев также описывают

следующим образом: «Aber er ist leider ein Piefke! Er ist alles, was man sich unter dieser Bezeichnung vorstellt: großspurig, profitgierig, arrogant und herrschsüchtig!» («Но, к сожалению, он — Пифке. Он воплощает все представления, связанные с этим понятием: дерзкий, жадный, высокомерный и властолюбивый!») (ibid.: 226).

В «SOKO Wien» отношение к немцам не так ярко выражено. Однако и там есть сцены, указывающие на то, что австрийцы недолюбливают немцев. В одной из сцен подозреваемый использует слово «Piefke» по отношению к Рибарски. При этом он оскорбляет полицейского не на основании личной неприязни, а по причине того, что он полицейский. Однако, узнав в нем немца по речи, он оскорбляет его именно этим словом. Коллеги тем не менее видят в нем профессионала, ответственно и дисциплинированно подходящего к работе.

2.2.2. Персонаж-австриец в кинематографе конца XX — начала XXI вв.

Яркие образы не только немцев, но и австрийцев есть в обоих кинофильмах. В «Die Piefke-Saga» черты австрийцев также высмеиваются. Для анализа был выбран отец австрийского семейства Франц Вексельбергер (Franz Wechselberger). Этот персонаж часто появляется в первой серии фильма. Он — хозяин гостиницы, в которой остановилась семья Заттман, и бургомистр вымышленного местечка.

В «SOKO Wien» анализируется следователь Хельмут Новак (Helmuth Nowak), напарник Карла Рибарски. Он работает в полиции с 19 лет и имеет звание старшего лейтенанта.

2.2.2.1. Внешность

Вексельбергер является мужчиной в возрасте около 60 лет, среднего роста и плотного телосложения. У него овальное лицо и высокий лоб, он носит очки авиаторы. Его седые волосы аккуратно причесаны, а лицо гладко выбрито. На нем белая рубашка и жилет, к пуговице которого крепятся серебряные карманные часы, светлый пиджак и традиционные штаны из кожи, называемые «Tracht».

Хельмут Новак — мужчина в возрасте около 45 лет, среднего роста, плотного телосложения и не спортивной формы. У него округлое лицо с мягкими чертами, близко посаженные глаза,

светлые волосы до плеч, которые он носит распущенными, заложенными за уши. Одежда героя меняется в разных сезонах сериала. В первых сезонах герой преимущественно носит черную кожаную куртку, рукава его рубашки нередко небрежно подвернуты. В более поздних сезонах персонаж носит плащ бежевого цвета, светлые рубашки навывпуск. Верхние две пуговицы расстегнуты. Рубашка и плащ часто имеют помятый вид. Герой не всегда выбрит. Он имеет привычку держать руки в карманах, не носит наручных часов. На фоне своего немецкого коллеги он выглядит более расслабленным. Это может указывать на то, что персонаж-австриец менее честолюбив и азартен, а также на то, что он не столь высоко ценит порядок.

2.2.2.2. Особенности поведения

В сериале «Die Piefke-Saga» высмеиваются привычки не только немцев, но и австрийцев. Ключевая особенность поведения австрийцев — это лезть, двуличие и раболепство, высмеиваемое авторами. Рассматриваемый персонаж во многих сценах кажется двуличным и неискренним. В качестве примера можно привести ситуацию, когда возмущенные газетной статьей немцы угрожали отъездом, а австрийцы уговаривали их остаться, утверждая, что они, тироольцы, в отличие от жителей Вены, написавших эту статью, немцев очень любят:

Ach ihr lieben deutschen Freunde, Ihr teuren Besucher unserer Gemeinde, es tut uns leid von Herzen, dass man euch zugefügt hat Schmerzen. Glaubet uns, wir lieben euch! Ihr seid uns stets willkommen, Verzeihet uns die schlimme Schmach, die aus eines Wieners Feder geronnen. Auf den Knien bitten wir um Vergebung, bitte lasst uns nicht im Stich, hört auf eures Herzens Regung, seid ein gnädiges Gericht! (MITTERER 2009: 73).

В другой сцене Вексельбергер публично просит прощения у немцев, что также подчеркивает его двуличие. Таким образом, австрийцы изображены как люди, которые в погоне за деньгами готовы льстить и притворяться. С другой стороны, австрийцы изображены как добродушный и спокойный народ, далекий от суеты и не лишенный своего шарма.

Личность Новака из «SOKO Wien» прописана более детально. Так, этот персонаж представлен спокойным и добродушным, пусть

иногда немного циничным. По сравнению со своим немецким коллегой Рибарски он более спокойно относится к работе. Австриец будет скорее ждать, пока преступник найдется, немец же займет активную позицию и начнет действовать. Проиллюстрировать этот подход можно следующей ситуацией. В ходе расследования преступления, произошедшего вблизи парка аттракционов, австриец и немец выполняли разные задачи. Немец поехал на осмотр квартиры одного из подозреваемых, а австриец вместе с одной сотрудницей поехал искать доказательства в парке аттракционов. Находясь там, Новак стал вспоминать молодость и перебирать воспоминания, связанные с парком. Не устояв перед искушением и уговорив свою коллегу Пенни («*Leb mal a' bisserl, Penni*». «Не забывай жить, Пенни»), он едет кататься на картинге в рабочее время. Отчитываясь перед начальством после того, как немец развернуто сообщил о проделанной работе и представил свои выводы, австриец на вопрос, что ему удалось выяснить, с серьезным видом ответил: «*Ich? Habe im Umfeld recherchiert*» («Я? Я исследовал местность»).

2.2.2.3. Речь

Речь австрийцев отличается фонетически и лексически от речи немцев. В «*Die Piefke-Saga*» австрийцы используют диалект. Для анализа выбрано несколько наиболее ярких примеров австрийской речи. Так, в сцене, происходящей в редакции газеты, опубликовавшей статью, которая впоследствии стала причиной скандала и одним из центральных элементов сюжета, редактор газеты говорит: «*Das ist nur fad*» («Это просто скучно»). Немец вместо *fad* употребил бы слово *langweilig*. Ругая фотографию, предназначенную для обложки журнала, редактор говорит, что нужна «хорошая фотография» («*a gescheites Foto*»). В данном случае говорящий «проглотил» гласную, что типично для австрийского варианта немецкого языка. Кроме того, слово *gescheit* в этом контексте используется в значении 'хорошо' или 'правильно', что характерно для южно-немецких и австрийских диалектов, в то время как в стандартном немецком языке оно имеет значение 'умный', например, *ein gescheites Mädchen* (Duden).

В сериале также нередко встречается выражение «*küß' die Hand!*» («целую руку») — устаревшая форма приветствия. Она использовалась ранее людьми с высоким социальным статусом.

В фильме австрийцы нередко используют бранные слова. В качестве примера можно привести слово *deppert*, которое переводится как 'глупый' или 'тупой' и используется в Австрии и южной Германии (Duden). Нередко встречается жаргонизм *schleich di* 'проваливай'.

В сцене, когда немцы пришли к Вексельбергеру жаловаться на статью, тот говорил на австрийском варианте немецкого языка. Несмотря на особенности произношения, немцы без особого труда понимали его речь.

Следует отметить, что немцы с трудом понимают австрийский диалект. Иллюстрацией может служить следующий диалог.

Д е в о ч к а : Nâcha kennst frühstücken. Die Mama hât scho' an Kaffee gmâcht und a Mûch gibt's a. Потом можете позавтракать. Мама уже приготовила кофе и молоко тоже есть.

З а т т м а н : Aha. Was hat sie gesagt? Ага. Что она сказала?

С у п р у г а З а т т м а н : Keine Ahnung, ich komm mir vor wie in Jugoslawien. Понятия не имею, такое ощущение, что я в Югославии.

Речь австрийского героя из «SOKO Wien» существенно ближе к литературному немецкому. Новак разговаривает на национальном австрийском варианте. По сравнению с австрийцами из провинции он говорит более разборчиво. Это связано как с происхождением героя, так и с тем, что в основном он при исполнении служебных обязанностей старается не использовать местный диалектный вариант. Однако его речь меняется, когда он ведет неформальный разговор. К ее особенностям можно отнести типичное для Австрии произношение, а также используемые в Австрии речевые формулы, такие как *Grûß' Gott*, *Servus* и *Wiederschau'n*, используемые при прощании.

2.2.2.4. Самоидентификация

В «Die Piefke-Saga» самоидентификация австрийцев проявляется в многочисленных деталях. Первое, на что следует обратить внимание — это восприятие немцев как «чужих».

Интересно отметить, что в своей «покаянной» речи Вексельбергер, возлагая вину за статью на жителей Вены, говорит:

Wien ist nicht Tirol! Wien liegt am Balkan, Tirol liegt in den Bergen. Unsere Mentalität ist eine völlig andere. Wir sind ein stolzes und fleißiges Bergvolk. Die Wiener, die Ostösterreicher insgesamt, sind faul,

verdorben und hinterhältig. Вена — это не Тироль! Вена находится на Балканах, Тироль в горах. Наш менталитет совершенно другой. Мы гордый и трудолюбивый горный народ. Венцы вообще жители восточной Австрии, ленивые, избалованные и подлые. (MITTERER 2009: 71).

Однако не вся публика поддержала его слова аплодисментами. По выражению лиц австрийских слушателей было понятно, что сказанное не соответствует действительности и служит лишь цели получить прощение немецких гостей.

В «SOKO Wien» самоидентификация напрямую не обозначается. Новак лишь упоминает о своем родном городе Граце. Тема самоидентификации не играет существенной роли в сериале.

2.2.2.5. Восприятие персонажа-австрийца немцами

Немцы в сериале «Die Piefke-Saga» относятся к австрийцам неоднозначно. С одной стороны, австрийцы говорят на странном языке и кажутся немцам архаичными и грубоватыми. Примером может быть сцена, когда семейство Заттман без приглашения расположилось в доме австрийского фермера, который, вернувшись после работы, был не рад гостям и стал спрашивать, что они делают в его доме. Произошла заминка в коммуникации: семья Заттман не понимала австрийца, говорившего на выраженном диалекте. Пожилой отец Заттмана пошутил над умственными способностями австрийца, а супруга жестами пыталась донести до австрийца, что они хотят остаться в его доме ночевать за деньги. Заттман также считал австрийцев странными людьми («merkwürdiges Volk»). С другой стороны, несмотря ни на что, немецкие гости снова и снова приезжают в Тироль и летом, и зимой, а в третьей серии даже открывают там свое дело. Кроме того, показательны яркие высказывания отца Заттмана. С одной стороны, он говорит об австрийцах уничижительно, с другой — замечает: «Ihr, liebe Tiroler, seid zurzeit wirklich die besseren Deutschen!» (MITTERER 2009: 253).

В «SOKO Wien» Рибарски тепло относится к своим австрийским коллегам. Он уважает начальство и находит общий язык с напарником. Различия между ними не столько языковые, сколько профессиональные. В некоторых случаях Рибарски испытывает

раздражение от расслабленного подхода своего напарника к работе. В то же время он ценит и другую сторону этой расслабленности австрийцев. В одной из сцен следователям срочно необходимо проникнуть на охраняемую территорию, однако ордера, дающего им такое право, у них еще нет. Все же им удается договориться с охранником, убедив того в важности дела и ключевой роли самого охранника для успеха расследования. Охранник пропускает героев, и Рибарски восклицает: «Ich liebe Österreich!» («Я люблю Австрию!»).

3. Заключение

Проблемы межкультурной коммуникации в межнациональных отношениях относятся к одним из наиболее важных в современном мире. Вопрос стереотипов и предубеждений во взаимоотношениях между немцами и австрийцами не теряет своей актуальности. Немцев и австрийцев связывает длительная общая история, общий язык и культура, однако в их взаимоотношениях есть напряжение, обусловленное рядом факторов, связанных с историческими событиями, вопросами национальной идентичности, стереотипами и различиями в речи.

Стремительно развивающиеся технологии позволяют людям из разных стран общаться, а также открывают новые возможности для путешествий. Несмотря на то, что глобализация расширяет возможности путешествий и межкультурного общения, она также является причиной ряда сложностей. С развитием международных контактов особенно остро встает вопрос о национальной идентичности, запускаются антиглобализационные процессы, направленные на сохранение самобытности отдельных культур и ограждение их от влияния извне. Это также касается усилий, направленных на сохранение языковых вариантов, что также является важной составляющей укрепления национальной идентичности. Кроме этого, большую роль в межкультурной коммуникации играют стереотипные представления об иных народах, что нередко является основой восприятия их представителями друг друга.

Отношения между немцами и австрийцами имеют длительную историю. Эти народы имеют общие корни, но исторически

развивались разными путями. Особое значение для взаимоотношений между современными немцами и австрийцами имеют события XX в., прежде всего Вторая мировая война. Немцы после своего поражения и падения Третьего рейха столкнулись с чувством коллективной вины за преступления режима, а после — с разделением Германии по идеологическим причинам и последующим объединением. На национальную идентичность австрийцев значительно повлияла идея дистанцирования от немцев и, таким образом, от ответственности за преступления Третьего рейха. То же можно сказать и о языке. Именно во второй половине XX в. после войны получила развитие теория о плюрицентричных языках, в частности, о существовании немецкого, австрийского и швейцарского национальных вариантов немецкого языка.

Взаимоотношения между немцами и австрийцами широко отражены в кинематографе конца XX — начала XXI вв. В проанализированном нами материале особое внимание уделяется внешности представителей этих народов, особенностям их поведения, речи, самоидентификации и восприятию персонажем другой национальности. В сатирическом многосерийном фильме «Die Piefke-Saga» различия между австрийцами и немцами выражены ярче. В нем немцы являются воплощением стереотипного представления о них: персонаж-немец амбициозен, заносчив, педантичен и состоятелен. Австрийцы изображаются провинциальными и архаичными, а также двуличными, хитрыми и жадными. Значимыми также являются различия в речи немцев и австрийцев, которые нередко затрудняют их коммуникацию. Важно также отметить, что, несмотря на столь нелестные черты, подчеркнутые в сериале, отношение зрителей как к немецким, так и австрийским персонажам остается вполне дружеским.

В фильме «SOKO Wien» различия между персонажем-немцем и персонажем-австрийцем выражены не столь ярко и касаются в первую очередь их профессиональных качеств. Персонаж-немец изображен более амбициозным, азартным и собранным, в то время как австриец более расслаблен, менее амбициозен и склонен не так серьезно относиться к работе и порядку. Внешний вид героев также отражает их характер: немец аккуратен, в то время как австриец небрежен в одежде. Речь каждого из персонажей

имеет особенности, отражающие его происхождение, однако эти особенности не столь значительны и не вызывают коммуникативных сложностей.

Оба фильма отражают динамику взаимоотношений австрийцев и немцев. Фильм XX в. «Die Piefke-Saga» подчеркивает и высмеивает различия между ними, в то время как фильм начала XXI в. «SOKO Wien» акцентирует внимание на успешном сотрудничестве и дружбе между персонажами, которые представляют Германию и Австрию.

© Левицкий А. Э., Бибер С.

1.9. ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СУБСТАНТИВНОГО ЭЛАТИВА В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

1. Введение в проблематику исследования

Применение в рамках антропоцентрической парадигмы современного подхода к изучению языка как уникальной, сугубо человеческой способности, средства общения и восприятия мира позволяет глубоко проникнуть в сущность языка и понять специфику его функционирования.

В центре внимания исследователей оказывается человеческий фактор в языке, предполагающий необходимость всестороннего изучения средств речевой выразительности в моно- и межкультурной коммуникации. К ним, без сомнения, можно отнести элативные конструкции.

До настоящего времени в лингвистике ведется дискуссия по поводу элатива как формы превосходной степени прилагательного, выражающей безотносительное превосходство. Чаще всего под элативом понимают наивысшую безотносительную степень качества лица или предмета даже без сравнения его с другими предметами. В частности, Х. Бусман дает следующее определение элатива:

Наивысшая степень прилагательного для обозначения высокой степени качества, но (в отличие от превосходной степени прилагательного) без сравнительного компонента: элатив называют поэтому «абсолютным суперлативом», то есть абсолютной превосходной степенью (BUBMANN 1990: 206).

В то время как в русском языке существуют морфологические признаки элатива, в немецком языке их функцию выполняют обстоятельства образа действия, например, *äußerst*, *höchst*, *enorm*, *überaus*.

К рассмотрению элатива под различным углом зрения обращались многие отечественные и зарубежные лингвисты (Э. Сепир, П. Айзенберг, Г. Хельбиг, Й. Буша, Х. Бусман, Е. И. Шендельс, Е. И. Шейгал, В. В. Ильин, И. И. Убин, М. М. Розина, Н. С. Федосеева и др.).

Большинство исследовательских работ посвящены вопросам дефиниции элатива, раскрытию его конститутивных признаков и основных характеристик, выявлению основных видов и типов элативов. Однако их результаты не полностью раскрывают денотативную природу, вербальное выражение и функционирование данного феномена в разных языках, в частности, в современном немецком языке. Изучение элативов, выраженных существительным и субстантивными конструкциями, до настоящего времени в германистике не проводилось. Автор не располагает информацией о наличии соответствующих работ и на материале других языков, хотя функционирование элативов указанного вида является, согласно первичной оценке, достаточно частотным в немецкой разговорной речи, что находит естественное отражение в текстах современной немецкоязычной художественной литературы.

В настоящем фрагменте коллективной монографии в качестве предмета исследования выступают именно этот малоисследованный пласт лексики современного немецкого языка — элативы, выраженные существительным и субстантивными словосочетаниями.

Эмпирическим материалом послужили фрагменты текстов современной немецкоязычной художественной литературы, содержащие примеры функционирования элативов изучаемой группы.

Цель проводимого исследования заключается в раскрытии функционально-прагматического потенциала элатива, выраженного существительным и субстантивными словосочетаниями в современном немецком языке.

Для достижения данной цели автором решаются следующие исследовательские задачи:

1) на основе анализа научной литературы устанавливается лингвистический статус элатива и предлагается методологическое обоснование функционально-семантической категории элативности в языке;

2) на основе анализа эмпирического материала выявляются и описываются основные функции элатива изучаемой группы и его

типологических характеристик; выявляются особенности функционирования и прагматика элатива, выраженного существительным и субстантивными словосочетаниями, в немецком языке.

Описание научных постулатов и новаций об элативе изучаемой группы следует начать с освещения ключевых вопросов дискуссии об этом языковом феномене.

2. Грамматическая омонимия элатива

Элатив (или элятив) — это форма имени прилагательного с превосходной степенью, обозначающая высокую и очень высокую степень качества (БЕРКОВ 2011: 125). В *Словаре лингвистических терминов* О. С. Ахмановой приводится следующее определение элатива: «Элатив — это значение безотносительно большой степени признака, выраженное формами высшей степени, особенно при их экспрессивном употреблении» (АХМАНОВА 1996: 524). Авторы *Исторической грамматики французского языка* М. К. Сабанеева и Г. М. Щерба определяют элатив как

неграмматизованное значение интенсивности признака различной степени, которое возникает в результате имплицитного сравнения с нормой или эталоном качества, имеющимися в сознании говорящих (САБАНИЕВА & ЩЕРБА 1990: 108-109).

Некоторые ученые отмечают, что элатив встречается в устойчивых словосочетаниях книжного и разговорного регистра, и чаще всего он экспрессивно окрашен (ТЕЛЕНКОВА & РОЗЕНТАЛЬ 2003). В качестве примеров элатива в русском языке приводятся словосочетания, как «добрейший мужчина», «широчайшие возможности», «храбрейший воин», «простейшая задача», «величайшее разочарование».

Поскольку основной грамматический признак элатива связан со сравнением, его форма ассоциируется у многих исследователей, как правило, с прилагательным.

В немецком языке прилагательное служит не только для описания свойств предметов, людей, животных, явлений и т. д., но и для сравнения сходных между собой объектов, отличающихся степенью выраженности какого-либо признака.

Под степенью сравнения понимается категория прилагательных и наречий, отражающая не только качество определяе-

мых ими предметов и процессов, но и выражающая относительную разницу между ними по степени того или иного качества, присущего этим предметам и процессам. При этом эта категория качественных прилагательных и наречий определяет также превосходство одного предмета (процесса) над всеми другими в отношении данного качества (АХМАНОВА 1996: 437).

Степени сравнения (Steigerungsstufen) — общепринятый термин для обозначения форм грамматической категории прилагательного, выражающих различные степени качества, присущих предмету. В немецкой грамматике принято различать три степени сравнения прилагательных: положительную (der Positiv), сравнительную (der Komparativ) и превосходную (der Superlativ).

Различия в интенсивности признака предмета (процесса) всегда можно выразить при помощи различных языковых средств. В немецком языкознании все возможности, используемые для этого, называются формами сравнения (Vergleichsformen), или «градацией» (Graduierung) (HELBIG & BUSCHA 1996). Положительную степень сравнения как градации Г. Хельбиг и Й. Буша считают основной (исходной) формой прилагательного (Grundstufe des Adjektivs). Для выражения основной формы градации в немецком языке, по их мнению, иногда применяются слова и союзы, такие как so... wie, wie, ebenso wie. Однако присутствие этих слов в тексте не всегда означает наличие в нем сравнительной степени, так как прилагательное стоит в положительной форме.

Проиллюстрируем данный тезис: Die Lehrerin ist so jung wie meine Schwester. Эта градация не включает грамматико-морфологическую категорию сравнения (Komparation), показывающую степень проявления признака при помощи морфем -er и -st (например, kurz — kürzer — kürzest). Для выражения этого грамматического значения здесь применяются средства словообразования и синтаксиса (композицы, прилагательные с префиксами, устойчивые сравнения, повтор прилагательного в положительной или сравнительной степени и др.). В превосходной степени прилагательное показывает наивысшую степень качества предмета или процесса.

Рассмотрим другое определение степени сравнения, которое было дано Е. И. Шендельс. В отличие от «градации» Г. Хельбига и Й. Буша, степени сравнения у Шендельс называются «die Steigerungsstufen», или же «die Komparationsstufen» (ШЕНДЕЛЬС 1982: 237). В ее авторской концепции выделяются только две степени сравнения: сравнительная (der Komparativ) и превосходная (der Superlativ), так как положительная (основная, исходная) степень не содержит в себе сравнение предметов. Сравнительная степень указывает на меру проявления того или иного признака или качества одного предмета по отношению к другому, а превосходная степень показывает, что свойство или качество предмета представлено в наибольшей мере. Шендельс выделяет особый способ образования степеней сравнения — при помощи суффиксов: -er в сравнительной степени и -est в превосходной (schön — schöner, alt — ältest).

Очевидно, что языковеды по-разному подходят к рассмотрению форм выражения категории сравнения в немецком языке. При этом отличия есть не только в онтологическом освещении данного грамматического явления, но и в количестве выделяемых в его рамках грамматических сущностей. В то время как большинство грамматистов, которые изучают степени сравнения, указывают только на три формы степеней сравнения, Г. Хельбиг и Й. Буша выделяют еще одну дополнительную форму превосходной степеней сравнения — абсолютный суперлатив (absoluter Superlativ), или элатив, имеющий, по их мнению, идиоматический характер.

Наличие такого феномена в языке подтвердилось впоследствии при практическом анализе синтаксических функций немецких степеней сравнения, функционирующих в произведениях современных немецких авторов. В частности, на основе анализа текстов немецкоязычных художественных произведений в научной литературе последних лет были выделены и описаны четыре формы степеней сравнения: Positiv, Komparativ, Superlativ и Elativ (ГАЙНУТДИНОВА 2016: 16-21).

С точки зрения большинства ученых, элатив представляет собой имплицитное сравнение (КНЯЗЕВ 2007). Еще в 1947 г.

В. В. Виноградов указывал на подобное явление в языке (ВИНОГРАДОВ 1947: 255-256). Имплицитно релятивные конструкции, названные им элативными и используемые для выражения превосходной степени, были выделены как наиболее характерные для синтетических форм (как в русском и немецком языках). Виноградов отмечал, что в таких словосочетаниях как, например, «талантливейший из пианистов» предлог «из» является не только предлогом в отношении существительных, выражающих превосходимые по качеству предметы и лица, но и представляет собой послелог для самой формы суперлатива. Схожей позиции придерживался Л. К. Шпак, который считал необходимым вывести прилагательные типа «сильнейший» за рамки степеней сравнения, поскольку, с его точки зрения, подобные прилагательные не являются синтетическими формами превосходной степени, так как они могут передавать значение превосходной степени только в составе конструкций с уточнителями «из», «в» и т. д. (КНЯЗЕВ 2007). Однако многие лингвисты оспаривают эту точку зрения несмотря на ее широкую распространенность в научной литературе.

В частности, наблюдения по этому поводу описал Ю. Д. Апресян в рамках исследования качественных прилагательных в русском языке, разделив их на три группы:

1) формы, имеющие и суперлативное, и элативное значение («богатейший дворянин» — «богатейший человек»);

2) формы, имеющие только суперлативное значение («старейший учитель в школе»);

3) формы, имеющие только элативное значение («малейший прокол», «крепчайшая дружба») (АПРЕСЯН & al. 1988: 48-49).

По поводу прилагательного в превосходной степени Апресян отмечал, что параметрические прилагательные типа «высочайший» относятся к первому классу, в то время как прилагательные со значением этической, утилитарной и эстетической оценки типа «прекраснейший», «полезнейший» тяготеют к третьему классу. В то же время, прилагательные в переносных и производных значениях («сладчайшие речи») тяготеют к третьему классу, а прилагательные в прямых («слабейший»), то есть в исходных значениях — к первому. Аналитические формы превосходной степени со словом «самый», вместе с суперлативным значением,

способны выражать и элативное значение. То же касается словосочетаний со словами «наиболее», «наименее», то есть среди аналитических форм превосходной степени в элативном значении важное место занимают прилагательные в оценочных и переносных значениях.

О. Есперсен считал, что по отношению к суперлативу элатив выражает меньшую, то есть «ослабленную» степень признака (ЕСПЕРСЕН 1958: 289-290). Эта же мысль поддерживается и другими исследователями, например, в работе (КЛОБУКОВ & ЗАХРАИ 1996).

Однако, Н. Д. Арутюнова отмечает, что так как для суперлатива объем множества, из которого выделяется объект, обладающий минимальной и максимальной степенью качества, выбирается говорящим, то сам по себе он не выражает определенной меры признака. Таким образом, по ее мнению, степень проявления признака, предельно возможная для данного конкретного множества при данных условиях, может быть различной. Следовательно, «там, где можно выбрать лучшее, совсем не обязательно можно найти просто хорошее» (АРУТЮНОВА 1999).

Одним из отличий элатива от суперлатива многие лингвисты считают безотносительность. Как пишет Н. Ю. Шведова, оба эти явления указывают на «высшую степень качества предмета», но в случае с элативом она обозначается «вне сопоставления с другими предметами» (ШВЕДОВА 1952). Той же точки зрения придерживается И. А. Мельчук, который считает, что в элативном значении форма превосходной степени применяется «вне всякой связи со сравнением» (МЕЛЬЧУК 1998: 123-124).

Сторонники альтернативной точки зрения полагают, что имплицитное сравнение выражается в том числе формами положительной степени и, поскольку значение очень высокой степени признака, которое передается формами элатива, — модифицированное значение положительной степени, значение элатива нельзя считать безотносительным. Так, например, А. П. Сазонов полагает, что отличие элатива от суперлатива заключается не в отсутствии сравнения, а в объеме множества, в отношении которого выражается превосходство признака. Например, суперлатив в предложении «Он талантливейший художник в городе»

подразумевает сопоставление с остальными художниками, а элатив в предложении «Он талантливейший художник» — с художниками во всем мире. Отличие этих предложений друг от друга не сводится к различию в «объеме множества», который представляет собой стандарт сравнения (предложения «Он талантливейший художник» и «Он самый талантливый из всех художников» не равны по своему значению). При этом Сазонов не оспаривает тот факт, что элатив опирается на имплицитное сопоставление одного предмета со всем множеством представителей соответствующего класса объектов (КНЯЗЕВ 2007).

Элативное использование форм превосходной степени, по мнению О. Есперсена, объясняется «естественной склонностью к преувеличению», что свидетельствует о широкой распространенности «гиперболических» употреблений превосходной степени («самый лучший учитель») (ЕСПЕРСЕН 1958: 289-290). В этих случаях формы превосходной степени, невзирая на наличие имплицитно выраженного стандарта сравнения, не предполагают буквального прочтения.

Ключевой вопрос заключается в категориальной принадлежности элатива. Существующие точки зрения на элатив расходятся в зависимости от того, отдается ли приоритет формальным и семантическим признакам. По своему значению элатив схож с формами положительной степени с суффиксами субъективной оценки. Исходя из этого, его нередко рассматривают как грамматический омоним суперлатива (ibid.).

Действительно, можно признать, что по своей структуре суперлатив и элатив являются грамматическими омонимами, или омоформами.

С одной стороны, элатив и суперлатив могут относиться к частичным омонимам, так как, употребляя элатив, мы используем неопределенный артикль, а в случае превосходной степени — определенный. С другой стороны, эти конструкции частично сходны по своему грамматическому значению: несмотря на то, что в обоих случаях подчеркивается превосходство, элативные конструкции выражают абсолютное превосходство, а формы превосходной степени — ограниченное. Тем самым, категориальное значение суперлатива и элатива нельзя признать идентичным.

В связи с этим в научной литературе встречается описание категории элативности.

3. Категория элативности в современных лингвистических теориях

Некоторые исследователи (Г. А. Змудяк и др.) называют элатив «абсолютным суперлативом», который, в свою очередь, является самостоятельной лексико-грамматической категорией по отношению к релятивному (относительному) суперлативу. Его, по мнению исследователя, следует исключить из системы степеней сравнения, так как он не выражает сравнение с другими предметами — носителями того же качества. Значение элатива соответствует понятиям очень высокой, наивысшей, предельно высокой степени интенсивности качества или мыслимому его превышению в сравнении. Элатив, таким образом, выделяется из системы степеней сравнения своим безотносительным характером» (ЗМУДЯК 2001: 38-39).

С другой стороны, элатив отличает и своеобразие формы: релятивный суперлатив выражается только аналитической формой, элатив же использует различные формы; кроме того, для него характерна эмоционально-экспрессивная окраска и меньшая степень зависимости от контекста.

При характеристике суперлатива и элатива Гулыга и Шендельс используют семы «сравнение» и «максимальность». Следует отметить, что суперлатив действительно несет в себе обе семы, в то время как элатив обладает только семой «максимальность» («наивысшая степень обладания качеством») (РОЗИНА 1998).

Следует подчеркнуть, что очень высокая степень качества неоднородна и может иметь различные модификации:

- высокая степень качества;
- очень высокая степень качества;
- экстремальная степень качества:
 - а) максимально высокая;
 - б) минимальная;
- абсолютная степень качества;
- эксцессивная степень качества (КАМЯНОВА 2020).

Таким образом, можно выделить следующие ключевые признаки элатива:

1) элатив соответствует самой высокой градации в системе интенсивности, которая определяется как многоаспектная лексико-грамматическая категория;

2) элатив представляет так называемый номинативный суперлатив — превосходную форму степени прилагательного, выражающую высокую и очень высокую степень качества предмета вне сравнения его с другими однородными предметами, обладающими данным качеством;

3) элатив совпадает по форме с превосходной степенью, однако, в отличие от нее, он может употребляться без артикля;

4) элатив часто имеет идиоматический, т. е. устойчивый характер.

Что касается сущности категории степеней сравнения, заключающейся в ее релятивности, необходимо отметить следующее. Элатив не относится к общему классу степеней сравнения, так как ему чуждо всякое выражение отношения. Неограниченное безотносительное усиление признака — основное, что отличает элатив от суперлатива. В данном случае мы имеем дело с явлением грамматической омонимии.

Исходя из другого, не менее распространенного мнения, элатив наряду с суперлативом входит в число значений форм превосходной степени. Это связано с многозначностью в грамматике, которая является столь же широко распространенным явлением, как и лексическая многозначность.

Между суперлативным и элативным значениями присутствуют смысловые связи. На это указывают, с одной стороны, примеры «гиперболического» («риторического») суперлатива, а с другой — вероятность ослабления суперлативного значения, которая имеет место быть в конструкциях типа «один из лучших», с помощью которых может быть выражено «отнесение объекта к группе объектов, у которых данный признак представлен в наибольшей степени» (БЕРКОВ 1996: 114).

Следует добавить, что в том случае, если объект сравнения суперлатива включает класс предметов целиком или является тем, что в социологии называется «репрезентативной выборкой» (т. е. достаточно широк), то выражаемая суперлативом степень

проявления признака будет изначально превосходить его «видовую норму» (среднее значение). Таким образом, из утверждения, что «Эверест — самая высокая гора в мире», следует вывод о том, что Эверест — очень высокая гора. Иными словами, в конструкциях с данным объектом сравнения суперлативное значение совмещается с элативным (КНЯЗЕВ 2007).

Анализ научной дискуссии по вопросу категории элативности в германистике говорит о том, что элативные конструкции в немецком языке невозможно отнести ни к одной из имеющихся грамматических категорий, в силу расхождений значения и использования разных частей речи в качестве ядра конструкции с элативом. По этой причине элативные конструкции в данный момент не являются объектом рассмотрения в регулярных грамматиках немецкого языка.

Большинство исследователей элатива считают его частным случаем интенсива (ШИЛОВСКАЯ 2007), который нельзя считать суперлативом, так как используемая форма превосходной степени используется вне сравнения, то есть сравнительная степень отсутствует. Например, прилагательное в предложении *Sie ist das schönste Mädchen* является суперлативом, при этом существительное в предложении *Sie ist eine Aphrodite* (= *Sie ist außergewöhnlich schön*) является элативом. Как видно из приведенного примера, отличие суперлатива от элатива не очевидно вне контекста.

Вслед за К. Т. Рсалдиновым можно с полной уверенностью утверждать, что в лексико-грамматической категории степени интенсивности качества элатив играет первостепенную роль (РСАЛДИНОВ 1979: 21). Он позволяет наилучшим образом выразить очень высокую, либо наивысшую и предельную степень качества.

В этом отношении категориальное содержание элативности сближается с содержанием лексико-грамматической категории степени интенсивности.

К синтаксическим средствам выражения интенсивности в немецком языке относятся повторы, сложноподчиненные предложения с усилителями типа *so, so ein / eine*, сложноподчиненные предложения местоименно-соотносительного типа (БОНДАРКО 2005), синтаксический повтор, восклицательные предложения,

безглагольные предложения с предикативом в препозиции, придаточные сравнительные предложения (ТУРАНСКИЙ 1987). Тем самым интенсивность проявления того или иного признака предмета (процесса) может отражаться в языке различными способами, одним из которых и является употребление степеней сравнения.

В связи с этим следует отметить, что интенсивность не является синонимом меры, поскольку она выражает уровень развития признака в рамках конкретной меры, который не влечет за собой изменение качества (БЕЛЬСКАЯ 2004).

Элатив представляет собой производную превосходной степени и выражает максимальную степень проявления признака. Возможно, этот факт является причиной того, что большинство исследователей сосредоточены на рассмотрении превосходной степени прилагательного, уделяя элативу значительно меньшее внимание, и утверждая, что элатив встречается в художественной литературе реже, чем суперлатив (ГАЙНУТДИНОВА 2016: 16-21). Однако наши наблюдения не подтверждают этого, а свидетельствуют, скорее, об обратном. Возможно, подобные утверждения касаются элативных конструкций, имеющих в качестве ядра имя прилагательное.

Предметом анализа в главе явились субстантивные элативы и элативные словосочетания, которые, по результатам наших наблюдений, находят широкое употребление в немецкой художественной литературе в силу их способности предельно точно выражать смысл.

Как было сказано выше, формально и семантически оппозиционная основа категории сравнения имеет бинарный характер. В рамках трех степеней сравнения на верхнем уровне превосходной степени маркированные члены оппозиции противопоставлены положительной степени как немаркированному члену. Превосходная степень, в свою очередь, составляет оппозицию с нижним уровнем, где немаркированным членом является степень сравнения (БОРЗЕНКО 2018).

Высшая степень качества — это сравнительно-относительное значение, выделяющее предмет из ряда однородных предметов как обладающий определенным качеством в самой высокой

степени по отношению к данным предметам. Высшая степень качества всегда имеет относительный характер, который подкрепляется реляционными компаративными отношениями. Очень высокая степень качества — это чрезвычайная степень качества предмета без соотнесения его с другими предметами. Относительность очень высокой степени имеет в отличие от высшей степени качества иной характер и находит выражение в соотнесении с привычной нормой.

Из вышесказанного следует, что элативность есть «значение безотносительно большой меры признака, выражаемое формами превосходной степени, особенно при их экспрессивном употреблении» (АХМАНОВА 1996).

Представляется, что элатив является вторичным значением по отношению к суперлативу — «значению самой высокой степени качества, выражаемому формами превосходной степени» (ibid.), обладающему такими чертами как «существование и единственность объекта сравнения» (ТЕОРИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ 1996).

Исходя из данных теоретических предпосылок, проанализируем в дальнейшем на основе конкретных языковых фактов функциональный потенциал немецких элативов, выраженных существительным или субстантивным словосочетанием.

4. Особенности функционирования элатива в современном немецком языке

Исходя из того, что элатив, представляя собой высшую степень качества объекта, превосходную степень сравнения, опирается на имплицитное сопоставление одного объекта с множеством других (НИКИТИНА & ГУДКОВА 2019), в рамках исследования был сформирован эмпирический материал, включающий примеры из следующих практических источников: статьи *Немецко-русского фразеологического словаря* Л. Э. Биновича, *Нового немецко-русского фразеологического словаря* Б. П. Шекасюка, русско-немецкого и немецко-русского электронного словаря «Multitran», текстов художественной литературы из электронного корпуса COSMASII Института немецкого языка г. Мангейм (Германия) и электронной библиотеки Google. Предметом выборки послу-

жили примеры функционирования элатива. При этом отбирались только элативы, выраженные существительным и субстантивным словосочетанием.

Анализ языковых фактов показал, что в немецком языке существует большое количество видов и форм элатива. Элатив употребляется в немецком языке в разных функциях.

Критерием отбора примеров послужило наличие в семантике элатива семы «максимальность выражения признака», поскольку, как указывалось ранее, суперлатив включает в себе и сему «сравнение», и сему «максимальность», в то время как элатив обладает только семой «максимальность» (РОЗИНА 1998).

В результате исследования нами было выделено две основные группы элативов.

1. Vergleich mit «wie».

Основанием для выделения данной группы послужили в частности следующие примеры употребления элатива:

1) Dürrt wie eine Hopfenstange ‘худющий, тощий как жердь’.

Hopfenstange ‘жердь’ представляет собой длинный шест, кол из длинного и очень тонкого ствола дерева. В этом образе абсолютизируются величина и тонкость диаметра этого столба, мы можем говорить о том, что говорящий подчеркивает тем самым, что человек настолько худощавый и тонкий, что это делает его похожим на жердь.

2) Flink wie ein Eichhörnchen ‘молниеносный, проворный как белка’.

Eichhörnchen ‘белка’, как и любой другой грызун, очень шустрый и быстрый зверек, который находится в постоянном движении. Говорящий описывает человека легкого на подъем, быстрого, способного оперативно исполнять свои обязанности.

3) Er ist stumm wie ein Fisch ‘из него слова не вытянешь’ (нем. ‘как рыба’).

Fisch ‘рыба’ всегда молчит. Автор высказывания подчеркивает такие черты человека как немногословность, молчаливость и скрытность.

4) Arm wie ein Kirchenmaus ‘нищий как церковная мышь’.

Kirchenmaus ‘церковная мышь’. Ей всегда достаются послед-

ние крохи, остатки еды. Говорящий указывает на уровень бедности человека: он настолько беден, что едва может себя прокормить.

5) Klar wie Kloßbrühe 'яснее ясного'.

Kloßbrühe 'бульон с клецками'. В этом примере абсолютизируются очевидность и наглядность приведенного факта или аргумента.

6) Naß wie eine gebadete Maus 'промок до нитки'.

Maus 'мышь' после дождя становится довольно неприглядной. Автор подчеркивает, насколько сильно человек промок.

2. *Грамматическая структура Er / Sie ist (kein / nicht gerade) ein / eine + Substantiv.*

Эта группа выделена на основе анализа следующих примеров употребления элатива:

1) Er ist ein Weichei 'Он сопляк, неженка'.

Так говорят о мужчине, который не способен справиться с «типичным» для других представителей этого пола трудом. Этим примером говорящий хотел абсолютизировать всю немощность и беспомощность человека перед лицом элементарных для мужчин, с точки зрения европейского общества, действий и поступков.

2) Kein / nicht gerade ein Held (in etwas) sein 'полный профан'.

Мы воспринимаем героев как могущественных, возвышенных и великих персонажей, тех, кто может сделать нечто невозможное для обычного человека. Здесь же автор высмеивает неспособного, не сведущего в чем-либо человека, абсолютизируя его некомпетентность в том или ином вопросе.

То же можно сказать и о человеке, который сначала хвастается умением делать что-либо, считает себя специалистом в какой-либо отрасли, а потом «срезается» на элементарном вопросе по заданной теме, или же совсем не может поддержать диалог или дискуссию.

3) (Auch) nicht gerade ein Engel sein 'противный, хуже некуда'.

Некоторые люди могут показаться безобидными, особенно в начале общения, поскольку они контролируют свое поведение. Однако позднее, когда обстановка становится привычной и обы-

денной, они могут предстать в совершенно ином свете. Говорящий подчеркивает здесь двойственную, лицемерную натуру таких людей.

4) *Es ist eine Herkulesarbeit* 'пахать как лошадь'.

Геркулес — сын одного из богов греческой мифологии, который с самого рождения демонстрировал необыкновенную силу. Автор показывает, насколько сложна, морально либо физически, данная работа.

5) *Eine Leuchte der Wissenschaft sein* 'быть / являться светилем науки'.

Так обычно говорят об одаренном в научном плане человеке, который обладает исчерпывающим объемом знаний в своей области. Говорящий подчеркивает высокий интеллектуальный уровень человека.

6) *Ein eigenwilliger Kopf sein* 'упертый как баран'.

Речь идет о человеке целеустремленном, чрезвычайно заинтересованном в каком-либо деле. В примере автор абсолютизирует степень решительности, воли и упорства этого человека.

Проведенный анализ отобранного практического материала позволил категорировать указанные группы элативов по ряду признаков.

1. По компоненту, лежащему в основе элатива.

1.1. Антропонимы, которые делятся на:

а) имена собственные (в основном греческие боги);

- *Er ist ein Zeus* 'быть кем-то (например, врачом) от Бога'.

Зевс в греческой мифологии — самый сильный и могущественный бог, «отец небес». В этом образе абсолютизировалось все самое лучшее в человеке (лучшие его стороны). Говорящий указывает на уровень мастерства такого человека, его успешность и могущество, по сравнению с остальными.

- *Kein / nicht gerade ein Adonis sein* (*Er ist nicht gerade ein Adonis*) 'Он далеко не Аполлон' (шутливое выражение).

Аполлон в мифологии — бог света, который являет собой идеал мужской красоты. На всех полотнах, картинах Аполлон всегда изображается юным красавцем. В этом образе обычно абсолютизируется красота любого мужчины, подчеркивается его

мужское начало. Здесь же автор, напротив, отходит от стереотипных рассуждений и воззрений, характеризуя при помощи этого элатива совершенно противоположного юношу. Он смеется над ним, показывая полное отсутствие в нем той грации и красоты, которая свойственна этому античному богу.

- Er ist ein Herkules 'Он силач Бамбула'.

Как и в вышеупомянутом примере с богом греческой мифологии, говорящий делает здесь акцент на силе и могуществе человека.

- Sie ist eine Aphrodite (Sie ist schön) 'Она истинная Афродита'.

Афродита в греческой мифологии — это богиня любви, красоты и плодородия. В этом образе абсолютизируется красота девушки; мы можем говорить о том, что автор высказывания подчеркивает ее женское начало.

- Sie ist eine Venus 'Она истинная Венера'.

Венера римской в мифологии — богиня красоты, любви и плодородия. Это выражение по семантическому значению синонимично предыдущему.

- Sie ist eine richtige Xanthippe (+ Sorgen Sie einfach dafür, dass Xanthippe zur Party kommt) 'Она настоящая Ксантиппа'.

Ксантиппа — воплощение сварливой жены с отвратительным характером. Говорящий подчеркивает дурной нрав девушки / женщины, ее ворчливость и раздражительность.

- Einen neuen Adam anziehen 'начать жизнь с чистого листа'.

Адам — первый человек, сотворенный Богом по своему образу и подобию. Здесь во главу угла ставится все самое лучшее, чистое и непорочное, что есть в человеке. Другими словами, воспевается желание человека начать новую жизнь.

- б) имена нарицательные;

- Er ist Buridans Esel 'Ни рыба, ни мясо'.

Буриданов осел — осел, которому предложены одновременно два одинаково соблазнительных и вкусных угощения, и который стоит на распутье и не может решить, что ему выбрать. Принятие решения требует от него больших усилий. Говорящий выделяет такие качества как неуверенность в себе и своих силах,

нерешительность, робость, боязнь ошибок, растерянность, внутреннее беспокойство, а также указывает на сложность выбора для такого человека.

- Er ist ein Weiberheld 'Он — Аллен Делон'.

Так говорят о человеке, который не может постоянно находиться рядом с одной женщиной, поскольку его с ней не связывают чувства. В этом образе абсолютизируется непостоянство человека, жажда любовных перемен.

- Er ist ein Frauenheld 'Все женщины падают перед ним ниц'.

Значение этой конструкции синонимично предыдущему. Такой человек постоянно испытывает внутренний конфликт в отношениях.

- Er ist ein Casanova 'Он — настоящий Казанова'.

Казанова — человек, которые имел огромный успех у женщин. Так говорят о дерзком, бесцеремонном, раскрепощенном мужчине без комплексов. Здесь максимальным представляется такое качество мужчины как любвеобильность без границ.

- Er ist ein Charmeur 'Он крайне очарователен. Ни одна женщина не может перед ним устоять'.

Речь идет о человеке раскованном и раскрепощенном. Говорящий подчеркивает непринужденность поведения человека в ситуациях общения с дамами.

- Er ist ein Draufgänger 'Он сорвиголова'.

Выражение относится к человеку смелому, порой безрассудному. При этом в абсолют возводится то, с какой легкостью он ввязывается в любые авантюры, порой рискованные и опасные. Говорящий указывает на то, что решения таким человеком могут быть приняты опрометчиво, поспешно, однако они все равно принесут ему эмоциональный подъем и чувственное удовольствие.

- Er ist ein Filou 'Он пройдоха'.

Имеется в виду человек, который тщательно продумывает каждый свой шаг, постоянно хитрит, играет на чувствах других людей, проворачивает всевозможные финансовые (и не только) махинации. При этом подчеркиваются выраженные в максимальной степени тщательность, взвешенность и обоснованность принятия решений таким человеком.

- Er ist ein Freigeist 'Он птица свободного полета'.

В этом примере особое внимание уделяется стремлению человека к свободе, самовыражению и к отрицанию общепринятых правил.

То же можно сказать о человеке свободной профессии (профессии работников умственного труда).

- Er ist ein Lappen 'Он тряпка'.

С помощью этой лексической единицы характеризуют человека крайне бесхарактерного, слабовольного, излишне мягкого, не умеющего постоять за себя, иначе говоря, человека, не имеющего внутреннего стержня. Он не способен брать дело в свои руки, или же управлять какой-либо деятельностью.

- Er ist ein Macho 'Он мачо'.

Мачо — довольно агрессивный, прямолинейный, резкий мужчина, который обладает обаянием и ярко выраженной сексуальной привлекательностью. Другими словами, он обладает такими качествами как брутальность, мужественность. Он насмехается над окружающими его людьми, которых считает «ниже» себя. При этом, движимый желанием понравиться обществу, в определенных обстоятельствах он может выглядеть глупо.

- Er ist ein Narziss 'Он нарцисс'.

Нарцисс — человек эгоцентричный и самолюбивый. Он обожает долго и упорно стоять перед зеркалом, восхваляя себя, и наслаждается, когда другие им восхищаются. Говорящий указывает на такие ярко выраженные в человеке черты как самовлюбленность, тщеславие, убежденность в собственной уникальности, особом положении. Также отмечается его заикленность на собственной самооценке, которая, безусловно, является завышенной, и ошибочность представлений о своих талантах, достижениях и успехах.

- Ein fauler Knochen (sein) 'тюфяк, слабак'.

Этот человек не может преодолеть жизненные трудности в силу слабости характера. Здесь делается акцент на неспособности, а главное нежелании такого человека что-либо делать (про таких говорят «ему лень лениться»).

- Ein harter / zäher Knochen sein 'кремень'.

Так говорят о человеке, способном выстоять в тяжелых жизненных ситуациях, способном справиться с ударами судьбы и выдержать любые трудности. Возводятся в абсолют такие его качества как упорство, непоколебимость, сила духа, умение настоять на своем. Отмечается наличие у него «внутреннего стержня».

Это выражение может быть использовано и в контексте применения физической силы (например, когда человек может стойко переносить удары, быть выносливым в бою.

- Nur (noch) / nichts als... Haut und Knochen sein 'тощий как скелет'.

Это выражение употребляется для характеристики худощавого, болезненно худого человека. В этом образе также может абсолютизироваться бедность человека, или же его болезненное состояние, которое превратило его в некое подобие скелета.

1.2. Зоонимы:

- ein Fuchs sein / ein alter Fuchs sein 'хитрюга'.

Лисы ассоциируются у нас с очень хитрыми животными, которые готовы на все, чтобы получить желаемое. Автор указывает на крайнюю изворотливость, хитроумность человека во время принятия им каких-либо решений, его умение подстроиться под любую ситуацию.

- Ein Esel in der Löwenhaut (sein) 'быть волком в овечьей шкуре'.

Это характеристика человека, старающегося быть тем, кем он на самом деле не является. Говорящий подчеркивает то, как человек может притворяться и тем самым казаться положительным и безобидным, являясь на самом деле подлым и коварным. В максимальную степень возводятся ловкость такого человека, его умение понравиться другим, «пустить пыль в глаза».

- Ein großer Wurf sein 'быть большим «тузом»'.

Так говорят о выдающемся, пользующимся огромным успехом и уважением со стороны коллег человеке. Автор указывает на его значимость, важность, стремление стать знаменитым, получить всеобщее признание.

- Ein Hund sein 'собака как негативная характеристика человека'.

Так характеризуют бесчестного, подлого, низкого человека.

- Alter Esel! ‘Глупец!’

Это человек, который вне зависимости от возраста плохо усваивает информацию, узко мыслит и не способен рассуждать здраво.

- Er ist ein sturer Bock ‘Он невероятно упрям / Он упрямый как баран’.

Такой человек не способен идти на компромиссы. Он напорист, уверен в себе и своих силах, очень упрям даже в тех ситуациях, когда он не прав. В этом образе абсолютизируется не столько упорство человека, сколько его непреклонность. Это человек крутого нрава, твердый и непокорный. В то же время говорящий подчеркивает, что такой человек мыслит достаточно узко, опираясь лишь на собственное мнение.

2. По контекстуальной обусловленности.

2.1. Контекстуально обусловленные:

- Kein Aas ‘пустое место’.

Здесь акцент делается на самом ничемном и незначительном, что есть в человеке в сопоставлении с другим человеком. Для других он словно бы перестает существовать, то есть становится ненужным, несущественным, пустым. Другими словами, в этом примере говорящий подчеркивает всю степень безразличия, с которым один человек может относиться к другому.

- Der alte Adam ‘начать жизнь сначала’.

Изначально в этом образе абсолютизировалось все самое лучшее, чистое и непорочное, что есть в человеке. Однако после совершения Адамом первородного греха он был изгнан из Рая (из Райского сада), стал смертным и потерял божественные дары. В этом примере мы видим, насколько низко может пасть человек, угождая своим желанием. Указывается на необходимость переосмысления человеком своей жизни и моральных ценностей, искупления совершенных им грехов.

- Der entfesselte Prometheus ‘освобожденный Прометей’.

Речь идет о человеке, который долгое время мучился, жил под гнетом жизненных трудностей, а теперь может освободиться от «оков», жить без проблем и забот. Говорящий подчеркивает состояние полной свободы и умиротворенности.

- Der donnernde Zeus ‘Зевс-громовержец’.

Зевс в греческой мифологии — самый сильный и могущественный бог, отец и царь всех остальных богов, повелитель грома и молний. Автор абсолютизирует грозный характер человека, его величие. В ироничном смысле так можно сказать о крайне разгневанном начальнике, любящем демонстрировать свою власть.

- Er ist ein Titan und Ehrenmann 'Он титан и человек чести'.

Титанами считались борцы с ранее установленным порядком, в то время как люди чести те, кто соблюдают порядок и чтит законы. Говорящий, используя контраст, старается подчеркнуть двойственность, хитрость и двуличие человека. С одной стороны, он старается идти против власти, демонстрирует свое неприятие существующих устоев. С другой стороны, он делает вид, что соблюдает все законы и живет по правилам.

- Sie ist ein ganz heißer Feger 'Она горячая штучка'.

Так носители языка говорят об эффектной девушке, которая выглядит завораживающе, приковывает к себе взгляды окружающих. Подчеркивается ее уникальность, привлекательность, способность покорять всех своей красотой, женственностью, обаянием и грацией.

2.2. Контекстуально необусловленные (свободные):

- Weich wie Wachs 'податливый как воск'.

Речь идет о человеке, который безропотно покоряется влиянию другого человека, например, Er ist Wachs in ihren Händen 'Он как воск в ее руках'. Говорящий этим примером указывает на то, что человек полностью покорился, подчинился власти и воле другого человека.

- (für jnd.) (wie) ein Klotz am Bein sein '«висеть» на шее'.

Так говорят о человеке, который является обузой для другого человека, мешает ему раскрыться, двигаться вперед, развиваться, ограничивает его возможности. Этим примером автор хочет подчеркнуть то, каким бременем может быть один человек для другого.

- Er ist ein rechtes Schaf 'Он тупой'.

В образе овцы абсолютизируются глупость, недалковидность и невежество человека.

- Du dummer Hund! 'Ну и болван же ты!'

В этом образе абсолютизируется ограниченность мышления человека.

- Ein schlauer Fuchs sein ‘настоящий лис’.

Это значение идентично приведенному выше примеру со словом Fuchs в качестве ядра элативной конструкции.

- Er ist ein Zyklon ‘Он тайфун’.

Циклон — атмосферное явление, связанное в обыденном понимании с чем-то непостоянным, переменчивым. Так говорят о человеке настроения, который может в любой момент времени изменить свое решение. Говорящий подчеркивает нестабильность характера и хаотичность мыслей такого человека.

3. По наличию прилагательного.

3.1. Конструкции, содержащие прилагательное:

- Glatt wie ein Aal ‘скользящий как угорь’.

Речь идет о человеке хитром, лукавом, очень изворотливом, неприятном. С таким человеком всегда нужно быть бдительным и аккуратным, держать ухо востро. Сам по себе угорь опасен для человека, так как умеет вызывать мощные электрические разряды. Автор указывает на всю «ядовитую», едкую природу такого «скользящего», неприятного человека.

- alt wie Methusalem ‘стар как Мафусаил’ (библ.).

Мафусаил известен тем, что он, будучи одним из праотцов человечества, дожил до 969 лет. Это старейший человек, возраст которого указан в Библии. В данном образе абсолютизируется не только возраст этого человека, но и его мудрость, широта познания. Обращается внимание на рассудительность, ученость и разумность такого человека (его накопленный с годами опыт).

- Gesund (или stark) wie ein Bär ‘здоров как бык’.

Медведь (в переводе ‘бык’) — сильное, могучее животное. Здесь акцентируется внимание на силе и закаленности человека перед болезнями, говорится о том, что такого человека трудно сломить, он покорит все преграды, поскольку очень силен, здоров, полон сил и энергии.

- Plump wie ein Bär ‘неуклюж как слон’.

Существует общепринятое представление о медведях как очень грузных, неповоротливых существах. Этим примером го-

ворящий подчеркивает крайнюю неуклюжесть и неловкость человека. В русском языке этому выражению соответствует выражение «как слон в посудной лавке».

- Dumm wie Bohnenstroh ‘дурак дураком’.

В абсолюте возводятся глупость и недалечность человека. Мы можем говорить о том, что говорящий выделяет его большую недалечность, невежество, ограниченность мышления.

- Grob wie Bohnenstroh ‘ругается как извозчик (сапожник)’.

Часто в литературных произведениях извозчики представлены как очень грубые, неприятные люди, они били своих лошадей, ворчали на пассажиров. В примере подчеркиваются грубость, резкость, невоспитанность человека в определенной ситуации.

3.2. Конструкции, не содержащие прилагательное:

- Wie eine Bombe ‘это просто бомба’.

Бомба — это механизм, который будет приведен в действие вне зависимости от внешних факторов. В этом случае говорящий указывает на всю неожиданность, внезапность какого-либо действия, события или же, например, появления определенной личности, поведение которой трудно предугадать или спрогнозировать.

- Aussehen wie der Tod von Ypern ‘бледный как смерть’.

Так говорят о человеке очень бледном вследствие какого-либо события.

- Sie ist eine Diva ‘Она — Нефертити’.

С точки зрения носителя языка, речь идет о девушке, которая возмнила себя центром мироздания. Она считает себя самой красивой, самой умной и самой талантливой, хоть таковой не является. В этом примере подчеркивается наивность девушки, ее надменность и глупость.

- Sie ist eine Prinzessin ‘Она — настоящая принцесса’.

Так немцы говорят о девушке, которая ведет себя очень надменно и считает себя выше остальных, хоть и не является таковой. Говорящий использует легкую иронию и насмешку, называя такую девушку принцессой, поскольку она ведет себя крайне неподобающим образом и наивно полагает, что ей все дозволено.

- Er ist ein Dummkopf ‘Он — полный болван’.

В этом образе абсолютизируются глупость, недалковидность, недалекость человека.

- Er ist ein Dickkopf 'Его не прошибешь'.

В приведенном примере обращается внимание на глупость, упрямство человека, которое он проявляет там, где упрямство проявлять не следует.

Таким образом, в результате проведенного нами исследования были выявлены две группы элативов:

1) элативы, выраженные субстантивным словосочетанием на основе грамматической конструкции Vergleich mit «wie»;

2) элативы, выраженные грамматической конструкцией Er / Sie ist (kein / nicht gerade) ein/ eine + Substantiv.

Выделенные группы детерминированы по следующим признакам:

1. По компоненту, лежащему в основе элатива:

1.1. Антропонимы:

- а) имена собственные;
- б) имена нарицательные.

1.2. Зоонимы.

2. По контекстуальной обусловленности:

- а) контекстуально обусловленные;
- б) контекстуально необусловленные (свободные).

3. По наличию прилагательного:

- а) конструкции, содержащие имя прилагательное;
- б) конструкции, не содержащие имя прилагательное.

В ходе анализа художественной литературы, примеры элативов были обнаружены преимущественно в детских рассказах и романах. Элативы в текстах этих произведений призваны выразить эмоции, чувства героев и автора художественными средствами и имеют целью оказать воздействие на читателя.

5. Выводы

Элатив представляет собой высшую степень качества объекта, превосходную степень сравнения, и опирается на имплицитное сопоставление одного объекта с множеством других. Элатив не входит в систему степеней сравнения, поскольку ему не свойственно выражение отношения.

Основное отличие элатива от суперлатива — неограниченное безотносительное усиление признака. Компонентами значения суперлатива являются «сравнение» и «максимальность», а элатива — «безотносительная высшая степень качества признака».

В научной литературе ведется интенсивная дискуссия относительно грамматического статуса элатива. Элатив часто считают грамматическим омонимом суперлатива из-за схожести его значения с формами положительной степени (с суффиксами субъективной оценки), обозначающими качества вне отношения сравнения. Открытым до настоящего времени остается вопрос о способности превосходной степени выразить элативность.

Особенности функционирования элатива определяются дискурсивными условиями. Функционально-прагматический потенциал элатива, выраженного существительными и субстантивными словосочетаниями, реализуется в немецкоязычных художественных текстах с опорой на его способность выразить предельно высокую степень интенсивности качества.

В ходе исследования выявлены две основные группы элативов, выраженных существительными и субстантивными словосочетаниями: а) элативы, выраженные субстантивным словосочетанием на основе грамматической конструкции *Vergleich mit «wie»*; б) элативы, выраженные грамматической конструкцией *Er / Sie ist (kein / nicht gerade) ein/ eine + Substantiv*.

Полученные результаты расширяют имеющиеся в лингвистике сведения о природе и функциональном потенциале элатива на материале современного немецкого языка и являются основой для продолжения исследования других видов элативов на материале других языков.

© Никонова Ж. В.

1.10. ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЕДИНИЦ ПЕРИФЕРИЙНЫХ СЕГМЕНТОВ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

История развития лингвистики со времен древнегреческих философов и до наших дней изобилует школами и направлениями, в рамках которых выдвигались и предлагались решения проблем, связанных с онтологией языка и, в частности, с характером его взаимосвязи с мышлением. Однако в силу исторического опыта и классической традиции того времени за лингвистикой сохранялась строго упорядоченная область «в себе и для себя», когда

на протяжении нескольких веков как философы, так и языковеды вопрос о соотношении языка и мышления сводили... к отысканию аналогий форм мышления формам языка (КЕРТ 1967: 32).

Но поскольку *tempora mutantur et nos mutamur in illis*, а это касается и лингвистической мысли, данная преамбула «расшатывалась» многочисленными исследованиями, в которых более или менее явно прослеживалась мысль о сложных и тонких взаимосвязях ментальной и языковой сфер.

В частности, уже в 70-х гг. прошлого столетия оспаривалась как методологически неверная посылка относительно изоморфизма между «такими несопоставимыми... явлениями, как язык и мышление» (*ibid.*: 31) и отмечалась необходимость рассматривать мышление как когнитивно обусловленный ментальный процесс, вербализация в рамках которого подчинена структурно-семантическим закономерностям формирования языковых единиц.

При этом логично предположить, что особенности субъективного восприятия одной и той же внеязыковой сущности не только «предопределяют способ ее концептуализации» (КУЗЬМИНА 2014: 27), но и способствуют формированию в итоге системы языковых средств, репрезентирующих те или иные стороны соответствующего концепта.

Смещение фокуса внимания на проблемы речемыслительной деятельности и ее причинно-следственную связь с принципом антропоцентризма, который восходит к лингвофилософской

идее В. фон Гумбольта о конститутивном характере языка для человека, позволило преодолеть рамки имманентной лингвистики и интерпретировать языковые факты с точки зрения динамики их органической взаимосвязи с единицами довербального уровня, в частности, в когнитивном, лингводискурсивном и лингвопрагматическом аспектах, в том числе с учетом субъективно-оценочного фактора. Соответственно существенная роль в этом случае принадлежит условиям, востребованным ситуацией общения и способствующим успешной вербализации определенного ментального содержания. Очень часто в данном амплуа выступают в качестве продукта речетворчества языковые единицы, которые используются окказионально, и когда имеет место контекстуально или ситуативно обусловленный функционально-семантический сдвиг и выполнение такими единицами несобственных семантических функций. Как следствие, креативность активного речемыслительного процесса — необходимое условие продуктивной жизнедеятельности общества — обеспечивает динамику развития языковой системы и ее континуальность, сущность которой методологически обоснована в тезисе о прерывности и непрерывности системы, сформулированном В. М. Павловым. Если атрибут прерывности (дискретности) отражает «составленность» системы из различаемых в ней элементов, то непрерывность (континуальность) находит отражение в целостности системы как единого объекта (ПАВЛОВ 1998: 28-40).

Очевидно, что континуальность (непрерывность) языковой системы как живого организма обусловлена прежде всего асимметрией языковых единиц (лексических, морфологических, синтаксических) (КАРЦЕВСКИЙ [цит. по: ЗВЕГИНЦЕВ 1965: 85-90]) и вследствие этого их предрасположенностью к семантико-функциональной вариабельности в дискурсе. Реализация последней, как, впрочем, и особого создаваемого при этом иллокутивно-прагматического потенциала отодвигает такие бифункциональные единицы на периферию subsystem и системы в целом и при «размытости» их границ способствует взаимопересечению периферийных участков и созданию так называемых «промежуточных зон».

С точки зрения особенностей ментального процесса речепроизводства и в конечном плане иллюстрации континуальности языковой системы исследование таких «промежуточных» явлений представляет несомненный интерес, на что указывает Л. В. Щерба:

Надо помнить, что ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике — в сознании говорящих — оказываются колеблющимися, неопределенными. Однако это-то неясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать внимание лингвистов (Щерба 1958: 35-36).

Подобного мнения придерживается и В. М. Павлов, который считает назревшей постановку вопросов «о взаимодействиях между уровнями языковой системы», причем эти взаимодействия, отмечает автор, «осуществляются... на основе парадигматических и синтагматических связей между уровнями гетерогенными единицами» (ПАВЛОВ 1996).

Исследование внутрисистемных отношений в подобном ракурсе безусловно оправдано и представляется актуальным и перспективным с точки зрения вклада в проблему динамики развития системы языка, так как именно в «промежуточных зонах» наиболее ярко прослеживается семантико-функциональная гибкость единиц и особенности реализуемого или прагматического потенциала.

Речь идет, в частности, о способах вербализации в лингвокоммуникативном пространстве ментального содержания сравнения и интенсивности, системы языковых средств которых в обоих случаях обнаруживают сопряженность на периферийных участках, т. е. в «промежуточных зонах».

Что касается сравнения, то необходимость исследования в данном аспекте его семантико-функциональных характеристик продиктована тем, что в лингвистической традиции при его рассмотрении как риторического приема (Аристотель, Платон), как стилистической фигуры, или при лексико-грамматической классификации синтаксических структур со значением сравнения этот аспект остается вне поля зрения исследователей за исключением некоторых работ (ДЕНИСОВА 2007; RIESEL 1959: 131-134).

Между тем сравнение помимо выполнения когнитивной функции активно используется как средство выражения резуль-

тата познания, выступая в качестве информативно весомой составляющей высказывания. В зависимости от условий коммуникации и интенции адресанта и высказывания в целом выполнение данной роли, запрограммированной уже на ментальном уровне, в подавляющем большинстве случаев осложнено субъективно-оценочным компонентом, как в устном, так и в письменном дискурсе. Такая установка регулирует характер вербализации сравнительных отношений и предопределяет, в частности, возможность или востребованность их семантико-функционального сдвига и соответственно вариабельность его иллюкутивно-прагматической направленности.

Это особенно характерно для сравнений сходства, ассоциативных по своей природе, в чем их существенное отличие от сравнений неравенства и тождества.

Если сравнение тождества (неравенства) практически связано с параметрической оценкой и направлено на констатацию точного соответствия или несоответствия степени проявления признака у сопоставляемых объектов, то сравнение сходства по своей когнитивно-прагматической природе имеет целью установление ассоциации между ними по определенным качественным признакам, которые приписываются сравниваемому объекту. Очевидно, что «пассионарная» сила сравнения сходства такова, что этот процесс практически всегда сопровождается субъективно-оценочной характеристики сравниваемого.

При этом, в зависимости от когнитивно-прагматической установки высказывания при определенных условиях общения сравнительные отношения претерпевают функционально-семантический сдвиг в сторону ярко выраженной метафоризации сравниваемого:

(1) Dann kam ein Warenhaus, *weiß* bestrahlt *wie eine Kathedrale* (REMARQUE 1963: 46),

либо вообще тяготеют к выражению качественного признака, приписываемого сравниваемому при частичной или полной нейтрализации сравниваемых отношений как таковых, например,

(2) Jetzt kann ich schon umgehen und sprechen und Rede stehen, ohne Furcht, mich plötzlich an die Wand lehnen zu müssen, weil *die Welt weich wie Gummi...* (REMARQUE 1975: 134).

Конечно, эти процессы возможны при реализации соответствующих закономерностей, которые касаются как структурной организации синтаксической единицы, так и лексико-семантической природы взаимодействующих в рамках данной структуры компонентов и задействованы в формировании соответствующей иллокуции высказывания. В обоих отмеченных выше случаях речь идет о степени семантической конгруэнтности сопоставляемых реалий, которая может предполагать наличие у сопоставляемых величин некоторых общих качественных признаков, конвенционально закрепленных за данными предметами, что способствует семантико-функциональному сдвигу в сторону метафоризации сравниваемого.

Во втором случае речь идет о промежуточной области, которая расположена на стыке периферий полей сравнения и качества, когда иллокуция высказывания сосредоточена на выражении не сравнения как такового, а качественного признака, приписываемого адресантом так называемому сравниваемому. Как правило, такая ситуация возникает при выборе в роли эталона сравнения предмета, абсолютно не сопоставимого ни по каким параметрам со сравниваемым (т. е. контрадикторным ему), и при его лексико-семантической «спаянности» с т. с., значение которой такой эталон поддерживает и уточняет.

Как видно, семантическая бифункциональность синтаксических единиц предопределяет их вхождение в промежуточную зону, которая образуется на взаимопересечении периферийных сегментов систем (полей в понимании А. В. Бондарко) сравнения, качества и оценки.

В рамках данной главы особого внимания заслуживает семантико-функциональная природа языковых единиц, образующих промежуточную зону между системами языковых средств выражения сравнения и интенсивности.

Тенденция к перестройке на выражение интенсивности признака прослеживается у адъективных композитов, что предопределяется импликацией семантики сравнения, с одной стороны, и соответствующей лексико-семантической природой составляющих языковых элементов, а также коммуникативной ситуацией в целом. Это становится возможно при сопоставлении

объектов, а priori контрадикторных, а также в случае, если эталон сравнения конвенционально воспринимается как яркий носитель признака, обозначенного основой сравнения. Так, в предложении

- (3) Erstens ein Einwanderungsgesetz, das *messerscharf* unterscheidet zwischen einem Flüchtling, der auf Zeit bleibt, und einem Migranten, der auf Dauer bleibt (DWDS).¹

сравнительные отношения адъективного композита *messerscharf* = *scharf wie ein Messer*, отодвигаются на второй план, а сема интенсивности (*messerscharf* = *sehr stark*), напротив, актуализируется под воздействием контекста, что подтверждает идею о том, что содержательная сторона интенсива характеризуется в том числе «констатацией необычности, выделенности самой ситуации» (РОДИОНОВА 2004: 303). Ср.:

- (4) Stockend arbeite ich mich weiter, ich krebse über den Boden weg und reiße mir die Hände wund an den zackigen Splittern, die *scharf wie Rasiermesser* sind (COSMAS II).²

Нередко композиты подобного типа утрачивают в исторической перспективе семантику сравнительных отношений и входят в словарный состав как языковые единицы с парадигматическим значением интенсивности проявления признака, таким образом у ряда языковых единиц (прежде всего лексических) сема интенсивности содержится в их значении изначально.

К подобным языковым единицам относятся, прежде всего, адъективные композиты, где одним из элементов является словоинтесификатор. Так, в прилагательных типа S + Adj детерминированный первый компонент (имя существительное) а priori интенсифицирует значение прилагательного-основы и композит не нуждается в контексте или других дополнительных средствах интенсификации для реализации данной семы. Например, *hauchdünn* 'sehr, besonders dünn; dünn wie Hauch', тонкий, как дыхание, или *feuerrot* 'grellrot (wie Feuer)', указывает на интенсивность цвета. В дефинициях выше наречия *sehr, besonders* и усилитель *grell-* дают возможность однозначного толкования приведенных

¹ <https://www.dwds.de>.

² <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web>.

примеров, как имеющих сему интенсивности проявления признака вне зависимости от прагматики речевого общения, целеустановки адресанта или интерпретационных способностей адресата. Иначе говоря, для соотносительности таких лексических единиц с категорией интенсивности нет необходимости в контексте. Коммуникативная ситуация может лишь подчеркнуть или усилить сему интенсивности, например,

- (5) *Andere litten unter einem Syndrom namens Man on Fire, sie hatten feuerrote Arme und Beine und Schmerzen, die sich anfühlten wie heiÙe Lava auf der Haut* (DWDS),³

где интенсификатор передает неестественно красный, болезненный цвет кожи вместе с ощущением повышения температуры и жжения. Интенсивность композита дополнительно поддерживается контекстуальным интенсификатором *sich anfühlten wie heiÙe Lava*, являющимся, прежде всего, сравнением сходства.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что языковые единицы, обладающие набором соответствующих категориальных сем, имеют тенденцию к семантико-функциональной двуплановости и таким образом могут входить в промежуточную зону периферийных сегментов полей. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «каждое высказывание воспринимается не само по себе, а как реплика, вмонтированная в прагматический комплекс» (АРУТЮНОВА 1981: 360). Что касается субъективно-оценочной коннотации, то она также не являет собой «замкнутую внутреннюю структуру отношений», но представляет результат взаимодействия языковых единиц, выходит «за пределы изолированных элементов в некоторую микросистему» (КОЛШАНСКИЙ 1975: 51), что в совокупности дает возможность актуализировать периферийные значения языковых единиц при взаимодействии с речевой средой.

© Постникова С. В., Егорова В. Н.

³ <https://www.dwds.de>.

1.11. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЦИОЛЕКТА АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИЦЕЙСКИХ В КИНОДИСКУРСЕ

1. Постановка проблемы

Изучение языка социальных слоев общества не перестает интересовать лингвистов в силу неисчерпаемости самой исследовательской области, одной из составляющих которой являются профессиональные социолекты. На сегодняшний день ключевой проблемой в изучении социолекта является то, что до сих пор не существует единого, универсального определения данного понятия. Термин *социолект* возникший в лингвистике во второй половине XX в., представляет собой стяжение словосочетания «социальный диалект» (DURREL 2004; TRUDGILL 2003).

В словаре социолингвистических терминов В. Ю. Михальченко подчеркиваются два важных момента, касающиеся социолекта. Во-первых, указание на пользователей: «разновидность языка, характеризующаяся ее использованием в пределах определенной социальной группы — сословной, профессиональной, сословной, возрастной»; во-вторых, относительно автономный его характер: «термин употребляется как общее наименование для разнообразных языковых образований, основанных на социальном обособлении людей» (ССТ 2006: 205). С. С. Польская добавляет, что социолект является «относительно устойчивой, незамкнутой, организованной и иерархически структурированной подсистемой языка (ПОЛЬСКАЯ 2011). Как обособленную систему коммуникации определяет социолект Т. И. Ерофеева, понимая под ним «любое социально ограниченное языковое образование в пределах национального языка, куда входят подсистемы языка, коды или наборы кодов» (ЕРОФЕЕВА 1995). Такими кодами, согласно Ерофеевой, владеют субъекты, принадлежащие к одной и той же группе социума. Оба автора, и Ерофеева, и Польская рассматривают социолект одновременно и как систему кодов, и как подсистему языка.

Более узкое определение этого понятия дают В. И. Беликов и Л. П. Крысин. Под социолектом понимают

совокупность языковых особенностей, присущих какой-либо социальной группе — профессиональной, сословной, возрастной и

т. п. — в пределах той или иной подсистемы национального языка (Беликов 2001: 33-34).

В качестве примера авторы используют солдатский, школьный, уголовный жаргоны, аргос хиппи, наркоторговцев, студенческий сленг. По их мнению, термин социолект необходим для наименования несхожих друг с другом языковых образований, общей чертой которых является их способность к обслуживанию коммуникативных запросов социально ограниченных групп людей. В. И. Беликов и Л. П. Крысин считают, что у социолектов нет собственной коммуникативной системы, поэтому следует говорить лишь о некоторых особенностях речи. Их словарные и грамматические пласты практически не отличаются от тех, которые присутствуют в том или ином национальном языке (*ibid.*: 47-48).

В рамках социолекта как общего наименования для разнообразных языковых образований, основанных на социальном обособлении людей, выделяется профессиональный социолект. Социологи выделяют глобальные и парциальные социальные группы. Первые обслуживают все виды жизнедеятельности, осуществляемые родом, племенем, народом, нацией и человечеством как социальной общностью. К парциальным относятся те группы, в которых осуществляется не более двух социальных процессов. В первую очередь это — профессиональные группы; сообщества людей по культурным интересам; объединения лиц по мировоззренческой ориентации и взглядам; совокупность лиц, группирующихся по месту проживания; группы людей, включенных в одно сообщество по признаку социальной обособленности от общества (МАРКОВИЧ 1998).

Профессиональные группы объединяют сообщества людей, которые занимаются специализированной институционализированной деятельностью, выполняемой в течение длительного времени, и реализуют один вид общественно-полезной деятельности, вследствие чего они имеют одинаковый трудовой опыт и навыки, обладают общим профессиональным языком. Профессиональная группа может быть определена как парциальная социальная группа, так как она вовлечена в два основных социальных процесса: занимаясь специфической деятельностью, она использует подсистему языка, обслуживающую соответствующую сферу

общественной деятельности.

Профессиональный социолект можно определить как подкод, набор языковых средств, применяемый в профессиональной сфере деятельности, причем эта подсистема языка детерминирована такими социальными факторами как страт (социальная парциальная группа, социальный статус членов группы), социальная ситуация (производственная сфера), ситуативные переменные (социальная роль, социальные отношения коммуникантов).

Исследование профессионального социолекта по характеру его детерминированности стратами показывает, что социальную базу этой подсистемы языка составляют люди, объединенные принадлежностью к одной профессии в течение длительного времени, вследствие чего у них формируется особый подъязык, отражающий специфику их производственной деятельности. Проблемы социально-профессиональной дифференциации языка не получили еще достаточно полного освещения в лингвистической литературе; нельзя не согласиться с исследователями в том, что «при изучении профессиональной речи пока возникает больше вопросов, чем находится на них ответов» (КРАСНОВА & МАРЧЕНКО 1981: 324-344).

Профессиональная речь изучается не только в социолингвистической, но и в функционально-стилистической плоскости, т. е. она рассматривается также как категория функциональной стилистики. Устанавливается, какое место она занимает в функционально-стилистической системе языка и как соотносится с нормой литературного языка. Профессиональная речь, по мнению Н. К. Гарбовского, это —

вариант речи, за которым стоит лингвистически, психологически и социально обусловленный выбор языковых средств, куда входят и профессионализмы, и термины, и слова, не имеющие особой стилистической окраски (ГАРБОВСКИЙ 1988: 30).

Кроме описания стилистического состава профессиональной речи, автор обращает внимание на описание предмета и формы профессиональной речи. Во-первых, профессиональная речь определяется предметом речи (т. е. по сути, тем, чем занимаются представители определенной профессии). Во-вторых, профессио-

нальная речь — это прежде всего устная форма речи, хотя она может быть и письменной. Она может протекать в официальной и неофициальной обстановке и будет профессиональной, только если главная задача общения — обеспечение профессиональной деятельности (ibid.). М. Н. Кожина, анализируя устное общение в профессиональной сфере, делает вывод о том, что этому общению свойствен ряд особенностей, которые присущи разговорной речи (КОЖИНА 1993: 91). Профессиональный социолект как социолингвистический феномен имеет точки пересечения с профессиональной речью, изучаемой с функционально-стилистических позиций. Общее состоит в неоднородности языкового материала.

Объектом исследования является профессиональный социолект как разновидность языка, детерминированная социальными факторами; *предметом* служит профессиональный социолект, употребляемый американскими полицейскими в области борьбы с наркоторговлей (ПСПБН).

Цель предпринятого исследования состоит в социолингвистическом и собственно лингвистическом описании лексико-семантического состава и структуры ПСПБН.

Цель предопределяет решение следующих *задач*: выявить лексико-тематические группы, соотносимые с характером профессиональной деятельности, предпочтительные деривационные модели, специфические функции в рамках общих функций языка, а также место изучаемого социолекта в функционально-стилистической системе языка.

2. Методы исследования

Методы и приемы анализа, использованные в исследовании, определяются его целью и задачами. В арсенале социолингвистического исследования для сбора аутентичного языкового материала применяются разнообразные методы: метод включенного наблюдения, т. е. внедрение в языковой коллектив с намерением фиксации речевого материала, опросы носителей исследуемого профессионального социолекта, методы анкетирования и интервью и т. д. В качестве *материала исследования* в настоящей работе был использован американский сериал «The Wire», события которого максимально приближены к естественным условиям. Выбор сериала в качестве исследовательского материала обусловлен

двумя причинами: во-первых, один из сценаристов сериала работал в полиции и принимал участие в длительных расследованиях дел о наркотиках и наркоторговле, каковой факт обеспечивает аутентичность используемого речевого материала; во-вторых, объем сериала, включающий большое количество серий (5 сезонов по 10-13 серий в каждом), позволяет собрать достаточную репрезентативную эмпирическую базу (KELLY 2009; ROALD 2013).

Кинодискурс, отображая реальную действительность, максимально близко к ней приближаясь, способен передавать огромное количество информации за относительно небольшой промежуток времени, т. е. является информационно насыщенным дискурсом, что позволяет рассматривать его как источник получения данных о функционировании языка в естественных (или условно естественных) условиях. В кинодискурсе вербальная составляющая взаимодействует с невербальной, поэтому он определяется как

связный текст, являющийся вербальным компонентом кинофильма, в совокупности с невербальными компонентами — аудиовизуальным рядом этого фильма и другими значимыми для смысловой завершенности фильма экстралингвистическими факторами, т. е. креолизованное образование, обладающее свойствами связности, целостности, коммуникативно-прагматической направленности, информативности, медийности (ЗАРЕЦКАЯ 2010).

Что касается методов обработки полученного материала, то они включают как традиционные лингвистические, так и собственно социолингвистические методы, а именно: методы количественного и качественного анализа, такие как методы семантического, словообразовательного, стилистического, функционального, коммуникативного и социолингвистического (соотнесение языковых единиц с ситуативно-стратификационными и социально-дифференциальными факторами) анализа.

3. Описание и обсуждение результатов исследования

Ниже описываются результаты анализа речевого материала, образующего ПСПБН по четырем параметрам: по предметно-содержательному; по характеру словообразовательных средств, используемых в номинации; по специфике выполняемых функций; по месту в функционально-стилистической системе языка.

3.1. Лексическо-тематические группы профессионального социолекта американских полицейских

В ходе анализа фактического материала были выделены социолектизмы, которые были подразделены на следующие десять лексико-тематических групп. По количественному составу они различаются следующим образом: 1) расследование преступлений (22%); 2) обвинения, аресты, судебные разбирательства (15%); 3) структура организации (13%); 4) отделы, подразделения, группы (12%); 5) наркотики: употребление и распространение (10%); 6) оружие (8%); 7) коды, условные сигналы (7%); 8) специальные операции (6%); 9) члены преступных группировок (4%); 10) полиция (3%).

3.1.1. Расследование преступлений

Эта группа включает наибольшее количество социолектизмов, которые можно подразделить на такие подгруппы как сбор улик, наблюдение за подозреваемыми, отчеты и документы по делу, работа с информаторами и допрос подозреваемых, экспертизы, убийства и причинение телесных повреждений. Самый длинный синонимический ряд принадлежит понятию «прослушивающее устройство»: tap, wire, wiretap, bug, telltale, что указывает на то, что именно этот метод является ключевым при поимке преступников. Для успешного ареста преступников полицейские должны собрать все необходимые улики и доказательства, чтобы предоставить их суду. В связи с этим активно используется существительное file, в значении ‘дело, досье’, при этом это может быть file, open file, H-file, homicide file или murder file.

James McNulty: You run him for a sheet? (1 сезон, 2 серия)

To run somebody for a sheet ‘проверять, прогонять по базе данных’.

James McNulty: You might want to run tag and title on these two trucks (1 сезон, 2 серия).

To run tag and title ‘проверять номера автомобиля по базе данных’.

Shakima “Kim” Gregg: To start with, we have nine or ten open homicide file to work back through for leads (1 сезон, 2 серия).

Lead ‘полезные данные по делу’.

Для успешного раскрытия требуются улики, поэтому полицейские проводят много времени, собирая необходимую информацию в базах данных, и проверяя, насколько достоверны эти данные. Таким образом, появляются такие устойчивые выражения как *to run somebody for a sheet* и *to run tag and title*. В первом случае речь идет о сборе данных о конкретном человеке, а во втором — о проверке автомобильных номеров. Для сведений, которые выглядят достоверно и которые следует тщательно изучить, используется существительное *lead* (метафорический перенос).

Shakima “Kim” Gregg: I don’t know. I think I got that from a DEA file. Or from a *CI* who claimed to know him way back when (1 сезон, 3 серия).

CI (Confidential Informant) ‘информатор’.

Cedric Daniels: You’re along for this *interview*, but it’s Homicide’s play, so let him lead (1 сезон, 2 серия).

Interview ‘допрос подозреваемого’.

Ellis Carver: *Field interviews*, sir, police work (1 сезон, 2 серия).

Field interview ‘опрос на месте происшествия’.

Lester Freamon: You know, *interrogation* is more art than science (1 сезон, 8 серия).

Interrogation ‘допрос подозреваемого’.

Часто успех полицейского расследования зависит от качества работы с информатором, которого обычно называют *CI* (акроним от Confidential Informant). Еще один аспект полицейской работы — допрос подозреваемых. Допрос, проводимый официально в полицейском участке называется *interview* и *interrogation* (в обоих словах используется приставка *inter-* ‘between’). В обоих случаях происходит процесс сужения исходного значения слова. Допрос, проводимый на месте преступления носит название *field interview*.

William A. “Bill” Rauls: Scroggins? I don’t have an *H-file* on Scroggins (1 сезон, 1 серия).

H-file (Homicide file) ‘дело об убийстве’.

Cedric Daniels: What can I tell you, they got 10 *open murder files* (1 сезон, 2 серия).

Open murder file ‘открытое дело об убийстве’ (то есть то дело, которое расследуется в данный момент).

Cedric Daniels: Primary investigators are Greggs from my unit and McNulty from Homicide. They *keep the file* (1 сезон, 2 серия).

To keep the file ‘вести дело, расследование’.

Shakima “Kim” Gregg: To start with, we have nine or ten *open homicide files* to work back through for leads (1 сезон, 2 серия).

Open homicide file ‘открытое дело об убийстве’.

Так как цель работы полицейских заключается в поиске и аресте преступника, то им надо иметь законные основания для проведения расследования. Анализ фактического материала показал частотность употребления существительного *file* в значении ‘досье, дело’ в бумажном виде. При этом в большинстве случаев *file* употребляется в словосочетаниях: *murder file*, *h-file* (сокращение от *homicide file*), *to keep the file*. Несколько реже используется существительное *sheet*, которое может означать ‘отчет по делу’ как в письменном виде, так и в электронном.

Cedric Daniels: I’m working drugs in West Baltimore, I need a black guy for *surveillance* (1 сезон, 2 серия).

Surveillance ‘тайное полицейское наблюдение’.

Ervin H. Burrell: I want you to rethink whatever tactic led you to send three *plainclothes officers* to do field interviews at the high-rises at 2:00 in the morning (1 сезон, 3 серия).

Plainclothes officer ‘переодетый полицейский’.

Ervin H. Burrell: And to compensate, South-eastern is sending you two new *unmarked units*, and a *surveillance van* (1 сезон, 3 серия).

Unmarked unit ‘полицейская машина без опознавательных знаков’, *surveillance van* ‘машина наблюдения’.

Lester Freamon: We should’ve had a *tap* on the project pay phones by now. A *wire* there will get us the drugs (1 сезон, 5 серия).

Tap, wire ‘устройство для прослушивания телефонных разговоров’, «прослушка».

Lester Freamon: That’s a *telltale* right there (1 сезон, 10 серия).

Telltale ‘прослушивающее устройство’.

Cedric Daniels: Well, the case is progressing. We’re starting to glean some possible shooters from the *wiretap* (1 сезон, 11 серия).

Wiretap ‘оборудование для прослушки телефонных аппаратов’.

Cedric Daniels: Why not stay up on the *bug* we've got in his office? (1 сезон, 12 серия).

Bug ‘прослушивающее устройство’, «жучок».

Уже в самом названии сериала «The Wire» говорится о том, каким образом полицейские собирают сведения и улики для предъявления обвинений наркоторговцам. Одним из основных методов является слежка, то есть *surveillance* (сужение исходного значения слова). Для подобного задания требуются переодетые полицейские — *plainclothes officers*, полицейские машины без опознавательных знаков — *unmarked units* и специальная машина для наблюдения — *surveillance van*. Если непосредственного наблюдения недостаточно, то полицейские устанавливают специальные прослушивающие устройства на телефонах, которым пользуются наркоторговцы. Социолектизмы данной подгруппы очень разнообразны: *tap* (метафорический перенос), *wire* (метафорический перенос), *wiretap* (N + N > N), *bug* (метафорический перенос), *telltale* (V + N > N). Этот синонимический ряд указывает на то, что полицейские часто прибегают к такому способу слежки за подозреваемыми, и считают его эффективным.

William “The Bunk” Moreland: We don't have the guns no *prints* from the scene, no witnesses (1 сезон, 13 серия).

Prints (fingerprints) ‘отпечатки пальцев’.

Lester Freamon: *Print hit*. Wynton “Little Man” Rice, enforcer in the two-two-one, a definite connect to Barksdale's world (1 сезон, 11 серия).

Print hit ‘совпадение по базе отпечатков пальцев’.

Jay Landsman: Hey, Bunk. We got no good *latents* on the passenger side door (1 сезон, 11 серия).

Latent (latent prints) — термин, используемый полицейскими для обозначения определенного вида отпечатков пальцев.

William “The Bunk” Moreland: What about the *post*? (1 сезон, 11 серия).

Post (Post-mortem) ‘судебно-медицинское вскрытие трупа’ (в данном контексте первый говорящий спрашивает, каковы результаты вскрытия, то есть причина смерти объекта).

В своей работе полицейским приходится проводить дополнительные экспертизы. Пристальное внимание уделяется отпечаткам пальцев. В своей речи полицейские часто используют существительное *print*, являющееся сокращением от *fingerprint*. Используется также словосочетание *print hit* ‘совпадение по базе отпечатков пальцев’ и существительное *latent* (сокращение от *latent prints*), т. е. ‘определенный вид отпечатков пальцев’. Если происходит убийство, то полицейские используют существительное *post* (сокращение от *post-mortem*), означающее ‘судебно-медицинское вскрытие трупа’.

J a m e s M c N u l t y : *Decomp* in a vacant apartment. Maybe it comes back a natural death (1 сезон, 1 серия).

Decomp (decomposing body) ‘разлагающийся труп’.

J a y L a n d s m a n : Last year, he gives me eight clearances. One of them was a *decomp floater* who was *John Doe* for three weeks (1 сезон, 4 серия).

John Doe ‘неизвестный покойник мужского пола’.

R a y C o l e : Cause and manner of death on Mr. Blocker is homicide, to wit, close-range *GSW*'s to the shoulder, chest and left arm. Nine millimeter, suitable for comparison (1 сезон, 11 серия).

GSW (gun shot wound) ‘огнестрельное ранение’.

Полицейские из отдела убийств часто имеют дело с неопознанными трупами, если это покойник мужского пола, то его принято называть John Doe (John- + N > John-N). Труп, который уже начал разлагаться, называют *decomp* (сокращенный вариант от *decomposing body*). Также полицейские используют специальную аббревиатуру *GSW* (акроним *gun shot wound*), когда говорят об огнестрельном ранении.

3.1.2. Специальные операции

Помимо сбора улик и наблюдения за подозреваемыми полицейские принимают участие в специальных операциях, обычно организованных комиссаром или его заместителем.

E r v i n H . B u r r e l l : *Buy-bust*, Lieutenant. It's what I asked you for months ago. It's what we do successfully time and again to make these cases (1 сезон, 10 серия).

Buy-bust ‘полицейская операция, в ходе которой полицей-

ский под прикрытием покупает у дилера наркотические вещества и сразу арестовывает наркоторговца’.

Ellis Carver: They already know that he got jacked on a *reverse buy*, right? Why wouldn't they assume he's snitching? (1 сезон, 10 серия).

Reverse buy ‘операция, когда полицейский под прикрытием продает наркотики’.

Tracy Wiggins: I'm doing a *reverse buy-down* in Arundel, right? (1 сезон, 10 серия).

Reverse buy-down ‘специальная операция, когда полицейский под прикрытием продает наркотики’.

Ervin H. Burrell: You know, I asked for the controlled buy. I put one of our people in harm's way. So, right now I want to make sure that we are doing everything (1 сезон, 11 серия).

Controlled buy ‘контрольная закупка’, то есть операция, в ходе которой офицеру полиции выдается определенная сумма денег, на которую он покупает наркотики у дилера, после этого дилеру предъявляются обвинения в распространении запрещенных веществ.

Один из видов специальных полицейских операций — задержание наркоторговцев в момент продажи наркотического вещества. В связи с этим можно выделить следующий ряд социолектизмов, образованных с существительным buy: buy-bust ($N + N > N$), reverse buy-down ($N + Adv > N$), reverse buy (сокращается последняя часть выражения reverse buy-bust или reverse buy-down), controlled buy. Первые три социолектизма используются в тех случаях, когда полицейский под прикрытием покупает у дилера наркотические вещества и сразу арестовывает наркоторговца. Controlled buy — операция по аресту наркоторговцев при продаже наркотиков, но более масштабная.

Ervin H. Burrell: The commissioner wants *raids* citywide. Every door we can take. Any addresses we can write on, anything connected to a narcotics case (1 сезон, 11 серия).

Raid ‘полицейский рейд’.

Cedric Daniels: He wants us to put everything into *search-and-seizures* and hit the projects Wednesday afternoon (1 сезон, 3 серия).

Search-and-seizure ‘обыск и выемка’.

Cedric Daniels: The departmental response is to *take doors* tomorrow morning Citywide (1 сезон, 11 серия).

Take doors ‘проверять адреса, связанные с именами тех, кто подозревается в хранении и распространении наркотиков’.

Помимо закупок наркотиков, производятся и другие операции, которые обычно называются полицейскими рейдами (raids) (сужение исходного значения). При этом полицейские либо проверяют адреса, связанные с именами тех, кто подозревается в хранении и распространении наркотиков (to take doors), либо устраивают обыски и выемки в конкретных местах (search-and-seizure) (N + Prep + N > N).

3.1.3. Коды, условные сигналы

В работе полицейских очень важна скорость реакции, чему способствуют специальные десятичные числовые коды и условные сигналы, которые позволяют мгновенно обмениваться информацией о месте нахождения преступника, о чрезвычайных ситуациях, запрашивать дополнительную помощь и т. д.

Shakima “Kima” Gregg: 12-14. Requesting anyone in my unit who’s up to report to Channel 13 (1 сезон, 4 серия).

12-14 — полицейский код (Relay Following to Station) «Передайте следующее сообщение на полицейскую станцию».

Cedric Daniels: And Kima will be throwing us 20s whenever she can (1 сезон, 10 серия).

20 (10-20) — полицейский код, обозначающий: «Мое местонахождение...».

Офицер полиции № 1: Any unit on scene? Do you have a description of the suspect?

Офицер полиции № 2: That’s a 10-47 (1 сезон, 10 серия).

10-47 — полицейский код в Балтиморе, обозначающий отрицательный ответ.

Офицер полиции: *Signal 13*. Warwick near Longwood, officer down (1 сезон, 10 серия).

Signal 13 — полицейский сигнал, означающий, что офицеру полиции срочно требуется помощь.

Передавая сообщения по радио, полицейские используют разнообразные числовые коды, зашифрованный смысл которых должен быть понятен всем полицейским данного региона. Десятичные коды уже являются сокращениями: 12-14 «Передайте следующее сообщение на полицейскую станцию», 10-47 полицейский код в Балтиморе, обозначающий отрицательный ответ на определенный запрос, signal 13 «Офицеру полиции срочно требуется помощь». Однако в обиходном общении числовые коды могут сокращаться дальше: 20 — сокращение от 10-20, что является полицейским кодом, обозначающим: «Мое местонахождение...».

Leander Sydnor: He's getting into a black Ford Excursion.

Cedric Daniels: *Copy that* (1 сезон, 9 серия).

Copy that 'понял, принято'.

Офицер полиции: Signal 13. Warwick near Longwood, *officer down* (1 сезон, 10 серия).

Officer down «Полицейский ранен».

Офицер полиции: We got an officer down, she's a *number one*, female undercover (1 сезон, 10 серия).

Number one 'полицейский термин, обозначающий человека с темным цветом кожи'.

Помимо десятичных кодов полицейские используют специальные условные сигналы. Одним из наиболее часто используемых сигналов является *copy that* или сокращенно *copy*, что означает «Понял, принято». Существуют также определенные сигналы, оповещающие других полицейских о том, что полицейский ранен, и дающие описание пострадавшего: *officer down* «Полицейский ранен», *number one* 'человек с темным цветом кожи' (этот пример можно рассматривать как эвфемизм).

3.1.4. Наркотики: употребление и распространение

Сюжет первого сезона телесериала построен вокруг поиска улики для ареста наркоторговцев, поэтому социолектизмы из этой группы достаточно разнообразны. Чаще всего используются существительные *drugs* и *dope*. При этом *drugs* чаще употребляется в словосочетаниях: *to work drugs*, *to run drugs*, *drug trade*. Для обозначения порции наркотиков используется слово *package*,

либо сокращенную форму *rack*. Социолектизмы, которые полицейские используют при общении с наркоторговцами, в большинстве случаев связаны употреблением (*to use, to snort, to get high*) и распространением наркотических веществ (*to sling, to run drugs*). Следует также отметить, что полицейские используют только два социолектизма для обозначения разных видов наркотиков: *dope* (марихуана) и *coke* (кокаин).

Ellis Carver: He means that we are an effective deterrent on the war on *drugs* when we are on the street (1 сезон, 1 серия).

Cedric Daniels: I'm *working drugs* in West Baltimore, I need a black guy for surveillance (1 сезон, 2 серия).

To work drugs 'расследовать преступления, связанные с распространением наркотиков'.

Shakima "Kima" Greggs: Address is in the same public housing where he controls the *drug trade* (1 сезон, 3 серия).

Drug trade 'торговля наркотиками'.

Shakima "Kima" Greggs: The crew that runs Orlando's they've dropped about a dozen bodies over the last year. And they're *running the drugs* in every housing project west of the Martin Luther King (1 сезон, 9 серия).

To run the drugs 'распространять наркотики'.

Слово *drug* (деградация исходного значения) используется полицейскими часто в разнообразных ситуациях: общение между полицейскими, допрос подозреваемых, работа с информаторами, сотрудничество с ФБР. В целом слово обладает нейтральной оценкой.

James McNulty: Barksdale has five out of seven towers in the Terrace. That's 10 stairwells in five high-rises, going 24/7 for *dope* and *coke* (1 сезон, 1 серия).

James McNulty: You're never gonna get Avon or Stringer in the same room as the *dope* (1 сезон, 10 серия).

Ervin H. Burrell: ...The commissioner wants raids citywide. Every door we can take. Any addresses we can write on, anything connected to a narcotics case. CID, Tactical, the DEU'S and tomorrow, on the 6:00 news, we put a lot of fucking *dope* on the table. A lot of it! (1 сезон, 11 серия).

Dope 'наркотики'. Coke 'кокаин'.

Если слово *drug* не содержит негативной оценки, то *dope* используется в тех случаях, когда полицейские хотят показать свое неодобрение. При этом *dope* может означать как любой наркотик в принципе, так и конкретно марихуану. Еще один социолектизм с негативной окраской, использующийся полицейскими в разговорах про наркотики, это — *soke*, являющееся сокращением от *cocaine*.

Shakima “Kima” Greggs: *Four packs. Street-ready* (1 сезон, 7 серия).

Pack (package) ‘упаковка с наркотиками’. *Street-ready* ‘товар, готовый к продаже’.

Shakima “Kima” Greggs: *Stinkum will have a runner with him. The runner’s gonna be holding the package* (1 сезон, 7 серия).

Package ‘упаковка с наркотиками’.

При описании партий наркотиков полицейский использует социолектизм *package* (или сокращение *pack*), который не дает конкретного описания ни размера, ни названия наркотика. Наркотики, расфасованные и готовые к продаже, описываются прилагательным *street-ready*, образованным по модели $N + Adj > Adj$.

James McNulty: *What, Bird gets high?* (1 сезон, 7 серия).

To get high ‘быть под действием наркотиков, принимать наркотики’.

Ellis Carver: *West fucking Baltimore is on vacation. No crews slinging in the low-rises, the towers* (1 сезон, 9 серия).

To sling ‘продавать наркотики’.

Cedric Daniels: *How much were you using? I’m asking if you’re gonna be sick in my car.*

Wallace: *A cap now and then.*

Cedric Daniels: *You just snorting? You’ll be all right in a day or two. Come on* (1 сезон, 10 серия).

To use ‘употреблять наркотики’. *To snort* ‘вдыхать наркотик’.

Социолектизмы, связанные с употреблением и распространением наркотиков, используются полицейскими только при работе с информаторами, чтобы наладить с ними контакт. Определение глагола *to sling* как ‘to sell narcotics; deal’ можно найти

только в словарях сленга; изначально данный глагол использовался в значении ‘suspend or arrange (something)’ и был образован по модели N > V. Глагол to snort тоже сначала имел значение, не связанное с употреблением наркотиков: ‘to breathe through the nose with a harsh sound’, однако в настоящее время этот глагол используется также и для описания процесса употребления наркотика, когда он вдыхается через нос.

3.1.5. Члены преступных группировок

Несмотря на то, что в первом сезоне телесериала полицейское расследование строится вокруг расследования дел, связанных с распространением наркотиков, у полицейских было мало информации о взаимоотношениях внутри банды. Поэтому в основном полицейские используют существительное drug dealer для обозначения любого торговца наркотиками независимо от того, какое положение он занимает в банде.

Shakima “Kima” Grepps: Herc, Carver, Sydnor, and me, we’ll be targeting *street dealers* and rolling them back up at Barksdale’s people (1 сезон, 2 серия).

Street dealer ‘торговец наркотиками’.

James McNulty: Every other *drug dealer* has a cell phone, and these guys are all on pagers (1 сезон, 3 серия).

Drug dealer ‘торговец наркотиками’.

Cedric Daniels: I want their *lookouts* to have as little chance as possible (1 сезон 3 серия).

Lookout ‘член преступной группировки, в чьи обязанности входит наблюдение за периметром, чтобы в случае появления полиции сообщить об этом главному’.

Lester Freamon: Print hit. Wynton «Little Man» Rice, *enforcer* in the two-two-one, a definite connect to Barksdale’s world (1 сезон, 11 серия).

Enforcer ‘член банды, обязанностью которого является принуждение к выполнению ее требований или приведение в исполнение ее приговоров’.

Полицейские, не разбираясь во всех тонкостях взаимоотношений внутри банды, предпочитают использовать выражение drug dealer или street dealer для обозначения любого торговца

наркотиками. Отдельные наименования получают следующие члены наркокартеля: lookout (V + Adv > N) ‘член преступной группировки, в чьи обязанности входит наблюдение за периметром, чтобы в случае появления полиции сообщить об этом главному’, и enforcer (V + -er > N) ‘член банды, обязанностью которого является принуждение к выполнению ее требований или приведение в исполнение ее приговоров’.

3.1.6. Оружие

В ходе расследования полицейским порой приходится прибегать к использованию огнестрельного оружия, что тоже откладывает отпечаток на их речь. При этом полицейские уделяют внимание не только названием оружия: sawed-off, Glock, .44, но также и его составным частям: clip, chamber, casing.

Ellis Carver: He took the *clip* out, boss.

Shakima “Kim” Greys: But not the one in the *chamber*.

Roland “Prez” Przybylewski: No, I forgot the one in the *chamber* (1 сезон, 2 серия).

Clip ‘обойма’. Chamber ‘патронник’.

Shakima “Kim” Greys: I know you want to go to wherever it is you lay your head and pick up that *sawed-off* you like so much, and go on the hunt (1 сезон, 6 серия).

Sawed-off ‘винтовка с отпиленным концом ствола’.

Ed Norris: The set-up was more than him. Casings are and her *Glock* was full up (1 сезон, 11 серия).

Glock ‘пистолет фирмы «Glock»’.

James McNulty: And I guess No-Heart figures he’s not up for doing the time ‘cause he puts a *.44* against his chest, pulls the trigger (1 сезон, 4 серия).

.44 (.44 Remington Magnum) ‘револьвер для патрона .44 S&W Special’.

Ray Cole: Cause and manner of death on Mr. Blocker is homicide, to wit, close-range GSW’S to the shoulder, chest and left arm. *Nine millimeter*, suitable for comparison (1 сезон, 11 серия).

Ed Norris: We pulled something different from the back seat of the car, right?

William “The Bunk” Moreland: Yeah, *.380, semi-jacketed*.

Casings were different, too. So, we confirmed the two shooters (1 сезон 11 серия).

Nine millimeter (9 mm caliber) ‘пистолет калибра 9 мм’.

.380 (.380 ACP semi-automatic pistol) ‘пистолет под патроны .380’.

Semi-jacked ‘экспансивная оболочечная пуля’.

Casing (shell casing) ‘гильза’.

Особое внимание полицейские обращают на устройство оружия, что подтверждается наличием следующего ряда социолектизмов: *clip* ‘обойма’ (метафорический перенос), *chamber* ‘патронник’ (метафорический перенос), *semi-jacked* (V + -ed > Aed) ‘экспансивная оболочечная пуля’, *casing* ‘гильза’ (сокращение от *shell casing*). Когда полицейские описывают оружие подозреваемых, то используют следующие выражения: *sawed-off* (V + Adv > N) ‘винтовка с отпиленным концом ствола’, *.44* (.44 Remington Magnum) ‘револьвер для патрона .44, S&W Special’, *nine millimeter* (9 mm caliber) ‘пистолет калибра 9 мм’, *.380* (.380 ACP semi-automatic pistol) ‘пистолет под патроны .380’. В то же время оружием полицейских является Glock ‘пистолет фирмы «Glock»’ (имя собственное становится именем нарицательным).

3.1.7. Обвинения, аресты, судебные разбирательства

Главная цель работы полицейских — собрать достаточное количество улик, чтобы предъявить преступникам соответствующие обвинения. Поэтому полицейские часто используют социолектизмы, связанные предъявлением обвинений, арестами и судебными разбирательствами. Свою работу полицейские начинают с поиска криминальной истории, что приводит к использованию синонимичных социолектизмов *record* и *prior*. Немаловажен момент предъявления обвинений. Поскольку обвинения предъявляются по различным основаниям, то возникают такие социолектизмы как *possession charge* и *street-weight charge*. Следует отметить большое разнообразие социолектизмов, используемых полицейскими, при описании различных ордеров: *felony warrant*, *arrest warrant*, *warrants for blood and hair*, *search warrant*, *flight warrant*, *pick-up*. Это говорит о том, что для успешной работы полицейскому необходимо хорошо разбираться в судебной системе. Поли-

цейские используют также специфические социолектизмы, связанные с финальным актом расследования — арестом: collar, to get jacked, to get popped, to wear bracelets.

William “The Bunk” Moreland: A stickup artist with a half-dozen priors. That’s your eyeball witness? (1 сезон, 7 серия).

Prior (prior felony convictions) ‘криминальная история, история судимостей’.

James McNulty: You run him for a sheet?

William “The Bunk” Moreland: Yeah, a couple of *disorderlies* is all (1 сезон, 2 серия),

Disorderly (disorderly conduct) ‘привод в полицию за нарушение общественного порядка’.

Shakima “Kima” Greggs: She doesn’t have a record, for one thing (1 сезон, 8 серия).

Record (police record) ‘история судимостей’.

James McNulty: Barksdale’s never been arrested as an adult so we don’t really have a B of I photo. He had his *juvenile record* expunged, so there’s no photo there either (1 сезон, 3 серия).

Juvenile record ‘отчет о преступлении совершенном несовершеннолетним’.

James McNulty: I don’t dirty people because I don’t care about a *possession charge* (1 сезон, 2 серия),

Possession charge ‘обвинение в хранении наркотиков’.

Shakima “Kima” Greggs: I spent the morning down in juvenile court but the kids know they can’t be hurt with a *street-weight charge* so didn’t get much there (1 сезон, 4 серия).

Street-weight charge ‘обвинение в распространении наркотических веществ’.

Один из первых шагов в полицейском расследовании — поиск доступной информации о криминальной истории подозреваемых. Здесь обнаруживаются два социолектизма: prior (сокращение от prior conviction) и record, которые переводятся как ‘криминальная история, история судимостей’. При этом существительное record может использоваться в словосочетаниях, например, juvenile record ‘отчет о преступлении, совершенном

несовершеннолетним'. Полицейские используют также такое сокращение как *disorderly* или *disorderly conduct*, что означает 'привод в полицию за нарушение общественного порядка'. Если полицейские собрали достаточно улик, то они предъявляют преступнику соответствующее обвинение: *possession charge* 'обвинение в хранении наркотиков', *street-weight charge* 'обвинение в распространении наркотических веществ'.

Cedric Daniels: No, there was *PC* for the search (1 сезон, 12 серия).

PC (*probable cause*) 'достаточные основания для выдачи ордера на арест или обыск'.

Ervin H. Burrell: A couple of *felony warrants*, a little dope on the table. That's all we need here (1 сезон, 2 серия).

Felony warrant 'ордер на арест за тяжкое преступление'.

Jay Landsman: He wants *arrest warrants* for Diedre Kresson and the two project murders that match up to that gun (1 сезон, 6 серия).

Arrest warrant 'ордер на арест'.

Cedric Daniels: The *murder warrant's* on hold (1 сезон, 6 серия).

Murder warrant 'ордер на арест по подозрению в убийстве'.

William "The Bunk" Moreland: Yeah, that's what we we're hearing too. We got *pick-ups* on these motherfuckers and miles of NCIC. *Warrants for blood and hair*, too (1 сезон, 11 серия).

Pick-up 'ордер на арест'. *Warrants for blood and hair* 'ордера на забор анализа крови и волос'.

Офицер полиции: *Search warrant*, get on the ground (1 сезон, 11 серия).

Search warrant 'ордер на обыск'.

Cedric Daniels: We're working a *flight warrant* today (1 сезон, 13 серия).

Flight warrant 'ордер на арест человека, нарушившего правила заключения, дословного освобождения, выпуска под залог'.

Для того, чтобы совершить арест, полицейским требуется специальный ордер на арест, который судья подписывает только в том случае, если для этого имеются основания. В своей речи полицейские часто используют акроним *PC* или *probable cause*

‘достаточные основания для выдачи ордера на арест или обыск’. Существует большое количество ордеров, которые выдаются с учетом разных оснований и для различных целей: *felony warrant* ‘ордер на арест за тяжкое преступление’, *arrest warrant* ‘ордер на арест’, *murder warrant* ‘ордера на арест по подозрению в убийстве’, *warrants for blood and hair* ‘ордера на забор анализа крови и волос’, *search warrant* ‘ордер на обыск’, *flight warrant* ‘ордер на арест человека, нарушившего правила заключения или досрочного освобождения’. Иногда используется социолектизм *pick-up* ‘любой ордер на арест’, образованный по модели $V + Adv > N$.

Shakima “Kim” Grepps: You want the *collar*, do the *submissions* (1 сезон, 1 серия).

Collar ‘арест’.

Ellis Carver: They already know that he *got jacked* on a reverse buy, right? Why wouldn’t they assume he’s snitching?

Orlando Blocker: I need money for a lawyer, right? That’s the story.

Cedric Daniels: He *got popped* and now he needs to get right back into it to pay the bondsman and the lawyer (1 сезон, 10 серия).

To get *jacked*, to get *popped* ‘быть арестованным’.

Leander Sydnor: Barksdale’s *wearing bracelets* (1 сезон, 12 серия).

To wear *bracelets* ‘быть арестованным’.

Заключительный этап полицейского расследования — арест преступника. Для обозначения ареста существуют такие социолектизмы как *collar* (метафорический перенос) ‘арест’, *to get jacked*, *to get popped*, *to wear bracelets* (*bracelets* ‘наручники’) ‘быть арестованным’.

3.1.8. Структура организации

Наличие строгой иерархии в полицейской среде приводит к образованию большого количества социолектизмов, связанных с описанием званий и должностей. На самой нижней ступени находятся *police officer* ‘офицер полиции’, который обычно занимает должности *patrolman* ‘патрульный’ или *police detective* ‘детектив’, а на самой верхней — *colonel* ‘полковник’, занимающий должность *Deputy Commissioners of Operations* ‘заместитель комиссара

полицейской», и commissioner ‘комиссар’.

C e d r i c D a n i e l s : Homicide *major* was in the same meeting (1 сезон, 1 серия).

Major ‘майор’.

C e d r i c D a n i e l s : *Detectives* McNulty and Santangelo are going to the hall to review old murder files, and try to manufacture a fresh prosecution (1 сезон, 1 серия).

Detective (police detective) ‘детектив’.

J a m e s M c N u l t y : Major got busted by the *Deputy Ops* and I gotta have a report by morning (1 сезон, 1 серия).

Deputy Ops (Deputy Commissioners of Operations) ‘заместитель комиссара полиции’.

C e d r i c D a n i e l s : As things heat up, I’ll go to the *deputy* and get us more manpower but this case is not going to sprawl (1 сезон, 1 серия).

Deputy (Deputy Commissioners of Operations) ‘заместитель комиссара полиции’.

R o l a n d “P r e z” P r y z b y l e w s k i : Not exactly. Lt. Cantrell sent me to Casualty Section a couple months back. And I asked out of Casualty (1 сезон, 2 серия).

Lt. (Lieutenant) ‘лейтенант’.

T h o m a s “H e r c” H a u k : Can’t let the *duty officer* see that (1 сезон, 5 серия).

Duty officer ‘дежурный офицер’.

J a m e s M c N u l t y : I don’t see a circuit court judge being able to argue the city homicide *commander* out of three murders even if the cases are all weak sisters (1 сезон, 6 серия).

Commander ‘командир, начальник’.

J a m e s M c N u l t y : Did you tell your major about the senator’s driver? Or the *Colonel*? (1 сезон, 8 серия).

Colonel ‘полковник’.

E r v i n H . B u r r e l l : The *commissioner* wants raids citywide (1 сезон, 11 серия).

Commissioner (police commissioner или commissioner of police) ‘комиссар полиции’.

Thomas “Herz” Hauk: *Det. Sgt.* Hauk reporting for duty, sir (1 сезон, 12 серия).

Det. Sgt (Detective Sergeant) ‘сержант, получивший необходимую подготовку и прошедший квалификационный экзамен, чтобы иметь право вести уголовные расследования’.

Cedric Daniels: I came on in the Eastern, and there was a piece-of-shit *lieutenant* hoping to be a *captain*, piece-of-shit *sergeants* hoping to be *lieutenants* (1 сезон, 13 серия).

Captain ‘капитан’. *Sergeant* ‘сержант’.

Cedric Daniels: Pretty soon we had piece-of-shit *patrolmen* trying to figure the job for themselves (1 сезон, 13 серия).

Patrolman ‘патрульный’.

Иерархическая система полиции начинается с *police officer* или сокращенно *officer* ‘офицер’, далее следуют *sergeant* (элевация исходного значения) ‘сержант’, *lieutenant* (сужение исходного значения слова) или сокращенно *Lt.* ‘лейтенант’, *captain* (сужение исходного значения слова) ‘капитан’, *major* (сужение исходного значения слова) ‘майор’, *colonel* (сужение исходного значения слова) ‘полковник’, *commissioner* (сужение исходного значения слова) ‘комиссар’.

Должности распределяются в зависимости от звания. Например, офицер (*officer*) может быть детективом (*detective*) или патрульным (*patrolman*) (N + man > Nman). Лейтенант (*lieutenant*) может быть руководителем подразделения, например, *homicide commander* ‘начальник отдела по расследованию убийств’. Полковник (*colonel*) может занимать должность заместителя комиссара полиции (*Deputy Commissioners of Operations* или *Deputy Ops* или *Deputy*).

3.1.9. Полиция

В своей речи полицейские используют несколько социолектизмов, описывающих их самих. Самым употребительным является существительное *police* ‘полицейский’. Употребляется также существительное *cop*, однако оно используется с иронией, в то время как *police* несет положительную оценку. В отличие от социолектизмов «Структура организации», социолектизмы этой группы используются в неформальном общении между полицейскими для описания профессиональных качеств своих коллег, а

также при допросе свидетелей и подозреваемых.

William "The Bunk" Moreland: Hey, he's natural *police*.
He used to be *Homicide* (1 сезон, 4 серия).

Police (police office) 'полицейский'. Homicide (homicide detective) 'полицейский, работающий в отделе по раскрытию убийств'.

William "The Bunk" Moreland: Plus the attempted murder on a police (1 сезон, 13 серия).

Police 'полицейский'.

James McNulty: I'm a *Murder police*, I'm here about the bodies (1 сезон, 2 серия).

Murder police 'полицейский из отдела по раскрытию убийств'.

James McNulty: Lester, are we still *cops*? (1 сезон, 8 серия).

Cop (copper) 'полицейский'.

При анализе фактического материала была замечена тенденция к употреблению существительного *police* в значении 'полицейский' (может употребляться с неопределенным артиклем). В отличие от существительного *cop* (сокращение от *copper*), которое в большинстве случаев используется полицейскими с оттенком иронии, *police* обладает позитивной оценкой: *good police*, *natural police*. В некоторых случаях полицейские используют социолектизмы для описания полицейских, которые работают в отделе по расследованию убийств: *murder police* и *homicide* (сокращение от *homicide detective*).

3.1.10. Отделы, подразделения, группы

Большинство персонажей-полицейских первого сезона телесериала работают в отделе по борьбе с наркотиками (Narcotics Unit) и в отделе по раскрытию преступлений (Homicide Unit), поэтому данные наименования используются чаще всего. Однако полицейская система устроена таким образом, что полицейским ежедневно приходится контактировать с полицейскими и работниками других отделов, подразделений и управлений, что накладывает определенный отпечаток на речь полицейских.

Jay Landsman: You wrap up this thing with *Narcotics* in two weeks (1 сезон, 5 серия).

Narcotics (Narcotics Unit) 'отдел по борьбе с наркотиками'.

Cedric Daniels: Call Andrews at *DEA*. See what they have on this more.

Shakima “Kim” Gregg: What about *Homicide*? If the guy’s doing murders (1 сезон, 5 серия).

DEA (Drug Enforcement Administration) ‘управление по борьбе с наркотиками’. Homicide (Homicide Unit) ‘отдел по раскрытию убийств’.

Roland “Rez” Przybylewski: And I asked out of *Casualty* (1 сезон, 2 серия).

Casualty (Casualty Section) ‘отдел по расследованию несчастных случаев’.

James McNulty: It takes guts wearing a pink shirt on the *BPD* Homicide unit (1 сезон, 8 серия).

BPD (The Baltimore Police Department) ‘департамент полиции Балтимора’.

В личных разговорах, в которых упоминаются различные подразделения, полицейские предпочитают использовать сокращения и аббревиатуры: Narcotics (сокращение от Narcotics Unit), Homicide (сокращение от Homicide Unit), Casualty (Casualty Section), BPD (акроним The Baltimore Police Department). Это свидетельствует о том, что все полицейские хорошо осведомлены об устройстве полицейской системы, сокращения и аббревиатуры используются ими с целью экономии времени для высказывания.

Shakima “Kim” Gregg: You got submission numbers for the *ECU*?

ECU (Evidence Control Unit) ‘отдел хранения вещественных доказательств’.

James McNulty: We need a photo of this guy, Barksdale. We need to know what he looks like (1 сезон, 3 серия).

Patrick Mahon: So go down to the *B of I* (1 сезон, 3 серия).

B of I (Bureau of Identification) ‘бюро информации’.

Shakima “Kim” Gregg: DEA has a couple of pages on him from *NADDIS* entries. Nothing in *NCIC*, no adult arrests (1 сезон, 3 серия).

NADDIS (DEA’s Narcotics and Dangerous Drugs Information System) ‘центр информации отдела по борьбе с наркотиками’.

NCIC (The National Crime Information Center) ‘центральная база данных по преступлениям’.

C e d r i c D a n i e l s : *IID* is gonna be on all three of you by afternoon and if you don't get a story straight by then you're gonna have a file thick enough to see the light of a trial board (1 сезон, 2 серия).

IID (the Internal Investigations Division) ‘служба внутреннего контроля за действиями сотрудников полиции’.

T h o m a s “H e r c” H a u k : ... All I see is some stuck-up dyke bitch who ain't been in *CID* half the time of you or me and she's fucking telling us what to do (1 сезон, 2 серия).

CID (Criminal Investigation Department) ‘управление уголовных расследований’.

E r v i n H . B u r r e l l : ...The commissioner wants raids citywide. Every door we can take. Any addresses we can write on, anything connected to a narcotics case. *CID, Tactical, the DEU'S* and tomorrow, on the 6:00 news, we put a lot of fucking dope on the table. A lot of it! (1 сезон, 11 серия).

CID (Criminal Investigation Department) ‘департамент расследования уголовных преступлений’. Tactical (Police Tactical Unit) ‘специальный полицейский отряд, который участвует в операциях с высоким уровнем риска’. DEU (Drug Enforcement Unit) ‘группа по борьбе с наркотиками’.

C e d r i c D a n i e l s : The *SWAT* guys do love to break out their toys (1 сезон, 12 серия).

SWAT (Special Weapons Assault Team) ‘специальное подразделение, участвующее в операциях с высоким уровнем риска’.

В ходе расследования полицейские имеют дело с различными системами и организациями по сбору и хранению информации: ECU (Evidence Control Unit) ‘отдел хранения вещественных доказательств’, NCIC (The National Crime Information Center) ‘центральная база данных по преступлениям’; различные департаменты и специальные подразделения: CID (Criminal Investigation Department) ‘департамент расследования уголовных преступлений’, Tactical (Police Tactical Unit) ‘специальный полицейский отряд, который участвует в операциях с высоким уровнем риска’, SWAT (Special Weapons Assault Team) ‘специальное подразделение, участвующее в операциях с высоким уровнем

риска'. Следует отметить, что во всех этих случаях используются акронимы как способ экономии речевых средств.

3.2. Анализ номинативных техник, средств словообразования социолектизмов

Анализ фактического материала показал, что по количеству социолектизмов самой большой является группа «Расследование преступлений», далее следует группа «Обвинения, аресты, судебные разбирательства», на третьем месте находятся группа «Структура организации». Такое распределение говорит о том, что полицейские относятся к своей работе ответственно, используют разнообразные тактики и стратегии для наблюдения за подозреваемыми. Формальный аспект, то есть получение необходимых документов для задержания и ареста преступника, также играет большую роль в работе полицейских. Кроме того, для полицейских важна субординация, которая должна соблюдаться всеми.

По типу средств номинации социолектизмы можно разделить на две группы:

- словообразовательная транспозиция — 76% (PC, wiretap);
- семантическая транспозиция — 24% (dope, dealer).

Количественное преобладание традиционного способа номинации указывает на то, что номинация, основанная на семантической транспозиции, может вносить элемент неоднозначности, который может препятствовать эффективности работы полицейского.

Способы словообразования можно далее разделить на подгруппы:

- аббревиатуры — 51% (SWAT, GSW);
- собственно устойчивые словосочетания — 36% (to run tag and title, reverse buy);
- сложение основ — 11% (telltale, streat-ready);
- аффиксация — 2% (enforcer).

Эти данные подчеркивают значимость краткости при передаче информации. Например, специальные полицейские коды и сокращения помогают офицерам полиции моментально передавать друг другу сведения и приказы. С другой стороны, многие отделы и подразделения полиции имеют длинные названия,

например, The National Crime Information Center. В таких случаях полицейские предпочитают использовать акронимы, известные всем членам полицейского сообщества, с целью экономии речевых средств.

Выбор собственно устойчивых сочетаний, лишенных образности и эмоциональной окраски, еще раз подтверждает стремление полицейских к точной передаче фактов и однозначности.

Семантическую транспозицию, в свою очередь, можно разделить на следующие подгруппы:

- сужение значения (специализация) — 49% (dope, interview);
- метафорическая транспозиция — 28% (collar, wire);
- фразеологизмы — 14% (to get high, to wear bracelets);
- деградация (ухудшение) — 3% (drugs);
- метонимическая транспозиция — 3% (Glock);
- эвфемизмы — 3% (number one).

Сужение значения является одним из важнейших способов номинации, который применяют полицейские, поскольку этот способ позволяет им использовать общеупотребительные слова в специальных значениях, известных только в полицейской среде, что позволяет объединить участников в единую социальную группу. Полицейские нечасто прибегают к использованию таких образных средств как метафоры и фразеологизмы (например, чтобы выразить свое неодобрение).

3.3. Анализ функций профессиональных социолектизмов

Функциональная характеристика социолектов основывается на общих функциях языка, т. е. они разделяют все основные его функции. Вместе с тем, по мнению В. Д. Бондалетова,

каждый из типов социальных диалектов по-своему воплощает и реализует эти функции, часто выдвигая на первый план такие их стороны, которые в общенародном языке лишь намечены, но бывают не развернуты (БОНДАЛЕТОВ 2015: 160).

Номинативная функция как разновидность коммуникативной функции также присутствует в социолекте полицейских. Эта функция проявляется в тех ситуациях, когда возникает необходимость именования явлений окружающей действительности:

Reverse buy ‘операция, когда полицейский под прикрытием продает наркотики’.

Cedric Daniels: I want their *lookouts* to have as little chance as possible (1 сезон, 3 серия).

Lookout ‘член преступной группировки, в чьи обязанности входит наблюдение за периметром, чтобы в случае появления полиции сообщить об этом главному’.

Lester Freamon: Print hit. Wynton “Little Man” Rice, *enforcer* in the two-two-one, a definite connect to Barksdale’s world (1 сезон, 11 серия).

Enforcer — член банды, обязанностью которого является принуждение к выполнению ее требований или приведение в исполнение ее приговоров.

Эмоционально-экспрессивная функция. Под этой функцией подразумевается возможность выражения чувств и эмоций говорящего с помощью социолектизмов:

James McNulty: What, Bird *gets high*? (1 сезон, 7 серия).

To get high ‘быть под действием наркотиков, принимать наркотики’.

Ellis Carver: They already know that he *got jacked* on a reverse buy, right? Why wouldn’t they assume he’s snitching?

Orlando Blocker: I need money for a lawyer, right? That’s the story.

Cedric Daniels: He *got popped* and now he needs to get right back into it to pay the bondsman and the lawyer (1 сезон, 10 серия).

William “The Bunk” Moreland: Yeah, that’s what we we’re hearing too. We got *pick-ups* on these motherfuckers and miles of NCIC (1 сезон, 11 серия).

Pick-up ‘ордер на арест’.

Buy-bust — полицейская операция, в ходе которой полицейский под прикрытием покупает у дилера наркотические вещества и сразу арестовывает наркоторговца.

Можно также выделить *символическую* функцию и ее разновидность — *интегрирующую* функцию, которая реализуется в тех случаях, когда индивиду необходимо помимо передачи информации идентифицировать себя с конкретной социальной ролью, показать свою принадлежность к определенной социальной группе и языковому коллективу (функция частично *криптолитическая*).

William “The Bunk” Moreland: Hey, he’s natural *police*.
He used to be *Homicide* (1 сезон, 4 серия).

Слово *police* применительно к полицейскому — случай синекдохи; слово *Homicide* (о сотруднике отдела по расследованию самоубийств) — метонимический эллипсис.

Криптолалическая функция реализуется в частом использовании разных видов аббревиатур: *decomp* — о трупe, который уже начал разлагаться (сокращенный вариант от *decomposing body*), *GSW* — об огнестрельном ранении (акроним *gun shot wound*).

Криптолалическую функцию выполняют числовые коды, смысл которых должен быть понятен всем полицейским.

12-14 — «Передайте следующее сообщение на полицейскую станцию»; 10-47 — полицейский код в Балтиморе, обозначающий отрицательный ответ на определенный запрос; *signal 13* — «Офицеру полиции срочно требуется помощь».

3.4. Анализ профессионального социолекта по его месту в функционально-стилистической системе языка

Рассматриваемый в исследовании профессиональный социолект включает различные по функционально-стилистическому статусу кодифицированные и некодифицированные единицы. К кодифицированным относятся термины — слова или словосочетания, точно обозначающие какие-либо понятия в науке, технике, юриспруденции и т. д. Эти слова являются однозначными, им не свойственна экспрессия. Важной отличительной чертой термина является наличие его в словарях: *prior felony convictions* ‘история судимостей’; *felony warrant* ‘ордер на арест за тяжкое преступление’; *juvenile record* ‘отчет о преступлении совершенном несовершеннолетним’.

Преобладает, однако, группа некодифицированных *профессионализмов*. Они отличаются маркированностью и социальной детерминированностью, так как обслуживают запросы определенной профессиональной группы и обозначают специализированные понятия: *take doors* ‘проверять адреса, связанные с именами тех, кто подозревается в хранении и распространении наркотиков’; *to run tag and title* ‘проверять номера автомобиля по базе данных’; *officer down* «Полицейский ранен»; *controlled buy* ‘контрольная закупка’.

В отличие от термина профессионализмы не имеют дефиниции и выполняют только номинативную функцию, отражая наивную картину мира представителя конкретной профессии. К профессионализмам относятся фонетические варианты терминов, их разговорные субституты: disorderly (disorderly conduct) 'привод в полицию за нарушение общественного порядка'; latent (latent prints) (термин, используемый полицейскими для обозначения определенного вида отпечатков пальцев); decomp (decomposing body) 'разлагающийся труп'; post (post-mortem) 'судебно-медицинское вскрытие трупа'.

Отличие профессиональных слов от терминов и состоит также в том, что термины не имеют синонимов, тогда как профессиональные слова имеют множество синонимов: tap, wire, wiretap, bug, telltale (обозначения видов прослушивающих устройств); to use, to snort, to get high (об употреблении наркотиков); to sling, to run drug (о распространении наркотических веществ).

Еще одну полицейского социолекта составляют *общеупотребительные слова в специальном значении* и многозначные слова. Таких слов достаточно много, поэтому нельзя ими пренебрегать при анализе профессионального социолекта: file 'дело, досье'; interview 'допрос подозреваемого'; surveillance 'тайное полицейское наблюдение'; package 'упаковка с наркотиками'.

4. Заключение

Профессиональный социолект американских полицейских детерминирован как стратификационными и ситуативными факторами, будучи реализуем в коммуникативных и речевых актах в ситуативных рамках определенной производственной сферы, так и социальными факторами, будучи связан с речевыми практиками представителей определенных страт общества (слоев и прослоек), к которым относят глобальные, парциальные и малые группы.

1. Анализ предметного содержания социолекта полицейских позволил выявить десять лексико-тематических групп, отражающих разные аспекты их повседневной профессиональной деятельности, причем по количественным характеристикам социолектизмов самой большой является группа «Расследование

преступлений», далее следует группа «Обвинения, аресты, судебные разбирательства», на третьем месте находится группа «Структура организации».

2. Анализ средств номинации полицейского социолекта выявил преобладание словообразовательной, деривационной транспозиции. Выбор в пользу более традиционного способа номинации говорит о том, что для полицейских большое значение имеет точность и однозначность наименования. Номинация, основанная на семантической транспозиции, может вносить элемент неоднозначности, что затруднит эффективность полицейской работы, поэтому, хотя она и используется, но не является доминирующей.

3. Анализ функциональных характеристик социолекта полицейских показал, что для данного профессионального социолекта характерны такие функции как коммуникативная, номинативная, эмоционально-экспрессивная и символическая (с ее подвидами, которые включают функцию интеграции (интегрирующую) и функцию тайноречия (криптолалическую)).

4. Анализ профессионального социолекта по его месту в функционально-стилистической системе языка указывает на неоднородность его состава, наличие в нем единиц разных регистров: преобладают, прежде всего профессионализмы, неcodифицированные единицы, находящиеся в нижней области стилистической шкалы; встречаются термины, т. е. codифицированные единицы, занимающие верхнюю область стилистической шкалы, а также общеупотребительные слова в специальном значении, относящиеся к стилистически нейтральной сфере в функционально-стилистической системе языка.

© Тырыгина В. А.

Раздел II

**ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ
АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ**

2.1. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ И. В. ГЕТЕ И А. С. ПУШКИНА НА ПРИМЕРЕ МИФОЛОГЕМЫ ПОЛЕТА

1. Введение

В пушкинский год возвращение к проблеме связи его творчества с мировой культурой представляется важным и актуальным. Его значение, не только для русской, но и для мировой концептосферы, трудно преуменьшить. Творчество Пушкина уже традиционно рассматривается в контексте мировой литературы.

Сравнение произведений А. С. Пушкина и И. В. Гете представляется вполне оправданным. Эту мысль подтвердил в своем предисловии к *Русской антологии* и классик немецкой литературы XX столетия Т. Манн, назвав Пушкина восточным Гете.

Кроме очевидных типологических схождений, о которых речь пойдет в основной части главы, можно свидетельствовать и о наличии контактных связей (ДЮРИШИН 1979; GÁLIK 2000; ŽEMBEROVÁ 2017).

Авторы знали друг о друге несмотря на разницу в возрасте; их разделяли целых 50 лет. Однако, как замечают В. Х. Гильманов и И. Д. Копцев в статье *Зона Фауста в творчестве Гете и Пушкина*, они «дышали воздухом одной эпохи». Когда в 1825 г. рождалась пушкинская *Сцена из Фауста* — «нечто среднее между подражанием, пародией и вольной вариацией на гетевскую тему», Гете был уже практически на пороге смерти (ГИЛЬМАНОВ & КОПЦЕВ 1976). Становится очевидным, что гетевская и пушкинская эпохи (веймарский классицизм и «золотой век русской поэзии») пересекаются. Эта идея утверждается особенно после момента написания Пушкиным вышеназванного текста. Появляется объективная точка схождения.

О Гете Пушкин много слышал от своего старшего современника, друга и учителя В. А. Жуковского, переведившего баллады немецкого классика (МОДЗАЛЕВСКИЙ 1925). Однако, как замечают упомянутые исследователи, «следует признать, что Пушкин больше предчувствовал, чем знал гений Гете» (ГИЛЬМАНОВ & КОПЦЕВ 2015: 65).

Очевидно, что Пушкин был хорошо знаком с романом *Страдания юного Вертера* — произведением, которое покорило русское общество и вызвало опасное вертерерианство (ЖИРМУНСКИЙ 1981). Доказательством тому может служить известная сцена из *Евгения Онегина*, когда перед дуэлью Ленский перечитывал отрывок из гетевского Вертера. Можно вольно предположить, что имеется ввиду эпизод, описывающий подготовку героя к самоубийству. Любопытно, что Вертер, в свою очередь, читал перед смертью отрывок из драмы Лессинга *Эмилия Галотти*. В нем героиня просит отца заколоть ее клинком из-за нечистых помыслов.

Пушкин, увлекавшийся романами мадам де Сталь, из трактата *О Германии* также почерпнул сведения о драмах Гете, в частности, о драме *Гец фон Берлихинген*. Собственно, из книг де Сталь он впервые узнал и о *Фаусте* (ГИЛЬМАНОВ & КОПЦЕВ 2015).

Упомянуть следует также активное сотрудничество Пушкина в последний год его жизни с переводчиком Губером, которому он помогал работать над русским прозаическим переложением *Фауста*.

Все эти факты безусловно важны, но тем глубже и значительнее типологические схождения в текстах авторов, которые обращаются к глубинным культурным мифологемам. Их объединяет, скорее, общий подход к переосмыслению фактов истории, глубинный анализ реальности и творческий полет (PROPPER 1951).

2. Методы исследования

Ключевым в нашем исследовании является метод сравнительного анализа (ЖИРМУНСКИЙ 1979), культурно-исторический метод (ВЕСЕЛОВСКИЙ 1989), а также метод пристального чтения (ЩЕЛОКОВА & САПУХ 2017). Произведения авторов рассматриваются как целостный текст, вписанный в мировую художественную культуру.

3. Творчество И. В. Гете и А. С. Пушкина в рамках феноменологической концепции С. С. Аверинцева: основания для сравнения

Для дальнейшего определения позиции, которой мы придерживаемся в рамках указанной темы, хотелось бы перечислить аргументы в пользу представленного выше тезиса, приводимые

С. С. Аверинцевым. Свои размышления по этому поводу он высказал в статье *Гете и Пушкин*.

Гете в немецком контексте еще при жизни и тем более после своей кончины — чтимый или иконоборчески ниспровергаемый, но всегда «олимпиец», из классиков классик. Мы, русские, воспринимаем Пушкина как «классика» нашей литературы, ее, по известной формуле, «солнце» (АВЕРИНЦЕВ 1999).

Далее формулируется очень важная мысль, что оба писателя, следуя традиции, являются совершенными новаторами, открывающими новую эпоху. И с этим сложно не согласиться. Аверинцев говорит об «остром напряжении между статикой традиции и динамикой нового, не допускающих однозначного решения ни в ту, ни в другую сторону. Данте стоит между Средневековьем и Ренессансом, Шекспир — между Ренессансом и Барокко, наконец, Гете и Пушкин — между *ancien régime* и капиталистическим развитием Европы XIX в. (*ibid.*). Эта мысль может показаться парадоксальной, но мы ее безусловно разделяем. Оба автора предчувствовали кризис и просветительских, и романтических идеалов, профетически осознавая, что начинается новая эра, где будут торжествовать совсем другие принципы. Примечательно, что они оба крайне внимательно смотрят в сторону Америки — новой молодой страны, связанной с идеей демократии. Гете высказывается, скорее, философски. Задает вопрос, что стоит ожидать от Нового света, который готов поменять старые устои.

Вердикт Пушкина поражает своей провидческой силой. В 1836 г. в рецензии на *Записки* Джона Теннера, опубликованной в «Современнике», поэт пишет:

С некоторого времени Северо-Американские Штаты обращают на себя в Европе внимание людей наиболее мыслящих. Не политические происшествия тому виною: Америка спокойно совершает свое поприще, доньне безопасная и цветущая, сильная миром... гордая своими учреждениями. Но несколько глубоких умов в недавнее время занялись исследованием нравов и постановлений американских, и их наблюдения возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже решенными. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное

неумолимым эгоизмом и страстью к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество... (ПУШКИН 1978).

Своего рода спасением для обоих, является, однако, апелляция к разуму и античным ценностям. Критикуя «черствость» Просвещения, они корневой системой восходят к нему, к Вольтеру, которого оба сначала обожали, потом критиковали.

Но принципиально важным, по мнению С. С. Аверинцева, является невероятная универсальная тяга к культурам всего мира, открытость, интерес, универсализм. Гете создает свой знаменитый поэтический сборник *Западно-восточный диван*, а Пушкин пятью годами позже пишет *Подражаниях Корану*.

Подводя итог этому разделу, хотелось бы подчеркнуть, что, согласно концепции С. С. Аверинцева, связь Гете и Пушкина носит мировоззренческий феноменологический характер.

4. Универсализм Пушкина в концепции Т. Манна — премника идеалов И. В. Гете

В западной традиции Пушкина трактуют, в первую очередь, как интерпретатора европейской культуры. И лишь немногие мыслители принимают его очевидную равнопоставленность европейским титанам.

В каком-то смысле для европейцев Пушкин — поэт Востока. В этом контексте нельзя не упомянуть Т. Манна, который настаивал, что Пушкин так же значим в понимании вечных вопросов как Шекспир, Сервантес и Гете, а в предисловии к *Русской антологии* он отмечает: «Историческим и до-современным кажется нам, в сущности, только Пушкин — Гете Востока. Он оставил особую сферу, чувственно-сияющую, наивную, веселую и поэтическую» (МАНН 2009).

Это одна из самых известных высказываний о Пушкине в Германии. Манн представил Пушкина как первого писателя, открывающего русскую литературную традицию, но непохожего на своих последователей. Здесь он оказывается ближе к Гете, чем к Гоголю.

Манн отмечает особенность пушкинского мышления, которая будет важна для дальнейшего сравнения двух авторов: наивность, бессознательность в высоком смысле, до-критичность:

Переход от бессознательного творчества к творческому сознанию — конец поэзии в пушкинском смысле, но одновременно и начало

чего-то нового и с большим будущим. С Гоголя уже начинается традиция — вместо поэзии критицизм, вместо наивности религиозная проблематика и вместо веселости комизм (МАНН 2009).

Эта позиция важна для развития исследуемой темы.

5. «Зона Фауста» в творчестве А. С. Пушкина и И. В. Гете

Прежде, чем перейти к главному вопросу — реализации мотива полета в творчестве обоих писателей — следует уточнить важный момент. Безусловно, нельзя не учитывать, что их жизненный путь несопоставим. Гете — великий долгожитель, путешественник, государственный деятель, естествоиспытатель, создатель театра и теоретик целого направления — Веймарского классицизма. Гете — меценат, человек универсального сознания, в конце жизни — немецкий Вольтер, к которому молодые писатели обращались как к оракулу, предлагая на суд свои произведения. Наконец, это богатый человек, никак не стесненный обстоятельствами, и вряд ли кто-либо попытался бы «травить» его и вызвать на дуэль. Однако первая, лежащая на поверхности связь происходит, как было указано выше, через образ Фауста. От философского уровня подойдем ближе к текстуальному.

В литературоведении прочно закрепился термин «зона Фауста». Этот термин восходит к концепции Гильманова и Копцева. Они отмечают, что

мир пребывает на парадигмальной границе грандиозного исторического транзита через «зону Фауста», то есть через историко-культурную и цивилизационную эпоху, антропологический сценарий которой, с точки зрения искусства, связан прежде всего с архетипом Фауста (Гильманов & Копцев 1976).

И далее авторы выделяют основной признак этой «зоны», маркированной еще и древними культурами, неосознанно чувствовавшими холодную опасность, исходящую от нее, необходимость обойти «метафорическую территорию». Это характерно для всех архаических систем, подчеркивают ученые, от самых древних языческих — «египетской, ведической, нордической, и заканчивая монотеистическими, прежде всего христианской» (ibid.).

Соответственно, можно сделать вывод, что это — «запретная зона». Гете усложняет образ, прорисовывает его, очеловечивает.

Фауст больше не страшная тень зла. Скорее, в трагедии от предстает «сумрачным», «полночным». Для немецкой культуры концепт *Dämmerung* имеет особое значение. В германо-скандинавской мифологии конец мира представляется как «сумерки Богов». Позже Вагнер так назовет одно из своих произведений. А еще позже, в разгар Первой мировой войны произведения поэтов-экспрессионистов войдут в печально известную антологию *Сумерки человечества*. В этой метафоре есть что-то фаустианское.

Опасной чертой фаустианства является его привлекательность. Первая часть *Фауста* (1808) потрясла не только немецких интеллектуалов, но и любителей литературы во всей Европе. Конечно, русские писатели и просто знатоки литературы живо обсуждали новинку. Пушкин познакомился с текстом тоже достаточно рано, еще в юношеском возрасте. Однако идея откликнуться на шедевр Гете к нему приходит позже, параллельно с работой над одним из самых сложных и грандиозных циклов *Маленькие трагедии*. Заранее скажем, что вторая часть, «примиряющая» часть *Фауста*, к моменту зарождения замысла цикла еще не была опубликована.

Примечательно, что на обложке трагедии был изображен летящий по небу Фауст, за которым следует тень Мефистофеля. Имеется ввиду полет Фауста в Вальпургиеву ночь на Лысую гору:

В область сна вошли мы, словно
В очарованные страны
О, веди нас прямо, ровно
Сквозь леса и сквозь туманы
Чрез пустыню, меж горами! (ГЕТЕ 1960)

(пер. Б. Пастернака)

В этом полете выражен характер Фауста, которому вечно не достает земного. Его сухое существование кабинетного ученого привело в начале трагедии к мысли о самоубийстве. Но вмешались небесные силы. И вечно стремящийся куда-то дух Фауста воспарил, по пути уничтожая живое — Гретхен, империи, мирную жизнь. Его полет подобен полету Валькирий, воссозданному в опере старшего соотечественника Гете, великого композитора Р. Вагнера, также осознававшего разрушительно мощную волю немецкой культуры и ее заглавного героя.

Однако Фауст обретает покой и во второй части трагедии принимает земное. Подарив людям землю, отвоевав ее у моря, по версии Гете, он искупает свои преступления. Заканчивается трагедия его последним полетом, полетом в небеса. Это сложная мистерия важна для понимания концепции Гете. Эгоистичный и разумный, он совершает много темных дел, но в конце находит все порождающую силу, которую писатель назвал «das ewig Weibliche» (по-русски она ошибочно связывается с женственным, хотя в оригинале имеется ввиду порождающее).

Концепция Пушкина иная. Его Фауст скушает: мифологема полета полностью уходит из интерпретации автора. В *Сцене из Фауста* (1825) полет заменяется словом «возил»:

Возил и к ведьмам, и к духам
И что же? все по пустякам.
Желал ты славы — и добился, —
Хотел влюбиться — и влюбился.
Ты с жизни взял возможну дань (Пушкин 1976).

В определенном смысле Пушкин одним из первых выносит приговор фаустианству, уничтожающему все живое. В нем он видит корень зла. И, идущие по пути холодного служения разуму, способны совершить любой страшный поступок. «Всех утопить» звучит в конце сцены как приговор немецкому абстрактному миропониманию. Примечательно, что подобную же мысль спустя более чем 150 лет пронзительно выразил упомянутый выше Манн в романе *Доктор Фаустус*. Нельзя не отметить пророческую силу таланта Пушкина (ЮРЬЕВА 1998).

Отсутствие мотива полета в *Сцене из Фауста* принципиально. Однако для художественного мира Пушкина полет — одна из центральных мифологем, которая раскрывается в ином, нефаустианском смысле. Сама его жизнь стала прерванным полетом.

6. Полет как метафора творчества в художественном мире Пушкина и Гете

В разные творческие периоды Пушкин трактовал мифологему полета по-разному. Пушкин-лицеист обращался к фантастическим героям большей частью в эпиграммах, столь любимых едким и остроумным, еще не добившемся известности молодым по-

этом, выросшим на латинской традиции и поэзии Ювенала. Пушкин ловко жонглирует привычными аллегориями, оттачивая остроумие и анакреонтический стиль, характерный для его юношеской поэзии. Здесь можно встретить весь «парящий» пантеон от Пегаса и Купидона до Икара и Ареса. Этот тип поэзии можно отнести к разряду литературных игр знати.

Тектонические топосы встречаются и в ранних стихотворениях-посвящениях Пушкина. К. Н. Батюшкова поэт не без основания сравнивает с Икаром. За внешней игривой строкой таится тень мрачного предзнаменования о его будущем безумии (ЖИРМУНСКИЙ 2001).

Признаки неуловимой легкости и игры с вдохновением — Пегасом и Гелиосом — ощущаются и в раскрытии фольклорных образов в сказках Пушкина. Достаточно вспомнить о летающем на бороде Черномора Руслане, вознесенном силой любви и справедливости юного сердца.

Однако ключевым образом, который традиционно связывают с парящим миром Пушкина, является царь Гвидон. Образ шмеля, в которого обращается царь, представляется очень пушкинским. Шмель Пушкина видит все, он сродни апулеевскому ослу, которому дано подсмотреть то, что не позволено узнать простому человеку. Здесь мотив превращения, энтомологического казуса, причем превращения в малое, в пылинку мироздания, сопрягается с возможностями глубинного зрения, проникновения в тайны бытия. Шмель Римско-Корсакова — абсолютный знак, вернее, выражение пушкинского стремительного генія. Шмель приобретает антропоморфные черты.

Полет насекомого — символ скоротечности жизни. В этом — часть иронии Пушкина, вернее, самоиронии. Вспоминаются карикатуры на шмеля с пушкинской головой — примечательным профилем, кудрями. Сам образ Пушкина в значительной степени выстраивается в поэтической игре с зооморфизмами — собака, кот. Это можно увидеть в его рисунках на полях.

Имманентным пушкинскому мифу представляется также образ полета-плавания, путешествия-вдохновения, разработанный в поэзии 30-х гг. Наиболее отчетливо он раскрыт в знаменитом

стихотворении *Осень* (1833). Здесь опыт полета описывается через плавание, когда надуваются ветром вдохновения поэтические паруса (ДМИТРИЕВА 2011).

Полет — универсальный элемент мифологической системы всех известных культур: от шумерской до ненецкой. В любом фольклоре можно найти примеры преодоления человеческих возможностей с помощью парения: превращение в существо с крыльями, полет с помощью волшебных существ и предметов, воспарение души над телом, полет-путешествие, полет во сне, полет как вдохновение, полет как смерть.

Египтяне изображали бога Ра крылатым, у Сатурна были крылья, известны орлы Юпитера, павлины Юноны, голуби Венеры, крылья Меркурия, полеты Александра Македонского, полет Хуанди на драконе. Персею были дарованы крылья, полученные в дар от Юпитера для борьбы с медузой Горгоной, на сандалиях Гермеса — маленькие крылышки. Известны сюжеты о полете Фэнцзы, сподвижника Хуанди (*Книга гор и морей*), путешествии Еноха (*Славянская книга Еноха*) — смерда Никитки, испытавшего небо в XVI в. Фирдоуси описал полет шаха Кей-Кауса. Нельзя не упомянуть и финский эпос «Калевала». Об этом можно прочесть в любом источнике, посвященном сюжетам и мифологемам архаики и раннего Средневековья. Ряд этот можно продолжать.

Возвращаясь к Гете, следует подчеркнуть, что он размышлял о полете не только в трагедии *Фауст*. В его поэзии и прозе мотив полета не менее важен, чем у Пушкина, однако он имеет иное разрешение. Для Гете полет — это движение. Иногда это — бег, иногда, как описано в знаменитой балладе *Лесной царь*, — бешеная скачка, или как стремительное движение по Рейну, описанное в стихотворении *Лорелея*. Корабельщики не в состоянии совладать с мощью бурной реки, делающей поворот у скалы Лорелеи, разбиваются, растворяются в поэзии, в коварном пении белокурой бестии.

Связь полета и поэзии выражена во многих произведениях Гете. В качестве примера приведем одно из самых известных стихотворений из цикла философской лирики *Proemion*.

Того во имя, кто зачал себя,
В предвечности свой жребий возлюбя;

Его во имя, кто в сердца вселил
Любовь, доверье, избыток сил;
Во имя часто зованного здесь,
Но — в существе — неясного и днесь:
Докуда слух, докуда глаз достиг,
Лишь сходное отображает лик,
И пусть твой дух как пламя вознесен,
Подобьями довольствуется он;
Они влекут, они его дивят,
Куда ни ступишь — расцветает сад.
Забуты числа, и утрачен срок,
И каждый шаг как вечности поток (ГЕТЕ 1972)

(пер. Н. Вильмонта)

Поэзия (*Dichtung*) у Гете приравнивается к религии (*Religion*) как форме познания природы и бытия. Гельдерлин, ровесник и соотечественник Гете, ухватив общий дух эпохи, сформулировал идею творчества: «Судьба мира дала о себе знать именно в поэзии» (ХАЙДЕГГЕР 1991: 37-47). Поэзия и правда — биография Гете — от первой до последней страницы иллюстрирует данную мысль. Именно на этой почве возникла максимальная близость Гете и Пушкина.

6. Выводы

Сопоставлять произведения Гете и Пушкина можно бесконечно. Выбирая практически любую сферу жизни, культуры, миропонимания исследователь обнаружит в их творчестве значительные параллели. Анализ авторских мотивов также обнаружит их выраженную близость. Это свидетельствует об универсальном характере творчества обоих писателей и о гениальной природе их дара.

© Аверкина С. Н., Логинова А. А.

2.2. ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ КАК СИНТЕЗ ИСКУССТВ

У визуальной поэзии богатая история. Богата и история ее изучения лингвистами, литературоведами и многими представителями разных искусств.

Зарождалась и развивалась визуальная поэзия на стыке поэзии, живописи, графики, пластики, скульптуры, архитектуры, фотографии, прикладного творчества и других направлений творческой деятельности талантливых людей во многих странах мира.

Визуальный поэтический текст — результат двух видов деятельности: поэтической (вербальной, словесной) и изобразительной (невербальной).

Именно эти обстоятельства позволяют говорить об этом активно развивающемся поэтическом жанре как об очевидном синтезе многих искусств.

Несмотря на наличие довольно большого количества проводимых исследований визуальной поэзии как в России, так и за рубежом, в науке еще нет до сих устоявшегося и всеми признанного определения этого понятия.

Вместе с тем визуальная поэзия объединяет в себе не только вербальную и визуальную составляющие, но также многие другие культурологические аспекты (влияние историко-культурного контекста, первичность/вторичность формы и содержания, игровое начало, проблема синтеза искусств, взаимодействие в парадигме автор — произведение — реципиент в визуальной поэзии и др.). Это позволяет рассматривать визуальную поэзию и как объект культурологического анализа.

Говоря о вариативности определений визуальной поэзии, Е. В. Степанов отмечает, что терминологическая база для определения различных видов визуальной поэзии еще не прочно закреплена в отечественном литературоведении. При этом в некоторых научных изданиях одно понятие может заменять другое, либо данные понятия могут трактоваться неточно или вовсе отсутствовать (СТЕПАНОВ 2014). Например, Ю. Б. Орлицкий, рассматривая стихосложение новейшей русской поэзии, отмечает в разделе о визуальной поэзии так называемую «визуализацию

стиха», под которой понимается не само творчество визуальных поэтов, т. е. не визуальная поэзия как таковая, а «изменение визуальной составляющей внешне традиционных, не собственно визуальных стихов» (Орлицкий 2021: 486). В целом визуализация стихотворного текста представляет интерес для исследования во всем корпусе современного поэтического дискурса. К подобным исследованиям относится, например, работа Д. Суховой о графике современной русской поэзии, в которой рассматриваются элементы визуальной выразительности в современных поэтических текстах (СУХОВЕЙ 2008).

Факт отсутствия в современном литературоведении устоявшегося термина этого художественного явления подтверждается тем, что произведения такого рода называют по-разному: стихографика, графическая поэзия, видеопоэзия, медиапоэзия, фигурные стихи. Нам представляется, что этот особый и своеобразный поэтический жанр стихов еще нуждается в рассмотрении «под микроскопом». Именно поэтому поиски более точной терминологии не прекращаются. Достаточно назвать, например, работы Дж. Адлера, Ю. Гика, К. А. Слуцкой, Н. Фатеевой, Т. Хархур, Ф. Мон, Л. П. Прохоровой, Е. С. Аникеевой, Э. В. Минаевой, Т. Л. Пономаревой, Е. Степанова, Б. Гринберга, К. П. Денкера, Р. Никоновой-Таршис.

В связи с этим уместно напомнить о работах К. А. Слуцкой. В автореферате своей диссертации она отмечает, что на сегодняшний день типология текстов изобилует различной терминологией, обозначающей принципиально одинаковую сущность: тексты, сочетающие в себе вербальные и невербальные компоненты. Далее она приводит ряд многообразных терминов, называющих данное явление: Г. В. Ейгер и В. Л. Юхт (1974) — «поликодовые тексты», Р. О. Якобсон (1985) — «синкретические сообщения», Л. М. Большаянова (1987) — «лингвизуальный комплекс», А. В. Михеев (1987) — «изоверб», А. А. Бернадская (2000) — «изовербальный комплекс».

Свой обзор предлагаемых терминов автор завершает следующим предложением: «На наш взгляд, наиболее точным является термин «креолизованные тексты», предложенный отече-

ственными психолингвистами О. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым (1990). По их мнению, это «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» (СОРОКИН & ТАРАСОВ 1990).

Мы рассматриваем визуальную поэзию как широкое явление, которое вмещает в себя различные виды (фигурную, вакуумную, пространственную поэзию и др.) и представляет собой определенный культурный феномен, когда внешней форме текста придается особый семантический статус, который подразумевает невозможность целостного восприятия произведения только на основании вербальной составляющей и без учета как минимум визуальной составляющей.

При этом визуальная поэзия изобретает новые формы, построенные не просто на синтезе вербального и визуального, но и на соединении большого количества различных медиа (вербального, визуального, аудиального, использования пространства, движения, возможности интерпретации, роли автора и читателя / зрителя и т. д.).

Для более точного понимания концепции визуальной поэзии Д. А. Ильгова в своей диссертации (ИЛЬГОВА 2022) рассматривает ее в рамках концепции «остранения» В. Б. Шкловского, который предлагает

дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание; приемом искусства является прием «остранения» вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как воспринимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен; искусство есть способ пережить деланье вещи (Шкловский 1990: 36).

Этот подход позволяет рассмотреть новые формы визуальной поэзии, которые возникают с помощью взаимодействия различных медиа.

В числе работ авторов, занимающихся изучением визуальной поэзии, следует также назвать исследования отдельных направлений в литературе и культуре, например, работы С. Е. Бирюкова, В. Холшевникова, Ю. М. Лотмана в области фигурной поэзии, ис-

следования Ю. Левинга, посвященные синтезу живописи, литературы и кинематографа на примере художественных произведений XX в. (ЛЕВИНГ 2018) и М. Левитта, в фокусе внимания которого оказывается развитие визуальной парадигмы в художественных текстах (ЛЕВИТТ 2015).

Непрочность закрепления в современном литературоведении терминологии, связанной с визуальной поэзией, и ее очевидная размытость нашла свое отражение даже в том, что в *Поэтическом словаре* А. Квятковского упоминаются только фигурные стихи. В определении Квятковского фигурным называется «стихотворение, строки которого расположены таким образом, что весь текст имеет очертание какой-либо фигуры — звезды, креста, сердца, вазы, треугольника, пирамиды и т. д.» (КВЯТКОВСКИЙ 1966: 32). В качестве авторов, создававших фигурные стихи, Квятковский упоминает Симмия Родосского и Симеона Полоцкого.

Принято считать, что именно александрийские поэты Симмий Родосский, Досиад и Феокрит явились изобретателями фигурных стихотворений. Первые графические произведения являли собой изображения яйца, крыльев и секиры (Рис. 1).

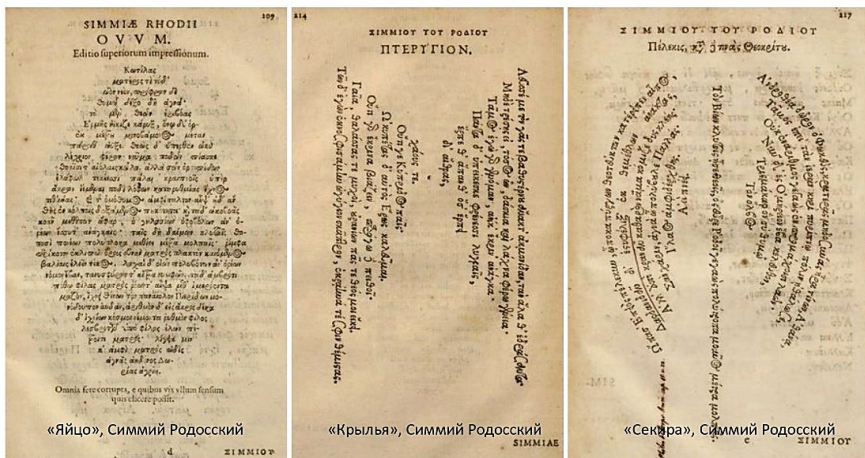

Рис. 1. Графические произведения Симмий Родосского

Широкое распространение получила визуальная поэзия в различных ее формах на Руси. У русской визуальной поэзии богатая история. Существует даже фольклорная песня-заклинание,

изображенная графически в виде ромба (Рис. 2).

А.
 А.Б.
 А.Б.Р.
 А.Б.Р.А.
 А.Б.Р.А.К.
 А.Б.Р.А.К.А.
 А.Б.Р.А.К.А.Д.
 А.Б.Р.А.К.А.Д.А.
 А.Б.Р.А.К.А.Д.А.Б.
 А.Б.Р.А.К.А.Д.А.Б.Р.
 А.Б.Р.А.К.А.Д.А.Б.Р.А.
 А.Б.Р.А.К.А.Д.А.Б.Р.
 А.Б.Р.А.К.А.Д.А.Б.
 А.Б.Р.А.К.А.Д.А.
 А.Б.Р.А.К.А.Д.
 А.Б.Р.А.К.А.
 А.Б.Р.А.
 А.Б.Р.
 А.Б.
 А.

Рис. 2. Чародейская песня ведьм

Древнерусская литература 30–40-х гг. XVII в. дала, например, такой образчик поэтической графики (Рис. 3).

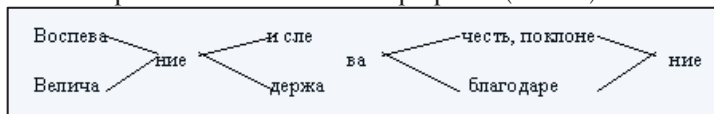

Рис. 3. Древнерусский визуальный стих

Первые визуальные стихи в древней Руси появляются в XVII в. Родоначальником русской визуальной поэзии исследователи называют поэта и богослова Симеона Полоцкого, учителя детей царя Алексея Михайловича. Он не столько писал свои стихи, сколько рисовал свои поэтические тексты. Наиболее известным стихотворением Полоцкого является стихотворение в форме сердца из цикла *Благоприветствования*.

Через столетие отмечается еще один всплеск: появляются поэтические опыты Г. Р. Державина. Приведем здесь одно из самых известных его произведений.

ПИРАМИДА

Зрю
Зарю
Лучами,
Как свечами,
Во мраке блестящу,
В восторг все души приводящу.
Но что? — от солнца ль в ней толь милое блистанье?
Нет! — Пирамида — дел благих воспоминанье.

Новый всплеск развития видеопэзии и интереса к ней наблюдается в начале XX в.

Особенно яркими образцами этого жанра стали опыты Андрея Белого, Валерия Брюсова, Давида Бурлюка, Василия Каменского, Велимира Хлебникова, Семена Кирсанова. Приведем в качестве примера стих Брюсова.

ТРЕУГОЛЬНИКЪ

Я
Еле
Качая
Веревки,
Въ синели
Не различая
Синихъ тоновъ
И милой головки,
Летаю въ просторе
Крылатый какъ птица
Межъ лиловыхъ кустовъ!
Но въ заманчивомъ взоре,
Знаю, блещеть алея зарница!
И я счастливъ ею безъ словъ!

А. Ф. Бадаев в статье *Поэтическая графика как категория текста: постановка проблемы* (БАДАЕВ 2005) подробно рассматривает историю формирования и становления русской визуальной поэзии, отмечая, что в послереволюционный период (после 1917 г.) наступил

перерыв в создании визуальных текстов. Однако культура визуальной поэзии начала XX в. предопределила возрождение такого направления в поэзии конца XX — начала XXI в. (А. Вознесенский, Г. Сапгир, Д. Авалиани и др.)

В жанре визуальной поэзии плодотворно работали многие отечественные поэты. И в их опытах угадывается стремление обогатить поэтическое слово другими художественными образами, оживить поэтические метафоры разнообразными средствами самых неожиданных искусств. «Поэзия должна следовать за живописью» — так определил роль живописи в развитии поэзии Хлебников.

Русские футуристы В. Маяковский, Б. Лившиц, А. Е. Крученых, Е. Г. Гуро тоже увлекались поиском новых средств привлечения внимания читателей к своему творчеству через внешнюю графическую форму стихотворений. Изменялись шрифты, кегли, расположение строчек, конфигурация строф, строились лесенки, появлялись односложные и однослоговые стихи, менялись размеры и цвета букв и т. д. При этом следует заметить, что в России долгое время визуальная поэзия считалась многими проявлением «инакомыслия» (СЛУЦКАЯ 2011: 8).

Описанию и анализу русской визуальной поэзии посвящены работы таких исследователей как М. Гаспаров, Ю. Лотман, А. Квятковский, С. Сигей, С. Бирюков, Ю. Гик, Е. Степанов, В. Колотвин, М. Асылбекова и др. Тем не менее функционирование невербального в современной поэзии исследовано, на наш взгляд, недостаточно. Некоторые современные исследователи считают визуальные стихотворения не поэтической формой, а совершенно отдельным видом искусства (МИНАЕВА 2011: 513). Как отмечает Гик,

под визуальной поэзией понимают размытый культурный феномен, находящийся в богатом зазоре между литературой и визуальными искусствами. Точного и удовлетворительного определения визуальной поэзии пока не выработано, хотя описание термина или его составляющих (конкретная поэзия, фигурная поэзия) уже можно найти в словарях...¹

¹ http://platform.netslova.ru/texty/gik_dada.html.

Сегодня в этом жанре работают многие поэты: Сергей Сигей, Алексей Хвостенко, Александр Федулов, Сергей Бирюков, Валерий Галечьян, Света Литвак, Елена Кацюба, Константин Кедров, Дмитрий Зимин, Андрей Кирсанов и др. Необходимо отметить, что элементы шрифтовой (визуальной) поэзии в настоящее время используют многие (возможно, большинство) современные поэты.

Примеры визуальной поэзии представлены довольно широко и в зарубежной поэзии.

Под термином «конкретная поэзия» визуальная поэзия появляется в начале 50-х гг. прошлого века одновременно в трех странах: в Швейцарии (Ойген Гомрингер), Швеции (Эйвинд Фальстрем) и Бразилии (Аугусто де Кампос). После Первой международной выставки конкретной и кинетической поэзии («The First International Exhibition of Concrete and Kinetic Poetry»), организованной Майком Вивером в 1964 г., течение быстро распространилось по миру и приобрело популярность в Европе, Японии и США.

Говоря о зарубежной визуальной поэзии, нельзя не упомянуть имя Гийома Аполлинера. Ему принадлежит сборник «лирических идеограмм», названных им каллиграммы, что означает в переводе с греческого «красиво написанное», нарисованное стихотворение. Сам он отмечал, что каллиграмма — всеобъемлющая художественность, преимущество которой состоит в том, что она создает визуальную лирику, которая до сих пор была почти неизвестна. Это искусство таит в себе огромные возможности; вершиной его может стать синтез музыки, живописи, литературы (АПОЛЛИНЕР 1999).

И действительно, Аполлинеру важнее всего было достичь синтеза искусств — давней мечты многих поэтов и музыкантов. Но поэт тут же «проговаривается» и добавляет, что такое оформление текста необходимо, «чтобы читатель с первого взгляда воспринимал все стихотворение целиком, подобно тому, как дирижер одним взглядом охватывает нотные знаки партитуры». Поэтический текст оказывается все же важнее, и Аполлинер пытается заставить визуальную форму работать на содержание. Лучшее всего ему удалось это в стихотворении *Заколотая горлянка и фонтан* (Рис. 4).

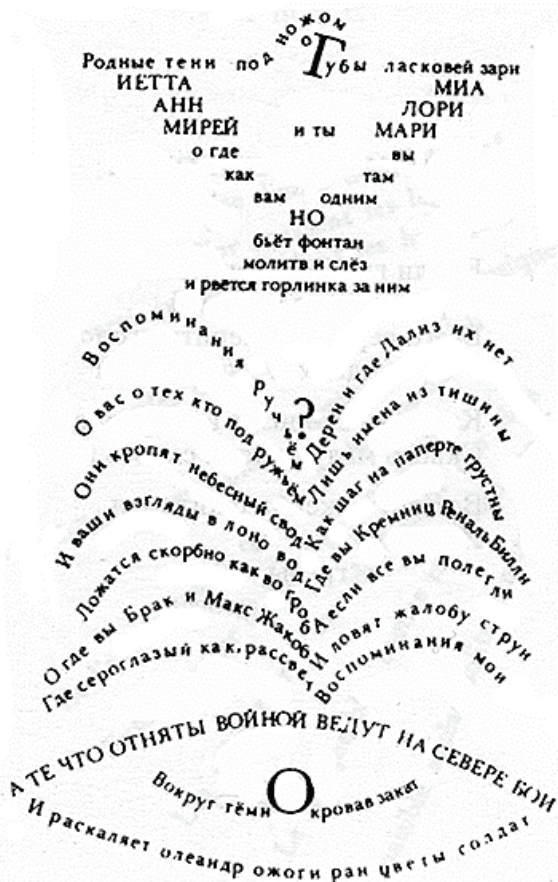

Рис. 4. Заколотая горлинка и фонтан (Г. Аполлинер)

На сегодняшний день не существует строго установленной классификации визуальной поэзии, что можно объяснить, с одной стороны, сложной семиотической структурой и невозможностью однозначного отнесения визуальной поэзии к какой-либо одной сфере культуры. С другой стороны, визуальная поэзия представляет собой подвижный жанр, который активно развивался в течение XX в. и продолжает развиваться в настоящее время, открывая новые формы (видеопэзия, лингвогобелены и др.).

Например, Гик, также выделяющий визуальную поэзию в отдельный поэтический жанр, формальным признаком которого является наличие в произведении вербальных компонентов наряду с визуальными, предлагает достаточно обширную типологию визуальной поэзии, созданную на основе как русских, так и зарубежных произведений и состоящую из 14 групп.

- 1 группа. Нестандартное расположение текста на плоскости.
- 2 группа. Фигуры, состоящие из текста или его элементов.
- 3 группа. Буквы как значимые элементы композиции картины.
- 4 группа. Текст как фон или часть фона работы.
- 5 группа. Текст как декоративный элемент картины (текстовый дизайн).
- 6 группа. Палимпсест.
- 7 группа. Абстрактные композиции из текста или его составляющих.
- 8 группа. Деструкция и метаморфоза текста.
- 9 группа. Изображение как слово или часть слова (ребус).
- 10 группа. Текст как элемент схем, структур, диаграмм.
- 11 группа. Анаграмма.
- 12 группа. Эксперименты с авторским алфавитом.
- 13 группа. Книги — визуальные поэмы.
- 14 группа. Нестандартное расположение текста на плоскости: текст как расшифровка изображения.²

Несмотря на достаточно подробное разделение Гиком визуальной поэзии на группы на основании визуальных техник и приемов можно сказать, что данная типология охватывает лишь часть визуальных экспериментов в поэзии XX в. Анализируя проблему типологии визуальной поэзии, основанную на многообразии и подвижности уже существующих или вновь появляющихся форм, Слуцкая предлагает свой вариант «классификации конкретной поэзии» (СЛУЦКАЯ 2010).

Особую и очень заметную роль в развитии визуальной поэзии, научном осмыслении ее сущности и классификации сыграл Андрей Вознесенский.

² <http://reading-hall.ru/publication.php?id=12664>.

Начало было положено им в 1970 г., когда вышла его книга *Тень звука* с первыми образцами новых примеров изобразительной поэзии, названных им самим «изопы» (ВОЗНЕСЕНСКИЙ 1970: 264). В дальнейшем поэт обогащает палитру стихотворений этого жанра все новыми и новыми образцами визуальной поэзии с выразительными наглядными метафорами, представленными в плоскости. Высокая степень зримой метафоричности обусловили тот факт, что в среде литературоведов расхожим стало определение Вознесенского как «поэта говорящего зрения».

Визуальные произведения Вознесенского можно систематизировать по четырем основным формам:

— изопы (изобразительная поэзия): изобразительная метафора, наглядные, конкретные предметы;

— палиндромы (в форме какой-либо фигуры или траектории): зеркальная метафора;

— кругометы (отдельные знаки и их комбинации, образующие «гусеничные» цепочки, состоящие из одного слова): круговая метафора;

— видеомы (композиции изображения и лексем, которая гармонично вплетается в изображение): метафора-картина.

Изопы. В уже упомянутой книге *Тень звука* Вознесенский писал:

Изопы — это опыты изобразительной поэзии. В противовес эстрадной, тчетской поэзии (ЧП) я попытался — чем черт не шутит! — написать «только для глаз»... изопы соединяют слова и графику, становятся структурными... Мне тоже захотелось порисовать словами, превратить словесную метафору в графически зримую... Я попытался графически дать некоторые стихи, которые в этой книжке набраны и обычным способом. Может, читателю будет интересно увидеть, как создавались они в авторском сознании, перед тем как стать четверостишиями... Предвижу упреки в несерьезности, забавах, играх со словами. Не думаю, что поэзия обязательно «должна быть глуповатой», но почему не быть ей иногда легкомысленной? (ibid.: 155).

Изопы — это, как правило, графика на черном или белом фоне, вербально многоуровневое стихотворение с изобразительной метафорой в основе.

Одно из известных стихотворений Вознесенского этой формы — художественно-поэтическая композиция *Суховаева башня* (Рис. 5).

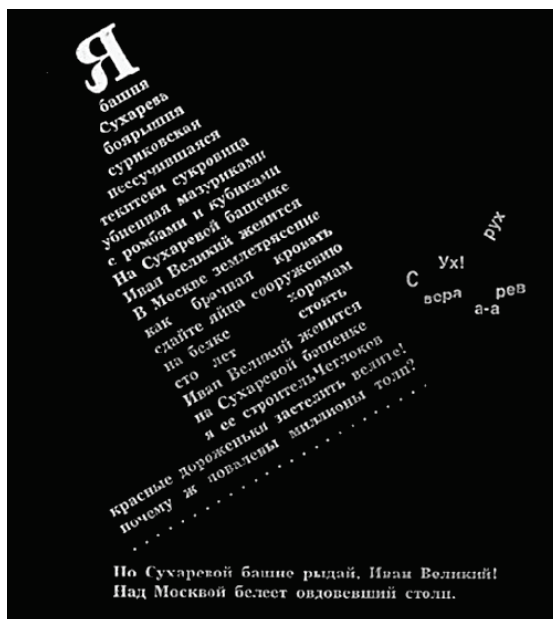

Рис. 5. *Сухарева Башня* (А. Вознесенский)

Адресовано это произведение русскому архитектурному объекту, находившемуся в Москве с 1695 по 1934 гг. на пересечении Садового кольца, Сретенки и 1-й Мещанской улицы. Башня была построена по приказу Петра I, а снесена по распоряжению Сталина.

В этом произведении форма имеет колоссально важное значение: достаточно только взглянуть на стихотворение, его композицию, расположение букв, чтобы внутри сложилось целостное полотно, в котором только благодаря визуальной метафоре падающей башни сразу прочитывается идея — падение чего-то культурного, значительного, отрыв от истоков, громкая гибель, разруха. И такое целостное и тягостное ощущение создается автором уже на уровне выстраивания формы стихотворения — вновь автор обращается к приему метафоры как на уровне текста в целом, так и на буквенном, словесном, фразовом уровнях, и метафора здесь использована с максимальной экспрессией и образностью.

Очень выразительно и знаково в данной композиции представлена самая верхушка башни с символичной буквой «Я»: это и буква, напоминающая развевающийся флаг, и выражение внутреннего голоса автора, гибнущего вместе со зданием, эпохой, собственными взглядами и надеждами. Это одновременно и буквенная, и словесная метафора, громкая и наотмашь. Справа от гибнущей башни также есть яркие буквенные знаки, которые складываются в метафорический рисунок: «С-Ух!-рух-вера-рев-а-а!» — по летучему расположению, по начертанию и произнесению это напоминает падение камней, сухую пыль, которая сначала густо повисает в воздухе и по которой потом небрежно шаркают прохожие, ощущая скрипучий на зубах песок. И эти ощущения вновь переданы при помощи метафоры-буквы и метафоры-слова.

Башня выстроена из метафор-предложений, метафор-словосочетаний и метафор-слов. Слова выстраивают купол башни, поэтому они подобраны очень точно по стилю и эмоциональному накалу — каждое последующее слово экспрессивней предыдущего даже по длине.

Я
башня
Сухарева
боярышня
суриковская
нессучившаяся

Из предложений и словосочетаний выстроены стены башни и ее основание: сверху вниз — от меньшей единицы к большей. Последние два предложения стихотворения стали для автора самыми (во всех смыслах) фундаментальными:

По Сухаревой башне рыдай, Иван Великий!
Над Москвой белеет овдовевший столп.

Эти высказывания остаются с автором и читателем после падения башни: они выстроены очень лаконично, предельно просто, вместе с тем задающая пространство финальная метафора «белеет овдовевший столп» максимально точно отражает, что именно произошло, как относится к этому событию автор.

Об этом стихотворении также можно сказать, что оно целиком выстроено с помощью метафоричных языковых элементов

разного уровня, и каждый символ в произведении поставлен на свое место неслучайно, каждый имеет определенное значение, задает состояние и работает на выражение главной художественной идеи.

Палиндромы. В переводе с греческого ‘назад бегущий’, ‘перевертень’ (ПРОХОРОВА & АНИКЕЕВА 2008: 171 и след.). Это монотип, зеркальная метафора в черно-белой гамме. Пример этой формы мы встречаем в сборнике *Аксиома самоиска* Вознесенского (Рис. 6). Обложка оформлена следующим образом: в виде креста расположены слова, представляющие собой одно и то же слово. Этот палиндром — одно из самых совершенных визуальных произведений (ВОЗНЕСЕНСКИЙ 1990).

Где горит, как над воротами
Перед выходом по списку, —
Жизни крест наоборотный.

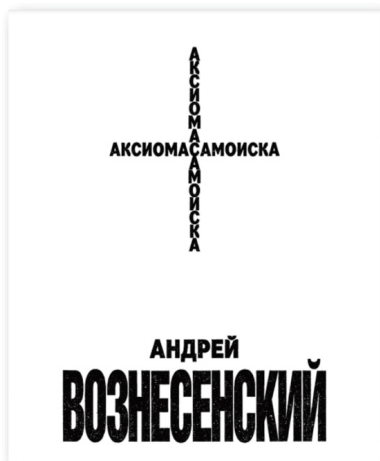

Рис. 6. *Аксиома самоиска* (А. Вознесенский)

Это «волшебное» сочетание Вознесенский расположил в виде креста, уже традиционного тысячелетнего символа. Текст читается по двум плоскостям, слева направо и справа налево, сверху вниз и снизу вверх. При этом не возникает никаких натяжек ни с орфографией, ни с пунктуацией, ни со звуковым строем.

Еще один яркий пример классического палиндрома Вознесенского выглядит так: *А ЛУНА КАНУЛА*. Такой палиндром также легко

читается с обеих сторон.

Кругометы. Этот термин тоже придуман Вознесенским. Он именуется простейший вид изобразительной поэзии. В таких стихах главное не художественность, а игра с отдельными знаками и их комбинациями. Сложение «гусеничных» цепочек типа «МАТЬМАТЬМАТЬМА». Интересный пример кругомета — *Мошкара*. В этом кругомете круговая метафора сочетается с линейным текстом «Мошкара». В центре композиции оказываются кругометы «мошкара-ромашка», плавно переходящие один в другой, и вокруг них разлетается буквенная пыльца из А и О, мягких по форме очертаний знаков. Внизу текст представлен в виде стихотворения в прозе. Важная визуальная особенность здесь состоит в том, что и шрифт становится с засечками — более заземленным, чтобы связь с поверхностью земли была более плотной. Прозаическое изложение выбрано здесь для того, чтобы визуально в нижней части композиции текст выглядел как опавшая пыльца, пыль, земля. Автор задает пространство и движение предметов в нем при помощи метафоры-текста.

Появлению этого кругомета предшествовал конкретный эпизод из жизни лирического героя, который ехал на автомобиле и увидел вьющихся перед фарами стаек мошек. Герой рассмотрел в этой картине букет солнечных ромашек с золотой пылью. В сознании героя возникает метафора «кошмарной ромашки». Взаимодействие метафор разного уровня рождает новые философские смыслы, память вспыхивает, как испуганная, потревоженная стая мошкары, как пыльца с букета ромашек.

Видеомы. Этот вид визуальной поэзии также создал и развил Вознесенский. Видеомы создаются в цвете и относятся к метафорам-картинам. Большую смысловую нагрузку несет название видеомы (ВОЗНЕСЕНСКИЙ 1992). Главная особенность видеомы состоит в том, что вербальная составляющая в них заметно уменьшается; в видеому включен уже не текст, а только одна лексема или буквенный знак. В видеомах также используется и техника коллажа. Поэт считал, что в видеомах концентрируется взаимодействие зрительного и духовного. Первая созданная Вознесенским видеома была посвящена столетию Б. Пастернака: на пла-

кате поэт изображается распятым на кресте. Посмотрим видеому, названную *Пастернака* — фамилией поэта в родительном падеже. Это относит нас к подтексту: надгробье Пастернака с крестом Пастернака читается как его смерть, мучения и душевные переживания (Рис. 7).

Рис. 7. *Пастернака* (А. Вознесенский)

В этой видеоме визуальный компонент и зрительный образ являются ключевыми: на черном фоне появляется крест с распятым поэтом, только он уже стоит на надгробной плите. Здесь раскрывается идея бумаги как носителя искусства, а вместе с тем предательства и гибели. Символизм и метафоричность произведения дополнены тем, что и надгробье, и крест выполнены из бумаги, на которых видны обрывки рукописей.

В визуальном творчестве Вознесенского категория видеом — одна из наиболее многочисленных. Здесь большая нагрузка и слова, и изображения. Метафора в видеомех многоуровневая.

С опорой на анализ существенных характеристик визуальной поэзии на примере творчества Вознесенского отметим, что визуальная поэзия получает все большее распространение среди жанров поэзии нашего времени и требует дальнейшего изучения с применением различных методов исследования. При этом особого внимания заслуживает методологический подход, предложенный Слуцкой:

Визуальная поэзия рассматривается как семантическая когерентность вербальных и невербальных компонентов. При этом выделяется ряд факторов (актуализация значения, иронизация, атмосферизация, неконгруэнтность, колорит), появляющихся в результате взаимодействия вербальных и невербальных составляющих и способствующих реализации одной из основных функций текста — эстетической (СЛУЦКАЯ 2011: 7).

Анализ визуальной поэзии убедительно показывает, что в числе многих поэтов, отечественных и зарубежных, которым был не чужд этот поэтический жанр, фигура Вознесенского занимает значительное место. В историю мировой культуры Вознесенский вошел как поэт и художник новой формации, как большой мастер стихотворной метрики и метафоры, как яркий новатор визуальной поэзии.

Исследование визуальной поэзии в отечественном и зарубежном искусстве, имеющей богатую историю и неоценимый опыт, по сути, еще только начинается. Будучи ярким синтезом многих искусств, визуальная поэзия хранит множество неразгаданных тайн и открывает увлекательные возможности творческого осмысления этого уникального многоаспектного явления.

© Малыгин В. Т.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Авербух К. Я., Карпова О. М. Лексические и фразеологические аспекты перевода. М.: Академия, 2009. [Averboukh, Konstantin Ya. & Karпова, Olga M. (2009) *Leksicheskiye i frazeologicheskiye aspekty perevoda* (Lexical and Phraseological Aspects of Translation). Moscow: Akademiya. (In Russian)].
- Аверинцев С. С. Гете и Пушкин. М.: Новый мир. 1999. [Averintsev, Sergey S. (1999) *Gete i Pushkin* (Goethe and Pushkin). Moscow: Novyy mir. (In Russian)].
- Адашкевич И. В., Кислик Н. В. Язык-посредник на занятиях по РКИ // Карповские научные чтения. 2016. № 10. С. 149—152. [Adashkevich, Irina V. & Kislik, Natalya V. (2016) *Yazyk-posrednik na zanyatiyakh po RKI* (Intermediary Language at the Lessons of Russian as a Foreign Language). *BSU. Scientific Karпов Readings*, 10, 149—152. (In Russian)].
- Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1955. [Admoni, Vladimir G. (1955) *Vvedeniye v sintaksis sovremennogo nemetskogo yazyka* (Introduction to the Syntax of the Modern German Language). Moscow: Publishing House of Literature in Foreign Languages. (In Russian)].
- Акулова К. П. Разграничение членов предложения в современном немецком языке. Л.: Ленинградский гос. ун-т, 1971. [Akulova, Kira P. (1971) *Razgranicheniye chlenov predlozheniya v sovremennom nemetskom yazyke* (Differentiation of Sentence Members in Modern German). Leningrad: Leningrad State University. (In Russian)].
- Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М.: Московский гос. ун-т, 1971. [Alisova, Tatyana B. (1971) *Ocherki sintaksisa sovremennogo ital'yanskogo yazyka* (Essays on the Syntax of the Modern Italian Language). Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Ангел А. В., Волкова Е. А. Роль языка-посредника на уроках русского языка как иностранного в условиях современного вуза // Преподаватель XXI век. 2020. Вып. 1. С. 159—167. [Angel, Anastasiya V. & Volkova, Yekaterina A. (2020) *Rol' yazyka-posrednika na urokakh russkogo yazyka kak inostrannogo v usloviyakh sovremennogo vuza* (The Role of Intermediary Language at the Lessons of Russian as a Foreign Language in the Context of a Present-Day University). *Prepodavatel XXI vek* (Teacher of the 21st Century), 1, 159—167. (In Russian)]. DOI: 10.31862/2073-9613-2020-1-159-167.

- Аполлинер Г. Каллиграммы. Стихотворения мира и войны 1913 — 1916. М.: Терция; Кристалл, 1999. [Apollinaire, Guillaume. (1999) *Kalligrammy Stikhotvoreniya mira i voyny 1913 — 1916* (Calligrams Poems of Peace and War 1913 — 1916). Moscow: Tertsiya; Kristall. (In Russian)].
- Апресян Ю. Д. и др. Англо-русский синонимический словарь. М.: Русский язык, 1988. (2-е изд., стереотип.) [Apresyan, Yuriy D. & al. (1988) *Anglo-russkiy sinonimicheskiy slovar'* (English-Russian Synonymous Dictionary). Moscow: Russkiy yazyk. (In Russian)].
- Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1981. Т. 40. № 4. С. 356—367. [Arutyunova, Nina D. (1981) Faktor adresata (Addressee Factor). *The Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR: Studies in Literature and Language*, vol. 40, 4, 356—367. (In Russian)].
- Арутюнова Н. Д. Событие, оценка, факт. М.: Наука, 1988. [Arutyunova, Nina D. (1988) *Sobytiye, otsenka, fakt* (Event, Assessment, Fact). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. [Arutyunova, Nina D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* (Language and World of a Human Being). Moscow: LRC Publishers. (In Russian)].
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1996. [Akhmanova, Olga S. (1996) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* (Dictionary of Linguistic Terms). Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russian)].
- Бадаев А. Ф. Функциональные типы поэтической графики: на материале русской поэзии XVII — XXI вв: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический ун-т, 2005. [Badayev, Aleksey F. (2005) *Funktsional'nyye tipy poeticheskoy grafiki: na materiale russkoy poezii 17 — 21 vv.* (Functional Types of Poetic Graphics: on the Material of Russian Poetry of the 17th — 21st Centuries). PhD thesis in Philology. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russian)].
- Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. М.: Флинта, 2012. [Baranov, Anatoliy N. (2013) *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta* (Linguistic Expertise of Text). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Безукладова И. Ю. Интерпретация как основа эгоцентрической категоризации пространства // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXIII. С. 547—554. [Bezukladova, Irina Yu. (2015) *Interpretatsiya kak osnova egotsentricheskoy kategorizatsii prostranstva*

- (Interpretation as the Basis of Egocentric Categorization of Space). *Cognitive studies of language*, XXIII, 547—554. (In Russian)].
- Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М.: Российский государственный гуманитарный ун-т, 2001. [Belikov, Vladimir I. & Krysin, Leonid P. (2001) *Sotsiolingvistika* (Sociolinguistics). Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russian)].
- Бельская Е. В. Проблемы интенсивности в современной отечественной лексикологии // Вестник Томского государственного ун-та. 2004. № 282. С. 202—209. [Belskaya, Yelena V. (2004) Problemy intensivnosti v sovremennoy otechestvennoy leksikologii (Problems of Intensity in Modern Domestic Lexicology). *Bulletin of Tomsk State University*, No. 282, 202—209. (In Russian)].
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. [Benveniste, Émile. (1974) *Obshchaya lingvistika* (General Linguistics). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Берберова Н. Н. Железная женщина. М.: Книжная палата, 1991. [Berberova, Nina N. (1991) *Zheleznaya zhenshhina* (An Iron Woman). Moscow: Knizhnaya palata. (In Russian)].
- Берзина Г. П. Категория уступительности и ее интерпретирующий потенциал в немецкой языковой картине мира: дис. ... доктора филол. наук: 5.9.6; 5.9.8. Тамбов: Тамбовский государственный ун-т, 2023. [Berzina, Galina P. (2023) *Kategoriya ustupitel'nosti i yeye interpretiruyushchiy potentsial v nemetskoj yazykovoy kartine mira* (The Category of Compliance and its Interpretive Potential in the German Language Picture of the World). Advanced PhD thesis in Philology. Tambov: Tambov State University. (In Russian)].
- Берков В. П. Двухязычная лексикография. СПб.: Санкт-Петербургский государственный ун-т, 1996. [Berkov, Vladimir P. (1996) *Dvuyazychnaya leksikografiya* (Bilingual Lexicography). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian)].
- Берков В. П. Работы по языкознанию. СПб.: Санкт-Петербургский государственный ун-т, 2011. [Berkov, Vladimir P. (2011) *Raboty po yazykoznaniiyu* (Works on Linguistics). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian)].
- Беседина Н. А. Морфологические категории в аспекте языковой интерпретации // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов: Тамбовский государственный ун-т, 2017. С. 311—327. [Besedina, Natal'ya A. (2017) Morfologicheskiye kategorii v aspekte yazykovoy interpretatsii (Morphological Categories in the Aspect of Linguistic Interpretation). In: Besedina, Natal'ya A. (ed.)

- World interpretation in language*. Tambov: Tambov State University, 311—327. (In Russian)].
- Бинович А. Э. Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Аквариум, 1995. [Binovich, Leonid E. (1995) *Nemetsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* (German-Russian Phraseological Dictionary). Moscow: Aquarium. (In Russian)].
- Бобырева Н. Н. Антропонимическое пространство спортивного дискурса: структурно-семантический и функционально-стилистический аспекты: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2022. [Bobiriova, Nataliya N. (2022) *Antroponimicheskoye prostranstvo sportivnogo diskursa: strukturno-semanticheskiy i funktsionalno-stilisticheskiy aspekty*. (Antroponimic Space of Sport Discourse: Structural-Semantic and Functional-Stylistic Analysis). Advanced PhD thesis in Philology. Kazan: Kazan (Volga) Federal University. (In Russian)].
- Болдырев Н. Н. Категориальный уровень представления знаний в языке // Когнитивные исследования языка. 2010. Вып. VII. С. 45—59. [Boldyrev, Nikolay N. (2010) *Kategorial'nyy uroven' predstavleniya znaniy v yazyke* (Categorical Level of Knowledge Representation in the Language). *Cognitive studies of language*, VII, 45—59. (In Russian)].
- Болдырев Н. Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий // Вестник Тамбовского государственного ун-та. 2011. № 1 (93). С. 9—16. [Boldyrev, Nikolay N. (2011) *Rol' interpretiruyushchey funktsii v formirovanii yazykovykh kategoriy* (The Role of the Interpretive Function in the Formation of Language Categories). *Bulletin of the Tambov State University named after G.R. Derzhavin*, 1 (93), 9—16. (In Russian)].
- Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика. М.: Просвещение, 1987. [Bondaletov, Vasily D. (1987) *Sotsial'naya lingvistika* (Social Linguistics). Moscow: Prosveshcheniye. (In Russian)].
- Бондарко А. В. Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. М.: Наука, 2005. [Bondarko, Aleksandr V. (2005) *Problemy funktsional'noy grammatiki. Polevyye struktury* (Problems of Functional Grammar. Field Structures). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Бондарко А. В. Категоризация в системе функциональной грамматики // Вопросы филологии. 2006. № 1 (22). С. 22—32. [Bondarko, Aleksandr V. (2006) *Kategorizatsiya v sisteme funktsional'noy grammatiki* (Categorization in the Functional Grammar System). *Questions of philology*, 1 (22), 22—32. (In Russian)].

- Борзенко Е. О. Нестандартные формы компаратива в современном русском языке: образование, употребление, семантика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М.: Российский государственный гуманитарный ун-т, 2018. [Borzenko, Yekaterina O. (2018) *Nestandartnyye formy komparativa v sovremennom russkom yazyke: obrazovaniye, upotrebleniye, semantika* (Non-standard Forms of Comparative in the Modern Russian Language: Formation, Use, Semantics). Extended abstracts of PhD thesis in Philology. Moscow: Russian State Humanitarian University. (In Russian)].
- Борисенко Т. В. Принцип организации элементов специальной категории // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. № 4 (55). С. 694—697. [Borisenko, Tat'yana V. (2023) Printsip organizatsii elementov spetsial'noy kategorii (The Organization Principle of Elements of a Special Category). *Cognitive studies of language*, 4 (55), 694—697. (In Russian)].
- Брандес М. П. Стилистика немецкого языка. М.: Высшая школа, 1983. [Brandes, Margarita P. (1983) *Stilistika nemetskogo yazyka* (Stylistics of the German language). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография. Барнаул: АлтГПА, 2009. [Brinyov, Konstantin I. (2009) *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza* (Theoretical Linguistics and Judicial Linguistic Expertise). Barnaul: Altai State Pedagogical Academy. (In Russian)].
- Бурмистрова А. В. Лингвостилистический анализ английской терминологии фондового рынка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иваново: Ивановский государственный ун-т, 2001. [Burmistrova, Anna V. (2001) *Lingvostilisticheskiy analiz angliyskoy terminologii fondovogo rynka*. (Linguostylistic Analysis of English Terminology of Stock Market). PhD thesis in Philology. Ivanovo: Ivanovo State University. (In Russian)].
- Бюлер К. Теория языка. М.: Прогресс, 1993. [Bühler, Karl. (1993) *Teoriya yazyka* (Theory of Language). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Ван Цзиньлин, Колкер Я. М., Устинова Е. С., Марьяновская Е. Л. Русский как иностранный: преподавание с опорой на родной язык и язык-посредник. СПб.: Алеф-Пресс, 2019. [Wang Jinling; Kolker, Yakov M.; Ustinova, Yelena S. & Maryanovskaya, Yelena L. (2019) *Russkiy kak inostrannyi: prepodavaniye s oporoy na rodnoy yazyk i yazyk-posrednik* (Russian as a Foreign Language: Teaching based on the Native Language and the Intermediary Language). Saint Petersburg: Alef-Press. (In Russian)].

- Василенко Д. В. Репрезентация профессионального знания в текстах сферы нанотехнологии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, 2021. [Vasilenko, Darja V. (2021) *Reprezentatsiya professionalnogo znaniya v tekstakh sfery nanotekhnologii*. (Presentation of Professional Knowledge in the Texts of Nanotechnology). PhD thesis in Philology. Perm: Perm State Research University. (In Russian)].
- Вербицкая М. В. Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка): дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. М.: Московский государственный ун-т им. М. В. Ломоносова, 2000. [Verbitskaya, Mariya V. (2000) *Teoriya vtorichnykh tekstov (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka)* (Theory of Secondary Texts (Based on the Material of Modern English)). Advanced PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. [Vereschagin, Yevgeniy M. & Kostomarov, Vitaliy G. (1990) *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova* (Linguistic and Cultural Theory of Word). Moscow: Russian Language. (In Russian)].
- Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М: Высшая школа, 1989. [Veselovskiy, Aleksandr N. (1989) *Istoricheskaya poetika* (Historical Poetics). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Викулова Л. Г., Рянская Э. М. Метатекст в репрезентации концептуального содержания философского словаря // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. № 4 (55). С. 67—70. [Vikulova, Larisa G. & Ryanskaya, El'vira M. (2023) Metatekst v reprezentatsii kontseptual'nogo sodержaniya filosofskogo slovarya (Metatext in the Representation of the Conceptual Content of the Philosophical Dictionary). *Cognitive studies of language*, 4 (55), 67—70. (In Russian)].
- Виноградов В. В. Русский язык. М.-Л.: Учпедгиз, 1941. [Vinogradov, Viktor V. (1941) *Russkiy yazyk* (Russian Language). Moscow; Leningrad: Uchpedgiz. (In Russian)].
- Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1947. [Vinogradov, Viktor V. (1947) *Russkiy yazyk: (Grammaticheskoye ucheniye o slove)* (Russian Language: (Grammatical Doctrine of the Word)). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. [Vinogradov, Viktor V. (1975) *Issledovaniya po russkoy grammatike* (Studies on Russian Grammar). Moscow: Nauka. (In Russian)].

- Вознесенский А. А. Тень звука. Стихи. М.: Молодая гвардия, 1970. [Voznesensky, Andrey A. (1970) *Ten' zvuka. Stikhi* (Shadow of Sound. Poetry). Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian)].
- Вознесенский А. А. Аксиома самоиска. М.: ИКПА, 1990. [Voznesensky, Andrey A. (1990) *Aksioma samoiska* (Axiom of Self-search). Moscow: ИКПА. (In Russian)].
- Вознесенский А. А. Видеомы. Стихи, визуальные объекты, проза. М.: Культура, 1992. [Voznesensky, Andrey A. (1992) *Videomy. Stikhi, vizual'nyye obyekty, proza* (Videoms. Poetry, Visual Objects, Prose). Moscow: Kultura. (In Russian)].
- Володько А. В. «Непостижимая связь между нами»: Морис Бэринг и Россия // Диалог со временем. 2018. Вып. 64. С. 165—178. [Volod'ko, Anna V. (2018) "Nepostizhimaya sv'az' mezhdhu nami": Moris Bering i Rossiya ("The incomprehensible connection between us": Maurice Baring and Russia). *Dialog so vremenem* (Dialog with Time), 64, 165—178. (In Russian)].
- Гайнутдинова С. Р. Степени сравнения прилагательных и их синтаксические функции в немецком языке на материале современной немецкой прозы // Актуальные проблемы современного общества / отв. ред. И. А. Казачихина. Новосибирск: Новосибирский государственный технический ун-т, 2016. С. 16—22. [Gaynutdinova, S. R. (2016) *Stepeni sravneniya prilagatel'nykh i ikh sintak-sicheskiye funktsii v nemetskom yazyke na materiale sovremennoy nemetskoey prozy* (Degrees of Comparison of Adjectives and their Syntactic Functions in the German Language based on the Material of Modern German Prose). In: Kazachikhina, Irina A. (ed.) *Aktual'nyye problemy sovremennoy obshchestva* (Urgent Problems of Modern Society). Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University, 16—22. (In Russian)].
- Гак В. Г. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М.: Высшая школа, 1965. [Gak, Vladimir G. (1965) *Ocherki po sopostavitel'nomu izucheniyu frantsuzskogo i russkogo yazykov* (Essays on the Comparative Study of French and Russian Languages). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Галяшина Е. И. Об истории судебной фоноскопической экспертизы. М.: Вестник Университета имени О. Е. Кутафина, 2014. [Galyashina E.I. Ob istorii sydebnoy phonoskopicheskoy ekspertizi (On the History of Judicial Phonoscopic Expertise). М.: Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutaphina, 2014. 181 p. (In Russian)].
- Галяшина Е. И. Основы судебного речеведения. М.: СТЭНСИ, 2003.

- [Galyashina, Yelena I. (2003) *Osnovy sudebnogo rechevedeniya* (Fundamentals of Judicial Speech Science). M.: STENSI. (In Russian)].
- Гарбовский Н. К. О функционально-стилистической вариативности языка // Вопросы системной организации речи. М.: Московский государственный ун-т, 1988. С. 9—35. [Garbovskiy, Nikolay K. (1988) O funktsional'no-stilisticheskoy variativnosti yazyka. In: *Voprosy sistemnoy organizatsii rechi* (On the Functional and Stylistic Variability of the Language). Moscow: Moscow State University, 9—35. (In Russian)].
- Гаспаров М. Л. Поэт и поэзия в римской культуре // Культура Древнего Рима: в 2 т. М.: Наука, 1985. Т. 1. С. 300—335. [Gasparov, Mikhail L. (1985) Poet i poeziya v rimskoy kul'ture (The Poet and the Poetry in Roman Culture). In: Gasparov, Mikhail L. *Culture of Ancient Rome* (Kul'tura Drevnego Rima). In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Nauka, 300—335. (In Russian)].
- Герд А. С. Основы научно-технической лексикографии. Л.: Ленинградский государственный ун-т, 1986. [Gerd, Alexandr S. (1986) *Osnovy nauchno-tekhnicheskoy leksikografii* (Basis of Scientific Technical Lexicography). Leningrad: Leningrad State University. (In Russian)].
- Гивон Т. Сложность и развитие // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / сост.: А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев и др. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 89—122. [Givón, Tomas. (2015) Slozhnost' i razvitiye (Complexity and Development). In: Kibrik, Andrey A.; Koshelev, Alexey D. & al. (eds) *Yazyk i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika* (Language and Thought: the Modern Cognitive Linguistics). Moscow: LRC Publishers, 89—122. (In Russian)].
- Гильманов В. Х., Копцев И. Д. «Зона Фауста» в творчестве Гете и Пушкина // Гете В. Собр. соч. в 10 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1976. [Gil'manov, Vladimir Kh. & Koptsev, Ivan D. (1976) "Zona Fausta" v tvorchestve Gete i Pushkina ("Faust Zone" in the Works by Goethe and Pushkin). In: Goethe, Johann Wolfgang. *Collected Works*. In 10 vols. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].
- Гильманов В. Х., Копцев И. Д. «Зона Фауста» в творчестве Гете и Пушкина // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. 2015. № 8. С. 65—71. [Gil'manov, Vladimir Kh. & Koptsev, Ivan D. (2015) "Zona Fausta" v tvorchestve Gete i Pushkina ("Faust Zone" in the Works by Goethe and Pushkin). *IKBFU's Vestnik*, 8, 65—71. (In Russian)].

- Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах: учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высшая школа, 1987. [Golovin, Boris N. & Kobrin, Rafail Yu. (1987) *Lingvisticheskiye osnovy ucheniya o terminakh* (Linguistic Basis of Terminology Studies). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Голубева Н. А. К вопросу о прецедентной функции языкового знака (когнитивно-дискурсивная теория прецедентности) // Современная германистика и западноевропейская литература (= Modern Germanic Philology and West-European Literature): коллективная монография / отв. ред. А. В. Иванов, В. М. Бухаров. М.: Флинта, 2019. С. 119—153. [Golubeva, Nadezhda A. (2019) K voprosu o pretsedentnoy funktsii yazykovogo znaka (kognitivno-diskursivnaya teoriya pretsedentnosti) (On the Question of the Precedent Function of a Linguistic Sign (Cognitive-discursive Theory of Precedent)). In: Ivanov, Andrey V. & Bukharov, Valeriy M. (eds): *Sovremennaya germanistika i zapadnoyevropeyskaya literatura* (Modern Germanic Philology and West-European Literature). Moscow: Flinta, 119—153. (In Russian)].
- Голубева Н. А. Прецедентность в парадигматике и синтагматике (на примере сравнений немецкого языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 1. С. 85—101. [Golubeva, Nadezhda A. (2022) Pretsedentnost' v paradigmatike i sintagmatike (na primere sravneniy nemetskogo yazyka) (Precedent in Paradigmatics and Syntagmatics (by the Example of Comparisons of the German Language)). *Questions of cognitive linguistics*, 1, 85—101. (In Russian)]. doi: 10.20916/1812-3228-2022-1-85-101
- Голубева Н. А. К вопросу о процедурной семантике (на примере редкого языка) // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. № 4 (55). С. 546—549. [Golubeva, Nadezhda A. (2023) K voprosu o protsedurnoy semantike (na primere redkogo yazyka) (On the Issue of Procedural Semantics (by the Example of a Rare Language)). *Cognitive studies of language*, 4 (55), 546—549. (In Russian)].
- Горбатенко О. Г., Василева Т. В. Виды лингвистической экспертизы в юриспруденции: цель и результаты // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2016. № 1. С. 239—243. [Gorbatenko, Olga G. & Vasilyova, Tatyana V. (2016) Vidy lingvisticheskoy ekspertizy v yurisprudentsii: tzel' i rezultaty (Kinds of Linguistic Expertise: Aim and Results). *Business in Law. Economic and Legal Journal*, 1, 239—243. (In Russian)].
- Горский Д. П. Вопросы абстракции и отображения понятий. М.: АН

- СССР, 1961. [Gorskiy, Dmitriy P. (1961) *Voprosy abstraktsii i otobrazheniya ponyatii* (Issues of Abstraction and Mapping of Concepts. Moscow: USSR Academy of Sciences. (In Russian)].
- Греймас А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода. М.: Академический Проспект, 2004. [Greimas, Algirdas J. (2004) *Strukturnaya semantika: Poisk metoda* (Structural Semantics: Method Search). Moscow: Akademicheskii Prospekt. (In Russian)].
- Гринев-Гриневич С. В. Теория языка: антропологистика: учебное пособие. М.: ВКН, 2021. [Grinyov-Grinevich, Sergey V. (2021) *Teoriya yazyka: antropolinguistika* (Theory of the Language: Anthropolinguistics). Moscow: VKN. (In Russian)].
- Гришаева Л. И. Конструирование симулякров как проявление новых способов организации текста? // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. № 2 (41). С. 72—76. [Grishayeva, Lyudmila I. (2020) *Konstruirovaniye simulyakrov kak proyavleniye novykh sposobov organizatsii teksta?* (Constructing Simulacra as a Manifestation of New Ways of Organizing a Text?). *Cognitive studies of language*, 2 (41), 72—76. (In Russian)].
- Громова Н. С. Лингвокультурологический аспект анализа креолизованных текстов. Новосибирск: Язык и культура, 2013. [Gromova, Nataliya S. (2013) *Lingvokulturologicheskiy aspekt analiza kreoлизованnykh tekstov* (Linguocultural Aspect of Analyzing Creolized Texts). Novosibirsk: Yazyk i kultura. (In Russian)].
- Гулыга Е. В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М.: Высшая школа, 1971. [Gulyga, Yelena V. (1971) *Teoriya slozhnopodchinennogo predlozheniya v sovremennom nemetskom yazyke* (The Theory of Complex Sentences in Modern German). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Гулыга Е. В., Натанзон М. Д. Синтаксис современного немецкого языка. Л.: Просвещение, 1966. [Gulyga, Yelena V. & Natanson, Mariya D. (1966) *Sintaksis sovremennogo nemetskogo yazyka* (Syntax of the Modern German Language). Leningrad: Prosveshcheniye. (In Russian)].
- Денисова Г. Л. Компаративное высказывание в познании мира. Тольятти: ВУиТ, 2007. [Denisova, Galina L. (2007) *Komparativnoye vy'skazyvaniye v poznanii mira* (Comparative Statement in the Knowledge of the World). Tolyatti: Volzhsky University. (In Russian)].
- Дивьяк Д. Исследование грамматики восприятия (на материале русского языка) // Язык и мысль: Современная когнитивная лингви-

- стика / сост.: А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев и др. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 448—477. [Div'yak, Dagmar. (2015) *Issledovaniye grammatiki vospriyatiya (na materiale russkogo yazyka)* (The Study of the Grammar of Perception (Based on the Material of the Russian Language)) In: Kibrik, Andrey A.; Koshelev, Alexey D. & al. (eds) *Yazyk i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika* (Language and Thought: the Modern Cognitive Linguistics). Moscow: LRC Publishers, 448—477. (In Russian)].
- Дмитриева Е. Н., Оберемко О. Г. Межкультурная и межэтническая коммуникация — основа подготовки лингвиста к межкультурному диалогу в процессе обучения в вузе // Вестник НГЛУ. 2020. № 4 (52). С. 127—142. [Dmitriyeva, Yelena N. & Oberemko, Olga G. (2020) *Mezhkul'turnaya i mezhetnicheskaya kommunikatsiya — osnova podgotovki lingvista k mezhkul'turnomu dialogu v protsesse obucheniya v vuze* (Intercultural and Interethnic Communication — the Basis for Preparing a Linguist for Intercultural Dialogue in the Process of Studying at University). *LUNN Bulletin*, 4 (52), 127—142. (In Russian)]. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-52-4-127-142.
- Дмитриева У. М. Мотив плавания-полета в поэзии А. С. Пушкина // Культура и текст: культурный смысл и коммуникативные стратегии: сб. науч. статей к 70-летию Ежи Фарино / под ред. Г. П. Козубовской. Барнаул: АлтГПА, 2011. С. 294—302. [Dmitriyeva, Ulyana M. (2011) *Motiv plavaniya-poleta v poezii A. S. Pushkina* (The Motive of Sailing-Flying in A.S. Pushkin's Poetry. In: Kozubovskaya, G. P. (ed.) *Kul'tura i tekst: kul'turnyy smysl i kommunikativnyye strategii* (Culture and Text: Cultural Meaning and Communication Strategies). Barnaul: Altai State Pedagogical Academy, 294—302. (In Russian)].
- Достоевский Ф. М. Пушкин (очерк) // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Л.: Наука, 1988 — 1996. Т. 14 (1995). С. 425—440. [Dostoevskiy, Fedor M. (1995) *Pushkin (ocherk)* (Pushkin (An Outline)). In: Dostoevskiy, Fedor M. *Collected Works*. In 15 vols. Vol. 14. Leningrad: Nauka, 425—440. (In Russian)].
- Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литератур. М.: Прогресс, 1979. [Durišin, Dionyz. (1979) *Teoriya sravnitel'nogo izucheniya literatur* (Theory of Comparative Study of Literature). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Елина Е. А. Изобразительное искусство в интерпретациях: лингво-семиотический взгляд. Саратов: Наука, 2012. [Yelina, Yevgeniya A. (2012) *Izobrazitel'noye iskusstvo v interpretatsiyakh: lingvo-semioticheskiy*

- vzglyad* (Visual Art in Interpretations: a Linguo-Semiotic View). Saratov: Nauka. (In Russian)].
- Ерофеева Т. И. Социолект: стратификационное исследование: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19. СПб.: Санкт-Петербургский государственный ун-т, 1995. [Yerofeyeva, Tamara I. (1995) *Sotsiolekt: stratifikatsionnoye issledovaniye* (Sociolect: Stratification Research). Extended abstract of advanced PhD thesis in Philology. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian)].
- Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. [Jespersen, Otto. (1958) *Filosofiya grammatiki* (Philosophy of Grammar). Moscow: Foreign Literature. (In Russian)].
- Жабин Д. В. Влияние патофизиологических факторов на речь говорящего в условиях хронического стресса (на примере эндокринной патологии). Челябинск: ЧелГУ, 2018. [Zhabin, Dmitriy V. (2018) *Vliyaniye patofiziologicheskikh faktorov na rech' govoryaschego v usloviyakh khronicheskogo stressa* (na primere endokrinnoy patologii) (Influence of Pathophysiological Factors on Speech under Conditions of Chronical Stress (on the Example of Endocrine Pathology)). Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. (In Russian)].
- Жалинский А. Э. Избранные труды. Том 1. Криминология. М: ГУ ВШЭ, 2003. [Zhalinskiy, Alfred E. (2003) *Izbrannyye Trudy. Kriminologiya* (Selected Works. Criminology). Moscow: Higher School of Economics. (In Russian)].
- Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Ленинград: Наука, 1979. [Zhirmunskiy, Viktor M. (1979) *Sravnitel'noye literaturovedeniye: Vostok i Zapad* (Comparative Literary Studies: East and West). Leningrad: Nauka. (In Russian)].
- Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Ленинград: Наука, 1981. [Zhirmunskiy, Viktor M. (1981) *Gete v russkoy literature* (Goethe in the Russian Literature). Leningrad: Nauka. (In Russian)].
- Жирмунский В. М. Поэтика русской поэзии. СПб.: Азбука-классика, 2001. [Zhirmunskiy, Viktor M. (2001) *Poetika russkoy poezii* (Poetics of the Russian Poetry). Saint Petersburg: Azbuka-klassika. (In Russian)].
- Зарецкая А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Челябинск: Челябинский государственный ун-т, 2010. [Zaretskaya, Anna N. (2010) *Osobennosti realizatsii podteksta v kinodiskurse* (Features of the Implementation of Subtext in Film Discourse). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. (In Russian)].
- Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Современный немецкий язык. М.: Изд-во

- литературы на иностранных языках, 1957. [Zinder, Lev R. & Stroyeva, Tatyana V. (1957) *Sovremennyy nemetskiy yazyk* (Modern German). Moscow: Publishing House of Literature in Foreign Languages. (In Russian)].
- Змудяк Г. А. Элатив как лексико-грамматическая категория // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета. Минск: Минский государственный лингвистический ун-т, 2001. С. 38—39. [Zmudyak, Galina A. (2001) *Elativ* как leksiko-grammaticheskaya kategoriya (Elativ as a Lexical and Grammatical Category). In: *Materialy yezhegodnoy nauchnoy konferentsii prepodavateley i aspirantov universiteta* (Proceedings of the Annual Scientific Conference of University Teachers and Graduate Students). Minsk: Minsk State Linguistic University, 38—39. (In Russian)].
- Зуева Е. В. Прецедентный характер уступительных коннекторов в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2021. [Zuyeva, Yevgeniya V. (2021) *Pretsedentnyy kharakter ustupitel'nykh konnektorov v sovremennom nemetskom yazyke* (The Precedent Nature of Concessional Connectors in Modern German). PhD thesis in Philology. Nizhniy Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistic University. (In Russian)].
- Иванова Р. А. Элементарив как синсемантический лексико-грамматический индекс в составе модально-диктальной конструкции // Функциональные аспекты языка: традиции и перспективы. Материалы Чтений памяти профессора А. Т. Кукушкиной. Т. I. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2014. С. 64—73. [Ivanova, Rimma A. (2014) *Elementativ* как sinsemantichnyy leksiko-grammaticheskii indeks v sostave modal'no-diktal'noy konstruksii (Elementative as a Synsemantic Lexico-grammatical Index as Part of a Modal-dictal Construction). In: Nikonova, Zhanna V. (ed.) *Funktional'nyye aspekty yazyka: traditsii i perspektivy* (Functional Aspects of Language: Traditions and Prospects). Vol. I. Nizhny Novgorod: LUNN, 64—73. (In Russian)].
- Иконникова В. А., Цверкун Ю. Б. Лингвокультурологические исследования англоязычных отраслевых терминологий и современные технологии в лингвистике (бакалавриат, магистратура): монография. Москва: Русайнс, 2021. Ikonnikova, Valentina A., Tsverkun, Yulia B. (2021) *Lingvokulturologicheskiye issledovaniya angloyazychnykh ot-raslevykh terminologiy i sovremennyye tekhnologii v lingvistike* (bachelor's, master's),

- magistratura*) (Linguocultural Studies of English Domain Terminologies and Modern Technologies in Linguistics (Bachelors, Masters Degree)). Moscow: Rusains. (In Russian)].
- Ильгова Д. А. Визуальная поэзия XX века в контексте интермодальности: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. М.: Российский государственный педагогический ун-т, 2022. [Il'gova, Darya A. (2022) *Vizual'naya poeziya 20 veka v kontekste intermodal'nosti* (Visual poetry of the twentieth century in the context of intermodality). PhD thesis in Culturology. Moscow: Russian State Pedagogical University. (In Russian)].
- Казими́рова С. Н. Язык-посредник и преподавание иностранного языка. Филология и лингвистика. 2017. № 1 (5). С. 48—52. [Kazimirova, Svetlana N. (2017) *Yazyk-posrednik i prepodavaniye inostrannogo yazyka*. *Filologiya i lingvistika* (Intermediary Language and Foreign Language Teaching). *Philology and Linguistics*, 1 (5), 48—52. (In Russian)].
- Камянова Т. Г. Deutsche Grammatik. Грамматика немецкого языка: теория и практика. Часть I. Теоретическая грамматика. М.: Direct MEDIA, 2020. [Kamyanova, Tatyana G. (2020) *Deutsche Grammatik. Grammatika nemetskogo yazyka: teoriya i praktika* (German grammar: Theory and Practice). Part I. Theoretical Grammar. Moscow: Direct MEDIA. (In Russian)].
- Карасик В. И. Языковая спираль: Ценности, знаки, мотивы. М.: Гнозис, 2019. [Karasik, Vladimir I. (2019) *Jazykovaja spiral': Cennosti, znaki, motivy* (Language Spiral: Values, Signs, Motives). Moscow: Gnozis. (In Russian)].
- Карасик В. И. Языковая лестница познания: монография. М.: Государственный ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 2022. [Karasik, Vladimir I. (2022) *Yazykovaya lestnitsa poznaniya* (Language Ladder of Cognition). Moscow: A. S. Pushkin State Institute of the Russian Language. (In Russian)].
- Карпова О. М. Английская лексикография в цифровую эпоху // Современная германистика и западноевропейская литература: коллективная монография. Вып. 3. Москва: Флинта, 2021. С. 208—229. [Karpova, Olga M. (2021) *Angliyskaya leksikografiya v tsifrovuyu epokhu* (English Lexicography in the Digital Epoch) In: Ivanov, Andrey V. & Bukharov, Valeriy M. (eds) *Modern Germanic Philology and West-European Literature*. Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Карпова О. М. Англоязычные цифровые лексикографические проекты // ПАНДЕМИЯ-22: преподавание, анализ, дискурс в естественном многообразии иностранных языков. Т. 2 / под ред. И. И.

- Климовой, М. Э. Конурбаевой. М.: РУСАЙНС, 2022а. С. 289—295. [Karpova, Olga M. (2022a) *Angloyazychnyye tsifrovyye leksikograficheskiye proekty* (English Digital Lexicographic Projects). In: Klimova, Irina I. & Konurbayeva, Mariya E. (eds) *PANDEMIYA-22: prepodavaniye, analiz, diskurs v yestestvennom mnogoobrazii inostrannykh yazykov* (Pandemic-22: Teaching, Analysis, Discourse in the Authentic Diversity of Foreign Languages). Moscow: RUSAINS. (In Russian)].
- Карпова О. М. Изменение современной лексикографической парадигмы в цифровую эпоху (на материале словарей английского языка) // Вестник Воронежского государственного ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022б. № 2. С. 6—12. [Karpova, Olga M. (2022b) *Izmeneniye sovremennoy leksikograficheskoy paradigmy v tsifrovuyu epokhu* (na materiale slovarey angliyskogo yazyka) (Changing the Modern Lexicographic Paradigm in the Digital Era (Based on English Dictionaries)). *Bulletin of Voronezh State University*, 2, 6—12. (In Russian)].
- Карпова О. М., Работалова Е. В. Новые словари английской терминологии подъязыка «нефтепереработки» (ответ запросам пользователей) // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф: сб. статей по материалам Международной научно-практической конференции памяти доктора филологических наук, профессора Юрия Николаевича Марчука (г. Москва, 1-2 марта 2019 г.) / отв. ред. И. И. Валуйцева. М.: МГОУ. 2019. С. 286—293. [Karpova, Olga M. & Rabotalova, Yekaterina V. (2019) *Novyye slovari angliyskoy terminologii podyazyka “neftepererabotki”* (otvet zaprosam pol’zovateley) (New Dictionaries of English Oil Refining Terminology (the Answer to the Users’ Needs). In: Valuyetseva, Irina I. (ed.) *Word. Dictionary. Term. Lexikographer. Proceedings of international conference devoted to Doctor, Professor Yuriy Nikolaevitch Marchuk* (Moscow 1-2 March, 2019). Moscow: MGOU, 2019. In Russian)].
- Карпова О. М., Щербаклова Е. В. PR: проблемы терминографического описания. Иваново: Ивановский государственный ун-т, 2005. [Karpova, Olga M. & Scherbakova, Yekaterina V. (2005) *PR: problemy terminologicheskogo opisaniya* (PR: Problems of Terminological Description). Ivanovo: Ivanovo State University. (In Russian)].
- Карцевский С. О. Об ассиметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX — XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. С. 85—90. [Kartsevskiy, Sergey O. (1965) *Ob assimetrichnom dualizme*

- lingvisticheskogo znaka (On the Asymmetric Dualism of the Linguistic Sign). In: Zvegintsev, Vladimir A. (ed.) *Istoriya yazykoznavaniya XIX — XX vekov v ocherkax i izolecheniyakh* (History of Linguistics of the XIX — XX Centuries in Essays and Extracts). Part 2. Moscow: Prosveshcheniye, 85—90. (In Russian)].
- Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. [Kvyatkovsky, Aleksandr P. (1966) *Poeticheskii slovar'* (Poetic Dictionary). Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russian)].
- Керт Г. М. К вопросу о взаимоотношении языка и мышления // Язык и мышление. М.: Наука, 1967. С. 30—37. [Kert, Georgiy M. (1967) *K voprosu o vzaimootnoshenii yazyka i myshleniya* (On the Question of Language and Thinking). In: *Yazyk i myshleniye* (Language and Thinking). Moscow: Nauka, 30—37. (In Russian)].
- Киосе М. И. Лингвокреативность вторичного дискурса: влияние фактора полимодальности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 2. С. 5—16. [Kiose, Mariya I. (2023) *Lingvokreativnost' vtorichnogo diskursa: vliyanie faktora polimodal'nosti* (Linguocreativity of Secondary Discourse: the Influence of the Polymodality Factor). *Questions of Cognitive Linguistics*, 2, 5—16. (In Russian)]. doi: 10.20916/1812-3228-2023-2-5-16
- Клобуков Е. В., Захраи С. Х. Грамматическое содержание лингвистического термина «редукция» и проблема описания качественной и количественной редукции пропозиции // Терминоведение. 1996. № 1-3. С. 122—127. [Klobukov, Yevgeniy V. & Zahrai, Seyed Kh. (1996) *Grammaticheskoye sodержaniye lingvisticheskogo termina «reduksiya» i problema opisaniya kachestvennoy i kolichestvennoy reduksii propozitsii* (The Grammatical Content of the Linguistic Term “Reduction” and the Problem of Describing the Qualitative and Quantitative Reduction of a Proposition). *Terminovedeniye* (Terminology), 1-3, 122—127. (In Russian)].
- Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. [Knyazev, Yuriy P. (2007) *Grammaticheskaya semantika. Russkiy yazyk v tipologicheskoy perspektive* (Grammatical Semantics. Russian Language in Typological Perspective). Moscow: LRC Publishers. (In Russian)].
- Кобенко Ю. В. Теоретические основы функциональной стилистики. Томск: Томский государственный политехнический ун-т, 2023. [Kobenko, Yuriy V. (2023) *Teoreticheskiye osnovy funktsional'noy stilistiki* (Theoretical Foundations of Functional Stylistics). Tomsk: Tomsk State Polytechnic University. (In Russian)].

- Кожевникова Е. А., Осадчий М. А. Креолизованный текст как объект судебно-лингвистической экспертизы // Вестник Кемеровского государственного ун-та культуры и искусств. 2012. № 19-1. С. 22—28. [Kozhevnikova, Yelena A. & Osadchiy, Mikhail A. (2012) Kreolizovannyyu tekst kak obyekt sudebno-lingvisticheskoy ekspertizy (Creolized Text as an Object of Lingvo-Judicial Expertise). *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, 19-1, 22—28. (In Russian)].
- Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1993. [Kozhina, Margarita N. (1993) *Stilistika russkogo yazyka* (Stylistics of the Russian Language). Moscow: Prosveshcheniye. (In Russian)].
- Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. [Kolshanskiy, Gennadiy V. (1975) *Sootnosheniye subyektivnykh i obyektivnykh faktorov v yazyke* (Correlation of Subjective and Objective Factors in Language). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. М.: Черо, 1999. [Komissarov, Vilen N. (1999) *Obshchaya teoriya perevoda* (General Theory of Translation). Moscow: Chero. (In Russian)].
- Коняхина Л. М., Яковлева Л. В. К вопросу формирования языковой личности в контексте профессионально-ориентированной иноязычной вузовской подготовки // Вестник НГЛУ. 2021. № 1 (53). С. 123—136. [Konyakhina, Lyudmila M. & Yakovleva, Lora V. (2021) K voprosu formirovaniya yazykovoy lichnosti v kontekste professional'no-orientirovannoy inoyazychnoy vuzovskoy podgotovki (The Development of the Linguistic Persona in the Context of Professionally Oriented University-Level Foreign Language Education). *LUNN Bulletin*, 1 (53), 123—136. (In Russian)]. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-53-1-123-136.
- Королева С. Б. Пророческая тема в стихотворении А. С. Пушкина «Пророк»: диалог с традицией и эпохой // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 61. С. 206—225. [Koroleva, Svetlana B. (2019) Prorocheskaya tema v stikhotvorennii A. S. Pushkina «Prorok»: dialog s traditsiei i epokhoy (The Theme of the Prophet in Alexander Pushkin's poem “The Prophet”: a dialogue with the tradition and the epoch). *Tomsk State University Journal*, 61, 206—225. (In Russian)]. doi: 10.17223/19986645/61/12.
- Краснова И. Е., Марченко А. Н. О некоторых проблемах профессиональной речи в социолингвистическом освещении // Теоретические проблемы социальной лингвистики / ред. Ю. Д. Дешериев. М.: Наука, 1981. С. 324—343. [Krasnova, Irina Ye. &

- Marchenko, Adolf N. (1981) O nekotorykh problemakh professional'noy rechi v sotsiolingvisticheskom osveschenii (On some Problems of Professional Speech in Sociolinguistic Coverage). In: Desheriyev, Yuriy D. (ed.) *Teoreticheskiye problemy sotsial'noy lingvistiki* (Theoretical Problems of Social Linguistics). Moscow: Nauka, 324—343. (In Russian)].
- Креленштейн Н. С. Корреляты в сложноподчиненном предложении (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М.: 1-й Московский гос. пед. ин-т иностранных языков, 1963. [Krelenstein, Ninel' S. (1963) *Korrelyaty v slozhnopodchinennom predlozhenii (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)* (Correlates in a Complex Sentence (based on the Material of the Modern German Language)). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Moscow: 1st Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages. (In Russian)].
- Кротова Т. А. Теоретические основы создания национально ориентированной модели лингвокультурной адаптации иностранных учащихся в методике преподавания РКИ (На примере арабского контингента) // Русский язык в современном мире. Высшая школа перевода МГУ. 2013. С. 111—117. [Krotova, Tatyana A. (2013) K voprosu formirovaniya yazykovoy lichnosti v kontekste professional'no-orientirovannoy inoyazychnoy vuzovskoy podgotovki (Theoretical Basis for Developing of Nationally Oriented Model of Lingvoculturall Adaptation of Foreign Students Studying Russian as Foreign Language (for the Arab Contingent). *Russian in the Modern World. Higher School of Translation and Interpreting*, 1, 111—117. (In Russian)].
- Крысин Л. П. Проблема социальной дифференциация языка в современной лингвистике // Социолингвистика вчера и сегодня / ред. Н. Н. Трошина. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2004. С. 11—32. [Krysin, Leonid P. (2004) Problema sotsial'noy differentsiatsii yazyka v sovremennoy lingvistike (The Problem of Social Differentiation of Language in Modern Linguistics). In: Troshina, Natalya N. (ed.) *Sotsiolingvistika vchera i segodnya* (Sociolinguistics yesterday and today). Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 11—32. (In Russian)].
- Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Kubryakova, Yelena S. (2004) *Jazyk i znaniye. Na puti poluchenija znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya*

- (Language and Knowledge. On the Way to Gaining Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View). Moscow: LRC Publishers. (In Russian)].
- Кудашев И. С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики. Helsinki: University of Helsinki, 2007. [Kudashev, Igor S. (2007) *Proyektirovaniye perevodcheskikh slovarey spetsialnoy leksiki* (Modeling of Translation Dictionaries of Special Words). Helsinki: University of Helsinki. (In Russian)].
- Кузьмина С. Е. Простое предложение как средство репрезентации концептуального содержания: монография. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический ун-т, 2014. [Kuzmina, Svetlana Ye. (2014) *Prostoye predlozheniye kak sredstvo reprezentatsii kontseptual'nogo sodержaniya* (Simple Sentence as a Means of Representing Conceptual Content). Nizhny Novgorod: LUNN. (In Russian)].
- Кукушкина А. Т. Субститут как элемент лексической и синтаксической завершенности конструкции // Нормы реализации варьирования языковых средств. Сб. науч. трудов. Горький: ГППИИЯ, 1977. С. 121—134. [Kukushkina, Aleksandra T. (1977) Substitut kak element leksicheskoy i sintaksicheskoy zavershennosti konstruktsii (Substitute as an Element of Lexical and Syntactic Completeness of a Construction). In: *Normy realizatsii var'irovaniya yazykovykh sredstv* (Norms for the Implementation of Varying Linguistic Means). Collection of Scientific Papers. Gorky: Gorky State Pedagogical Institute of Foreign Languages, 121—134. (In Russian)].
- Кукушкина А. Т. О предикативном знаке // Сб. науч. трудов. Владимир: Гос. пед. институт, 1995. С. 89—90. [Kukushkina, Aleksandra T. (1995) O predikativnom znake (About the Predicative Sign). In: *Collection of Scientific Papers*. Vladimir: State Pedagogical Institute, 89—90.
- Кулинич М. А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка). Самара: Самарский государственный педагогический ун-т, 2004. [Kulinich, Marina A. (2004) *Lingvokul'turologiya yumorа (na materiale angliyskogo yazyka)* (Linguoculturology of Humor (on the Material of the English Language)). Samara: Samara State Pedagogical University. (In Russian)].
- Ланкина О. Ю. Содержание понятия «медиация» в обучении иностранным языкам // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2018. № 2. С. 175—183. [Lankina, Olga Yu. (2018) Soderzhaniye ponyatiya "mediatsiya" v obuchenii inostrannym yazykam (The Content of the Con-

- cept of “Mediation” in Teaching Foreign Languages). *Pushkin Leningrad State University Bulletin*, 2, 175—183. (In Russian)].
- Левинг Ю. Революция зримого: образы на сетчатке. М.: Новое литературное обозрение, 2018. [Leving, Yurii. (2018) *Revolyutsiya zrimogo: obrazy na setchatke* (Revolution of the Visible: Images on the Retina). Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye (New Literary Review). (In Russian)].
- Левитт М. Визуальная доминанта в России XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2015. [Levitt, Marcus C. (2015) *Vizual'naya dominanta v Rossii 18 veka* (The Visual Dominant in Eighteenth Century Russia). Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye (New Literary Review). (In Russian)].
- Лейчик В. М. Применение системного подхода для анализа термино-систем // Терминоведение. Вып. 1. М.: Московский лицей, 1993. С. 19—30. [Leychik, Vladimir M. (1993) *Primeneniye sistemnogo podhoda dlya analiza terminosistem* (Application of a Systematic Approach for the Analysis of Terminological Systems). In: *Terminovedeniye* (Terminology). Issue 1. Moscow: Moscow Lyceum, 19—30. (In Russian)].
- Лингвосомиотика власти: знак, слово, текст / под ред. Т. Н. Астафуровой, А. В. Олянич. Волгоград: Нива, 2008. [Astafurova, Tat'yana N. & Olyanich, Andrey V. (eds) (2008) *Lingvosemiotika vlasti: znak, slovo, tekst* (Linguosemiotics of Power: Sign, Word, Text). Volgograd: Niva. (In Russian)].
- Ловтсевич Г. Н. Кросскультурный терминологический словарь нового типа (на материале английских и русских терминов лингводидактики): дис. ... доктора филол. наук: 10.02.20. М.: Московский государственный ун-т, 2010. [Lovtsevich, Galina N. (2010) *Krosskulturnyy terminologicheskiy slovar' novogo tipa (na materiale angliyskikh i russkikh terminov lingvodidaktiki)* (Crosscultural Termonological Dictionary of a New Type with Special Reference to English and Russian Terms of Linguodidactics). Advanced PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Маник С. А. К вопросу построения логико-понятийной схемы лексики общественно-политической жизни // Вестник Ивановского государственного ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 1. Филология. С. 75—80. [Manik, Svetlana A. (2012) *K voprosu postroeniya logiko-ponyatiynoy skhemy leksiki obschestvenno-politicheskoy zhizni*. *Ivanovo State University Bulletin*, 1, 75—80. (In Russian)].

- Маник С. А. Англоязычная политическая лексикография: формирование, развитие, современное состояние: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2020. [Manik, Svetlana A. (2020). *Angloязыchnaya politicheskaya leksikografiya: formirovaniye, razvitiye, sovremennoye sostoyaniye* (English Political Lexicography: Formation, Development, Modern State). Advanced PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod: LUNN. (In Russian)].
- Маркович Д. Ж. Общая социология. М.: Владос, 1998. [Markovich, Danilo Zh. (1998) *Obshchaya sotsiologiya* (General Sociology). Moscow: Vlados. (In Russian)].
- Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 4. М: Языки русской культуры, 1998. [Melchuk, Igor A. (1998) *Kurs obshchey morfologii* (Course of General Morphology). Vol. 4. Moscow: LRC Publishers. (In Russian)].
- Минаева Э. В., Пономарева Т. А. Современная визуальная поэзия в поисках невозможного // Ученые записки Таврического национального ун-та им. В. И. Вернадского. Сер.: Филология. Социальные коммуникации. 2011. Т. 24 (63), № 2. С. 512—521. [Minayeva, Ella V. & Ponomareva, Tatyana A. (2011) *Sovremennaya vizual'naya poeziya v poiskakh nevozmozhnogo* (Modern Visual Poetry in Search of the Impossible). *Scientific Notes of the Tauride National University*, vol. 24 (63), No. 2, 512—521. (In Russian)].
- Митрофанова О. Д., Костомаров В. Г. Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. [Mitrofanova, Olga D. & Kostomarov, Vitaliy G. (1990) *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo* (Methodology of Teaching Russian as a Foreign Language). Moscow: Russian Language. (In Russian)].
- Модзалевский Б. Л. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 гг. М.: М. и С. Сабашниковы, 1925. [Modzalevskiy, Boris L. (1925) *Rasskazy o Pushkine, zapisannye so slov ego druzey P. I. Bartenevym v 1851—1860 gg.* (Stories about Pushkin, recorded by P. I. Bartenev from the Words of Pushkin's Friends in 1851—1860). Moscow: M. & S. Sabashnikovy. (In Russian)].
- Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка). М.: Высшая школа, 1981. [Moskalskaya, Olga I. (1981) *Problemy sistemnogo opisaniya sintaksisa (na materiale nemetskogo yazyka)* (Problems of Systematic Description of Syntax (based on the Material of the German Language)). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].

- Москвин Г. В. Пророк: таинство преображения и жажда истока (пророческая тема в поэзии А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова) // Вестник Нижегородского университета. Филология. 2016. № 2. С. 240—245. [Moskvin, Georgy V. (2016) Prorok: tainstvo preobrazheniya i zhazhda istoka (prorocheskaya tema v poezii A. S. Pushkina i M. Ju. Lermontova) (A Prophet: the Mystery of Transformation and the Thirst for the Source (the Prophetic Theme in the Poetry of A. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov). *LUNN Bulletin*, 2, 240—245. (In Russian)].
- Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта; Наука, 2003. [Nelyubin, Lev L. (2003) *Tolkovyyu perevodovedcheskiy slovar'* (Explanatory Translation Dictionary). Moscow: Flinta; Nauka. (In Russian)].
- Никитина О. А., Гудкова О. А. Ослабление элатива: О формировании и функционировании нового немецкого устойчивого сочетания // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 3 (34). С. 54—62. [Nikitina, Olga A. & Gudkova, Olga A. (2019) Oslableniye elativa: O formirovani i funktsionirovani novogo nemetskogo ustoychivogo sochetaniya (Weakening of the Elative: On the Formation and Functioning of a New German Stable Word Combination). *Aktual'nyye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki* (Current Issues of Modern Philology and Journalism), No. 3 (34), 54—62. (In Russian)].
- Никишин В. Д. Объекты судебной лингвистической экспертизы: новые вызовы криминогенной Интернет-коммуникации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. № 70-6. С. 79—88. [Nikishin, Vladimir D. (2020) Ob'ekty sydebnoy linguisticheskoy ekspertizy: novye vyzovy kriminogennoy internet-kommunikatzii (Objects of Judicial Linguistic Expertise: New Challenges of Criminogenic Internet-Communication). *Courier of Kutafin Moscow State Law University*, 70-6, 79—88. (In Russian)].
- Никольская К. В. Английские климатические термины в специальных словарях: принципы регистрации и лексикографического описания (на материале терминов глобального потепления). Магистерская диссертация. Иваново: Ивановский государственный ун-т, 2023. [Nikolskaya, Kseniya V. (2023) *Angliyskiye klimaticheskiye terminy v spetsialnykh slovaryakh: printsipy registratsii i leksikograficheskogo opisaniya (na materile terminov globalnogo potepleniya)* (English Climate Terms in Specialized Dictionaries with Special Reference to Global Warming Terms). Master thesis in Philology. Ivanovo: Ivanovo State

- University. (In Russian)].
- Никонова Ж. В. Теория фреймов в лингвистических исследованиях. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. [Nikonova, Zhanna V. (2006) *Teoriya freymov v lingvisticheskikh issledovaniyakh* (Frame Theory in Linguistic Research). Saint Petersburg: Faculty of Philology of Saint Petersburg State University. (In Russian)].
- Оберемко О. Г. Диалог культур в обучении иностранному языку студентов лингвистического вуза // Вестник НГЛУ. 2014. № 26. С. 101—111. [Oberemko, Olga G. (2014) *Dialog kul'tur v obuchenii inostrannomu yazyku studentov lingvisticheskogo vuza* (Dialogue of Cultures in Teaching Foreign Languages to Linguistics University Students). *LUNN Bulletin*, 26, 101—111. (In Russian)].
- Орлицкий Ю. Б. Стихосложение новейшей русской поэзии. М.: Языки русской культуры, 2021. [Orlitskiy, Yuriy V. (2021) *Stikhoslozheniye noveyshey russkoy poezii* (Versification of Modern Russian Poetry). Moscow: LRC Publishers. (In Russian)].
- Павлов В. М. Полевые структуры в строе языка. СПб.: Санкт-Петербургский университет экономики и финансов, 1996. [Pavlov, Vladimir M. (1996) *Polevyye struktury v stroye yazyka* (Field Structures in the System of Language). Saint Petersburg: State University of Economics and Finance. (In Russian)].
- Павлов В. М. Полевой подход и континуальность языковой системы // Общее языкознание и теория грамматики: материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения Соломона Давидовича Кацнельсона / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1998. С. 28—40. [Pavlov, Vladimir M. (1998) *Polevoy podkhod i kontinual'nost' yazykovoy sistemy* (Field Approach and Continuity of the Language System). In: Bondarko, Alexandr V. (ed.) *Obscheye yazykoznanie i teoriya grammatiki* (General Linguistics and Grammar Theory). Saint Petersburg: Nauka, 28—40. (In Russian)].
- Панютина М. Н. К вопросу о выборе словаря // Вестник Воронежского государственного ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Вып. 4. С. 191—125. [Panyutina, Marina N. (2021) *K voprosu o vybore slovarya*. *Bulletin of Voronezh State University, Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 4, 191—125. (In Russian)].
- Панютина М. Н. Специальные энциклопедии (на материале исторического словаря *The Wordsworth Dictionary of English History*) // Вестник Ивановского государственного ун-та. Сер.: Гуманитарные

- науки. 2022. Вып. 4. С. 67—76. [Panyutina, Marina N. (2022) Specialnyye entsiklopedii (na materiale istoricheskogo slovarya *The Wordsworth Dictionary of English History*) (Special Encyclopedias (Based on the Historical Dictionary *The Wordsworth Dictionary of English History*)). *Ivanovo State University Bulletin*, 4, 67—76. (In Russian)]. doi: 10.46726/4.2022.4.7.
- Петрашова Т. Г. Английская терминология социальной работы и ее лексикографическое описание: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иваново: Ивановский государственный ун-т, 2006. [Petraшova, Tamara G. (2006) *Angliyskaya terminologiya sotsial'noy raboty i yeyo leksikograficheskoye opisaniye* (English Terminology of Social Work and its Lexicographic Description). Extended abstract of advanced PhD thesis in Philology. Ivanovo: Ivanovo State University. (In Russian)].
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. [Peshkovsky, Aleksandr M. (1956) *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* (Russian Syntax in Scientific Coverage). Moscow: Uchpedgiz. (In Russian)].
- Плеханова Ю. В., Степанова М. А. Медиативные технологии в иноязычном образовании // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. № 9. С. 1—9. [Plekhanova, Yulia V. & Stepanova, Marina A. (2021) Mediativnyye tekhnologii v inoyazychnom obrazovanii (Mediation Strategies in Foreign Language Education). *World of Science. Pedagogy and psychology*, 9, 1—9. (In Russian)].
- Плотников Б. А. О форме и содержании в языке. Минск: Вышэйшая школа, 1989. [Plotnikov, Bronislav A. (1989) *O forme i sodержanii yasyka* (About the Form and Content in the Language). Minsk: Vysheyshaya shkola. (In Russian)].
- Польская С. С. Структура и функционирование профессионального социолекта: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М.: Ин-т языкознания РАН, 2011. [Pol'skaya, Svetlana S. (2011) *Struktura i funktsionirovaniye professional'nogo sotsiolekta* (The Structure and Functioning of the Professional Sociolect). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. (In Russian)].
- Прохорова Л. П., Аникиеева Е. С. Визуальная поэзия как особый жанр // Вестник Кемеровского государственного ун-та. 2008. № 2. С. 169—174. [Prokhorova, L. P. & Anikyeeva, Ye. S. (2008) *Vizual'naya poeziya kak osobyuy zhanr* (Visual Poetry as a Special Genre). *Bulletin of Kemerovo State University*, 2, 169—174. (In Russian)].

- Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2: Стихотворения 1823 — 1836. М.: ГИХЛ, 1959. [Pushkin, Aleksandr S. (1959) *Sobraniye sochineniy* (Collected Works). In 10 vols. Vol. 2: Stikhotvoreniya 1823 — 1836 (Verses 1823 — 1836). Moscow: GIKH. (In Russian)].
- Пушкин А. С. Рецензии на «Записки» Джона Теннера в «Современнике» 1836 года // Пушкин А. С. Собр. соч. В 10 т. Т. 6. Ленинград: Наука, 1978. [Pushkin, Aleksandr S. (1978) *Retsenzii na "Zapiski" Dzhona Tennera v "Sovremennike" 1836 goda* (Reviews of "Zapiski" by John Tanner in the "Sovremennik" of 1836). In: Pushkin, Aleksandr S. *Collected Works*. In 10 vols. Vol. 6. Leningrad: Nauka. (In Russian)].
- Работалова Е. В. Словарь английской терминологии нефтепереработки в цифровую эпоху // Вестник Ивановского государственного ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2023. № 4. С. 70—79. [Rabotalova, Yekaterina V. (2023). *Slovar' angliyskoy terminologii neftepererabotki v tsifrovuyu epokhu* (Dictionary of English Oil Refining Terminology in the Digital Era). *Ivanovo State University Bulletin*, 4, 70—79. (In Russian)].
- Родионова С. Е. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // Славянский вестник. 2004. Вып. 2. С. 303—308. [Rodionova, Svetlana Ye. (2004) *Intensivnost' i eyo mesto v ryadu drugikh semanticheskikh kategoriy* (Intensity and its Place among other Semantic Categories). *The Bulletin of Slavic Languages*, 2, 303—308. (In Russian)].
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь лингвистических терминов. М.: Оникс, 2003. [Rosental', Ditmar E. & Telenkova, Margarita A. (2003) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* (Dictionary of Linguistic Terms). Moscow: Onyx. (In Russian)].
- Розина М. М. Категория суперлативности в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический ун-т, 1998. [Rozina, Mariya M. (1998) *Kategoriya superlativnosti v sovremenном nemetskom yazyke* (The Category of Superlativity in Modern German). PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod: LUNN. (In Russian)].
- Российская Е. Р., Галышина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М: Проспект, 2010. [Rossiyskaya, Yelena R. & Galyashina, Yelena I. (2010) *Nastolnaya kniga sud'i: sudebnaya ekspertiza* (Desk Book of Judge: Judicial Expertise). Moscow: Prospect. (In Russian)].
- Рсалдинов К. Т. Категория интенсивности в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Алма-Ата, 1979.

- [Rsaldinov, Kusain T. *Kategoriya intensivnosti v sovremennom nemetskom yazyke* (Category of Intensity in Modern German). PhD thesis in Philology. Alma-Ata. (In Russian)].
- Рычкалова Л. А. Криминалистическое исследование речевого поведения тюрко-русских билингов. М: Московский ун-т Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2007. [Rychkalova, Larisa A. (2007) *Kriminalisticheskoye issledovaniye rechevogo povedeniya tyurko-russkikh bilingvov* (Criminalistic Research of Turko-Russian Bilinguals Speech Behavior). Moscow: V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (In Russian)].
- Сабанеева М. К., Щерба Г. М. Историческая грамматика французского языка. Л.: Ленинградский государственный ун-т, 1990. [Sabaneeva, Margarita K. & Shcherba, Galina M. (1990) *Istoricheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* (Historical Grammar of the French Language). Leningrad: Leningrad State University. (In Russian)].
- Селиверстова О. Н. Контрастивная и синтаксическая семантика. М.: Наука, 1990. [Seliverstova, Olga N. (1990) *Kontrastivnaya i sintaksicheskaya semantika* (Contrastive and Syntactic Semantics). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Силкина О. М., Гудкова Д. С. Смайлы, эмодзи и эмодзи как средство коммуникации (на материале Интернет-переписки преподавателя и студента) // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. № 4 (55). С. 339—342. [Silkina, Ol'ga M. & Gudkova, Dar'ya S. (2023) Smayly, emotikony i emodzi kak sredstvo kommunikatsii (na materiale internet-perepiski prepodavatelya i studenta (Emoticons and Emojis as a Means of Communication (based on the Material of Online Correspondence between a Teacher and a Student))). *Cognitive studies of language*, 4 (55), 339—342. (In Russian)].
- Ситнова Е. С. К вопросу об адаптации иностранных студентов // Обучение иностранцев в России: проблемы и перспективы. Нижний Новгород: Нижегородский государственный архитектурно-строительный ун-т, 2011. С. 78—80. [Sitnova, Yulia S. (2011) K voprosu ob adaptatsii inostrannykh studentov (On the Issue of the Adaptation of Foreign Students). In *Obucheniye inostrantsev v Rossii: problemy i perspektivy* (Education of Foreigners in Russia: Problems and Prospects). Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, 78—80. (In Russian)].
- Слинина Э. В. «Пророк» Пушкина и образ поэта в лирике Н. Заболоцкого // Пушкинский сборник. Л.: Наука, 1977. С. 77—85. [Slinina,

- El'za V. (1977) «Prorok» Pushkina i obraz poeta v lirike N. Zabolotskogo (Pushkin's "The Prophet" and the Image of the Poet in the N. Zabolotsky's Lyrics). In: *Pushkinskiy sbornik*. Leningrad: Nauka, 77—85. (In Russian)].
- Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2006. [Mihal'chenko, Vida Yu. (ed.) (2006) *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* (Glossary of Sociolinguistic Terms). Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. (In Russian)].
- Слуцкая К. А. Особенности классификации конкретной поэзии // Вестник Иркутского государственного лингвистического ун-та. Сер. Лингвистика. 2010. № 2 (10). С. 156—162. [Slutskaya, Kseniya A. (2010) *Osobennosti klassifikatsii konkretnoy poezii* (Features of the Classification of Concrete Poetry). *Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University*, 2 (10), 156—162. (In Russian)].
- Слуцкая К. А. Структурно-семантические аспекты русскоязычной и английской визуальной поэзии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Тюмень: Тюменский государственный ун-т, 2011. [Slutskaya, Kseniya A. (2011) *Strukturno-semanticheskiye aspekty russkoyazychnoy i angliyskoy vizual'noy poezii* (Structural and Semantic Aspects of Russian and English Visual Poetry). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Tyumen: Tyumen State University. (In Russian)].
- Сорокин Б. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативные функции // Оптимизация речевого воздействия / отв. ред. Р. Г. Котов. М.: Наука, 1990. С. 180—186. [Sorokin, Boris A. & Tarasov, Yevgeniy F. (1990) *Kreolizovannyye teksty i ikh kommunikativnyye funktsii* (Creolized Texts and their Communicative Functions). In: Kotov, Renat G. (ed.) *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya* (Optimization of Speech Influence). Moscow: Nauka, 180—186. (In Russian)].
- Степанов Е. В. Жанровые, стилистические и профетические особенности русской поэзии середины XX – начала XXI веков. Организация современного поэтического процесса. М.: Комментарии, 2014. [Stepanov, Yeggeniy V. (2014) *Zhanrovyye, stilisticheskiye i profeticheskiye osobennosti russkoy poezii serediny 20 — nachala 21 vekov. Organizatsiya sovremennogo poeticheskogo protsessa* (Genre, Stylistic and Prophetic Features of Russian Poetry of the mid-20th — early 21st Centuries. Organization of the Modern Poetic Process). Moscow: Commenarii. (In Russian)].

- Степанов Ю. С. В мире семиотики // Семиотика: Антология. М.: Академический проект; Деловая книга, 2001. С. 5—42. [Stepanov, Yuriy S. (2001) V mire semiotiki (In the world of Semiotics). In: Stepanov, Yuriy S. (ed.) *Semiotika: Antologiya* (Semiotics: Anthology). Moscow: Akademicheskii proyekt; Delovaya kniga, 5—42. (In Russian)].
- Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание. М: Ламберт, 2011. [Sternin, Iosif A. & Rudakova, Aleksandra V. (2011) *Psicholinguisticheskoe znachenije slova i ego opisaniye* (Psycholinguistic Meaning of Word and Its Description). Moscow: Lambert. (In Russian)].
- Сулейманова А. К. К определению понятия «Дискурс» // Проблемы современной филологии и аспекты преподавания гуманитарных дисциплин в техническом вузе: сб. материалов конференции. Уфа: Уфимский государственный нефтяной технический ун-т, 2009. С. 178—183. [Suleymanova, Almira K. (2009) K opredeleniyu ponyatiya “Diskurs” (To the Definition of the Notion “Discourse”). In: *Problemy sovremennoy filologii i aspekty prepodavaniya gumanitarnykh distsiplin v tekhnicheskom vuze* (Problems of Modern Philology and Aspects of Teaching Humanities in a Technical University). Ufa: Ufa State Petroleum Technical University, 178—183. (In Russian)].
- Сулимов В. А. Код культуры и знаковая реальность // Дискурс, культура, ментальность: коллективная монография / отв. ред. М. Ю. Олешков. Нижний Тагил: Нижне-Тагильская государственная социально-педагогическая академия, 2011. С. 109—117. [Sulimov, Vladimir A. (2011) *Kod kul'tury i znakovaya real'nost'* (Culture Code and Iconic Reality). In: Oleshkov, Mikhail Yu. (ed.): *Diskurs, kul'tura, mental'nost'* (Discourse, Culture, Mentality). Nizhniy Tagil: Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Academy. (In Russian)].
- Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология. Вопросы теории. М.: Наука, 1989. [Superanskaya, Aleksandra V. & al. (1989) *Obschaya terminologiya. Voprosy teorii* (General Terminology. Questions of Theory). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Суховой Д. А. Графика современной русской поэзии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. СПб.: Санкт-Петербургский государственный ун-т, 2008. [Sukhovey, Darya A. (2008) *Grafika sovremennoy russkoy poezii* (Graphics of Modern Russian Poetry). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian)].
- Суходолов А. П., Московцев А. Ф. Криминологический дискурс:

- «классика», современность, перспектива // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 13 (2). С. 181—196. [Sukhodolov, Aleksandr P. & Moskovtzev, Aleksandr F. (2019) Kriminologicheskii diskurs: “klassika”, sovremennost’, perspektiva (Criminological Discourse: “Classics”, the Present, Perspective). *Russian Journal of Criminology*, 13 (2), 181—196. (In Russian)].
- Табанакова В. Д., Ковязина М. А. Функциональная модель переводного специального словаря // Вестник Тюменского государственного ун-та. Гуманитарные исследования. 2006. № 4. С. 158—165. [Tabanakova, Vera D. & Koviagina, Marina A. (2006) Funktsional'naya model' perevodnogo spetsial'nogo slovarya (Functional Model of the Translation Special Dictionary). *Tumen State University Herald. Series: Humanities*, 4, 158—165. (In Russian)].
- Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность // отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. [Bondarko, Aleksandr V. (ed.) (1996) *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Kachestvennost. Kolichestvennost'* (The Theory of Functional Grammar. Quality. Quantity). Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)].
- Трифонов А. С. Микроструктура учебного англо-русского словаря терминологии экологического права Канады: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. ФГАОУВО «Казанский (Приволжский) федеральный ун-т», 2017. [Trifonov, Aleksandr S. (2017) *Mikrostruktura uchebnogo anglo-russkogo slovarya terminologii ekologicheskogo prava Kanady* (Microstructure of the Learners' English-Russian Dictionary of Ecological Right of Canada Terminology). Advanced PhD thesis in Philology. Kazan: Kazan (Volga) Federal University. (In Russian)].
- Трифонова Н. А. Использование в раскрытии и расследовании преступлений специальных знаний в области фоноскопии // Сибирский юридический вестник. 2007. № 4 (39). С. 100—104. [Trifonova, Natalya A. (2007) Ispolzovaniye v raskrytii b passledovanii prestupleniy spetsialnykh znaniy v oblasti phonoskopii (Usage in Disclosure and Investigation of Special Knowledge in the Field of Phonoscopy). *Siberian Law Herald*, 4 (39), 100—104. (In Russian)].
- Трошина Н. Н. Языковая ситуация в Европе начала XXI века // Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2015. [Troshina, Nataliya N. (2015) *Yazykovaya situatsiya v Yevrope nachala XXI veka* (Linguistic Situation in Europe at the Beginning of the 21st Century). Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. (In Russian)].

- Туранский И. И. Средства интенсификации высказывания в английском языке. Куйбышев: Куйбышевский государственный педагогический ун-т, 1987. [Turanskiy Igor I. (1987) *Sredstva intensifikatsii vyskazyvaniya v angliyskom yazyke* (Means of Intensifying Utterances in the English Language). Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical University. (In Russian)].
- Турбина О. А. Лингво-когнитивная реальность: лингвосомиотика и психосомиология // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. № 4 (55). С. 63—66. [Turbina, Ol'ga A. (2023) *Lingvo-kognitivnaya real'nost': lingvosemiotika i psikhosemiologiya* (Linguo-cognitive Reality: Linguosemiotics and Psychosemiology). *Cognitive studies of language*, 4 (55), 63—66. (In Russian)].
- Ушаков Д. Н. Толковый словарь. В 4 т. Т. 2: Л — Ояловеть. М.: Терра, 1996. [Ushakov, Dmitriy N. (1996) *Tolkovyy slovar'* (Explanatory Dictionary). In 4 vols. Vol. 2: L — Oyalovet'. Moscow: Terra. (In Russian)].
- Федюченко Л. Г. Терминологическая база данных как трансферная модель технического знания: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.21. Тюмень: Тюменский государственный ун-т. 2021. [Fedyuchenko, Larisa G. (2021) *Terminologicheskaya baza dannykh kak transfernaya model' tehniceskogo znaniya* (Terminological Data Base as a Transfer Model of Technical Knowledge). Extended abstract of advanced PhD thesis in Philology. Tyumen: Tyumen State University. (In Russian)].
- Фильцова М. С. Использование языка-посредника в обучении русскому языку студентов *English Media* // Образование: прошлое, настоящее и будущее. Краснодар: Новация, 2017. С. 97—99. [Philtsova, Marina S. (2017) *Ispol'zovanie yazyka-posrednika v obuchenii russkomu yazyku studentov English Media* (Using an Intermediary Language in Teaching Russian to Students of English Media). In: *Education: Past, Present and Future*. Krasnodar: Novatsiya, 97—99. (In Russian)].
- Фролов И. О. Терминосистема атомной энергетики и ее отражение в специализированных справочниках (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический ун-т, 2019. [Frolov, Ilya O. (2019) *Terminosistema atomnoy energetiki i yeyo otrazheniye v spetsializirovannykh spravochnikakh (na materiale angliyskogo yazyka)* (Terminological System of Nuclear Energy and its Reflection in the Specialized Dictionaries with Special Reference to the English Language). PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod: LUNN. (In Russian)].

- Хайдеггер М. Гельдерлин и сущность поэзии // Логос. 1991. Вып. 1. С. 37—47. [Heidegger, Martin. (1991) Gel'derlin i sushchnost' poezii (Hölderlin and the Essence of Poetry). *Logos*, 1, 37—47. (In Russian)].
- Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Территория будущего, 2006. [Heidegger, Martin. (2006) *Chto zovetsya myshleniem?* (What is called Thinking?). Moscow: Territoriya budushchego. (In Russian)].
- Хоружий С. С. Антропологические следствия энергийной онтологии православия // X Рождественские чтения (материалы). 2002. URL: https://www.fapsyou.ru/science/stati_conference/antropologicheskie_sledstviya_energiynoy_590/?ysclid=lnoarqjdp297227864. [Khoruzhiy, Sergey S. (2002) Antropologicheskiye sledstviya energiynoy ontologii pravoslaviya (Anthropological Consequences of the Energetic Ontology of Orthodoxy). In: X Rozhdestvenskie chteniya (10th Christmas Readings). Retrieved from https://www.fapsyou.ru/science/stati_conference/antropologicheskie_sledstviya_energiynoy_590/?ysclid=lnoarqjdp297227864 (In Russian)].
- Цвык Г. И. Анализ опыта продвижения русского языка в Китае // Вестник Бурятского государственного ун-та. 2018. № 2. С. 34—38. [Tsvyk, Galina I. (2018) Analiz opyta prodvizheniya russkogo yazyka v Kitae (Advance of Russian in China). *BSU Bulletin*, 2, 34—38. (In Russian)].
- Чинаева Т. И. Основные тенденции развития международного рынка образовательных услуг // Статистика и экономика. 2017. № 1. С. 60—68. [Chinayeva, Tatyana I. (2017) Osnovnyye tendentsii razvitiya mezhdunarodnogo rynka obrazovatelnykh uslug (Main Trends of the International Market of Educational Services). *Statistics and Economics*, 1, 60—68. (In Russian)].
- Шагиева Г. Р. К вопросу о лингвистической экспертизе // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2020. № 2 (2). С. 124—129. [Shagieva, Gulnara R. (2020) K voprosu o lingvisticheskoy ekspertize (On the Issue of Linguistic Expertise). *Society, Law, Statehood: a Retrospective and Perspective*, 2 (2), 124—129. (In Russian)].
- Шамова Н. А. Англоязычный кинодискурс в лексикографическом отражении: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический ун-т, 2022. [Shamova, Nadezhda A. (2022) *Angloyazychnyy kinodiskurs v leksikograficheskoy otrazhenii* (English Cinema Discourse in Lexicographic Representation). PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod: LUNN. (In Russian)].

- Шведова Н. Ю. Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в современном русском литературном языке // Ученые записки МГУ. 1952. Вып. 150. С. 74—79. [Shvedova, Natalya Yu. (1952) *Polnyye i kratkiye formy imen prilagatel'nykh v sostave skazuemogo v sovremennom russkom literaturnom yazyke* (Full and Short Forms of Adjectives as a Part of the Predicate in the Modern Russian Literary Language. *Uchenyye zapiski MGU* (Scientific notes of Moscow State University), No. 150, 74—79. (In Russian)].
- Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: АН СССР, 1960. [Shvedova, Natalya Yu. (1960) *Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi* (Essays on the Syntax of Russian Colloquial Speech). Moscow: USSR Academy of Sciences. (In Russian)].
- Шекасюк Б. П. Новый немецко-русский фразеологический словарь. М.: Либроком, 2014. [Shekasyuk, Boris P. (2014) *Novyy nemetsko-russkiy frazeologicheskii slovar'* (New German-Russian Phraseological Dictionary). Moscow: Librokom. (In Russian)].
- Шендельс Е. И. Грамматика немецкого языка. М.: Высшая школа, 1982. [Schendels, Yevgeniya I. (1982) *Grammatika nemetskogo yazyka* (German Grammar). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Шилова Е. А. Общие тенденции развития англоязычной терминологии туризма // Вестник Ивановского государственного ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2019. № 1. С. 60—63. [Shilova, Yekaterina A. (2019) *Obschiye tendentsii razvitiya angloyazichnoy terminologii turizma* (General Tendencies of the Development of English Tourism Terminology). *Ivanovo State University Bulletin*, 4, 60—63. (In Russian)].
- Шиловская Л. В. Средства выражения ослабленной интенсивности действия и состояния в современном французском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. СПб.: Санкт-Петербургский государственный ун-т, 2007. [Shilovskaya, Lyubov' V. (2007) *Sredstva vyrazheniya oslablennoy intensivnosti deystviya i sostoyaniya v sovremennom frantsuzskom yazyke* (Means of Expressing Weakened Intensity of Action and State in Modern French). PhD thesis in Philology. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian)].
- Шкловский В. Б. Гамбургский счет: статьи — воспоминания — эссе (1914 — 1933). М.: Советский писатель, 1990. [Shklovskiy, Viktor V. (1990) *Gamburgskiy schet: stat'i — vospominaniya — esse (1914 — 1933)* (Hamburg Account: Articles — Memoirs — Essays (1914 — 1933)). Moscow: Sovetskiy pisatel' (Soviet Writer). (In Russian)].
- Щелокова И. Д., Санух Т. В. Применение метода «Close reading» в инте-

- грированном обучении английскому языку и литературе студентов вуза // Вестник Оренбургского государственного ун-та. 2017. № 4 (204). С. 33—38. [Shchelokova, Irina D. & Sapukh, Tatyana V. (2017) *Primeneniye metoda "Close reading" v integrirovannom obuchenii angliyskomu yazyku i literature studentov vuza* (Application of the "Close reading" Method in Integrated Learning English Language and Literature of University Students). *Vestnik of Orenburg State University*, 4 (204), 33—38. (In Russian)].
- Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. Л.: ЛГУ, 1958. [Scherba, Lev V. (1958) *Izbrannyye raboty po yazykoznaniiu i fonetike* (Selected Works on Linguistics and Phonetics). Vol. I. Leningrad: Leningrad State University. (In Russian)].
- Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М.: Высшая школа, 1974. [Scherba, Lev V. (1974) *Prepodavaniye inostrannykh yazykov v sredney shkole. Obschiye voprosy metodiki* (Language Teaching at School. General Questions of Methodology). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Щербакова Е. В. Предметная область «Связи с общественностью» в терминографическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иваново: Ивановский государственный ун-т, 2005. [Scherbakova, Yekaterina V. (2005) *Predmetnaya oblast' "svyazi s obshchestvennost'yu v terminograficheskom aspekte* (Subject Area of PR in the Lexicographic Aspect). PhD thesis in Philology. Ivanovo: Ivanovo State University. (In Russian)].
- Юрьева И. Ю. Пушкин и христианство. М.: Муравей, 1998. [Yuryeva, Irina Yu. (1998) *Pushkin i khristianstvo* (Pushkin and Christianity). Moscow: Muravey. (In Russian)].
- Януш О. Б. Русский язык в Восточной Европе: положение и внешнеполитические практики // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 47. С. 414—427. [Yanush, Olga B. (2014) *Russkiy yazyk v Vostochnoy Yevrope: polozheniye i vneshnepoliticheskiye praktiki* (Russian Language in the Eastern Europe: Current Condition and Foreign Policy Practices). *Public Administration. E-journal*, 47, 414—427. (In Russian)].
- Ярошук И. А., Жукова Н. А., Долженко Н. И. Лингвистическая экспертиза: учеб. пособие. Белгород: Белгородский государственный ун-т, 2020. [Yaroschuk, Inna A. & al. (2020) *Ligvisticheskaya ekspertiza* (Linguistic Expertise). Belgorod: Belgorod State University. (In Russian)].
- Ammon, Ulrich. (1995) *Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der*

- Schweiz. *Das Problem der nationalen Varietäten*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Attardo, Salvatore & Raskin, Victor. (1991) Script theory revis(it)ed: Joke similarity and joke representation model. *Humor. International Journal of Humor Research*, 4 (3-4), 293—347.
- Attardo, Salvatore & Raskin, Victor. (2017) Linguistics and Humor Theory. In: Attardo, Salvatore. (ed.) *The Routledge Handbook of Language and Humor*, 49—63.
- Attardo, Salvatore. (1994) *Linguistic theories of humor*. Berlin: Mouton De Gruyter.
- Attardo, Salvatore. (2001) *Humorous Texts: A Semantic and Pragmatic Analysis*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. (Humor Research Series, 6)
- Attardo, Salvatore. (2017a) The General Theory of Verbal Humor. In: Attardo, Salvatore. (ed.) *The Routledge Handbook of Language and Humor*. New York: Taylor & Francis, 126—142.
- Attardo, Salvatore. (2017b) *The Routledge Handbook of Language and Humor*. New York: Taylor & Francis.
- Attardo, Salvatore. (2020) *The linguistics of humor: An introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Austin, John L. (1962) *How To Do Things With Words*. Oxford: OUP.
- Averboukh, Konstantin Ya. & Karpova, Olga M. (2008) New Voices in Bilingual Russian Terminography with Special Reference to LSP Dictionaries In: *Proceedings of the XIII EURALEX International Congress (Barcelona, 15–19 July 2008)*. Barcelona: Institut universitar; De Lingüística aplicada universitat pompeu, 204—210.
- Baring, Maurice. (1911) *The Russian People*. London: Methuen and Co.
- Baring, Maurice. (1912) *Landmarks in Russian Literature*. New York: The Macmillan Co.
- Baring, Maurice. (1914) *The Mainsprings of Russia*. London: Thomas Nelson and Sons.
- Baring, Maurice. (1915) *An Outline of Russian Literature*. New York: H. Holt and Co; London: Williams and Norgate.
- Baring, Maurice. (1922) *The Puppet Show of Memory*. Boston: Little, Brown and Co.
- Baring, Maurice. (2000) The Prophet. *The Chesterton Review*, 26 (1/2), 15—17.
- Baumgärtner, Klaus. (1957) Zur Methode umgangssprachlicher Syntax. *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*, Bd. 79, 76—87.

- Bergenholtz, Hening & Tarp, Sven. (eds) (1995) *Manual of Specialized Lexicography. The Preparation of Specialized Dictionaries*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
- Bettina, Euler. (1991) *Strukturen mündlichen Erzählens: parasyntaktische und sententielle Analysen am Beispiel des englischen Witzes*. Tübingen: Gunter Narr Verlag.
- Bieler, Karl Heinz. (1981) *Deutsche Verben im Kontext*. Ismaning: Max Hueber Verlag.
- Blödorn, Andreas & Marx, Friedhelm. (2015) (eds) *Thomas Mann-Handbuch: Leben — Werk — Wirkung*. Stuttgart: J. B. Metzler.
- Boost, Karl. (1955) *Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes: Der Satz als Spannungsfeld*. Berlin: Akademie-Verlag. (Veröffentlichungen des Instituts für deutsche Sprache und Literatur, 4).
- Bowker, Lynne. (2010) The contribution of corpus linguistics to the development of specialized dictionaries for learners In: Fuertes-Olivera, Pedro A. (ed.) *Specialized dictionaries for learners*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 155—168.
- Brinkmann, Hennig. (1971) *Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung*. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann.
- Brown, Jennifer. (2006) Locus of Learning and Affective Strategy Use: Two Factors Affecting Success in Self-Instructed Language Learning. *Foreign Language Annals*, 39 (4), 640—659.
- Burling, Robbins. (1993) Primate calls, human language, and nonverbal communication. *Current Anthropology*, 34 (1), 25—53.
- Busch-Lauer, Ines-Andrea. (2009) Funktionale Varietäten und Stil (Functional varieties and style). In: Fix, Ulla & al. (eds) *Rhetoric and Stylistics*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1722—1738.
- Bußmann, Hadumod. (1990) *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart: Kröner. [2., völlig neu bearb. Aufl.]
- Combley, Roz. (2011) *Cambridge business English dictionary*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Council of Europe. (2020) Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Companion volume. Strasbourg: Council of Europe Publishing. Retrieved from www.coe.int/lang-cefr.
- Daintith, John & Wright, Edmund. (eds) (2016) *A Dictionary of computing*. Oxford: Oxford University Press. [8th edition]
- Duden. (2005) *Die Grammatik*. Mannheim: Dudenverlag. (7., völlig neu bearb. u. erw. Aufl.)
- Durrell, Martin. (2004) Sociolect. In: Ammon, Ulrich & al. *Sociolinguistics*.

- An International Handbook of the Science of Language and Society. Amsterdam: Walter de Gruyter, 200—205.
- Engel, Ulrich. (1982) *Syntax der deutschen Gegenwartssprache*. Berlin: Erich Schmidt Verlag.
- Eroms, Hans-Werner. (2001) Zur Syntax der Konnektoren und Konnektivpartikeln. In: Cambourian, Alain. (ed.) *Textkonnektoren: und andere textstrukturierende Einheiten*. Tübingen: Stauffenburg, 47—60. (Eurogermanistik 16)
- Fellner, Fritz. (1988) The Problem of the Austrian Nation after 1945. *The Journal of Modern History*, 60 (2), 264—289.
- Ferrett, Emma & Dollinger, Stephan. (2021) Is digital always better? Comparing two English print dictionaries with their digital counterparts. *International Journal of Lexicography*, 34, 1, 66—91.
- Forrester, John. (1996) Thinking in cases. *History of the human sciences*, 9 / 3, 1—25.
- Fuertes-Olivera, Pedro A. & Bergenholtz, Henning. (eds) (2011) *E-Lexicography: The Internet, Digital Initiatives and Lexicography*. London: Continuum.
- Gálik, Marián. (2000) Interliterariness as a Concept in Comparative Literature. *Comparative Literature and Culture*, 2.
- Grimm, Jacob & Grimm, Wilhelm. (1936) *Deutsches Wörterbuch* / bearb. von K. Euling. B. III. Leipzig: Verlag von S. Hirzel.
- Grosse, Siegfried. (1968) Mitteilungen ohne Verb. In: Besch, Werner; Grosse, Siegfried & Rupp, Heinz. (eds) *Festgabe für F. Maurer. Zum 70. Geburtstag am 5. Januar*. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 50—68.
- Guthrie, William N. (1898) The Poet as Prophet. *The Sewanee Review*, 6 (4), 402—412.
- Heer, Friedrich. (1981) *Der Kampf um die österreichische Identität*. Wien; Köln; Graz: Böhlau.
- Helbig, Gerhard & Buscha, Joachim. (1974) *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie.
- Helbig, Gerhard & Buscha, Joachim. (1996) *Deutsche Grammatik*. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie.
- Helbig, Gerhard. (1976) Valenz, Semantik und Satzmodelle. *DaF*, Nr. 2, 99—105.
- Horn, András. (1988) *Das Komische im Spiegel der Literatur. Versuch einer systematischen Einführung*. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1988.
- Howell, Peter K. (2017) Cross-Language Mediation in Foreign Language Teaching. *Hiroshima Studies in Language and Language Education*,

- 147—155.
- Japp, Uwe. (2021) *Theorie der Ironie*. Frankfurt am Main: Klostermann Rote Reihe.
- Karpova, Olga M. (2020) A New Wave of Shakespeare Lexicography (with Special Reference to LSP Dictionaries). *Lexicographica*, “*Metalexigraphy, dictionaries and culture*”, 36, 241—254.
- Kaufmann, Gerhard. (1973) Zu den durch „als“, „als ob“, „wie wenn“, „als wenn“ eingeleiteten Komparativsätzen. Untersuchungen anhand von Texten der geschriebenen deutschen Gegenwartssprache. *Zielsprache Deutsch. Zeitschrift für Unterrichtsmethodik und angewandte Sprachwissenschaft*, Nr. 4, 91—111.
- Kelly, Lisa W. (2009) Casting The Wire: Complicating Notions of Performance, Authenticity, and “Otherness.” *The Wire Files*, 4.
- Kluge, Friedrich. (1975=1883) *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Berlin: de Gruyter. (21. Aufl.)
- Knoche, Ulrich. (1892) *Die römische Satire*. Verlag: Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- König, Ekkehard. (1994) Konzessive Konditionalsätze im Deutschen und anderen germanischen Sprachen. *Nordlyd*, 22, 85—101.
- Law, Jonathan & Martin, Elizabeth. (eds) (2010) *Concise medical dictionary*. Oxford: Oxford University Press. [10th edition]
- Leska, Christel. (1965) Vergleichende Untersuchungen zur Syntax gesprochener und geschriebener deutscher Gegenwartssprache. *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*, Bd. 87, 427—464.
- Longman Business English dictionary. (2007). Harlow: Pearson Longman. [2nd edition]
- Lyons, John. (1973) *Deixis as the Source of Reference*. Trier: Linguistic Agency University Trier.
- Marillier, Jean-François. (2001) Der Syntaktische Status der parataktischen adversativen Junktoren. In: Cambourian, Alain. (ed.) *Textkonnectoren: und andere textstrukturierende Einheiten*. Tübingen: Stauffenburg, 185—200. (Eurogermanistik 16)
- Marschall, Gottfried R. (2001) Semantik und konnektive Funktion der additiven Gradpartikeln: *auch* unter anderen. In: Cambourian, Alain. (ed.) *Textkonnectoren: und andere textstrukturierende Einheiten*. Tübingen: Stauffenburg, 159—172. (Eurogermanistik 16)
- Martin, Rod A. (2006) *The psychology of humor. An integrative approach*. Burlington, MA: Elsevier.
- Maslo, Adi. (2019) Parsing satirical humor: a model of cognitive-linguistic satire analysis. *Književni jezik*, 30, 231—253.

- Métrich, René. (2001) Konnektoren definieren – aber wie? In: Cambourian, Alain. (ed.) *Textkonnektoren: und andere textstrukturierende Einheiten*. Tübingen: Stauffenburg, 19—31. (Eurogermanistik 16)
- Mitchell, Gus. (2023) Kahlil Gibran: Godfather of the “New Age”. Retrieved from <https://daily.jstor.org/kahlil-gibran-godfather-of-the-new-age>.
- Mitterer, Felix. (2009) *Die Piefke Saga: Komödie einer vergeblichen Zuneigung*. Innsbruck-Wien: Haymon Verlag.
- Morin, Violette. (1966) L’histoire drôle. *Communications*, 8, 102—119.
- Ortner, Hanspeter. (1983) Syntaktisch hervorgehobene Konnektoren im Deutschen. *Deutsche Sprache*, 11, 97—121.
- Parkinson, Dilys. (2006) *Oxford business English dictionary*. Oxford: Oxford University Press.
- Pasch, Renate; Brauße, Ursula; Breindl, Eva & Waßner, Ulrich H. (2003) *Handbuch der deutschen Konnektoren. Linguistische Grundlagen der Beschreibung und syntaktische Merkmale der deutschen Satzverknüpfers (Konjunktionen, Satzadverbien und Partikeln)*. Berlin; New York: de Gruyter. (Schriften des Instituts für Deutsche Sprache; Bd. 9)
- Patzke, Una. (1999) Konzessivität und naives Weltbild. In: Girke, Wolfgang. (ed.) *Aspekte der Kausalität im Slavischen. Mainzer Studien zur Kausalität*. München: Fink, 140—160.
- Paul, Hermann; Henne, Helmut; Kämper, Heidrun & Objartel, Georg. (eds) (2002=1935) *Deutsches Wörterbuch. Bedeutungsgeschichte und Aufbau unseres Wortschatzes*. Tübingen: Niemeyer. (10., überarb. und erw. Aufl.)
- Piccardo, Enrica; Goodier, Tom & North, Brian. (2018) *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment*. Strasbourg: Council of Europe Publishing.
- Pollard, Edward B. (1898) The Prophet as a Poet. *The Biblical World*, 12 (15), 327—332.
- Propper, Maximilian. (1951) Goethe und Pusckin — Wahrheit und Lenge. *Goethe-Jahrbuch der Goethe-Gesellschaft*, 12, 218—259.
- Raskin, Victor. (1985) *Semantic mechanisms of humor*. Netherlands: Dordrecht.
- Raskin, Victor. (2017) Script-Based Semantic and Ontological Semantic Theories of Humor. In: Attardo, Salvatore. (ed.) *The Routledge Handbook of Language and Humor*, 109—125.
- Remarque, Erich M. (1963). *Drei Kameraden*. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur.

- Remarque, Erich M. (1975). *Im Westen nichts Neues*. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag.
- Ries, John. (1931) *Was ist ein Satz?* Prag: Taussig & Taussig.
- Riesel, Elise. (1959) *Stilistik der deutschen Sprache*. Moscow: Verlag für fremdsprachige Literatur.
- Roald, Magnus Severin. (2013) *Code-switching in The Wire*. Bergen: University of Bergen.
- Ruch, Willibald; Attardo, Salvatore & Raskin, Victor. (1993) Toward an empirical verification of the General Theory of Verbal Humor. In: Ruch, Willibald & al. (eds) *Humor: International Journal of Humor Research*, 6 (2), 123—136.
- Sandig, Barbara. (2006) *Textstilistik des Deutschen*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Schumann, John H. (1998) *The Neurobiology of Affect in English*. Malden: Blackwell Publishers.
- Schwartz, Ulrike. (1973) *Modus und Satzstruktur*. Kronberg; Taunus: Scriptor. (Skripten Linguistik und Kommunikationswissenschaft, 1).
- Sheehi, Stephen. (2006) Modernism, Anxiety and the Ideology of Arab Vision. *Discourse*, 28 (1), 72—97.
- Sowinski, Bernd. (1991) *Deutsche Stilistik. Beobachtungen zur Sprachverwendung und Sprachgestaltung im Deutschen*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag.
- Temmerman, Rita. (2000) *Towards new way of terminology description*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Theo, Bothma & Gouws, Rufus. (2020) E-Dictionaries in a Network of Information Tools in the e-Environment. *Lexicos*, 29—56. doi:10.5788/30-1-1588.
- Trudgill, Peter A. (2003) *Glossary of Sociolinguistics*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Ullmann, Stephen. (1964) *Language and Style*. Oxford: Basil Blackwell.
- Wahrig, Gerhard. (1997) *Deutsches Wörterbuch*. Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verlag. [6., neu bearb. Aufl.]
- Weinrich, Harald. (1976) *Sprache in Texten*. Stuttgart: Ernst Klett.
- Weiss, Andreas. (1975) *Syntax spontaner Gespräche*. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann.
- Winter, Ruth. (2009) *A consumer's dictionary of cosmetic ingredients*. New York: Three Rivers Press. [6th edition]
- Wolpert, Ruta Kh. (1974) *Konnotative Bedeutung in der deutschen Grammatik*. Riga: LVU.

- Yus, Francisco. (2017) Relevance-Theoretic Treatments of Humor. In: Attardo, Salvatore. (ed.) *The Routledge Handbook of Language and Humor*. New York; London: Taylor & Francis, 189—203.
- Žemberová, Viera. (2017) Príležitosť na reflexiu literárnej vedy. *Slavica literaria*, 2, 133—134.

АННОТИРОВАННОЕ СОДЕРЖАНИЕ МОНОГРАФИИ

Раздел I. Актуальные проблемы современной лингвистики

Глава 1.1. Лингвистическая экспертиза как анализ языка в криминалистическом дискурсе

В главе систематизируются и обобщаются имеющиеся сведения о криминалистическом дискурсе, которые дополнены материалами современного языковедческого анализа, проводимого как лингвистическая экспертиза в судебной практике; рассматриваются разные виды судебной экспертизы, фокусирующиеся на специфических лингвистических принципах криминалистического расследования.

Глава 1.2. Когнитивно-семантическая эволюция прецедентного знака: диахронический аспект (на примере категории concessivности)

В главе отражены исторические тенденции развития категории concessivности в немецком языке вплоть до XXI в. в рамках диахронии I и диахронии II, которые указывают на формирование сложной семантики и прецедентный (производный) характер лексико-грамматических средств и форм, реализующих данную категорию. Акцент в ходе анализа делается не только на ее системно-семантической, но и тексто-семантической функции, иначе говоря, речь идет также о concessivных предложениях как знаковых единицах.

Глава 1.3. Моделирование модусной структуры в немецком сложноподчиненном предложении

Фокус внимания лингвистов сосредоточен на проблеме структурирования и функционирования частей сложноподчиненного предложения в их взаимосвязи и взаимообусловленности. В контексте этой проблематики наименее исследованной остается роль главного предложения, актуализирующего модус высказывания. Глава посвящена одному из эксплицитных средств, участвующих в структурно-семантической организации сложного предложения — лексико-грамматическим индексам. Индексы способны выступать в качестве репрезентантов модусной структуры с тем или иным типом логического предиката. Анализ синтаксических моделей показывает, что модус может иметь различную структуру, реализуемую посредством ЛГИ. В ходе исследования выявлены II базовых моделей с определенными типами логического предиката. Наиболее частотными моделями модусной структуры являются двусоставные модели $E_s + V_{fin}$ и $N + V_{fin}$. Наряду со сложными моделями структура модуса может выстраиваться на базе одно-

составной модели — элементатива (Setzung), который представляет собой цельный ЛГИ, отличающийся структурной и семантической незавершенностью и поэтому сохраняющий свою диктальную валентность.

Глава 1.4. Методологические основы применения языка-посредника при преподавании русского языка как иностранного на начальном этапе обучения в вузе

В последние годы наблюдается рост интереса к русскому языку в странах Европы и Азии. Отмечается, что многие иностранные граждане начинают изучать русский язык как иностранный для получения образования в российских высших учебных заведениях, получения гражданства и работы на территории России. Выбор русского языка как первого или второго иностранного представляется не только рекомендуемым, но необходимым в рамках культурного, научного, политического и экономического сотрудничества и осуществления успешной коммуникации между странами. В связи с этим наиболее сложным вопросом остается вопрос включения языка-посредника в процесс обучения русскому языку как иностранному. Исследование посвящено анализу и уточнению содержания понятия языкового посредничества или медиации в современной методике преподавания иностранного языка, в том числе русского языка как иностранного. Авторы исследования обращают внимание на расширение и детализацию содержания понятия медиации с течением времени и ее влияние на принципы методики преподавания иностранных языков. В работе подчеркивается актуальность и важность использования языка-посредника при обучении русскому языку как иностранному как средства преодоления отрицательной интерференции. Языковое посредничество способствует более глубокому пониманию лексического и грамматического материала, созданию комфортного психологического климата на занятиях по русскому языку как иностранному. Целью исследования является раскрытие вопроса о целесообразности применения медиации при изучении русского языка как иностранного. Для достижения поставленной цели было проведено анкетирование, в котором участвовали иностранные студенты НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, обучающиеся на подготовительном факультете. В анкетировании приняли участие 35 респондентов. Вопросы анкетирования были нацелены на выявление доли использования языка-посредника в процессе преподавания русского языка как иностранного, его роли в регулировании учебной и внеучебной деятельности, актуальности языкового посредничества при проведении занятий по русскому языку как иностранному на начальном этапе. Анализ полученных в ре-

зультате анкетирования данных показал, что медиация уже применяется на уроках русского языка как иностранного. Кроме того, большинство иностранных студентов положительно оценивают использование языкового посредничества на начальном этапе обучения в вузе.

Глава 1.5. Современная картина английской терминографии

Глава посвящена описанию новых тенденций, сложившихся в современной английской терминографии. Описываются общие и частные проблемы составления терминологических словарей: формат, объем, адресат, создание логико-понятийной схемы как основы терминологического справочника, выбор источников, критерии отбора терминов в словник и способы обработки входных единиц. В главе анализируются основные типы англоязычных терминологических справочников, которые сформировались в условиях цифровизации и изменения научной терминографической парадигмы. Рассматриваются одноязычные, двуязычные справочники, английские терминологические банки данных и специальные терминологические корпуса, цифровые терминологические проекты и писательские словари терминов.

Глава 1.6. Средства создания юмора и сатиры в немецком литературном языке: фракционный подход

В главе предлагается типология средств создания юмора и сатиры на основе имплементации фракционного подхода к описанию выразительного инвентаря немецкого литературного языка. Процедура фракционирования проводится с учетом уровневой дифференциации структурных элементов его функционального репертуара.

Глава 1.7. Диалогические контексты художественного перевода: Пушкин в интерпретации Мориса Бэринга

В главе рассматривается теоретический вопрос о диалогических контекстах («встречных течениях») как системе, формирующей особенности восприятия писателем-переводчиком творчества интересующего его (в переводческом отношении) автора и предопределяющей изменения, которые он (при установке на точность перевода) привносит в смысловую структуру исходного текста. Этот теоретический вопрос решается на историко-литературном материале перевода Мориса Бэрингом стихотворения А. С. Пушкина *Пророк* и предшествующих переводу научно-публицистических книгах английского писателя-переводчика о России, русской культуре и русской литературе.

Глава 1.8. Немцы и австрийцы в кинодискурсе: стереотипы и предубеждения во взаимоотношениях

В главе выявлены особенности создания образов немцев и австрийцев в многосерийных фильмах «Die Piefke Saga» и «SOKO Wien».

На основе прагмасемантического, коммуникативного, сравнительно-культурологического и дискурс-анализа, а также сопоставительного метода языковых данных были выявлены особенности внешности, поведения, речи, самоидентификации и восприятия персонажей-немцев и персонажей-австрийцев в кинодискурсе конца XX — начала XXI в.

Глава 1.9. Функционально-прагматический потенциал субстантивного элатива в современном немецком языке

Глава посвящена исследованию элативов в немецком языке, выраженных существительными и субстантивными словосочетаниями. В качестве практического материала выступают примеры функционирования элативов в текстах современной немецкоязычной художественной литературы. Раскрывается содержание понятия «элатив», освещаются теоретические основы исследования. Проводится анализ эмпирического материала с целью установления функционально-прагматического потенциала субстантивного элатива в современном немецком языке. На основе проведенного анализа устанавливается лингвистический статус элатива, дается методологическое обоснование функционально-семантической категории элативности в немецком языке. Выявляются и описываются функции элатива, выраженного существительными и субстантивными словосочетаниями в текстах немецкой художественной литературы. На основе научно обоснованных классификационных критериев раскрываются типологические признаки элатива в немецком языке, приводится авторская классификация элативов на семантические группы, освещается функционально-прагматический потенциал элатива в современном немецком языке. Полученные данные расширяют имеющиеся в современной лингвистике сведения об элативе, его функциях и прагматике в текстах немецкой художественной литературы.

Глава 1.10. Прагматический потенциал единиц периферийных сегментов языковой системы и особенности его реализации в лингвокоммуникативном пространстве

В главе описывается способность конstituентов в периферийных сегментах полей сравнения и интенсивности в немецком языке приобретать в определенной коммуникативной ситуации семантико-функциональную двуплановость, что наглядно иллюстрирует континуальность языковой системы в целом.

Глава 1.11. Реализация профессионального социолекта американских полицейских в кинодискурсе

Профессиональный социолект является понятием, для которого до сих пор не существует единого, универсального определения. В

центре внимания предлагаемого исследования социолект американских полицейских, понимаемый как социально ограниченное языковое образование в пределах национального языка. Социолект рассматривается с содержательной, деривационной и функциональной сторон, а также с учетом его места в функционально-стилистической системе языка. Названные параметры прослеживаются на материале кинодискурса.

Раздел II. Фундаментальные и прикладные аспекты литературоведения

Глава 2.1. Типологические схождения в творчестве И. В. Гете и А. С. Пушкина на примере мифологемы полета

Глава посвящена рассмотрению функционирования мифологемы полета в творчестве двух признанных классиков мировой литературы Гете и Пушкина. Целью исследования является изучение типологических схождений в текстах писателей с учетом широкого культурного контекста. Гете и Пушкин обращаются к вечным темам, архетипическим образам, ключевым мифологемам. С опорой на концепцию Сергея Аверинцева делается вывод о «надлитературном» характере их текстов. Оба классика являются представителями целого поколения, жившего на сломе эпох. Они создали новые смысловые парадигмы, повлиявшие на общественное мировоззрение. Гете и Пушкин глубоко почувствовали нерв эпохи. Между тем можно говорить об универсальном, вечном характере их творчества, во многом восходящего к урокам античности. Именно поэтому их произведения не устаревают. Каждое поколение интерпретирует их по-своему, с учетом исторического опыта. Подобно Данте, Шекспиру и Сервантесу, Гете и Пушкин обращаются к гуманистическим ценностям, к которым в любых обстоятельствах человек всегда будет неравнодушен. Мифологема полета интересна тем, что для обоих писателей она связана с идеей силы творчества, которое дает возможность стремительно двигаться вперед в своем становлении, в постижении действительности и вечных ценностей. Именно этот вывод является ключевым в данном исследовании. Рассматривая частные случаи реализации этой мифологемы в произведениях обоих авторов, становится ясно, что архетипически она связана с идеей творения, а истинный поэт всегда остается Демиургом.

Глава 2.2. Визуальная поэзия как синтез искусств

Глава посвящена визуальной поэзии как одному из развивающихся поэтических жанров в современном мире, представляющему собой синтез искусств. Будучи рожденной в древности, визуальная поэзия

была модной и в средние века, и в Новое время. Особый всплеск ее развития во многих странах мира пришелся на XX в. В жанре виртуальной поэзии работали многие русские поэты. Центральное место здесь занимает творчество Андрея Вознесенского. В главе предпринимается попытка проанализировать особенности его визуальной поэзии.

THE ANNOTATED CONTENT OF THE MONOGRAPH

Section I. Actual problems of modern linguistics

1.1. Linguistic expertise as analysis of the language in criminalistics discourse

The chapter systematizes and summarizes the available information about criminalistics discourse, which is supplemented by the materials of modern field linguistic research conducted as linguistic expertise in judicial practice. It presents information about different kinds of judicial practice focusing on specific linguistic principles of criminalistics investigation.

1.2. Cognitive-semantic evolution of the precedent sign: a diachronic aspect exemplified by the category of concessiveness

The chapter reflects the historical trends in the development of the category of concessiveness in the German language up to the 21st century, within the framework of diachrony I and diachrony II, which indicate the formation of this complex semantics and the precedent (derived) nature of lexico-grammatical means and forms implementing this category. The emphasis in the course of the analysis is not only on their systemic-semantic, but also textual-semantic function, that is, we are also talking about concession sentences as sign units.

1.3. Modelling the modus structure in the German compound sentence

The linguists' attention is focused on the problem of structuring and functioning of the parts of a compound sentence in their interrelation and interdependence. The role of the main sentence, which actualises the modus of an utterance, remains the least investigated in the context of this problem. The chapter is devoted to one of the explicit means involved in the structural and semantic organisation of a complex sentence — lexico-grammatical indices. The indices are able to act as representatives of the modus structure with one or another type of logical predicate. The analysis of syntactic models shows that modus can have a different structure realised by means of lexico-grammatical indices. The study reveals 11 basic models with certain types of logical predicate. The most frequent models of modus structure are the bicomponent models $Es + V_{fin}$ and $N + V_{fin}$. Along with the complex models, the modus structure can be built on the basis of a one-part model, the so called elementative (Setzung), which occurs as an entire lexico-grammatical index characterised by structural and semantic incompleteness and therefore retains its dictal valence.

1.4. Methodological foundations of an intermediary language usage in teaching Russian as a foreign language at the initial stage of study at university

In recent years, there has been an increase in interest in the Russian language in various countries of Europe and Asia. It is noted that many foreign citizens are beginning to learn Russian as a foreign language in order to receive education in Russian higher educational establishments, obtain citizenship and work in Russia. The choice of Russian as the first or second foreign language is not only recommended, but necessary within the framework of cultural, scientific, political and economic cooperation and the implementation of successful communication between countries. In this regard, the most difficult issue remains the question of including the intermediary language in the process of teaching Russian as a foreign language. This work is devoted to the analysis and clarification of the content of the concept of language mediation or mediation in the modern methodology of teaching a foreign language, including Russian as a foreign language. The authors of the study also pay attention to the expansion and detailing of the content of the concept of mediation over time and the impact of making this adjustment on the principles of the methodology of teaching foreign languages. The paper emphasizes the relevance and importance of using an intermediary language in teaching Russian as a foreign language as a means of overcoming negative interference. Language mediation contributes to a deeper understanding of lexical and grammatical material and the creation of a comfortable psychological climate in Russian as a foreign language classes. The purpose of this study is to reveal the question of the expediency of using mediation in learning Russian as a foreign language. To achieve this goal, a questionnaire was conducted, in which foreign students of the Nizhny Novgorod State Linguistics University, studying at the preparatory faculty, participated. 35 respondents took part in the survey. Questions were aimed at identifying the proportion of the use of the intermediary language in the process of teaching Russian as a foreign language, its role in regulating educational and extracurricular activities and the relevance of language mediation in conducting classes in Russian as a foreign language at the initial stage. The analysis of the data obtained showed that mediation is already used in the lessons of Russian as a foreign language. In addition, the majority of foreign students positively assess the use of language mediation at the initial stage of study at the university.

1.5. Modern scene of English terminography

The chapter deals with the description of tendencies in modern English terminography. General and concrete problems of LSP dictionaries are analyzed with special reference to the dictionary format, volume, addressee,

logico-conceptual scheme formation as a basis of LSP dictionary, sources choice, criteria of terms collection into the macrostructure and lexicographic treatment of head words. The chapter analyzes the main types of English LSP dictionaries, which appeared in the digital era with the change of the scientific lexicographic paradigm. It focuses on description of mono- and bilingual LSP dictionaries, English terminological databases and specialized terminological corpora, as well as digital terminological projects and author LSP reference works.

1.6. Stylistic means expressing humor and satire in the German literary language: fractional approach

The chapter provides a typology of means of creating humor and satire based on the implementation of the fractional approach to describing the expressive inventory of the German literary language. The fractionating procedure is carried out regarding the level differentiation of the structural elements of its functional repertoire.

1.7. Dialogue contexts of translating literary texts: Pushkin in Maurice Baring's interpretation

The chapter examines the theoretical issue of dialogical contexts ("countercurrents") as a system that shapes the peculiarities of a writer-translator's perception of the author he is interested in (from a translator's point of view) and that predetermines the changes he (when focusing on the accuracy of the translation) introduces into the semantic structure of the original text. This theoretical issue is resolved on the historical and literary material of Maurice Baring's translation of Alexander Pushkin's poem *The Prophet* and the previous scientific and journalistic books by the English writer-translator about Russia, Russian culture and Russian literature.

1.8. Germans and Austrians in cinema discourse: stereotypes and apprehensions in relations

The chapter deals with the peculiarities of Germans and Austrians image creation in the series "Die Piefke Saga" and "SOKO Wien". Pragmasemantic, communicative, discourse, comparative-culturological analysis as well as comparative linguistic method contributed to singling out specific traits of the above characters' appearance, behaviour, speech, self-identification and mutual perception in the cinema discourse of the late 20th — early 21st centuries.

1.9. Functional and pragmatic potential of the substantive elative in modern German

The chapter is devoted to the study of elatives in German, expressed by nouns and substantive collocations. Examples of elatives functioning in the texts of modern German-language fiction serve as practical material. The content of the concept "elative" is revealed, the theoretical basis of the

research is highlighted. The empirical material is analysed in order to establish the functional-pragmatic potential of the substantive relative in modern German. On the basis of the analysis the linguistic status of relative is established, the methodological basis of the functional-semantic category of elativity in German is given. The functions of relative expressed by nouns and substantive word-combinations in the texts of German fiction are revealed and described. On the basis of scientifically grounded classification criteria the typological features of relative in German are shown, the author's classification of relative into semantic groups is given, the functional-pragmatic potential of relative in modern German is highlighted. The data obtained expand the information available in modern linguistics about the relative, its functions and pragmatics in the texts of German fiction.

1.10. On the pragmatic potential of the peripheral segments units in the language system and the features of its implementation in the linguo-communicative space

The ability of constituents in the peripheral segments of the fields of comparison and intensity in the German language to acquire semantic and functional ambiguity in a certain communicative situation is described, what clearly illustrates the continuity of the entire language system.

1.11. Realization of the professional sociolect of American police officers in cinema discourse

The category of the space-time continuum as one of the constitutive textual categories is considered in this research on the material of a science fiction work. The study focuses on the potential of linguistic and lexical means to describe temporal and local characteristics. These parameters are traced on the material of cinema discourse.

Section II. Fundamental and applied aspects of literary studies

2.1. Typological convergences in the works by J. W. Goethe and A. S. Pushkin on the example of the mythologeme of flight

The chapter explores functioning of the mythologeme of flight in the works by Goethe and Pushkin. The study aims to typological similarities in their texts, taking into account the broad cultural context. Goethe and Pushkin turn to eternal themes, archetypal images, key mythologemes. Referring to the concept of Sergey Averintsev, the author makes a conclusion about the "supraliterary" nature of their texts. Both classics represented generation lived at the change of epochs and created new semantic paradigms that influenced the public worldview. Goethe and Pushkin deeply felt the nerve of the time. The author emphasizes the universal, eternal nature of their works, largely going back to the ancient traditions. Each generation inter-

prets them in its own way, taking into account historical experience. Following Dante, Shakespeare and Cervantes, Goethe and Pushkin address humanistic values, that never make a person indifferent despite any cataclysms. The mythologeme of flight is interesting because for both writers it is connected with the idea of creativity, which makes it possible to move rapidly forward in the comprehension of reality and eternal values. This is the key conclusion in this study. When considering the works of both authors it becomes obvious that this mythologeme is archetypically connected with the ideas of creation, and the true poet always remains a Demiurge.

2.2. Visual poetry as a synthesis of the arts

The chapter is focused on the visual poetry as one of the developing poetic genres in the modern world, that illustrates the synthesis of arts. Dating back to the Ancient times, visual poetry used to be popular both in the Middle ages and in the Modern epoch. It enjoyed its highest popularity in the 20th century worldwide. Many Russian poets tried their hand in this genre. The heritage of one of the representatives, Andrey Voznesenskiy, plays a special part in this kind of the poetry. The chapter analyses some features of his visual poetry.

ТЕРМИНЫ

- бифункциональность 1.10
 Бэринг 1.7
 вербальный 2.2
 видеомы 2.2
 визуальная поэзия 2.2
 всемирная литература 2.1
 «встречное течение» 1.7
 выразительные средства 1.6
 Гете 2.1
 грамматикализация 1.2
 графика 2.2
 гуманизм 2.1
 деривационная номинация 1.11
 диахронический аспект 1.2
 изопы 2.2
 иностранные студенты 1.4
 интенсивность 1.10
 искусство 2.2
 истинное и ложное высказывание 1.1
 категория concessivности 1.2
 категория элативности 1.9
 кинодискурс 1.8, 1.11
 компаративистика 2.1
 коннектор 1.2
 контактные и типологические связи 2.1
 криминалистический дискурс 1.1
 криптоалгебраическая функция 1.11
 кругометы 2.2
 лексико-грамматический индекс 1.3
 лингвистическая экспертиза 1.1
 логико-понятийная схема 1.5
 метафора 2.2
 метод обучения 1.4
 мифологема полета 2.1
 модально-диктальная конструкция 1.3
 модус высказывания 1.3
 модусная структура 1.3
 начальный этап обучения 1.4
 невербальный 2.2
 немецкий литературный язык 1.6
 палиндромы 2.2
 парциальная группа 1.11
 персонажи-австрийцы 1.8
 персонажи-немцы 1.8
 поле 1.10
 пользователь 1.5
 прецедентный знак 1.2
 промежуточные зоны 1.10
 профессионализм 1.11
 Пушкин 1.7, 2.1
 рецепция 2.1
 русский язык как иностранный 1.4
 семантическая группа 1.9
 синтаксическая модель 1.3
 синтез 2.2
 ситуативная стратификация 1.11
 сложноподчиненное предложение 1.3
 смысловая структура текста 1.7
 сопоставительный аспект 1.8
 социальная детерминация 1.11
 социокультурная адаптация 1.4
 социолект 1.11
 сравнение 1.10
 средства создания юмора и сатиры 1.6
 стереотипы 1.8
 субстантивная конструкция 1.9
 термин 1.11
 терминография 1.5

терминологический словарь 1.5	художественный перевод 1.7
типологические признаки 1.9	цифровые терминографические проекты 1.5
фигурные стихи 2.2	элатив 1.9
фракционный подход 1.6	язык-посредник 1.4
функционально-прагматический потенциал 1.9	
функциональный репертуар 1.6	

KEYWORDS

- art 2.2
- Austrian characters 1.8
- Baring 1.7
- bifunctionality 1.10
- category of concession 1.2
- category of elativity 1.9
- cinema discourse 1.8, 1.11
- comparative aspect 1.8
- comparative studies 2.1
- comparison 1.10
- compound sentence 1.3
- connector 1.2
- contact and typological connections 2.1
- “countercurrent” 1.7
- criminalistics discourse 1.1
- cryptolalic function 1.11
- derivational nomination 1.11
- diachronic aspect 1.2
- digital terminological projects 1.5
- elative 1.9
- field 1.10
- flight mythologeme 2.1
- foreign students 1.4
- fractional approach 1.6
- functional repertoire 1.6
- functional-pragmatic potential 1.9
- German characters 1.8
- German literary language 1.6
- Goethe 2.1
- grammaticalization 1.2
- graphics 2.2
- humanism 2.1
- initial stage of training 1.4
- intensity 1.10
- intermediary language 1.4
- intermediate zones 1.10
- izopes 2.2
- lexico-grammatical index 1.3
- linguistic expertise 1.1
- literary translation 1.7
- logical predicate 1.3
- logic-notion scheme 1.5
- means of creating humor and satire 1.6
- means of expression 1.6
- metaphor 2.2
- modal-dictal construction 1.3
- modus structure 1.3
- non-verbal 2.2
- palindromes 2.2
- partial group 1.11
- pattern poetry 2.2
- poetry circles 2.2
- precedent sign 1.2
- professionalism 1.11
- Pushkin 1.7, 2.1
- reception 2.1
- Russian as a foreign language 1.4
- semantic group 1.9
- semantic structure of the text 1.7
- situational stratification 1.11
- social determination 1.11
- sociocultural adaptation 1.4
- sociolect 1.11
- stereotypes 1.8
- substantive construction 1.9
- syntactic model 1.3
- synthesis 2.2
- teaching method 1.4
- term 1.11
- terminography 1.5
- terminological dictionary 1.5
- true and false statements 1.1
- typological features 1.9
- user 1.5

verbal 2.2

visual poetry 2.2

world literature 2.1

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Аверкина С. Н.*, Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
- Байкова А. В.*, Вятский государственный университет, Киров, Россия
- Байкова О. В.*, Вятский государственный университет, Киров, Россия
- Бибер С.*, Московский государственный университет, Москва, Россия
- Бухаров В. М.*, Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
- Валери М.*, Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
- Васильева М. А.*, Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
- Голубева К. Г.*, Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
- Голубева Н. А.*, Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
- Егорова В. Н.*, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
- Иванов А. В.*, Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
- Иванова Р. А.*, Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
- Карпова О. М.*, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия
- Кобенко Ю. В.*, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия
- Королева С. Б.*, Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
- Крюкова Н. Ф.*, Тверской государственный университет, Тверь, Россия
- Левицкий А. Э.*, Московский государственный университет, Москва, Россия

- Логина А. А.*, Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
- Малыгин В. Т.*, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия
- Никонова Ж. В.*, Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
- Постникова С. В.*, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
- Тырыгина В. А.*, Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
- Юрченкова Е. Ю.*, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

LIST OF CONTRIBUTORS

- Averkina, Svetlana N.*, Nizhny Novgorod State Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia
- Baykova, Aleksandra V.*, Vyatka State University, Kirov, Russia
- Baykova, Olga V.*, Vyatka State University, Kirov, Russia
- Bieber, Sophia*, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
- Bukharov, Valeriy M.*, Nizhny Novgorod State Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia
- Golubeva, Kristina G.*, Nizhny Novgorod State Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia
- Golubeva, Nadezhda A.*, Nizhny Novgorod State Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia
- Ivanov, Andrey V.*, Nizhny Novgorod State Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia
- Ivanova, Rimma A.*, Nizhny Novgorod State Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia
- Karpova, Olga M.*, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia
- Kobenko, Yuriy V.*, National Research Tomsk Polytechnic University,
Tomsk, Russia
- Koroleva, Svetlana B.*, Nizhny Novgorod State Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia
- Kryukova, Natalya F.*, Tver' State University, Tver', Russia
- Levitskiy, Andrey E.*, Lomonosov Moscow State University, Moscow,
Russia
- Loginova, Aleksandra A.*, Nizhny Novgorod State Linguistics Univer-
sity, Nizhny Novgorod, Russia
- Malygin, Viktor T.*, The Brothers Stoletov State University of Vladim-
mir, Vladimir, Russia
- Nikonova, Zhanna V.*, Nizhny Novgorod State Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia
- Postnikova, Svetlana V.*, Lobachevsky State University of Nizhny Nov-
gorod, Nizhny Novgorod, Russia
- Tyryguina, Valentina A.*, Nizhny Novgorod State Linguistics Univer-
sity, Nizhny Novgorod, Russia
- Valeri, Marta*, Nizhny Novgorod State Linguistics University, Nizhny
Novgorod, Russia

Vasilyeva, Mariya A., Nizhny Novgorod State Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia

Yegorova, Viktoriya N., Lobachevsky State University of Nizhny Nov-
gorod, Nizhny Novgorod, Russia

Yurchenkova, Yelizaveta Yu., National Research Tomsk State Univer-
sity, Tomsk, Russia

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	4
РАЗДЕЛ I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ.....	7
1.1. Лингвистическая экспертиза как анализ языка в криминалистическом дискурсе	8
1.2. Когнитивно-семантическая эволюция_прецедентного знака: диахронический аспект (на примере категории concessivности)	41
1.3. Моделирование модусной структуры в немецком сложноподчиненном предложении.....	59
1.4. Методологические основы применения языка-посредника при преподавании русского языка как иностранного на начальном этапе обучения в вузе	89
1.5. Современная картина английской терминографии	100
1.6. Средства создания юмора и сатиры в немецком литературном языке: фракционный подход	121
1.7. Диалогические контексты художественного перевода: Пушкин в интерпретации Мориса Бэринга	139
1.8. Немцы и австрийцы в кинодискурсе: стереотипы и предубеждения во взаимоотношениях.....	158
1.9. Функционально-прагматический потенциал субстантивного элатива в современном немецком языке	174
1.10. Прагматический потенциал единиц периферийных сегментов языковой системы и особенности его реализации лингвокоммуникативном пространстве	200
1.11. Реализация профессионального социолекта американских полицейских в кинодискурсе	207
РАЗДЕЛ II. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ	239
2.1. Типологические схождения в творчестве И. В. Гете и А. С. Пушкина на примере мифологемы полета.....	240
2.2. Визуальная поэзия как синтез искусств.....	250
Литература	267
Аннотированное содержание монографии	307
Термины	318
Сведения об авторах.....	322

CONTENT

Editorial Foreword	4
SECTION I. ACTUAL PROBLEMS OF MODERN LINGUISTICS	7
1.1. Linguistic expertise as analysis of the language in criminalistics discourse	8
1.2. Cognitive-semantic evolution of the precedent sign: a diachronic aspect exemplified by the category of concessiveness.....	41
1.3. Modelling the modus structure in the German compound sentence	59
1.4. Methodological foundations of an intermediary language usage in teaching Russian as a foreign language at the initial stage of study at university	89
1.5. Modern scene of English terminography	100
1.6. Stylistic means expressing humor and satire in the German literary language: fractional approach	121
1.7. Dialogue contexts of translating literary texts: Pushkin in Maurice Baring's interpretation.....	139
1.8. Germans and Austrians in cinema discourse: stereotypes and apprehensions in relations	158
1.9. Functional and pragmatic potential of the substantive relative in modern German	174
1.10. On the pragmatic potential of the peripheral segments units in the language system and the features of its implementation in the linguo-communicative space	200
1.11. Realization of the professional sociolect of American police officers in cinema discourse	207
SECTION II. FUNDAMENTAL AND APPLIED ASPECTS OF LITERARY STUDIES	239
2.1. Typological convergences in the works by J. W. Goethe and A. S. Pushkin on the example of the mythologeme of flight	240
2.2. Visual poetry as a synthesis of the arts	250
References	267
The annotated content of the monograph	313
Keywords.....	320
List of contributors	324

Научное издание

**СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМАНИСТИКА
И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА**

Выпуск 5

Коллективная монография

Оригинал-макет подготовлен А. В. Ивановым

Подписано в печать 08.12.2023. Формат 60x88/16.

Усл. печ. л. 19,07. Уч.-изд. л. 15,7.

Тираж 500 экз. Изд. № 6442. Заказ № 00000.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва,

ул. Бутлерова, д. 17-Б, офис 324.

Тел.: (495) 334-82-65, 336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»

127282, г. Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1

Тел.: (495) 859-48-62

СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМАНИСТИКА
И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
Выпуск 5

ISBN 978-5-9765-5437-5

9 785976 554375 >

ФЛИНТА